Р. С. - 1902 г.
МАЙ.

№ 2133

Ж 1/41.

[illegible]

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. МАЙ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Письма императора Николая I и велик. кн. Михаила Павловича.** Сообщ. Рих. Алек. Гриммъ. 225—230
II. **Пребываніе Сперанскаго въ Нижн.-Новгородѣ и Перми.** Сообщ. И. А. Вычковъ. 231—249
III. **М. М. Сперанскій.** (По Гауеншильду). Сообщ. В. А. Бильбасовъ..... 251—262
IV. **События, предшествовавшія возстанію въ Польшѣ въ 1861 г.** Сообщ. Анд. Ник. Крыжановскій. 263—284
V. **Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи.** Сообщилъ князь А. Дадіанъ..... 285—302
VI. **Николай де-Мелло, «гишпанскія земли» чернецъ.** (Изъ смутнаго времени). П. Пирлинга..... 303—312
VII. **Новый документъ о Самозванцѣ.** С. Шамбинаго. 313—316
VIII. **Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.** 317—336
IX. **Письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 г.** Сообщ. И. А. Вычковъ. 337—358
X. **Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.** (Окончаніе)..... 359—367
XI. **Изъ дневника французскаго дипломата при дворѣ Екатерины.** А. Р..... 369—384
XII. **Письма В. А. Жуковскаго къ А. С. Стурдзѣ.** Сообщ. Б. Л. Модзалевскій. 385—397
XIII. **Фотій и гр. А. Орлова-Чесменская.** А. Слезскинскаго..... 399—408
XIV. **Польша въ 1814—1831 гг.** 409—438
XV. **Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о послѣднихъ дняхъ и смерти Н. В. Гоголя.** Сообщилъ В. И. Шенрокъ..... 439—447
XVI. **Записная книжка „Русской Старины“:** Собственноручный рескриптъ имп. Александра I московск. гражданск. губер. Н. В. Обрѣзкову объ аэростатѣ Лепиха. 24 мая 1812 г. Сообщ. П. А. Тулубъ (стран. 250). — Чиновники-актеры. Предложеніе Правительствующему Сенату. 20 марта 1831 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (368). — Письмо А. С. Стурдзы—Жуковскому о М. И. Розбергѣ. 30 апр. 1836 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій (398). — О перемѣнѣ времясчисленія во флотѣ. Предложеніе Правительствующему Сенату. 26 марта 1831 г. Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій (448).
XVII. **Библіографич. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Вычковъ.
2) Портретъ князя Михаила Дмитріевича Горчакова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.
Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.
Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

25183
1902

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Григорій Виленкинъ. Финансовый и экономическій строй современной Англіи. С.-Петербургъ. 1902 г. Цѣна 2 р. 50 к.

На русскомъ языкѣ нѣтъ справочныхъ изданій по финансовымъ и коммерческимъ вопросамъ въ Англіи, и потому книга г. Виленкина подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ является очень существеннымъ вкладомъ въ нашу литературу по этому предмету. Въ ней помѣщено много интересныхъ свѣдѣній, съ которыми мы и познакомимъ читателей.

Финансовый годъ въ Соединенномъ королевствѣ считается съ 1-го апрѣля по 31-е марта. Канцлеръ Казначейства вноситъ свой бюджетъ въ Парламентъ обыкновенно въ началѣ апрѣля. Въ бюджетѣ онъ даетъ отчетъ о положеніи государственныхъ финансовъ за истекшій годъ и предлагаетъ смѣту приходовъ и расходовъ въ наступившемъ финансовомъ году. Порядокъ составленія смѣтъ обыкновенно бываетъ слѣдующій. Осенью финансовый секретарь Государственнаго Казначейства обращается съ циркулярною нотою ко всѣмъ вѣдомствамъ съ предложеніемъ представить къ извѣстному сроку смѣты всѣхъ расходовъ, потребныхъ въ предстоящемъ году для ихъ дѣятельности. Эти смѣты составляются въ каждомъ вѣдомствѣ подъ прямымъ надзоромъ его главнаго управляющаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ является представителемъ вѣдомства въ Парламентѣ и членомъ Кабинета. Онъ рѣшаетъ, какія статьи расходовъ должны войти въ смѣту, соблюдая при этомъ возможную экономію. Для избѣжанія впослѣдствіи пререканій, Канцлеръ Казначейства обыкновенно за мѣсяцъ до формальнаго представленія смѣтъ въ Государственное Казначейство сносится съ этими членами министерскаго Кабинета, чтобы опредѣлить главныя статьи расходовъ. Затѣмъ смѣты препровождаются въ Государственное Казначейство, гдѣ ихъ облекаютъ въ установленную форму для представленія въ Парламентъ. Смѣты эти составляются съ чрезвычайною подробностью и образуютъ нѣсколько томовъ; въ нихъ не ограничиваются перечисленіемъ однѣхъ только главныхъ статей и указаніемъ общихъ суммъ, но каждая статья разбивается на нѣсколько отдѣловъ, обнимающихъ иногда весьма незначительныя суммы. Такимъ образомъ устраняется всякій произволъ въ распредѣленіи суммъ, и это даетъ возможность контролю открыть съ перваго взгляда всякую неточность.

Изъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ видно, что бюджетъ 1901—1902 г. предполагается закончить съ дефицитомъ почти въ 41 милл. фунтовъ стерлинговъ.

Государственный долгъ, какъ извѣстно, есть продуктъ позднѣйшей цивилизаціи; въ средніе вѣка, во времена постоянныхъ междоусобныхъ войнъ, не могло быть и рѣчи о постоянномъ государственномъ долгѣ. Въ Великобританіи начало государственному долгу было положено въ XVII столѣтіи; максимальная цифра долга, 885.000.000 фунт. ст.,—была вскорѣ послѣ сраженія при Ватерлоо; съ тѣхъ поръ онъ погашается и къ 31-му марта 1900 г. составлялъ 639.169.265 фунт. ст., что даетъ 15 фунт. 6 шил. на человѣка общаго населенія Соединеннаго королевства.

Основой денежной системы въ Англіи является одно золото, и поэтому, по своей номенклатурѣ, система эта принадлежитъ къ монометаллическимъ. Для цѣлей обращенія чеканятся золотыя, серебряныя и бронзовыя монеты. Золото въ монетѣ содержитъ $^{11}/_{12}$ чистаго металла; серебро—37 частей чистаго металла и 3 части лигатуры. Бумажныя деньги выпускаются Англійскимъ банкомъ [1]) въ видѣ банкнотъ въ 5, 10, 20, 50, 100, 200, 500 и 1.000 фунт. Билеты банка составляютъ узаконенныя для обращенія деньги, и ими можно погашать любой долгъ, но самъ Англійскій банкъ можетъ платить ими лишь съ согласія кредитора и вообще получателя ихъ. Золотомъ можно платить какую угодно сумму, серебро же годится лишь для уплаты суммы, не превышающей 2 фунт. стер., а бронза—для суммъ не свыше одного шиллинга.

Желѣзныя дороги въ Англіи находятся въ рукахъ частныхъ компаній, и безпрерывно желѣзнодорожная сѣть расширяется; валовая выручка ежегодно увеличивается; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и цифра расходовъ; одной изъ главныхъ причинъ увеличенія расходовъ слѣдуетъ считать принятіе закона о вознагражденіи рабочихъ за несчастные случаи.

Подоходный налогъ впервые былъ введенъ въ Англіи въ 1798 году; правительство потребовало, чтобы всѣ лица объявили свои доходы, и взыскивало съ нихъ 10%. Такая форма обложенія представляла много неудобствъ, и, послѣ всевозможныхъ измѣненій, въ 1853 г. парламентскимъ актомъ была выработана система обложенія, существующая до настоящаго времени. Подоходный налогъ взыскивается:

---

[1]) Англійскій банкъ былъ основанъ въ 1694 году съ капиталомъ въ 1.200.000 фунт. ст., постепенно увеличивавшимся и достигшимъ въ 1816 году 14.553.000 фунт. стерл., и эта сумма и составляетъ въ настоящее время размѣръ его капитала, не считая резервнаго капитала, составлявшаго къ 10-му октября 1900 года 3.150.984 фунт. ст. На основаніи хартіи, выданной Парламентомъ банку въ 1844 году, банкъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ одинъ вѣдаетъ выпускомъ денегъ, а другой занимается банковыми операціями. Банку разрѣшено имѣть въ обращеніи бумажныхъ денегъ на 14.000.000 фун. ст., обезпечиваемыхъ разными средствами, изъ коихъ долгъ государства банку въ 11.015.100 фунт. стерл. составляетъ главное обезпеченіе. Каждая банкнота, выпускаемая сверхъ этихъ 14.000.000 фунт. стерл., должна быть обезпечена наличною золотою монетою ли золотомъ въ слиткахъ.

6-го апрѣля скончался Директоръ Императорской Публичной библіотеки генералъ-лейтенантъ Николай Карловичъ Шильдеръ. Покойный былъ постояннымъ сотрудникомъ «Русской Старины» и нѣсколько лѣтъ ея редакторомъ. Портретъ Николая Карловича и некрологъ о немъ будутъ помѣщены въ іюньской книжкѣ «Русской Старины».

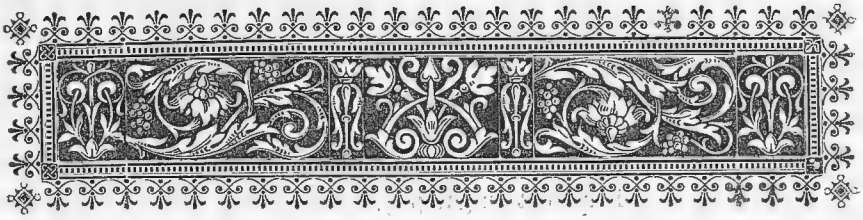
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

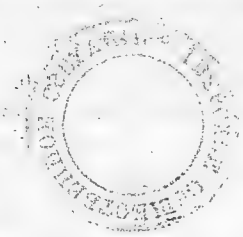
ОБЩЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ ТВЕРСКОЙ

дозв. ценз. спб., 20 апрѣля 1902 г. тип. тов. „общ. польза“, б. подъяч., д. 39.

КНЯЗЬ
МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ
ГОРЧАКОВЪ.

(Въ первыя минуты послѣ кончины).





Письма императора Николая I и великаго князя Михаила Павловича.

I.

Императоръ Николай—великому князю Михаилу Павловичу [1]).

1.

3-го (15-го) февраля 1837 г. С.-Петербургъ.

Отправляя къ тебѣ Философова [2]), по твоему желанію, любезный Михайло, начну съ повторенія моего поздравленія съ прошедшимъ днемъ твоего рожденія; да благословитъ тебя во всемъ милосердый Богъ, и да соединитъ насъ всѣхъ съ радостью видѣть тебя совершенно излѣченнымъ. Досель извѣстенъ я только о щастливомъ проѣздѣ твоемъ чрезъ Швейцарію и о въѣздѣ въ Сардинскую границу, далѣе ничего не знаемъ. Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ. Хотя давно ожидать было должно, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе; но съ тѣхъ поръ, какъ Дантесъ женился на сестрѣ жены Пушкина, а сей послѣдній тогда же письменно отрекся отъ требованной сатисфакціи, надо было надѣяться, что дѣло заглушено. Дотоль Пушкинъ себя велъ, какъ каждый бы на его мѣстѣ сдѣлалъ; и хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина, столь

[1]) Печатаются съ Высочайшаго разрѣшенія Государя Императора.

[2]) Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ въ то время въ Римѣ.

же мало оправдывали поведеніе Дантеса, и въ особенности гнуснаго его отца, Гекерна. Но послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Гекерну, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семъ дѣлѣ. C'est le cas de dire, chasser le naturel, il revient au galop [1]). Пушкинъ погибъ, и славу Богу умеръ христіаниномъ. Это происшествіе возбудило тьму толковъ, наибольшею частію самыхъ глупыхъ, изъ коихъ одно порицаніе поведенія Гекерна справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ, Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна. Такъ какъ сестра ея точно любила Дантеса, то Пушкинъ тогда же и отказался отъ дуэли. Но должно ему было при томъ и оставаться—чего не вытерпѣлъ. Дантесъ подъ судомъ равно какъ Данзасъ, секундантъ Пушкина; и кончится по законамъ; и кажется, каналья Гекернъ отсюда выбудетъ.

По корпусамъ все въ порядкѣ.—На-дняхъ былъ въ Царскомъ Селѣ и не былъ доволенъ видомъ дѣтей въ Александровскомъ корпусѣ; они блѣдны и видно общее расположеніе къ болѣзненности, противъ велѣлъ принять мѣры. Показывалъ принцу Карлу дивизіонъ Образцоваго полка, которымъ былъ очень доволенъ, и лейбъ-эскадроны моего Гусарскаго полка, первымъ былъ очень доволенъ, но не гусарами, которыхъ погонялъ.

Вчера сюрпризомъ вывелъ весь здѣшній гарнизонъ въ полной походной формѣ и съ обозами и былъ очень доволенъ; тѣмъ болѣе, что никто и не подозрѣвалъ сего смотра. Грипъ у насъ перебралъ весь гарнизонъ и дурно дѣйствуетъ на слабыхъ грудью; по должномъ совѣщаніи признано весьма полезнымъ вывести поочередно полки за городъ, для малаго похода, вмѣсто прогулки и освѣженія людей, и для очистки и провѣтриванія въ казармахъ. Такъ какъ Павловскій полкъ, а за нимъ Финляндскій, болѣе другихъ болѣли, то съ нихъ и начнемъ.

По спискамъ рекруты нынѣшняго года будутъ весьма хороши, но иные поздно приходятъ; тѣ, которыхъ уже видѣлъ, отличны. Великая княгиня была все это время здорова; но вчера жаловалась ревматизмомъ въ лицѣ, и сегодня вырвали коренной зубъ, послѣ чего ей было легче. Лили я видѣлъ сегодня, ей также лучше, и она очень выросла. Жена моя, благодаря Мандту, начинаетъ поправлятся; за то сынъ Ни-

---

[1]) Вотъ когда по истинѣ можно сказать: „гони природу въ дверь она влетитъ въ окно“.

колай 10-й день въ постелѣ отъ лихорадки, и хотя увѣряютъ, что это ничего, но все насъ безпокоитъ. Впрочемъ все по-прежнему и по городу идетъ прежняя кутерьма. У насъ для жены бываютъ комнатные спектакли въ концертной залѣ, что̀ очень пріятно, и не утомляетъ. Карлъ Ивановичъ [1]) здоровъ, и вчерашній весьма не продолжительный смотръ выдержалъ верхомъ, какъ нельзя лучше. За симъ прощай, любезный Михайло, не забывай меня и вѣрь искренной неизмѣнной дружбѣ стараго вѣрнаго друга и брата. Н.

2.

12-го (24-го) февраля 1837 г. С.-Петербургъ.

Отъѣздъ Философова долженъ былъ отложиться по несчастной причинѣ болѣзни и смерти его сына. Жаль мнѣ очень и его и бѣдной жены его, которая, при томъ, еще беременна; но усердіе его умѣло покорить горесть, и онъ проситъ долѣе его не удерживать. Потому это письмо не много будетъ включать новаго, кромѣ отчета о послѣднихъ моихъ смотрахъ. Послѣ перваго внезапнаго смотра здѣсь расположенныхъ войскъ, сдѣлалъ я второй однимъ загороднымъ и Литовскому полку, но безъ Гренадерскаго баталіона. Всѣ явились отлично исправно. Церемоніальный маршъ за глубокимъ снѣгомъ для пѣхоты былъ очень труденъ, но, не смотря на то, прошли очень порядочно: пѣшая артиллерія прекрасно, а кавалерія и 1-я конно-легкая батарея славно, прибавленной рысью. Обозы всѣхъ тѣхъ войскъ были въ примѣрномъ порядкѣ. Вслѣдъ за симъ видѣлъ я пообыкновенному оба баталіона Павловскаго и Финляндскаго полковъ въ ружейныхъ пріемахъ и маршировкѣ; могу точно сказать, что оба полка въ отличнѣйшемъ состояніи. Вчера былъ я на выступленіи Павловскаго полка въ практическій походъ и нашелъ тутъ все въ большомъ порядкѣ. Завтра выступаютъ Финляндскій и 4-я батарейная батарея.

Погода стоитъ мягкая и прекрасная, воздухъ хотя и не твой итальянскій, но необыкновенно весенній и утомляетъ. Философовъ тебѣ словесно все прочее разскажетъ. Англичане на насъ продолжаютъ ворчать, но врядъ-ли рѣшатся грызться; впрочемъ, мы готовы принять незванныхъ гостей. Великую княгиню и Лили видѣлъ я сегодня; онѣ здоровы. Мой госпиталь также благодаря Бога поправляется. Про тебя вчера узнали; твое пребываніе въ Туринѣ и отъѣздъ въ Ниццу; ждемъ съ нетерпѣніемъ, поѣдешь ли въ Неаполь. Ежели будешь тамъ, прошу

[1]) Бистромъ, генералъ-адъютантъ, командовавшій всею гвардейскою пѣхотою.

меня повергнуть къ стопамъ королевы и просить продолженія ея милостиваго ко мнѣ расположенія.

Прощай вторично, любезный Михайло; не забывай стараго вѣрнаго друга и брата. Н.

II.

Великій князь Михаилъ Павловичъ—императору Николаю I.

2-го (14-го) іюня 1837 г. Баденъ-Баденъ.

Милостивыя твои письма, любезный Николай, отъ 9-го (21-го), 10-го (22-го) и 13-го (25-го) маія черезъ фельдъегеря Виммера я имѣлъ счастіе получить 22-го маія (3-го іюня) и приношу тебѣ мою искреннѣйшую и нижайшую благодарность. На разные предметы, въ нихъ заключающіеся, буду отвѣчать по порядку. Лѣченіе мое здѣсь приходитъ къ концу, и слава Богу теперь я чувствую себя совершенно здоровымъ, остается мнѣ желать, чтобы и впредь такъ же продолжалось съ помощію Всевышняго. Я не могу довольно нахвалиться усердіемъ здѣшняго доктора Гунерта, который меня лѣчитъ съ черезвычайнымъ желаніемъ меня вылѣчить и, кажется, вполнѣ въ этомъ успѣлъ. Истинно отличный медикъ и имѣющій необыкновенно точный взглядъ, хотя еще и молодъ; по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ я осмѣлюсь просить тебя оказать ему какую-нибудь милость. Онъ думалъ, начавъ мое лѣченіе здѣсь, что нужно будетъ мнѣ послѣ употребленіе морскихъ ваннъ; но такъ какъ теплая и истинно лѣтняя погода началась у насъ только-что нѣсколько дней, а прежде стояла все прехолодная и сырая, и потому море не можетъ быть достаточно согрѣто, онъ находитъ, что полезнѣе мнѣ будетъ послѣднюю недѣлю лѣченія здѣсь взять соленыя ванны и души, что̀ уже я и началъ. 1-го (13-го) числа я совершенно кончу курсъ лѣченія и 8-го (20-го) выѣзжаю отсюда. Если бы я слѣдовалъ влеченію души моей, то, конечно, направилъ бы свой путь прямо въ Петербургъ и могъ по разсчету времени поспѣть ко дню твоего рожденія. Не нужно мнѣ тебѣ сказать, сколь я былъ бы счастливъ, если бы сіе могло сбыться, но, полагая, что можетъ быть тебѣ угодно, чтобы я ѣхалъ въ Англію, я рѣшился туда ѣхать и думаю пробыть тамъ день десять или двѣ недѣли. Признаюсь откровенно, что нѣкоторымъ образомъ я страшусь этой поѣздки, потому что почти годъ я жилъ весьма уединенно, теперь вдругъ попаду въ огромный лондонскій свѣтъ, гдѣ я почти никого не знаю; но съ помощію Божіею постараюсь не осрамиться. По газетамъ

говорятъ, что король весьма опасно боленъ. Если съ нимъ случится какая-нибудь бѣда, то истинно не знаю, что мнѣ дѣлать, т. е. ѣхать ли или нѣтъ; отвѣтъ на сей вопросъ врядъ ли можетъ дойти до меня во-время. Я думаю отправиться отсюда 8-го (20-го) числа на Голландію; на пребываніе у сестры и до пріѣзда въ Лондонъ примѣрно кладу отъ десяти до двѣнадцати дней, слѣдовательно, я тамъ могу быть около 20-го іюня (2-го іюля), впрочемъ надо будетъ мнѣ соображаться съ обстоятельствами. Прошу тебя, любезный Николай, принять мое душевное поздравленіе съ наступающимъ днемъ твоего рожденія, дай Богъ тебѣ всевозможнаго счастія и полное преуспѣяніе во всѣхъ твоихъ благихъ предпріятіяхъ. Весьма мнѣ больно, что вновь я лишенъ счастія тебя лично поздравить и изъяснить тебѣ изустно то, чѣмъ сердце мое преисполнено. Изъ Лондона полагаю отправиться моремъ въ Гамбургъ или иначе, что по справкамъ окажется поспѣшнѣе, и изъ Любека пущусь моремъ такъ, что съ милостью Всевышняго надѣюсь въ половинѣ іюля явиться на службу. Съ нетерпѣніемъ ожидаю минуты счастливой тебя увидѣть. Я весьма радовался, видѣвъ изъ письма твоего, что ты всѣми войсками и кадетами, какъ на смотру, такъ и на ученіяхъ остался доволенъ. Тебѣ угодно приписывать часть сего успѣха мнѣ; не знаю, какъ тебѣ выразить довольно то чувство глубочайшей признательности, которою я былъ и есть преисполненъ при чтеніи сихъ милостивыхъ и драгоцѣнныхъ для меня строкъ. Но могъ ли я что-нибудь сдѣлать одинъ безъ усердныхъ помощниковъ, слѣдовательно честь принадлежитъ имъ, тѣмъ болѣе, что вотъ уже почти годъ, что я отъ нихъ удаленъ,—мнѣ остается ими и за нихъ радоваться. Могу только въ одномъ тебя увѣрить, что покуда я буду живъ и во мнѣ будетъ хоть малѣйшая сила, они (т. е. жизнь и сила) будутъ посвящены служить тебѣ вѣрой и правдой.

Я весьма разумѣю, сколь тебѣ было тяжело разстаться съ Наслѣдникомъ [1]), но путешествіе сіе вѣрно послужитъ какъ ему, такъ и Россіи, нашей славной и неоцѣненной матушкѣ Россіи, въ пользу, ибо его увидятъ, узнаютъ и вѣрно полюбятъ. Мнѣ кажется, что это чувство неотъемлемо отъ него, когда его узнаютъ; я не какъ льстецъ подлый говорю, но по убѣжденію и влеченію, которое я къ нему чувствую. Признаюсь, безъ памяти люблю его, у него душа необыкновенная; Богъ вѣрно будетъ всегда ему сопутствовать. Прочитавъ описаніе сна императрицы и что я въ немъ замѣшанъ въ непростительномъ фамиліарствѣ, крѣпко содрогнулся, обробѣлъ, oh, oh, Ia, Ia, жаль, что со мною нѣтъ Свода законовъ, а то бы учинилъ по немъ справку,

---

[1]) Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ путешествовалъ тогда по Сибири.

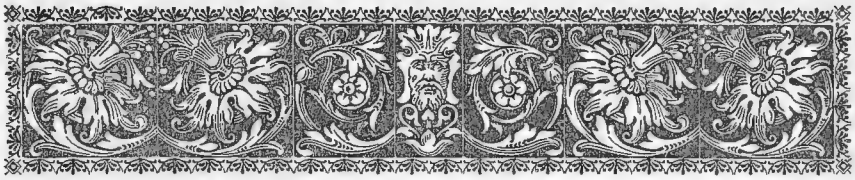
что онъ на такіе случаи гласитъ; дѣло, кажется, плоховато. Да при семъ осмѣливаюсь приложить челобитню къ ея величеству, дескать матушка ваше императорское величество бью челомъ и всеподданнѣйше прошу, чтобы впредь подобные сны, могущіе привести васъ въ трепетъ и меня невиннаго, не приходили бы тревожить высочайшую особу вашу и меня, ползущаго у подножія вашего, о чемъ и прошу рѣшеніе учинить и меня нижепоименованнаго успокоить.

Весьма радуюсь, что нашему почтенному Карлу Ивановичу, при отеческихъ твоихъ о немъ попеченіяхъ, равно и гр. Бенкендорфу гораздо лучше. Жаль мнѣ весьма Бородина и Перрена, они были оба добрые и честные служивые. Дай Богъ, чтобы А. Я. Сукинъ поправился. Царствіе небесное А. Д. Балашову. Приношу искреннѣйшую мою благодарность за поздравленіе съ рожденіемъ Лили. Отсюда ничего мнѣ совершенно нельзя тебѣ любопытнаго писать faute de matériaux. На-дняхъ отправляется Философовъ съ полковникомъ Лаколе здѣшней службы въ Страсбургъ.

Нѣсколько дней тому назадъ былъ здѣсь Дантесъ и пробылъ два дня. Онъ, какъ говорятъ, весьма соболѣзнуетъ о бывшемъ съ нимъ, но увѣряетъ, что со времени его свадьбы, онъ ни въ чемъ не можетъ себя обвинять касательно Пушкина и жены его, и не имѣлъ съ нею совершенно никакихъ сношеній, былъ же вынужденъ на поединокъ поведеніемъ Пушкина. Всѣмъ твердитъ, что послѣ Россіи все кажется ему petit et mesquin. На лѣто онъ переѣзжаетъ съ женою жить сюда. Пріѣхали сюда княгиня Радзивилъ, которой здоровье все еще не хорошо, и Бутурлина такъ же лѣчится. Княгинѣ Долгоруковой хотя лучше, но лѣченіе ея продолжится еще, можетъ быть, два года. Прошу тебя повергнуть меня къ стопамъ ея величества и обнять отъ меня милыхъ твоихъ дѣтей. Итакъ Ольга Николаевна переросла уже императрицу! Мой Долгорукой сюда еще не прибылъ, хотя по письмамъ его знаю, что онъ также ѣдетъ въ Баденъ; женѣ его хуже, чѣмъ когда было. Прощай, любезный Николай, не забывай твоего вѣрнаго брата и друга. Михаилъ.

P. S. Генералъ Безакъ уже нѣсколько недѣль здѣсь на возвратномъ пути въ Петербургъ, онъ везетъ весьма многія любопытныя свѣдѣнія по разнымъ частямъ, которыя онъ собралъ во время своихъ путешествій во Франціи и Англіи. Я осмѣливаюсь взять его съ собою въ Англію, гдѣ онъ можетъ быть мнѣ весьма полезенъ.

Сообщ. **Рих. Алекс. Гриммъ.**



Пребываніе Сперанскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ и Перми [1])

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

Въ ночь съ 17-го на 18-е марта 1812 года Сперанскій, въ сопровожденіи частнаго пристава Шипулинскаго, выѣхалъ изъ Петербурга. Шипулинскій быстро и исправно выполнилъ возложенное на него порученіе: 23-го марта, въ 8 часовъ утра, онъ уже примчалъ сосланнаго въ Нижній и въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Петербургъ. Шипулинскій повезъ съ собою къ министру полиціи Балашову отъ невольнаго изгнанника письмо [2]), при которомъ было приложено и письмо его къ императору Александру. «Въ чемъ состояло это послѣднее письмо, намъ неизвѣстно»—было сказано на стр. 48-й II-го тома «Жизни графа Сперанскаго». «Такъ, дѣйствительно, и было во время составленія и напечатанія нашей книги—писалъ баронъ Корфъ впослѣдствіи;—но по смерти государственнаго канцлера графа Нессельрода, послѣдовавшей въ 1862 году, это письмо было найдено между его бумагами въ подлинникѣ, писанномъ, по-французски, отъ начала до конца рукою Сперанскаго,—новое доказательство крайней, щепетильной осторожности покойнаго нашего дипломата. И при сочиненіи нашей біографіи, и послѣ ея изданія въ свѣтъ, мы по крайней мѣрѣ разъ двадцать говорили о ней съ графомъ; онъ, повидимому, чрезвычайно интересовался нашимъ трудомъ, передавалъ къ нему разныя дополнительныя свѣдѣнія, хвалилъ его исполненіе, можетъ быть, даже свыше мѣры,—и между тѣмъ, послѣ полувѣка, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, когда это письмо уже давно перешло

[1]) Дополнительные матеріалы къ „Жизни графа Сперанскаго“.

[2]) Напечатано въ „Жизни графа Сперанскаго“, т. II, стр. 47–48.

въ область исторіи, таилъ его про себя и не сообщалъ намъ! Къ счастью, сынъ его, вскорѣ послѣ смерти отца, не только далъ намъ прочесть это драгоцѣнное письмо, но и самъ его для насъ списалъ». Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» сохранилась точная копія этого письма Сперанскаго, со всѣми ошибками и описками, которыя очень естественно объясняются тогдашнимъ его волненіемъ.

Въ 1867 году баронъ Корфъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» нѣсколько дополненій къ «Жизни графа Сперанскаго» [1]), въ томъ числѣ онъ предполагалъ помѣстить и это нижегородское письмо Сперанскаго къ императору Александру, но затѣмъ перемѣнилъ свое намѣреніе. «Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ,—писалъ Корфъ А. Ѳ. Бычкову [2]) 25-го января 1867 года—пакетъ мой о Сперанскомъ для «Русскаго Архива», съ просьбою переслать его къ Бартеневу [3]). Къ сожалѣнію, послѣднія событія побудили меня исключить отсюда важнѣйшее: первое письмо Сперанскаго изъ заточенія. Напечатаніе его т е п е р ь было бы крайне несвоевременно, а съ моей стороны, можно сказать, даже и неделикатно».

По смерти графа Нессельрода нижегородское письмо Сперанскаго поступило въ Государственный Архивъ, откуда оно было извлечено не такъ давно и напечатано Н. К. Шильдеромъ [4]).

«Письмо это—читаемъ въ замѣткѣ барона Корфа—особенно замѣчательно тѣмъ, что открываетъ, въ чемъ Сперанскій видѣлъ г л а в н у ю и д а ж е е д и н с т в е н н у ю причину своего паденія: именно въ составленномъ имъ п р о е к т ѣ к о н с т и т у ц і и (фраза о томъ подчеркнута въ самомъ подлинникѣ). Этимъ же отчасти выясняются и загадочныя слова пермскаго письма Сперанскаго: «вашею (обращаясь къ государю) тайною, а не своею я связанъ». Вся опала произошла вслѣдствіе дѣятельнаго с о у ч а с т і я Александра въ реформаторскихъ идеяхъ его любимца; когда пора послѣднихъ прошла для государя, или была оттѣснена силою обстоятельствъ, тогда онъ рѣшился пожертвовать и Сперанскимъ, съ цѣлью убѣдить общественное мнѣніе, что такого соучастія н е с у щ е с т в о в а л о и что все это были одни л и ч н ы е замыслы государственнаго секретаря, в д р у г ъ будто бы подмѣченные и откры-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1867 г., № 3, столбцы 432—455.

[2]) Которому, по обыкновенію, были присылаемы барономъ Корфомъ для предварительнаго просмотра и исправленія предназначавшіяся къ помѣщенію въ „Русскомъ Архивѣ“ дополненія къ „Жизни Сперанскаго“.

[3]) Петру Ивановичу, издателю „Русскаго Архива“.

[4]) См. „Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе“, т. III, Спб. 1897, стр. 491—493.

тые. Придворные интриганы явились тутъ только желанными пособниками собственныхъ плановъ государя».

Сообщая нижегородскому губернатору о томъ, какія мѣры должны быть приняты относительно Сперанскаго въ Нижнемъ, Балашовъ, между прочимъ, предписывалъ ему имѣть бдительное наблюденіе, чтобы переписка Сперанскаго была доставляема въ Петербургъ для доклада государю [1]).—Сперанскій въ свою очередь принималъ въ перепискѣ извѣстныя мѣры предосторожности. Такъ, въ письмѣ къ зятю Михаилу Ѳедоровичу Третьякову въ Черкутино, отъ 12-го апрѣля 1812 г., онъ, между прочимъ, писалъ: «Если захотите вы ко мнѣ писать, то не иначе какъ чрезъ г. Астафьева, а никакъ не по почтѣ [2])». Упоминаемый здѣсь Астафьевъ былъ нижегородскій помѣщикъ, отставной штабсъ-капитанъ. Но и онъ на дѣлѣ оказался совсѣмъ не надежнымъ коммиссіонеромъ. Настоящее письмо Сперанскаго, тоже пересылавшееся черезъ Астафьева, успѣлъ достать отъ него—какъ доносилъ губернаторъ Балашову—«по знакомству и особенной расторопности» полиціймейстеръ Бабушкинъ, и хотя подлинное не было задержано, однако копію съ него губернаторъ тотчасъ отослалъ къ министру полиціи.

Къ пребыванію Сперанскаго въ Нижнемъ относится еще слѣдующій эпизодъ, сообщенный барону Корфу княземъ Георгіемъ Александровичемъ Грузинскимъ (бывшимъ въ 1812 г. нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства), но который не былъ включенъ въ «Жизнь графа Сперанскаго», «какъ не подтвержденный (въ то время)—замѣчаетъ Корфъ—никакими другими доказательствами, которыя непремѣнно требовались бы для факта такой первостепенной важности».

«По званію предводителя—пишетъ князь—я состоялъ въ то время подъ главнымъ начальствомъ графа Петра Александровича Толстаго [3]), а ему, по обязанности формировать запасныя войска и по разнымъ другимъ порученіямъ, часто приходилось отлучаться изъ Нижняго. При такихъ отлучкахъ всѣ приходившія на его имя бумаги онъ довѣрялъ вскрывать мнѣ, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ экстренности, дѣлать по нимъ и исполненіе. Разъ я вскрылъ, такимъ образомъ, отношеніе къ Толстому графа Растопчина, который требовалъ немедленной присылки Сперан-

---

[1]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 48.

[2]) Это мѣсто письма въ печатномъ изданіи „Жизни графа Сперанскаго“ (т. II, стр. 50) было выпущено.

[3]) Бывшаго съ октября 1807 по октябрь 1808 года посломъ въ Парижѣ, а въ то время начальствовавшаго въ Нижнемъ 3-мъ округомъ военнаго ополченія и имѣвшаго особыя уполномочія и по гражданской части.

скаго въ Москву [1]), безъ объясненія, однако, для чего именно. Я отвѣчалъ, что Сперанскій находится въ Нижнемъ по особому высочайшему повелѣнію, и потому я не въ правѣ исполнить это требованіе, а представлю о немъ графу Толстому. Но пока шла переписка, французы вошли въ Москву, и Сперанскій вскорѣ затѣмъ былъ отправленъ въ Пермь, къ великой радости губернатора Руновскаго, освободившагося, наконецъ, отъ плѣнника, котораго каждый шагъ тяготилъ его».

«Но здѣсь—замѣчаетъ Корфъ—рождается вопросъ—и въ этомъ мы и полагаемъ важность факта,—съ какою же цѣлью Растопчинъ отважился на такой самовластный поступокъ? Безъ сомнѣнія, съ одною только,—по крайней мѣрѣ, какъ думали, въ то время, Грузинскій и съ нимъ нѣкоторые другіе,—чтобы ненавидимаго народомъ предать на жертву возбужденнымъ страстямъ, подобно несчастному Верещагину. Ко всегдашней административной политикѣ Растопчина не присоединялась ли тутъ еще, можетъ статься,—какъ ни страшно выговорить—жажда удовлетворенія личной злобѣ?....».

15-го сентября 1812 года Сперанскій, какъ извѣстно, по высочайшему повелѣнію былъ увезенъ, съ фельдъегеремъ, изъ Нижняго въ Пермь. Причиною этой новой мѣры, принятой въ отношеніи его, было донесеніе Балашову нижегородскаго вице-губернатора Крюкова, отъ 22-го августа 1812 г. [2]), о разговорѣ Сперанскаго за закускою, 6-го августа, у нижегородскаго архіерея Моисея [3]). «Послѣ обѣдни былъ тутъ (у архіерея) и г. тайный совѣтникъ Сперанскій—писалъ Крюковъ,—обѣдать однакожъ не оставался, но между закускою, занимаясь онъ съ преосвященнымъ обоюдными разговорами, кои доведя до нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, говорилъ о Наполеонѣ и о успѣхахъ его предпріятій; къ чему г. Сперанскій дополнилъ, что въ прошедшія кампаніи въ нѣмецкихъ областяхъ, при завоеваніи ихъ, онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, оказывалъ ему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще, для сбереженія ихъ, приставлялъ караулъ, что̀ слышали бывшіе тамъ чиновники, отъ которыхъ о томъ на сихъ дняхъ я узналъ».

---

[1]) Это требованіе содержалось въ письмѣ Растопчина къ графу Толстому, отъ 21-го августа 1812 года (см. въ статьѣ А. Н. Попова „Эпизоды изъ исторіи 1812 г.“, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 г., книга вторая, стр. 409).

[2]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 57.

[3]) Преосвященный Моисей былъ человѣкъ смѣлый и дерзкій. Въ запискѣ купца Попова о пребываніи Сперанскаго въ Перми находится слѣдующій отзывъ Сперанскаго о нижегородскомъ архіереѣ: „Я принужденъ былъ пророчить ему, что онъ за разговоры и сужденія свои сорветъ себѣ голову“.

Г. Анатолій Жадовскій (бывшій впослѣдствіи тайнымъ совѣтникомъ) въ запискѣ, доставленной имъ барону Корфу по прочтеніи «Жизни графа Сперанскаго», писалъ по этому поводу слѣдующее:

«Вся исторія нижегородская была произведеніемъ князя Грузинскаго, извѣстнаго и лживостію своею, и всѣми низкими качествами, не исключая ябедничества и даже наклонности къ шпіонству и доносамъ, нерѣдко ложнымъ. Онъ, и никто болѣе, былъ виновникомъ ссылки Сперанскаго изъ Нижняго въ Пермь: ибо и самое донесеніе (и неумѣстное, и несправедливое) Крюкова возбуждено и подстрекнуто было княземъ Грузинскимъ, а предубѣжденіе графа П. А. Толстаго противъ Сперанскаго было послѣдствіемъ ложныхъ навѣтовъ и тайныхъ наговоровъ графу того же князя, который въ 1851 году, при нашихъ довольно частыхъ свиданіяхъ и въ Нижнемъ и въ Лысковѣ, почти ясно о томъ высказалъ и при томъ нисколько не краснѣя, лишь изрѣдка поглядывая на меня, какъ хищный волкъ, изъ подлобья. Если Провидѣніе, всегда правосудное, достойнымъ образомъ наказало князя Грузинскаго, сдѣлавшагося, съ окончаніемъ войны, предметомъ всеобщаго, можно сказать, презрѣнія, несмотря на всѣ средства, которыя доставляло ему его богатое состояніе, и оставило на его долю единственно ханжество, такъ какъ ни одинъ мало-мальски порядочный человѣкъ не только не навѣщалъ, но и знать его не хотѣлъ, даже, частію, и не смѣлъ, такъ что все свое время, не имѣя способности, ни духу заниматься дѣлами, чтеніемъ, или инымъ чѣмъ, онъ проводилъ какъ бы во снѣ, т. е. въ самозабвеніи и состоя при томъ подъ болѣе строгимъ надзоромъ самого правительства, чѣмъ невинная его жертва Мих(аилъ) Михайловичъ: то орудіе князя (болѣе по глупости, раболѣпству и свойственному людямъ малодушнымъ желанію подслужиться и выслужиться чѣмъ-либо, въ личномъ своемъ интересѣ и видахъ, высшему начальству) Крюковъ, по истинѣ, заслуживая презрѣніе за свой подлый и гадкій поступокъ, не могъ не возбуждать искренняго къ себѣ соболѣзнованія каждаго, знавшаго подробности его обстоятельствъ. Кара Провидѣнія жестоко поразила его—перстъ Божій тяготѣлъ надъ нимъ. Имѣя хорошее и по всему обезпеченное состояніе, болѣе двухъ тысячъ душъ въ богатыхъ мѣстностяхъ, и только двухъ сыновей, порядочныхъ, хорошо образованныхъ, служившихъ уже офицерами въ Кавалергардскомъ полку по 14-е декабря (1825 года), онъ разомъ лишился ихъ обоихъ, и мнѣ случалось потомъ встрѣчаться съ стариками Крюковыми какъ бы застѣнчивыми, угрюмыми, терзавшимися однимъ: куда преклонить имъ голову, что дѣлать и куда дѣвать ихъ хорошее состояніе, сдѣлавшееся для нихъ, по ссылкѣ дѣтей, въ совершенную тягость и какъ бы въ укоръ въ чемъ-то. Дѣтей Крюковыхъ я видѣлъ, въ 1843 году, на поселеніи въ Минусинскѣ и могу засвидѣтельствовать и удо-

стовѣрить въ истинѣ всего вышеизложеннаго и присовокупить, что старшій братъ любилъ и науку, и, въ особенности, литературу, и выписывалъ къ себѣ въ Минусинскъ много журналовъ, не только русскихъ, но и французскихъ и нѣмецкихъ».

«Съ своей стороны—замѣчаетъ баронъ Корфъ—мы можемъ только завѣрить, что рапортъ Крюкова отъ 22-го августа, рѣшившій переводъ Сперанскаго въ Пермь, былъ основанъ именно на доносѣ князя Грузинскаго, который въ томъ рапортѣ и названъ по фамиліи».

При отъѣздѣ изъ Нижняго Сперанскій послалъ письмо графу П. А. Толстому и просилъ его приложенное письмо доставить государю. Но этого письма Сперанскаго къ государю Толстой не послалъ. Вотъ находящаяся въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» замѣтка барона Корфа, относящаяся къ этому эпизоду:

«Графъ Петръ Александровичъ Толстой, братъ оберъ-гофмаршала, вѣроятно, раздѣлявшій съ нимъ и ненависть къ Сперанскому, участвовалъ нѣкогда въ Прагскомъ штурмѣ и въ славномъ Мацiовицкомъ дѣлѣ, при которомъ былъ взятъ въ плѣнъ Костюшко. Получивъ изъ рукъ Екатерины, въ полковничьемъ чинѣ, орденъ св. Георгія 3-й степени и совершивъ съ Суворовымъ знаменитый итальянскій походъ, Толстой, при Александрѣ, былъ сперва с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ (1803—1805), а потомъ (съ октября 1807 по октябрь 1808) посломъ нашимъ въ Парижѣ; съ отъѣздомъ же Наполеона въ Эрфуртъ, удалился отъ дѣлъ и жилъ въ Москвѣ, пока 1812 годъ не вызвалъ его снова на службу. Независимо отъ военныхъ его подвиговъ, Толстой и въ то время, и послѣ, съ тѣхъ поръ, что онъ оставилъ боевое поприще и былъ призванъ, при Николаѣ, къ участію во всѣхъ высшихъ дѣлахъ государственныхъ, представлялъ лицо преимущественно отрицательное. При нѣкоторой остротѣ ума, у него не было ни образованія государственнаго человѣка, ни основательныхъ сужденій, а главное—все подавлялось въ немъ неописуемымъ равнодушіемъ къ дѣламъ, въ связи съ истинно-невообразимою лѣностію. Всѣ важнѣйшіе вопросы и дѣла, общественные и частные, въ его глазахъ были всегда—любимое его выраженіе—«плевое дѣло». Отъ этого, вѣроятно, если не вслѣдствіе своей ненависти, онъ и письмо Сперанскаго оставилъ безъ дѣйствія, или, какъ разсказывалъ Филимоновъ [1]), просто разорвалъ. Отпусковъ ихъ, къ сожалѣнію, мы нигдѣ не нашли».

Въ Пермь Сперанскій пріѣхалъ 23-го сентября 1812 г. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ онъ жилъ одно время въ домѣ

---

[1]) Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ (р. 1787 † 1858), довольно извѣстный литераторъ, состоявшій въ 1812 г. за адъютанта при графѣ П. А. Толстомъ (см. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 68).

купца Ивана Николаевича Попова, который доставилъ впослѣдствіи барону Корфу записку о жизни Сперанскаго въ Перми. Въ «Жизни графа Сперанскаго» (т. II, стр. 73—79) приведены нѣкоторыя выписки изъ этой записки. Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ изъ нея выдержекъ, не попавшихъ въ печатное изданіе книги:

«При семействѣ перемѣнилъ Михайла Михайловичъ свои занятія. Утромъ, до прогулки, училъ дочь словесности и другимъ предметамъ; прогуливался всегда съ нею; послѣ обѣда читалъ вслухъ для домашнихъ легкія сочиненія, романы и т. п., или катался съ дочерью съ нарочито устроенной при квартирѣ горы (катушки) на кожѣ, или лубкѣ; вечеромъ, довольно часто, дочь съ двоюроднымъ братомъ [1]) и дядею Козьмой Михайловичемъ [2]) выдумывали какіе-нибудь фарсы, напримѣръ они и всѣ люди наряжались воинами, заставляли его бѣгать отъ нихъ по комнатамъ, и въ кабинетѣ, когда всѣ успѣвали его окружить, дочь приставляла къ груди его кинжалъ, съ крикомъ: «сдавайся, злодѣй-измѣнникъ!». Шутки таковыя выдумывались съ разными перемѣнами. Домашніе думали, что доброе дѣло дѣлаютъ, а напротивъ только досаждали ему, чего онъ, однакожъ, никогда не давалъ замѣтить.

«Когда наступила весна, съ того времени до глубокой осени, Михайла Михайловичъ прогуливался четырежды въ день, дважды до обѣда, въ ту же минуту послѣ обѣда (но въ эту прогулку такимъ тихимъ шагомъ, что на какихъ-нибудь сто саженъ требовалось едва-ли не болѣе получаса), и наконецъ вечеромъ, при чемъ онъ уходилъ съ книгою въ лѣсокъ на крутомъ берегу Камы и читалъ тамъ почти до захожденія солнца. Лѣтомъ онъ, можно сказать, не жилъ въ домѣ и одѣвался очень, очень легко; осенью и зимою ходилъ скоро и мѣховаго платья не носилъ. Никто никогда въ Перми не видалъ на лицѣ его огорченія, задумчивости и печали: оно всегда было живое и веселое. Только дважды, и то на нѣсколько минутъ, привелось мнѣ замѣтить противное, именно въ первый разъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Пермь, когда привезенный имъ съ собою молодой крѣпостной человѣкъ уходилъ съ квартиры и не являлся дня по три, что было не однажды. Ему горя мало было, что баринъ долженъ будетъ все самъ для себя дѣлать. Разъ, входя въ комнату Михайла Михайловича по своей надобности, я засталъ его растирающимъ табакъ; не давъ еще мнѣ сказать о моемъ дѣлѣ, онъ съ улыбкою произнесъ: «трудивыйся да ястъ!». Въ такое свое безвременье онъ даже самъ приготовлялъ свой гардеробъ, никакъ не дозволяя выполнять эту послугу нашимъ людямъ, хотя она предлагалась съ величайшимъ радушіемъ. Въ другой разъ, когда губернаторъ не хотѣлъ

[1]) Вѣроятно, дядею по матери, Франсисомъ Стивенсомъ.
[2]) Сперанскимъ.

было выпустить его дочери изъ Перми безъ разрѣшенія высшаго начальства, тогда Михайла Михайловичъ со скорбію, весьма растроганнымъ голосомъ, говорилъ мнѣ:

— Пусть я виноватъ, пусть сошлютъ меня въ Нерчинскъ, но чѣмъ виновата моя дочь, за что и она должна страдать! Что ей здѣсь дѣлать? Общество у губернатора и вездѣ для нея закрыто; образованіе ея достигло до той степени, что высшаго не могу ей здѣсь дать въ искусствахъ, а мнѣ она въ тягость.

«Михайла Михайловичъ пользовался въ Перми самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ и съ недѣлю только не выходилъ изъ дому за простудою уха; но и эта болѣзнь была, кажется, больше приманкою къ себѣ доктора Граля [1]) изъ другихъ видовъ, потому что съ нѣкоторою досадою говорилъ:

— Знаю я вѣрнѣйшее и самое скорое средство для излѣченія уха (смоляную паклю съ одеколономъ); но мнѣ нужно было видѣть доктора для объясненій съ губернаторшею по займу денегъ, и вотъ онъ такъ растравилъ ухо припарками, что нельзя выйти.—

«Еще, когда сблизился съ архіереемъ и когда у него обѣдывалъ, то на другой день всегда лежалъ въ постели до 12-го часа, что относить надо къ наливкамъ, которыми любилъ угощать преосвященный очень настоятельно.

«Въ Перми водворилась, постепенно, общая къ Михайлѣ Михайловичу любовь; но тамошнія развлеченія едва ли были по его вкусу: играя въ горѣлки и бѣгая съ дѣвицами на загородныхъ гуляньяхъ, онъ, на замѣчаніе о томъ, выразился:

— Тысячу разъ лучше согласенъ бѣгать, чѣмъ сидѣть подлѣ губернатора за карточнымъ его столомъ.—

«Карты, которыя въ Перми поглощали все почти время, онъ вообще ненавидѣлъ. Козьма Михайловичъ [2]), съ которымъ мы часто прогуливались и который бывалъ у насъ въ домѣ по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю, часто говаривалъ мнѣ, что развѣ только въ раю было бы лучше для него жить.

— Нуля не стоили вся прежняя моя жизнь, говорилъ онъ, и все мое ученье университетское противъ нынѣшней жизни и бесѣды съ братомъ; въ полгода я сдѣлался и добрѣе, и умнѣе, и образованнѣе.

«Живя въ Перми, Михайла Михайловичъ не только въ праздники, но иногда и въ будни ходилъ въ церковь къ заутренямъ и обѣднямъ

---

[1]) Къ слову о докторѣ Гралѣ. Поповъ прибавляетъ, что въ Перми такъ согласно тогда жили, что всѣ дни были разобраны, и холостому не нужно было имѣть своей кухни. Граль, въ теченіе 45-ти-лѣтней тамъ службы, ни разу, кромѣ болѣзненныхъ случаевъ, не обѣдалъ у себя дома.

[2]) Сперанскій.

и во всѣ посты говѣлъ, въ великій дважды, на первой и послѣдней недѣлѣ. Благочестіе это было ли благочестіемъ—не знаю. Разсказывая, въ первое еще время своего пребыванія, что отъ многолюдства за заутреней въ Николинъ день очень вспотѣлъ и на выходѣ простудился, онъ тѣмъ крайне удивилъ меня.

— Ужели—спросилъ я—вы изволили быть у заутреней?

— Каменіемъ побіютъ, когда бъ не былъ,—отвѣчалъ онъ.

«Но въ другое время, гораздо спустя, послѣ пріобщенія его Святыхъ Таинъ, зашелъ я по обычаю его поздравить и, за отсутствіемъ всѣхъ людей, прошелъ безъ доклада въ его спальню, бывшую вмѣстѣ и кабинетомъ. Тутъ я увидѣлъ его лежащимъ на полу, на коврѣ, сіяющимъ и лучезарнымъ, точно святымъ! Любилъ онъ также благотворить въ острогѣ, говоря, что между виноватыми есть тамъ и невинные.

«Переводъ изъ Нижняго въ Пермь разумѣлъ Михайла Михайловичъ особеннымъ благодѣяніемъ ему государя, потому что осень 1812 года могла бы быть для него печальною въ Нижнемъ, по общему на него озлобленію всѣхъ состояній и наиболѣе дворянства, которое въ огромномъ числѣ съѣхалось тогда въ этотъ городъ.

«Изъ Петербурга было предписаніе почасту доносить о поведеніи Михайла Михайловича. Почтмейстеръ, котораго онъ разумѣлъ добрымъ, но почти глупымъ человѣкомъ и который, впослѣдствіи, былъ ревностнымъ его почитателемъ, имѣлъ неосторожность хвалиться, что Михайла Михайловичъ находится и подъ его надзоромъ.

— Кому же лучше какъ не ему и надзирать за мною: вѣдь я всякой день мимо его оконъ прогуливаюсь!—говорилъ онъ.

«Этотъ же почтмейстеръ какъ-то вызвался дать прочитать такую книгу, которой и за 10 тысячъ рублей нигдѣ не найти. Возбудивъ тѣмъ живѣйшее любопытство Михайла Михайловича, онъ, по убѣдительной его просьбѣ, прислалъ эту книгу въ запечатанномъ конвертѣ. Оказались Записки Артамона Матвѣева.

— Я ему эту книгу въ каждой петербургской книжной лавкѣ за два съ полтиной куплю; но нечего дѣлать, надо двѣ недѣли подержать и возвратить съ благодарностію—шутя говорилъ Михайла Михайловичъ и отослалъ книгу, не читавши.

«Въ Перми какъ-то заговорили, что онъ продалъ отечество не за деньги, а за польскую корону.

— Слава Богу!—сказалъ онъ, перекрестясь—начинаютъ лучше обо мнѣ думать; за корону все-таки извинительнѣе соблазниться».

Во время общаго гоненія на Сперанскаго, чувство теплаго довѣрія къ человѣчеству было въ немъ поддержано, между прочимъ, благородными дѣйствіями семейства Лазаревыхъ, состоявшаго въ давнишней

пріязни съ бывшимъ государственнымъ секретаремъ. Христофоръ Іоакимовичъ Лазаревъ, тогда еще почти юноша [1]), отважился посѣтить Сперанскаго еще въ ту эпоху, когда всѣ умы въ Перми были сильно предрасположены противъ него, и вопреки совѣтамъ пермскаго губернатора Гермеса [2]). Послѣдній предостерегалъ молодаго человѣка отъ дурныхъ послѣдствій, которыя можетъ имѣть для него такое посѣщеніе, если вѣсть о немъ дойдетъ до Петербурга.

— Какъ рѣшились вы навѣстить меня?—было и вопросомъ самого Сперанскаго при первомъ ихъ свиданіи,—меня, котораго и на улицѣ всѣ бѣгаютъ, какъ чумнаго!

Впослѣдствіи Лазаревъ успѣлъ познакомить пермскаго пустынника съ нѣсколькими духовными лицами изъ Соликамска, отличавшимися преимущественнымъ просвѣщеніемъ, и съ нѣкоторыми также изъ числа управлявшихъ частными горными заводами. Сперанскій любилъ бесѣдовать съ ними, разспрашивалъ ихъ съ обыкновенною своею любознательностію обо всемъ, представлявшемъ какой-нибудь мѣстный интересъ, и, записывая, что слышалъ отъ нихъ любопытнаго, часто говорилъ молодому своему пріятелю:

— Вы мнѣ открыли такіе источники, изъ которыхъ я многому научился!

Въ пребываніе Сперанскаго въ Перми, туда пріѣзжали еще: извѣстный заводчикъ и богачъ Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ, который, однако, съ нимъ не видѣлся, за что, по словамъ Попова, названъ имъ былъ умнымъ человѣкомъ, сенаторъ князь Шаховской и, наконецъ, Константинъ Васильевичъ Злобинъ, жившій въ Перми съ недѣлю и бывавшій у Сперанскаго съ утра до ночи.

Стѣсненный крайностью и постоянно преслѣдуемый оскорбленіями, Сперанскій рѣшился, въ ноябрѣ 1812 года, о своихъ нуждахъ и страданіяхъ довести до свѣдѣнія государя черезъ министра полиціи А. Д. Балашова [3]), который не замедлилъ отвѣтомъ. Письмо Балашова, отъ 6-го декабря 1812 года, было слѣдующаго содержанія [4]):

«Милостивый государь мой Михайла Михайловичъ! Письмо вашего превосходительства и всеподданнѣйшее прошеніе я имѣлъ честь получить и повергнулъ высочайшему усмотрѣнію. Государю императору угодно было опредѣлить на содержаніе ваше 6.000 рублей въ годъ, что

---

[1]) Впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ и попечитель Лазаревскаго института въ Москвѣ.

[2]) Разсказъ Х. І. Лазарева.

[3]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 84—85.

[4]) Письмо это напечатано тамъ же, стр. 85, но не вполнѣ: выпущено мѣсто, набранное разрядкою.

для исполненія отъ меня уже и сообщено г. министру финансовъ. Касательно отобраннаго письма вашего отъ посланнаго, его величество изволилъ отозваться, что причиной сего былъ видъ скрытности, тому отправленію данный, то-есть, что письмо не было показано губернатору и было зашито въ шапкѣ, что̀ изволитъ находить не соотвѣтствующимъ положенію вашему, равно и скрытность промѣна серебряныхъ денегъ. Къ сему присовокупить долженъ, что, въ точнѣйшее изысканіе образа поступковъ г. губернатора, ему нынѣ подтверждено, дабы высочайшая воля вполнѣ и не далѣе предѣловъ, ею означенныхъ, была исполняема.

«О сынѣ г. Стевенсъ я до сихъ поръ еще ничего не слыхалъ и исполнить желанія вашего превосходительства я не нахожу съ своей стороны никакого препятствія.

«Пребывать честь имѣю съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга А. Балашовъ».

Это возстановляемое теперь мѣсто въ письмѣ Балашова требуетъ особаго поясненія.

Сперанскимъ былъ приторгованъ въ Нижнемъ домъ вдовы Скуридиной [1]), и онъ уже и жилъ въ немъ, давъ за него задатокъ. Вдругъ Сперанскаго отправили въ Пермь. Спустя послѣ того какой-нибудь часъ, является Скуридина съ настойчивымъ требованіемъ, чтобы г-жа Стивенсъ [2]) съ остальнымъ семействомъ тотчасъ очистила домъ. Только послѣ долгихъ просьбъ удалось вымолить у нея двѣ комнаты, почти людскія, но на условіи выбраться и изъ нихъ какъ можно скорѣе. На переѣздъ въ далекую Пермь требовались, однако, деньги, а ихъ не было. Занявъ, вслѣдствіе того, у жены откупщика Мартынова [3]) 500 рублей, которыхъ, по разсчету, должно было достать до Казани, гдѣ братъ Сперанскаго, Козьма Михайловичъ, служилъ въ то время губернскимъ прокуроромъ, г-жа Стивенсъ съ внукою, сыномъ своимъ Франсисомъ и Анютою [4]), выѣхали изъ Нижняго 20-го сентября, т. е. черезъ пять дней послѣ Сперанскаго [5]). Но въ Казани ожидало

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 58.

[2]) Теща Сперанскаго.

[3]) Тамъ же, стр. 54.

[4]) Побочною дочерью Маріанны Злобиной, воспитывавшеюся у Сперанскаго (см. замѣтку барона М. А. Корфа въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 г., книга третья, стр. 55—57).

[5]) Губернаторъ, разрѣшивъ имъ выѣздъ, тотчасъ донесъ о томъ министру полиціи. Любопытно, что паспортъ былъ выданъ на имя „г-жи Стефенсъ, иностранки, вдовы англійской службы полковника“,—вмѣсто: пастора. (Донесеніе губернатора Балашову отъ 20-го сентября 1812 года и ордеръ нижегородскому полиціймейстеру отъ 19-го сентября).

25183

ихъ письмо, оставленное послѣднимъ при своемъ проѣздѣ. Онъ уговаривалъ ихъ не ѣхать далѣе, прежде чѣмъ установится зимній путь. Нетерпѣніе дочери быть опять вмѣстѣ съ отцомъ не позволило ей, однако, согласиться на такую неопредѣленную отсрочку, и по усильнымъ ея настояніямъ г-жа Стивенсъ рѣшилась отправить въ Пермь нарочнаго, съ письмомъ, въ которомъ онѣ просили разрѣшить имъ пріѣхать немедленно. Этотъ нарочный—слуга Василій, данный Сперанскому отъ Столыпина въ качествѣ человѣка самаго вѣрнаго и надежнаго—едва уѣхалъ, какъ къ Козьмѣ Михайловичу пришла бумага, что онъ увольняется отъ службы. Эта вѣсть, всѣми—кромѣ его самого—послѣ паденія его брата давно ожиданная, совершенно сразила бѣдняка. Дальнѣйшее пребываніе въ Казани сдѣлалось ему, послѣ этого, невыносимымъ, и онъ сталъ ожидать отвѣта изъ Перми съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ его племянница. Но время, разсчитанное для проѣзда Василія въ оба пути, давно прошло, прошло даже болѣе, нежели вдвое, а его все еще не было. Тогда колонія нашихъ страдальцевъ рѣшилась дѣйствовать самостоятельно. Они всѣ вмѣстѣ пустились въ путь, и уже только за какія-нибудь сутки до прибытія въ Пермь встрѣтили своего посланнаго, но—безъ письменнаго отвѣта.

Какая же была тому причина?

«Не бывъ какъ-то у Михайла Михайловича нѣсколько дней—пишетъ Поповъ—и зайдя къ нему однимъ утромъ, я встрѣтилъ его отправляющимся на прогулку.

— Мнѣ—сказалъ онъ—нужно вотъ что сказать вамъ. Домашніе мои прислали ко мнѣ изъ Казани человѣка съ письмами, требуя разрѣшенія, нынче ли еще осенью имъ ко мнѣ ѣхать, или дожидаться зимняго пути? Съ пріѣзда этого посланца безпрестанно стали появляться въ моей квартирѣ то явные, то замаскированные полицейскіе для развѣдыванія, поѣдетъ ли онъ назадъ и когда, и, наконецъ, самъ губернаторъ, прежде ни разу у меня не бывавшій, пріѣхалъ съ визитомъ. Не нужно было догадываться, что это значитъ. Я разсказалъ ему о пріѣздѣ человѣка и предложилъ прочитать самыя письма, которыя на ту пору случайно лежали раскрытыя на столѣ, но онъ отказался; я объяснилъ ему, что и отвѣчать намѣренъ. Онъ смолчалъ. Человѣку же моему, отправляя его въ тотъ же день обратно съ моимъ отвѣтомъ, я приказалъ, въ случаѣ если—какъ то можно было предвидѣть—его схватятъ и если потомъ опять выпустятъ, а письмо задержатъ, разсказать моимъ отвѣтъ на словахъ. На другой день иду къ губернатору и говорю ему:

— За что вы моего человѣка схватили въ Оханскѣ [1]), привезли назадъ сюда и засадили въ острогъ?

---

[1]) Уѣздный городъ, въ 67-ми верстахъ отъ Перми, на трактѣ къ Казани.

— А вы какъ это знаете?

— Я слышалъ въ церкви—отвѣчаю ему—возлѣ меня двое какихъ-то постороннихъ людей о томъ между собою толковали; но теперь извините, если я буду, черезъ васъ же, на васъ жаловаться; я присланъ сюда подъ ваше охраненіе, а между тѣмъ сколько долженъ былъ, не видя никакой защиты, вытерпѣть оскорбленій!—Тутъ все я ему выпѣлъ, и какъ рекруты чуть меня не убили (?). Онъ сконфузился и всячески просилъ и убѣждалъ меня не жаловаться, но мнѣ непремѣнно нужно было имѣть дорогу для отсылки письма къ государю, которое я и заставилъ его принять».

Дочь Сперанскаго въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ это происшествіе въ нѣсколько иной обстановкѣ. По ея словамъ, отецъ ея показалъ губернатору и ея письмо, и свой отвѣтъ, въ которомъ было одно короткое разрѣшеніе ѣхать въ Пермь тотчасъ, закупивъ только въ Казани нѣкоторыя нужныя вещи, и губернаторъ, прочитавъ оба письма, не нашелъ препятствія къ отправленію Василія. Но какъ только послѣдній пустился въ дорогу, онъ замѣтилъ, что за нимъ слѣдятъ, и потому, при переѣздѣ черезъ какую-то рѣку, предпочелъ бросить отвѣтное письмо своего барина въ воду. Ему, однако, не дали этого сдѣлать: онъ былъ схваченъ, привезенъ, вмѣстѣ съ письмомъ, обратно въ Пермь, засаженъ въ тюрьму и выпущенъ изъ нея только черезъ нѣсколько дней, но безъ письма. Оно было отослано, въ подлинникѣ, къ государю въ главную квартиру, и Василій встрѣтилъ своихъ господъ съ пустыми руками и съ однимъ отвѣтомъ изустнымъ, уже опоздавшимъ [1]).

«Происходило ли дѣло такъ или иначе—замѣчаетъ Корфъ,—этотъ вопросъ, относясь болѣе къ личной характеристикѣ трусливаго пермскаго губернатора Гермеса, не имѣетъ для насъ особаго значенія. Видимъ только, что въ обоихъ вышеприведенныхъ разсказахъ умолчано одно, довольно существенное обстоятельство, выведенное въ письмѣ Балашова, именно, что отвѣтъ Сперанскаго былъ з а ш и т ъ в ъ ш а п к ѣ его посланнаго; этимъ, конечно, оправдывалось подозрѣніе мѣстнаго начальства, которое не могло не видѣть во ввѣренномъ его надзору лицѣ человѣка, заточеннаго хотя за тайныя, но, по строгости принятыхъ противъ него мѣръ, вѣрно уже не маловажныя государственныя вины.

«Но съ какою цѣлью принята была такая мѣра опасливой предосторожности при отправленіи отвѣта Сперанскаго? Мы сами читали его въ дѣлѣ III-го Отдѣленія, гдѣ это письмо и теперь еще хранится, и удостовѣрились, что все содержаніе его было точно то самое, какое

---

[1]) Е. М. Фролова-Багрѣева прибавляетъ, что добрый малый, изъ опасенія испугать ее понапрасну, при первой встрѣчѣ совсѣмъ умолчалъ о случившемся, а позже, когда она разспрашивала его о подробностяхъ, всегда, покачивая головою, отвѣчалъ, что лучше не говорить о „политическихъ дѣлахъ“.

*

указано Е. М. Фроловою-Багрѣевою. Зачѣмъ же было зашивать въ шапку такое письмо, которое можно было отправить безъ страха даже и по почтѣ? Или не было ли это личною затѣею осторожнаго Василія, который, можетъ статься, воображалъ, что во врученномъ ему письмѣ есть и что-нибудь больше переданнаго ему на словахъ?»

Къ срединѣ 1814 года война противъ Наполеона была окончена. Россія и Европа праздновали свою побѣду и миръ; русскій монархъ стоялъ на высшей ступени славы и величія. Сперанскій выбралъ это время, чтобы напомнить о себѣ императору Александру. 9-го іюля 1814 года онъ отправилъ къ государю изъ Перми письмо, въ которомъ, принося поздравленія по случаю заключенія міра, между прочимъ, писалъ: «Тому полтора года, какъ, бывъ принужденъ разстаться здѣсь съ моею дочерью, вручилъ я ей письмо [1]) для поднесенія вашему величеству при первомъ вѣрномъ и удобномъ случаѣ. Не знаю еще, дошло ли оно до рукъ вашихъ. Содержаніе его, съ перемѣною обстоятельствъ, не во многомъ измѣнилось. Я просилъ въ немъ единой милости: дозволенія скрыть остатокъ скорбныхъ дней моихъ въ маленькой деревнѣ близъ Новгорода, дочери моей по наслѣдству доставшейся. Сей самой милости и теперь испрашиваю, въ твердомъ упованіи на правосудіе и и милосердіе ваше [2])».

Обстоятельства, точно, были теперь иныя, — читаемъ въ замѣткахъ барона Корфа. Нѣкоторые изъ прежнихъ дѣятелей уже умерли, другіе не находились болѣе при Александрѣ. Съ минованіемъ войны отпала и главное побужденіе опалы, или то, что было взято поводомъ къ ней. Но, чтобы указать связь событій, необходимо возвратиться къ извѣстнымъ врагамъ Сперанскаго, которыхъ дальнѣйшія судьбы не остались безъ вліянія и на его участь.

Армфельдъ, вслѣдъ за удаленіемъ Сперанскаго пожалованный членомъ Государственнаго Совѣта (3-го апрѣля 1812 года) и графскимъ титуломъ, въ томъ же апрѣлѣ сопровождалъ государя, въ числѣ самыхъ

---

[1]) Извѣстное пермское письмо. „Письмо это до 1839 года, оставалось совершенно неизвѣстнымъ—читаемъ въ дополнительныхъ замѣткахъ барона Корфа,—потому что подлинникъ былъ сданъ Александромъ, тотчасъ по полученіи, Аракчееву, между бумагами котораго въ Военномъ министерствѣ оно и теперь хранится, а самъ Сперанскій никогда никому о немъ не говорилъ. Уже только послѣ его смерти, при разборѣ его бумагъ, было найдено черновое, которое, по приказанію императора Николая I, отдано для храненія въ Государственный Архивъ; но, прежде передачи туда, государь позволилъ дочери Сперанскаго, Е. М. Фроловой-Багрѣевой снять для себя списокъ съ этого достопамятнаго акта, а оттуда онъ распространился потомъ и въ публикѣ“.

[2]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 92.

приближенныхъ къ нему, въ Вильну. Послѣ, въ 1812-мъ же году, онъ находился при извѣстномъ свиданіи Александра, въ Або, съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ (Бернадотомъ) и немедленно затѣмъ былъ назначенъ къ исправленію должности финлядскаго генералъ-губернатора, на мѣсто графа Штейнгейля, вызваннаго въ армію. Въ началѣ Армфельдъ продолжалъ пользоваться большою милостію и вліяніемъ на всѣ почти дѣла; но привязанности Александра были непрочны, и Армфельдъ вскорѣ это на себѣ испыталъ.

«Паденіе Армфельда—записано въ дневникѣ Сперанскаго по слышанному имъ позже (въ 1821 г.) отъ Балашова—послѣдовало отъ опыта, отъ перемѣны и скораго движенія военныхъ дѣлъ, и особенно отъ того, что онъ—посѣтилъ Палена» [1]).

Другой человѣкъ, близко знавшій обстоятельства того времени, извѣстный уже намъ де-Сангленъ, также утверждаетъ, что Армфельдъ ѣздилъ къ графу Палену (жившему, въ то время, въ курляндскомъ своемъ имѣніи) съ предложеніемъ, будто бы, безъ вѣдома государя сдѣланнымъ, взять на себя главное начальство надъ арміею: за это и за принятіе въ Вильнѣ, кажется отъ Радзивилловъ, нѣсколькихъ верховыхъ лошадей съ полною сбруею, государь сдѣлалъ ему строгій выговоръ и съ тѣхъ поръ сталъ обращаться съ нимъ чрезвычайно холодно. Наконецъ, приближенный въ то время къ Армфельду человѣкъ, послѣ вице-предсѣдатель финляндскаго сената (подъ конецъ жизни членъ нашего Государственнаго Совѣта) Гартманнъ увѣрялъ насъ, что самое порученіе генералъ-губернаторской должности было однимъ только послѣдствіемъ желанія Александра удалить отъ себя этого тонкаго интригана, котораго ему невозможно было напослѣдокъ не прозрѣть. Какъ бы то ни было, но Армфельдъ потерялъ всякое политическое значеніе и, послѣ долговременной и тяжкой болѣзни, умеръ, въ Царскомъ Селѣ, 7-го августа 1814 года. Государь нѣсколько разъ навѣщалъ его во время его страданій; но, по словамъ Гартманна, эти посѣщенія начались только послѣ неоднократныхъ завѣреній лейбъ-медика Крейтона, что больному уже не встать. Другіе [2]) говорятъ, что, въ одно изъ такихъ свиданій, Армфельдъ, чувствуя приближеніе смерти и желая очистить передъ государемъ человѣка, въ гибели котораго прежде столь дѣятельно участвовалъ, торжественно провозгласилъ невинность Сперанскаго во взведенныхъ на него клеветахъ.

---

[1]) Сынъ Палена, знаменитый нашъ ветеранъ графъ Петръ Петровичъ, сказывалъ намъ, что никогда не слышалъ объ этомъ посѣщеніи, но отъ того можетъ статься, что находился въ то время неотлучно при арміи.

(Примѣч. барона М. А. Корфа).

[2]) Домашній секретарь Армфельда Энгельбахъ, умершій нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Ливорно.

Шведскій писатель Крузенстолпе, въ книгѣ «Carl Johann und die Schweden», которая, впрочемъ, больше романъ, нежели исторія, съ своей стороны пишетъ, будто бы девятимѣсячная смертельная болѣзнь Армфельда произошла отъ даннаго ему (кѣмъ?) медленнаго яда [1]). Тотъ же писатель увѣряетъ, что послѣднія слова Армфельда къ государю заключались въ предстательствѣ за несчастнаго принца Густава, но о Сперанскомъ тутъ ничего не сказано [2]).

Судьбы другаго главнаго врага Сперанскаго, котораго послѣдній называлъ «дерзкимъ въ счастіи и бабою въ несчастіи»,—мы говоримъ о графѣ Растопчинѣ—болѣе извѣстны. Упорный и заносчивый его характеръ, а также отважный до нахальности языкъ не могли быть угодны Александру. Что̀ любилъ нѣкогда въ этихъ вспышкахъ молодой великій князь, втайнѣ озлобленный противъ тогдашняго правительства и своего положенія, то, въ ревнивомъ къ власти своей императорѣ, возбуждало одно лишь неудовольствіе и мрачныя подозрѣнія. Сверхъ того, извѣстное происшествіе съ Верещагинымъ внушило Александру особенное отвращеніе къ человѣку, который могъ рѣшиться, хотя бы и для самой святой цѣли, на такой звѣрски-самовластный поступокъ. Покамѣстъ продолжалась война, Растопчинъ былъ терпимъ по необходимости; но съ прекращеніемъ военныхъ бурь окончилась и его политическая карьера. 30-го августа 1814 года онъ былъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго въ Москвѣ и, съ пожалованіемъ въ тотъ же день въ члены Государственнаго Совѣта, тогда же отпущенъ въ безсрочный отпускъ. Уѣхавъ, вслѣдъ за тѣмъ, въ чужіе края, онъ, по окончательномъ низверженіи Наполеона, основалъ постоянное свое пребываніе въ Парижѣ. Милость Александра никогда уже болѣе къ нему не возвращалась [3]).

Наконецъ Балашовъ.—«Въ мартѣ 1812 года—пишетъ онъ въ оставленныхъ послѣ себя Запискахъ—государь изволилъ мнѣ сказать, что собирается ѣхать въ армію и не знаетъ, какъ ему со мною быть; что желалъ бы раздѣлить меня на двѣ части и одну взять съ собою, а другую оставить въ столицѣ, для управленія въ его отсутствіи, и спрашивалъ мои о томъ мысли. Я отвѣчалъ, чтобъ сдѣлалъ милость государь, рѣшилъ бы это обстоятельство безъ меня; что же касается до моихъ

---

[1]) Carl Johann und die Schweden, ч. II, стр. 110.

[2]) Тамъ же, стр. 111.

[3]) Извѣстны стихи, которые Растопчинъ самъ написалъ къ своему портрету:

„Безъ дѣла и безъ скуки
Сижу, поджавши руки“.

Въ Россію онъ воротился въ 1823 году и 14-го декабря, по собственной просьбѣ, уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ только прежняго званія оберъ-камергера. Умеръ 13-го января 1826 года.

дѣлъ, то они такъ устроены, что я могу и оставаться, и ѣхать, какъ будетъ приказано. Рѣшено было, чтобы я ѣхалъ и, по довольномъ разсмотрѣніи и разсужденіи, послѣдовалъ рескриптъ ко мнѣ, 28-го марта, поручить должность министра полиціи и начальство надъ городомъ сдать генералу-отъ-инфантеріи Сергѣю Козьмичу Вязмитинову».

Такъ говоритъ о себѣ самъ Балашовъ, и тѣ же самыя подробности «о раздѣленіи его на двѣ части», въ тѣхъ же самыхъ словахъ, разсказывалъ намъ человѣкъ, никогда не слыхавшій о существованіи Записокъ министра полиціи, но очень въ то время къ нему близкій, и именно тогдашній петербургскій оберъ-полиціймейстеръ Иванъ Саввичъ Горголи (умершій въ 1862 году сенаторомъ). Онъ прибавлялъ, однако, кое-что, о чемъ Балашовъ умалчиваетъ. Государь, прикрывая истинныя свои побужденія видомъ особенной благосклонности, взялъ его съ собою единственно для того, чтобы освободить себя отъ сплетней и интригъ, которыми нашъ Фушѐ безпрестанно утомлялъ его по довѣреннымъ своимъ званіямъ министра полиціи и военнаго генералъ-губернатора столицы, и для которыхъ, съ начатіемъ войны, должно было открыться еще обширнѣйшее поле. Изъ двухъ золъ Александръ предпочелъ меньшее, и 17-го апрѣля Балашовъ послѣдовалъ за нимъ въ Вильну, откуда, въ іюнѣ, былъ отправленъ въ главную квартиру Наполеона съ извѣстною своею безуспѣшною миссіею. Потомъ, сопроводивъ государя въ Москву и оттуда опять въ Петербургъ и объѣздивъ, по его приказанію, опустошенныя непріятелемъ мѣста, онъ слѣдовалъ при императорской квартирѣ за-границу. Здѣсь, въ концѣ 1813 года, отправили его съ русскими орденами къ принцу-регенту въ Лондонъ, а въ началѣ 1814 года съ дипломатическимъ порученіемъ къ королю неаполитанскому Мюрату. Объ этомъ послѣднемъ порученіи находившійся тогда при Александрѣ статсъ-секретарь М. Р. Марченко въ Запискахъ своихъ замѣчаетъ: «Государь отдѣлался отъ неотвязнаго Балашова командировкою въ Неаполь, гдѣ и загрузъ онъ такъ, что осенью умолялъ позволить ему ѣхать въ Петербургъ [1])». Получивъ, наконецъ, просимое дозволеніе, титулярный министръ полиціи воротился въ августѣ 1814 года.

Во все это время, какъ еще долго и послѣ, положеніе его было едва-ли не безпримѣрное въ лѣтописяхъ нашей администраціи. Балашовъ сохранялъ свои званія, засѣдалъ, въ наѣзды свои въ Петербургъ, въ Государственномъ Совѣтѣ и даже въ Комитетѣ министровъ,—но и только. При живомъ, часто наличномъ и постоянно здоровомъ министрѣ, должность его продолжалъ исправлять другой — Вязмитиновъ. На безпрестанныя исканія и домогательства Балашова о дозволеніи самому

[1]) Въ автобіографической запискѣ Марченка, напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., объ этомъ не упоминается.

ему вступить снова въ эту должность, Александръ отвѣчалъ ему всегда уклончиво, то нежеланіемъ огорчить престарѣлаго Вязмитинова, то надобностію въ Балашовѣ для другихъ будто бы дѣлъ, которыхъ, однако, ему не поручалось, и т. п. [1]). Всѣ, кажется, наконецъ даже онъ самъ, понимали, что это—одни лишь предлоги, а настоящая причина заключается въ перемѣнѣ о немъ мыслей. Балашову уже не суждено было никогда вступать въ прежнія должности. Чтобъ ему не быть снова министромъ, самое министерство полиціи было впослѣдствіи уничтожено. Александръ остался вѣренъ тому, что сказалъ де-Санглену: «Министерства и министра полиціи болѣе не будетъ; мнѣ второй экземпляръ Палена не нуженъ [2])».

Прослѣдимъ теперь числа:

9-го іюля 1814 года Сперанскій отправилъ свое письмо государю.

7-го августа умеръ Армфельдъ. Отстраненіе перваго врага, и притомъ, если вѣрить слухамъ, съ торжественнымъ оправданіемъ Сперанскаго.

30-го августа кончилось государственное поприще Растопчина. Паденіе втораго врага.

30-го же августа третій врагъ, Балашовъ,—ничтожнѣйшій, впрочемъ, изъ всѣхъ, потому что онъ въ то время не игралъ болѣе никакой роли—былъ осыпанъ, безъ всякаго видимаго къ тому повода, наградами. Ему дали Владиміра 1-й степени, женѣ его—орденъ Екатерины 2-й сте-

---

[1]) Балашовъ въ своихъ Запискахъ очень подробно описываетъ всѣ изустныя и письменныя о томъ объясненія свои съ государемъ, продолжавшіяся нѣсколько лѣтъ. Съ этой стороны Записки его, имѣющія, впрочемъ, мало общаго интереса, представляютъ любопытныя черты для характеристики Александра. Онъ внутренно презиралъ Балашова, почти гнушался имъ, и между тѣмъ все изыскивалъ благовидные предлоги, чтобъ не обличить истинныхъ своихъ чувствъ. Но публика догадывалась. Въ одной современной рукописной сатирѣ на сановниковъ той эпохи противъ имени Балашова былъ приведенъ стихъ извѣстной русской пѣсни: „Мнѣ моркотно молоденьку, нигдѣ мѣста не найду!“.

[2]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 14. — Двусмысленное положеніе Балашова продолжалось — почти невѣроятно — до конца 1819 года. Самыя просьбы объ отставкѣ, на которыя онъ иногда, въ минуты крайней досады, покушался, были также отклоняемы, или оставляемы совсѣмъ безъ отвѣта. Наконецъ, въ октябрѣ 1819 г. Вязмитиновъ умеръ, и надлежало на что-нибудь рѣшиться. Вслѣдствіе того, 4-го ноября, военнымъ генералъ-губернаторомъ с.-петербургскимъ назначенъ былъ графъ Милорадовичъ; министерство полиціи, „для лучшаго“—какъ сказано въ указѣ—„распредѣленія дѣлъ“ (Полн. Собр. Законовъ, № 27964), присоединено снова къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а Балашова—обошли въ молчаніи. Уже только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его опредѣлили генералъ-губернаторомъ пяти губерній (Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской), на особыхъ правахъ, для него созданныхъ и съ нимъ же потомъ и прекратившихся.

пени. Тщеславіе его было вполнѣ удовлетворено. Александръ зналъ, чѣмъ купить покорность и молчаніе своего экс-министра.

Съ этого времени и перемѣна въ положеніи Сперанскаго сдѣлалась возможною. По крайней мѣрѣ она тотчасъ затѣмъ послѣдовала.

30-го августа того же 1814 года, въ день именинъ государя, состоялся милостивый манифестъ о всепрощеніи преступниковъ. Судьба Сперанскаго была поставлена—надѣемся, для чести Александра, только случайно—въ печальное сближеніе съ судьбою разбойниковъ и убійцъ! Не далѣе, какъ на другой день, т. е. 31-го августа, управлявшій министерствомъ полиціи графъ Вязмитиновъ увѣдомилъ его, что государь «всемилостивѣйше изволяетъ на желаніе его жить въ новгородской его деревнѣ Великополье, въ полной будучи увѣренности, что скромное въ оной житье его не подастъ повода къ какимъ-либо въ отмѣну сего мѣрамъ; о сопровожденіи же его туда съ симъ вмѣстѣ дано знать пермскому губернатору [1])».

19-го сентября Сперанскій выѣхалъ изъ Перми, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника (частнаго пристава Матвѣева).

«Всѣ чиновники и знатнѣйшіе горожане—пишетъ И. В. Поповъ въ своей запискѣ — предполагали было торжественно проводить своего двухлѣтняго гостя до Оханска; но губернаторъ Гермесъ втайнѣ то отсовѣтовалъ, приводя, что его велѣно везти до деревни подъ полицейскимъ надзоромъ и, по пріѣздѣ, рапортовать министру. Всѣ и отдумали. Провожали только: почтмейстеръ до первой станціи и я—до Оханска. Однакожъ всѣ простились, и чѣмъ кто богатъ, тѣмъ и радъ былъ служить въ дорогу: винами, разнымъ печеньемъ, фруктами—всѣмъ, что у кого было лучшее. «Очень мнѣ жаль—говорилъ на прощаньи отъѣзжавшій Сперанскій,—что не могу увезти съ собою въ карманѣ вашу Каму».

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 92.

Собственноручный рескриптъ императора Александра I московскому гражданскому губернатору тайн. совѣт. Н. В. Обрѣзкову объ аэростатѣ Лепиха [1]).

24-го мая 1812 г. Вильно.

Николай Василіевичъ. Притчина побудившая меня столь тщательно скрыть отъ Московскаго Главнаго начальства [2]), препорученіе возложенное на механика Лепиха [3]) есть докторъ Сальватори [4]). Съ назначеніемъ новаго военнаго Губернатора [5]) притчина сія изчезаетъ. Я нахожу полезнымъ для лутчего успеха дѣла, чтобы вы сообщили лично на единѣ Графу Ростопчину, всѣ бумаги отъ меня къ вамъ доставленныя, и действовали совокупно съ нимъ, къ довершенію сего предпріятія, продолжая однакожѣ сохранять—по оному не проницаемую тайну.

Фельд-егерь долженствующій вручить вамъ сіе письмо, везетъ съ собою семь чѣловѣкъ рабочихъ выписанныхъ по желанію Лепиха. Они имъ будутъ оставлены за городомъ до свиданія вашего съ Графомъ Ростопчинымъ и до назначенія послѣ онаго, куды ихъ везти. Пребываю на всегда вамъ благосклоннымъ Александръ.

Сообщилъ П. А. Тулубъ.

---

[1]) Печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

[2]) Отъ главнокомандующаго въ Москвѣ фельдмаршала графа Ивана Васильевича Гудовича.

[3]) О Францѣ Лепихѣ и его воздушномъ шарѣ см. „Сборникъ Историческихъ Матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной его величества канцеляріи“, выпуски I и II.

[4]) Имѣвшій огромное вліяніе на графа Гудовича, который, по словамъ графа Растопчина, „сдѣлался игрушкою двухъ разбойниковъ, своего брата и доктора Сальватори“. Послѣдній не стѣсняясь говорилъ, что получаетъ по 6.000 ливровъ въ годъ отъ Наполеона. (См. Москва въ 1812 году А. Н. Попова, „Рус. Арх.“, 1875 г. т. II, стр. 276).

[5]) Графа Ѳедора Васильевича Ростопчина.

М. М. Сперанскій.

(по Гауеншильду) [1]).

Сперанскій былъ сынъ бѣднаго дьячка, по имени Михаилъ, который при крещеніи далъ своему сыну то же имя. Михаилъ Михайловъ [2]) получилъ первоначальное воспитаніе въ духовной семинаріи при Александро-Невской академіи и такъ какъ въ то время даже сыновья крестьянъ,— каковыми считаются въ Россіи дѣти дьячка — получали въ школѣ прозвище, то онъ получилъ отъ ректора, въ виду тѣхъ надеждъ, какія онъ подавалъ своимъ прилежаніемъ, римско-славянскую фамилію Сперанскій.

Предназначенный къ духовному званію, онъ читалъ, по окончаніи курса, въ той же Александро-Невской академіи лекціи по математикѣ и философіи, гдѣ съ нимъ познакомился князь А. Куракинъ, братъ бывшаго посланника при нашемъ дворѣ, который пригласилъ его воспитателемъ къ своимъ дѣтямъ. Такъ какъ Сперанскій выказывалъ ко всему усердіе и способность, то князь Куракинъ, въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, поручилъ ему сначала веденіе своей частной, а затѣмъ и оффиціальной корреспонденціи, давъ ему предварительно чинъ и мѣсто въ своей министерской канцеляріи.

Графъ Викторъ Кочубей, мнѣніе котораго въ этомъ случаѣ весьма вѣско, говорилъ мнѣ: Сперанскій тогда уже обладалъ хорошимъ канце-

---

[1]) Изъ Вѣнскаго Государственнаго Архива. Переводъ съ нѣмецкаго.

[2]) При этомъ авторъ иностранецъ дѣлаетъ чрезвычайно интересное примѣчаніе. „Частица и ч ъ приданная къ отчеству, говоритъ онъ, есть признакъ дворянскаго происхожденія. Царь Алексѣй Михайловичъ давалъ дипломы съ формулой: „жалую тебѣ и твоимъ потомкамъ и ч ъ“.

лярскимъ слогомъ, въ который онъ ввелъ современемъ въ высшей степени благодѣтельную реформу, принятую всѣми.

Въ 1800 г. Сперанскій имѣлъ еще чинъ титулярнаго совѣтника, который не позволялъ ему питать особенно большихъ надеждъ. Но лѣнивый Куракинъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возлагалъ на него собственную работу, и такимъ образомъ случилось, что когда Куракинъ былъ однажды нездоровъ, Сперанскій былъ посланъ съ докладомъ къ императору. Отнынѣ ему было открыто обширное поприще, на которое онъ вступилъ, правда, не особенно вооруженный знаніями, но съ большою жаждою дѣятельности. Онъ сдѣлался совершеннымъ европейцемъ, женился на англичанкѣ, свободно владѣлъ англійскимъ языкомъ, на которомъ охотно говорилъ императоръ Александръ; зналъ въ совершенствѣ французскій языкъ и древніе языки, (а впослѣдствіи, во время своего пребыванія въ Сибири, онъ прекрасно изучилъ и нѣмецкій языкъ).

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ быстро повышаться по службѣ. Въ то время императору по разнымъ причинамъ наскучили Румянцевъ, Кошелевъ, Куракинъ, Новосильцевъ; графъ Кочубей, по причинѣ своего нерѣшительнаго характера, никогда не могъ пользоваться вліяніемъ продолжительное время, хотя онъ и былъ достоинъ въ силу своей безупречной честности, своихъ знаній и тѣхъ правъ, которыя онъ какъ бы унаслѣдовалъ отъ своего дяди Безбородки.

Въ первые дни 1810 г., когда я познакомился со Сперанскимъ, онъ былъ на вершинѣ своего счастья, до которой ему никогда уже не удавалось достигнуть впослѣдствіи. Онъ сопровождалъ императора въ 1808 г. въ Эрфуртъ, что̀ имѣло величайшее вліяніе на его образъ мыслей; Наполеонъ сказалъ о немъ, что онъ «la seule tête fraîche en Russie». По возвращеніи вліяніе его, казалось, было навсегда упрочено. Сперанскій присуствовалъ на всѣхъ совѣщаніяхъ, въ коихъ предсѣдательствовалъ императоръ и на которыхъ обсуждались вопросы, касавшіеся разныхъ министерствъ.

Было принято, что тѣ изъ присутствующихъ, кои при обсужденіи какого-нибудь вопроса не были согласны съ остальными, не высказывали своего мнѣнія прямо, а обращались съ рѣчью къ императору, какъ будто онъ былъ ихъ оппонентомъ. Такимъ образомъ въ 1809 г. часто случалось, что когда Сперанскій выступалъ съ какими-либо предложеніями по дѣламъ духовнаго вѣдомства, князь Александръ Голицынъ, бывшій въ то время оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, обращался вмѣсто Сперанскаго къ государю со словами: Sire, je ne suis pas de l'avis de Votre Maiesté. Въ случаѣ подобнаго разногласія императоръ нерѣдко высказывалъ свое мнѣніе и при этомъ всегда соглашался со Сперанскимъ. Когда впослѣдствіи императоръ болѣе не предсѣдательствовалъ

въ собраніяхъ и Комитетъ Министровъ могъ рѣшать дѣла по своему благоусмотрѣнію, то онъ былъ обязанъ составлять въ каждомъ засѣданіи протоколъ своихъ постановленій, просьбъ, предложеній и мѣропріятій, который представлялся на утвержденіе императора. Онъ разсматривалъ его по пунктамъ со Сперанскимъ и тотчасъ отмѣчалъ тѣ пункты, которые могли быть приняты или должны были быть отмѣнены, смотря потому, какъ Сперанскій находилъ это нужнымъ.

Г. Новосильцевъ рекомендовалъ меня Сперанскому, хотя онъ и былъ не въ ладахъ съ нимъ. Послѣдній, незадолго передъ тѣмъ, далъ мѣста д-ру Фесслеру венгерцу, профессору Лоде изъ Берлина и опредѣлилъ также весьма выгоднымъ образомъ другихъ его соотечественниковъ: Орлея, Балугьянскаго и т. д., поэтому я отправился къ нему преисполненный самыхъ радужныхъ надеждъ.

Сперанскій принялъ меня любезно и говорилъ на латинскомъ языкѣ, коимъ онъ владѣлъ свободно. Въ выраженіи его лица было что-то страдальческое и мечтательное, но его наружность никоимъ образомъ не изобличала низкое происхожденіе. При первомъ же моемъ посѣщеніи онъ заговорилъ о преобразованіи русскаго духовенства; это было его излюбленной мыслью, которая поглощала его всецѣло, осуществленіе коей заняло у него много времени и весьма вѣроятно было впослѣдствіи главною причиною постигшей его немилости и ссылки. Да позволено мнѣ будетъ сказать, что Сперанскій, послѣ неоднократныхъ моихъ посѣщеній повидимому полюбилъ меня и поручалъ мнѣ кое-какія литературныя работы, коими г. Пезаровіусъ не съумѣлъ угодить ему. Я работалъ кое-что для Коммиссіи Законовъ, по дѣламъ церковнымъ и долженъ былъ составлять обозрѣнія нѣмецкой философской литературы и дѣлать переводы изъ мелкихъ сочиненій и статей Маргейнеке, Фихте и Шеллинга, которыя мнѣ удавалось иногда изложить довольно кудрявымъ слогомъ и которыя онъ, отложивъ всякія другія занятія, прочитывалъ вмѣстѣ со мною, какъ только я ихъ приносилъ. Въ скоромъ времени онъ предложилъ мнѣ помочь ему при разработкѣ его плановъ преобразованія русскаго духовенства; но средства, коими онъ хотѣлъ достигнуть этого преобразованія, подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ Фесслера, были избраны имъ весьма странныя. Предполагалось основать масонскую ложу съ филіальными ложами во всей Россійской имперіи, въ которую были бы обязаны поступать наиболѣе способныя изъ духовныхъ лицъ всѣхъ сословій. Духовные братья были бы обязаны писать статьи по извѣстнымъ гуманитарнымъ вопросамъ, говорить проповѣди и т. д., каковыя бумаги должны были затѣмъ препровождаться въ главную ложу на разсмотрѣніе перваго мастера великой ложи (эта честь была предложена мнѣ), по предложенію котораго достойнѣйшіе должны были получать повышенія въ союзѣ масонскихъ

ложъ и въ государствѣ. Но такъ какъ существовавшія уже многочисленныя ложи отнюдь не могли согласоваться съ этимъ проектомъ и преслѣдовали совершенно иныя цѣли (въ сущности у нихъ не было никакихъ цѣлей), то Сперанскій представилъ императору къ подписи два указа. Однимъ изъ нихъ его величество повелѣвалъ министру народнаго просвѣщенія графу Алексѣю Разумовскому закрыть временно при помощи директора полиціи всѣ существовавшія въ Имперіи ложи и истребовать у мастеровъ стула различные ихъ ритуалы. Этотъ указъ былъ подписанъ императоромъ и былъ немедленно приведенъ въ исполненіе; вторымъ указомъ повелѣвалось начальникамъ ложъ либо принять составленный Сперанскимъ (въ то время еще не вполнѣ выработанный) новый ритуалъ масонскихъ ложъ или закрыть ихъ. Императоръ обѣщалъ подписать и этотъ указъ, но это не было исполнено.

Хотя мнѣ было въ то время всего двадцать пять лѣтъ отъ роду, но я чувствовалъ, что этотъ проектъ былъ совершенно неудобоисполнимъ и что онъ долженъ былъ произвести тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе, что слишкомъ напоминалъ Вейсгаупта.

Преслѣдовалъ ли Сперанскій при этомъ еще какія-либо другія скрытыя имъ отъ меня цѣли, или же, введенный въ заблужденіе краснорѣчіемъ Феслера, онъ дѣйствительно разсчитывалъ достигнуть этой цѣли такимъ страннымъ и подозрительнымъ образомъ, этого я никогда не могъ вполнѣ выяснить. Даже внѣшніе масонскіе знаки онъ исполнялъ въ это время съ такимъ рвеніемъ, какъ будто у него не было другихъ занятій. Мнѣ былъ извѣстенъ весь появившійся безсмысленный хламъ, включая сочиненія братьевъ Корнъ и др., я перечиталъ всѣ ритуалы французскихъ, англійскихъ, шведскихъ и нѣмецкихъ ложъ, мнѣ постоянно приходилось переводить ихъ и дѣлать по поводу ихъ доклады, при чемъ я помню, что мнѣ попалась въ руки французская система масонскихъ ложъ, съ 60, именно съ шестьюдесятью, tableaux и столькими же степенями! Г. Пезаровіусъ, издатель Инвалида (нынѣшняя военная газета), человѣкъ самый легкомысленный и самый юркій интриганъ, какихъ когда-либо свѣтъ производилъ, откапываетъ ежедневно какую-нибудь новую, ничего нестоющую ветошь.

Когда новый ритуалъ былъ наконецъ сочиненъ (по большей части Фесслеромъ) и переведенъ мною на французскій языкъ, Сперанскій приступилъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1810 г., къ торжественному открытію Великой ложи, засѣданія которой происходили въ бесѣдкѣ, принадлежащей къ помѣщенію Коммиссіи Законовъ. Сперанскій объявилъ себя мастеромъ стула, я былъ назначенъ первымъ, баронъ Розенкампфъ, директоръ законодательной коммиссіи, вторымъ наблюдателемъ, а статскій совѣтникъ Пезаровіусъ вводящимъ братомъ. Статсъ-секре-

тарь Магницкій, который былъ въ то время другомъ Сперанскаго, чуть не его наперсникомъ, былъ принятъ нами въ первую ложу по новому ритуалу, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, при чемъ Сперанскій произнесъ прекрасную рѣчь. А во время обѣда, происходившаго въ ложѣ, нами была трогательно пропѣта латинская ода Сарберіуса (начинающаяся, кажется, словами ruant potestates и т. д. и въ коей говорится о превратностяхъ судьбы).

Такъ прошло нѣкоторое время; надъ выработкою внутренняго устройства ложи усердно трудились; въ ложу были приняты тайный совѣтникъ Дерябинъ, директоръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, г. фонъ Ренненкампфъ, нынѣ гофмаршалъ герцога Ольденбургскаго, и нѣкоторыя другія лица, и мы только-что собирались принять герцога Ольденбургскаго, зятя императора, и его супругу, какъ вдругъ Сперанскій пригласилъ меня однажды къ себѣ въ необычный часъ. Онъ только-что возвратился поздно вечеромъ изъ Царскаго Села, гдѣ убѣждалъ государя подписать второй изъ вышеупомянутыхъ двухъ указовъ. Императоръ отвѣчалъ на просьбу Сперанскаго отказомъ, и послѣдній понялъ, qu'il y avait du trouble dans l'affaire (что дѣло не ладно). Сперанскій пригласилъ меня для того, чтобы сообщить мнѣ, что ложа закрыта и Фесслеру приказано покинуть Петербургъ. Онъ дѣйствительно уѣхалъ вскорѣ вмѣстѣ съ зятемъ Сперанскаго, г. Злобинымъ, въ Вольскъ, а когда Злобинъ разорился, то онъ отправился въ Сарепту.

Осенью 1811 г. я переѣхалъ въ Царское Село. Сперанскій вмѣнилъ мнѣ въ обязанность посѣщать его какъ можно чаще, что̀ я и исполнялъ, бывая у него обыкновенно разъ въ недѣлю. Я всегда имѣлъ къ нему свободный доступъ и когда мы оставались одни, то онъ бывалъ со мною вполнѣ откровененъ. Въ исходѣ того же года онъ познакомилъ меня со всевозможными личными отношеніями, существующими при русскомъ дворѣ. Повидимому, онъ хорошо зналъ людей, которые таили вражду противъ него. Во главѣ ихъ стоялъ шведъ, генералъ графъ Армфельдъ; затѣмъ Кошелевъ, у котораго онъ былъ прежде другомъ дома. Первый дѣйствовалъ изъ потребности интриговать; послѣдній объявилъ себя рѣшительнымъ врагомъ французской системы, къ которой Румянцевъ былъ всегда приверженъ, и которой Сперанскій еще сочувствовалъ въ то время. Князь Александръ Голицынъ считалъ Сперанскаго своимъ противникомъ по религіознымъ убѣжденіямъ, въ которыхъ онъ самъ былъ еще неофитъ. Аракчеевъ и Волконскій считали себя лично обиженными; что же касается графа Кочубея, то, при всѣхъ его достоинствахъ, онъ одинаково не имѣлъ значенія, какъ другъ и какъ врагъ.

Зимою 1811 г. Сперанскій позволилъ мнѣ ввести къ нему въ домъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя прежде не допускались дальше его швей-

царской; между прочимъ извѣстнаго Его Свѣтлости г. Туварова. Но онъ рѣшительно отказался принять донъ Бенито-Парда-Фигероа, который упросилъ меня передать ему сдѣланный имъ метрическій переводъ 14-й оды Горація. Но Сперанскій выказывалъ величайшую боязнь къ Фесслеру, —когда я сообщилъ ему, что послѣдній пишетъ свою автобіографію, то онъ сказалъ мнѣ съ величайшимъ испугомъ: «Напишите ему, Бога ради, чтобы онъ не упоминалъ въ ней про меня». Онъ охотно говорилъ объ императорѣ Александрѣ, но оканчивалъ обыкновенно разговоръ восклицаніемъ: malheureusement l'Empereur n'est pas un homme à gouverner» [1]). Объ Австріи и австрійцахъ онъ былъ наилучшаго мнѣнія. Многіе изъ нихъ были уже привлечены въ Россію, и онъ имѣлъ намѣреніе выписать еще нѣсколько человѣкъ въ Коммиссію Законовъ и въ различныя академіи, коими онъ интересовался (онъ былъ между прочимъ куратором Абосскаго университета).

Между тѣмъ приближалась катастрофа, которой суждено было пресѣчь на долго столь дѣятельную политическую жизнь Сперанскаго. Я посѣтилъ его за недѣлю передъ тѣмъ. Онъ былъ чрезвычайно разговорчивъ, привѣтливъ и добродушенъ; незадолго передъ этимъ императоръ пожаловалъ ему орденъ Александра Невскаго, который очень порадовалъ его. Я передалъ ему, что носится слухъ, будто Розенкампфъ строитъ козни противъ него.

— Я знаю это,—сказалъ онъ, и Козодавлевъ тоже, котораго я сдѣлалъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но je les ferai rentrer tous sous terre [2]). Пезаровіусъ много повредилъ мнѣ, ибо въ то время, какъ мы открывали ложу, онъ былъ такъ безъ памяти радъ по поводу того, что онъ вступилъ въ хорошее общество, что на другое же утро разсказалъ тайну своему брадобрѣю, а также и то, что мы собирались принять вскорѣ и герцога Ольденбургскаго. Герцогу, котораго брѣетъ тотъ же брадобрѣй, не понравилось, что люди относились къ нему, какъ къ брату, когда онъ еще не вступилъ въ ложу, и онъ лишилъ меня своего благоволенія.

Въ то утро (воскресенье 10-го марта 1812 г.) я провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ [3]). Съ нами была его дочь, еще почти ребенокъ. Я никогда не видалъ его болѣе веселымъ и добродушнымъ. Онъ сказалъ между прочимъ:

— Croyez moi, mes enfants, hormis un vice de coeur et une maladie incurable, il n'y a point de malheur dans la vie [4]).

---

[1]) Къ несчастью, императоръ не изъ тѣхъ людей, коими можно управлять.

[2]) Но я заставлю ихъ всѣхъ замолчать.

[3]) Авторъ ошибается въ числахъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сообщаетъ не вѣрные слухи, но мы оставляемъ разсказъ въ его авторской точности.

Ред.

[4]) Повѣрьте мнѣ, дѣти мои—кромѣ недостатка сердца и неизлѣчимой болѣзни, въ жизни вовсе нѣтъ несчастья.

Восемь дней спустя онъ былъ въ состояніи провѣрить истину этого изреченія.

О злополучномъ для Сперанскаго днѣ 17-го марта 1812 года я слышалъ отъ него самого и отъ князя Александра Голицына, который, какъ министръ народнаго просвѣщенія, былъ моимъ послѣднимъ начальникомъ въ Россіи, слѣдующее:

Сперанскій работалъ съ императоромъ до 10 часовъ вечера. Когда онъ собирался удалиться, императоръ сказалъ:

— Обнимите меня, Михаилъ Михайловичъ, я долженъ на нѣкоторое время разстаться съ вами.

Когда же чрезвычайно изумленный и испуганный Сперанскій спросилъ императора, чѣмъ вызвано его удаленіе, онъ встрѣтилъ такой строгій и холодный взглядъ, что умолкъ и удалился. Въ пріемной, его затуманенные слезами глаза не разглядѣли стоявшаго тамъ князя Голицына, который спросилъ его, чѣмъ онъ такъ смущенъ; Сперанскій могъ только отвѣтить: «я ѣду».

Когда онъ подъѣхалъ къ своему дому въ своей обитой мѣхомъ теплой каретѣ, полицейскій офицеръ преградилъ ему входъ. Онъ долженъ былъ, не простясь съ дочерью, сѣсть въ томъ, въ чемъ онъ былъ, въ кибитку, въ которой онъ былъ отправленъ въ Пермь [1]). На своемъ пути онъ испыталъ горькую участь утратившихъ свое значеніе временщиковъ. Всѣ тѣ господа, которые нѣсколько времени передъ тѣмъ пресмыкались передъ нимъ и изъ коихъ большинство было обязано ему занимаемыми ими мѣстами, отказывались принять его у себя.

Одновременно съ нимъ былъ сосланъ недостойный и отверженный имъ впослѣдствіи другъ, статсъ-секретарь Магницкій.

Два дня спустя послѣ паденія Сперанскаго, г. фонъ Розенкампфъ распространилъ ходившее по рукамъ и направленное противъ его бывшаго благодѣтеля сочиненіе подъ заглавіемъ «Что такое Сперанскій какъ человѣкъ и государственный мужъ», которое было слишкомъ объемисто для того, чтобы оно могло быть написано въ два дня.

Госпожа Стевенсъ, невѣстка Сперанскаго, постаралась встрѣтиться съ императоромъ на другой день послѣ катастрофы; онъ любезно поздоровался съ нею и заговорилъ, но, видя ея глубокую печаль и уныніе, сказалъ:

— Не безпокойтесь по поводу случившагося вчера. Михаилъ Михайловичъ не совершилъ никакого государственнаго преступленія, онъ былъ только неправъ лично противъ меня.

Когда я разспрашивалъ Розенкампфа, по какой причинѣ Сперанскій могъ впасть въ немилость, то онъ сказалъ мнѣ таинственно:

---

[1]) Сперанскій былъ отправленъ въ Нижній Новгородъ.

— Вслѣдствіе крайне опасныхъ сношеній, которыя онъ поддерживалъ внутри государства и за границею.

Въ высшей степени опасныя сношенія внутри государства означали вышеупомянутыя ложи, которыя Розенкампфъ представилъ императору съ самой опасной стороны.

Помимо вышеупомянутаго Магницкаго, случайно былъ замѣшанъ также дѣйствительный статскій совѣтникъ Бекъ (бывшій секретарь и воспитатель у графа Палена) и—безъ всякой вины — заключенъ въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ.

Послѣ удаленія Сперанскаго я написалъ ему, единственно изъ расположенія, нѣсколько писемъ; этотъ необдуманный поступокъ не причинилъ мнѣ никакихъ непріятностей, но я не получилъ отъ Сперанскаго никакого отвѣта. По возвращеніи своемъ Сперанскій увѣрялъ однако меня, что моя преданность была ему весьма пріятна.

Проходили годы, а Сперанскій не возвращался изъ ссылки. Это случилось наконецъ послѣ того, какъ Сперанскій письменно просилъ у императора дать ему возможность оправдаться передъ своимъ монархомъ и отечествомъ своею усердною службою, занявъ подчиненное мѣсто на болѣе скромномъ поприщѣ. Князь Александръ Голицынъ разсказывалъ мнѣ, что онъ нашелъ, въ переданныхъ ему статсъ-секретаремъ Олениным бумагахъ Сперанскаго, болѣе чѣмъ на половину оконченный переводъ Подраженія Христу Ѳомы Кемпійскаго, по поводу котораго Сперанскій обращался въ коммиссію, назначенную для разбора его бумагъ, съ просьбою возвратить ему этотъ переводъ для того, чтобы онъ могъ окончить его въ своемъ уединеніи. Голицынъ спросилъ у императора: «можетъ ли онъ послать эту рукопись Сперанскому». Императоръ, хорошо знавшій почеркъ Сперанскаго, приказалъ принести тетради, просмотрѣлъ ихъ и сказалъ, что онъ очень удивляется тому, какъ дерзнули обвинять Сперанскаго въ невѣріи, ибо если человѣкъ столь занятый, какъ Сперанскій, имѣлъ все-таки потребность читать сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго, переводить его на русскій языкъ и дѣлать къ нему такіе дѣльные комментаріи, то навѣрно этотъ человѣкъ гораздо болѣе религіозный, нежели тѣ, кои его обвиняютъ. Когда вслѣдъ затѣмъ появился печатный переводъ Ѳомы Кемпійскаго, сдѣланный Сперанскимъ, то императоръ уже ранѣе этого какъ бы далъ ему повышеніе, назначивъ его вмѣсто губернатора Пензы (?) временно сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, хотя находившійся тогда въ Петербургѣ тайный совѣтникъ Пестель продолжалъ на самомъ дѣлѣ управлять этой страною.

8-го іюля 1820 г., передъ отъѣздомъ изъ Царскаго Села въ Лайбахъ, императоръ разговаривалъ со мною, со своей обычною добротою, въ паркѣ и сказалъ:

— Хотите, я сообщу вамъ извѣстіе о добромъ другѣ? Михаилъ

Михайловичъ здоровъ и съ тѣхъ поръ, какъ вы его видѣли, въ особенности за послѣднее время много измѣнился въ свою пользу, въ особенности съ точки зрѣнія религіи. Какъ вамъ извѣстно, онъ былъ всегда очень искуснымъ работникомъ, въ особенности въ канцелярскомъ дѣлѣ; послѣдніе годы, будучи губернаторомъ въ Пензѣ (?), онъ пріобрѣлъ также основательныя познанія и въ административной службѣ, которыя теперь очень пригодятся ему въ Сибири.

Я сказалъ на это довольно неловко:

— Sire, c'est un homme auquel vous avez donné l'éducation» [1]).

Императоръ отвѣчалъ, поморщившись:

— Je ne prends pas cela pour moi [2]).

Изъ Лайбаха Сперанскому было послано приказаніе возвратиться въ Петербургъ. Помилованный, онъ прибылъ въ столицу въ исходѣ февраля 1821 г.

Старикъ тайный совѣтникъ Кошелевъ, озлобленный болѣе чѣмъ когда-либо противъ Аракчеева, сильно разсчитывалъ на Сперанскаго и его возрождавшееся вліяніе. Въ кружкѣ Кошелева было рѣшено, что Сперанскій, въ извѣстныхъ, разумѣется нѣсколько эгоистичныхъ видахъ, единственный человѣкъ, которому можетъ быть ввѣрено управленіе дѣлами и который можетъ нравиться императору. Румянцевъ давно уже былъ благоразумнымъ образомъ устраненъ, Лопухинъ былъ глухъ и къ тому же не способенъ, управленіе министерствомъ юстиціи находилось въ самомъ жалкомъ состояніи въ рукахъ Лобанова-Ростовскаго, который служилъ ранѣе исключительно въ военной службѣ, а на Кочубея, по причинѣ его слабаго здоровья, нельзя было разсчитывать. Почти единственной помѣхой къ возвышенію Сперанскаго былъ Аракчеевъ, который, поддерживаемый императоромъ, сталъ съ нѣкоторыхъ поръ во все вмѣшиваться, да еще пожалуй Волконскій. Гурьевская партія не окажетъ особаго сопротивленія; зять министра, графъ Нессельроде, не можетъ удержаться.

Мое первое посѣщеніе Сперанскаго произошло при такихъ обстоятельствахъ: Кошелевъ, привлекшій меня чрезъ Голицына, который какъ тѣнь всюду слѣдуетъ за нимъ, увидѣлъ во мнѣ прекрасное орудіе своихъ цѣлей. А именно, побуждаемый Кошелевымъ, я отправился вскорѣ послѣ пріѣзда Сперанскаго къ нему въ одно воскресное утро. Должно быть, пріемныя всѣхъ министровъ опустѣли въ тотъ день, и ихъ обычные посѣтители явились въ пріемную Сперанскаго, гдѣ они образовали живыя шпалеры, но самое солнце еще не взошло на этомъ небосклонѣ. Старикъ камердинеръ, который зимою 1810, 1811 и 1812 гг.

---

[1]) Ваше величество, это человѣкъ, воспитанный вами.

[2]) Я не беру это на себя.

частенько вводилъ меня въ кабинетъ своего барина въ 6 часовъ утра, радостно привѣтствовалъ меня и тотчасъ доложилъ обо мнѣ. И что же? Дверь тотчасъ отворилась. Сперанскій появился, обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ:

— C'est une justice que je vous dois devant tout le monde [1]).

Затѣмъ онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ и продержалъ тамъ такъ долго, бесѣдуя со мною весьма привѣтливо, что мнѣ наконецъ стало неловко при мысли о чаявшихъ за дверьми, и я попросилъ позволенія уступить мѣсто другимъ. Тогда онъ проводилъ меня и обнялъ вторично coram populo.

Описывая этотъ случай, не могу не посмѣяться надъ тщеславіемъ своимъ собственнымъ и прочихъ людей. Вслѣдствіе благоволенія, оказаннаго мнѣ временщикомъ (?), я сдѣлался для всѣхъ предметомъ зависти. Какъ многіе желали бы быть на моемъ мѣстѣ, и не болѣе какъ годъ спустя навѣрно имъ никто не помѣнялся бы со мною, хотя въ то именно время я былъ въ душѣ какъ нельзя болѣе счастливъ, вслѣдствіе происшедшей въ моей жизни на видъ неблагопріятной перемѣны, когда, порвавъ всѣ отношенія къ Россіи, я какъ будто бы обрѣлъ снова свое отечество.

Между тѣмъ въ Петербургѣ разнесся слухъ объ оказанномъ мнѣ отличіи, и вокругъ меня стали толпиться люди всевозможныхъ оттѣнковъ. Я помню, между прочимъ, что находящійся въ Вѣнѣ г. Рибопьеръ, всѣмъ обязанный Гурьеву, отъ котораго Сперанскій по возвращеніи своемъ удалялся, магнетизировалъ меня цѣлыхъ два часа у егермейстера князя Сергѣя Голицына, чтобы уяснить себѣ отношенія, существовавшія между Кошелевымъ и Сперанскимъ.

Старикъ Кошелевъ далъ мнѣ длинную инструкцію относительно того, какъ я долженъ былъ держать себя со Сперанскимъ, на что мнѣ слѣдовало намекнуть ему, что сказать и на чемъ особенно настаивать. Все клонилось къ тому, что Сперанскій, ставъ подъ Кошелево-Голицынское знамя, могъ разсчитывать достигнуть высшихъ почестей и занять исключительное положеніе во главѣ администраціи. При этомъ придавалось особенное значеніе тѣмъ еженедѣльнымъ вечернимъ совѣщаніямъ, которыя давно уже аккуратно происходили по субботамъ между императоромъ, Кошелевымъ и Голицынымъ, а равно правильной перепискѣ, которую его величество поддерживалъ сверхъ того съ Кошелевымъ, которая была, по этому случаю полностью предъявлена мнѣ и, просматривая которую, я убѣдился, между прочимъ, сво-

[1]) Это справедливость, которую я долженъ отдать вамъ въ присутствіи всѣхъ.

ими собственными глазами въ томъ, съ какой твердостью императоръ, не смотря на всѣ убѣжденія пылкаго и избалованнаго его добротою старика, отклонялъ всѣ назойливыя настоянія на пользу грековъ.

Какъ ни соблазнителенъ могъ показаться въ то время Сперанскому союзъ съ Кошелевымъ, но онъ не связалъ себя съ нимъ. Онъ не могъ получить Кошелева безъ Голицына, къ послѣднему же онъ питалъ рѣшительную антипатію, не только потому что въ предъидущіе годы часто шелъ противъ него, но также и потому, что онъ главнымъ образомъ приписывалъ ему свое паденіе. Вообще, онъ не хотѣлъ примкнуть ни къ какой партіи, чѣмъ, быть можетъ, онъ снова погубилъ себя въ то время; по крайней мѣрѣ люди съумѣли не допустить его сближенія съ императоромъ въ той степени, на которую онъ вначалѣ твердо разсчитывалъ.

Только въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 г., 9 лѣтъ и 3 мѣсяца послѣ ссылки Сперанскаго, императоръ принялъ его въ Царскосельскомъ дворцѣ. Прямо отъ императора онъ пріѣхалъ ко мнѣ. Онъ былъ чрезвычайно растроганъ и разсказалъ о томъ, какъ онъ былъ принятъ государемъ; онъ заключилъ слѣдующими словами: «Enfin, c'était une adoption»).

Во время этого посѣщенія, Сперанскій потребовалъ отъ меня, чтобы я отказался отъ мѣста директора института и перешелъ въ Коммиссію Законовъ.

Все, что произошло со Сперанскимъ въ послѣдующіе мѣсяцы, могло бы удовлетворить обыкновенное честолюбіе, но Сперанскій пользовался вѣдь прежде несравненно бо̀льшимъ благоволеніемъ и имѣлъ неограниченное вліяніе и власть. Онъ часто жаловался мнѣ:

— L'empereur ne veut pas même me sacrifier Lopouchin et c'est avec difficulté que j'ai pu renvoyer Rosenkampf [1]).

Такимъ образомъ и ему пришлось испытать, что возрожденіе временщика никогда не бываетъ полное.

4-го мая 1822 г. я оставилъ Россію послѣ 22-ти лѣтняго пребыванія въ ней. Сперанскій до послѣдней минуты выказывалъ мнѣ неизмѣнно дружеское расположеніе и въ послѣднее время многократно предостерегалъ меня и предлагалъ мнѣ оставить министерство Голицына и заработывать себѣ средства къ жизни, служа лично у него. Когда я прощался съ нимъ, онъ сказалъ мнѣ, что разсчитываетъ навѣрно, что я вернусь черезъ два года: car vous nous serez nécessaire [2]). Я отвѣчалъ ему, что доброта заставляетъ его увлекаться и быть при-

---

[1]) Императоръ не хочетъ даже пожертвовать мнѣ Лопухинымъ, и мнѣ съ трудомъ удалось удалить Розенкампфа.

[2]) Такъ какъ вы будете намъ нужны.

страстнымъ, но онъ сказалъ мнѣ на прощанье: J'ai bien pesé le mot— vous nous serez nécessaire et même indispensable [1]).

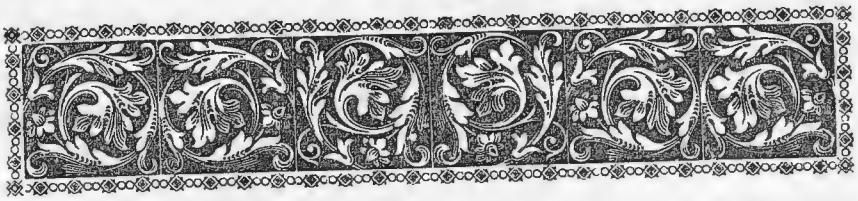
Со времени этого разговора прошло четыре года, и я обязанъ вашей добротѣ, многоуважаемый баронъ, что это пророчество не сбылось и уже никогда не можетъ сбыться [2]).

Сообщилъ **В. А. Бильбасовъ**.

---

[1]) Я хорошо взвѣсилъ свои слова: вы будете намъ нужны и даже необходимы.

[2]) Приложеніе къ депешѣ Лебцельтерна, изъ Петербурга, отъ 17-го апрѣля 1826 г. № 3.



Событія, предшествовавшія возстанію въ Польшѣ въ 1861 г.

(Записка С. Панютина) [1]).

Послѣднія событія въ Варшавѣ были столь неожиданны и странны, совершились столь быстро, что трудно объяснить ихъ, не зная настоящей ихъ причины и не видѣвъ на мѣстѣ, какъ событія сіи приготовлялись мало-по-малу. И дѣйствительно, отъ чего Варшава, а съ нею и царство Польское, бывшія спокойными въ продолженіе 30 лѣтъ, не смотря на многія неблагопріятныя для насъ обстоятельства, нынѣ почти внезапно, при условіяхъ несравненно лучшихъ для насъ и самихъ поляковъ, возстали и такъ еще, что на другой же день въ демонстраціяхъ участвовали не отдѣльныя лица, не кучка какихъ-либо злонамѣренныхъ, но всѣ классы народа кромѣ крестьянъ, и на улицахъ Варшавы было сто тысячъ человѣкъ. Наконецъ весьма естественно представляется еще вопросъ: если это могло случиться вчера, то не можетъ ли случиться и завтра, то-есть какія причины возбудили общую вспышку и нѣтъ ли возможности устранить ихъ на будущее время?

Напрасно было бы искать объясненія этого явленія въ нынѣшнемъ политическомъ положеніи Европы, во вліяніи на Польшу дѣлъ Италіи и Венгріи. Стоитъ вспомнить событія послѣднихъ 30 лѣтъ, чтобы убѣдиться, что бывали обстоятельства гораздо для насъ хуже, вліяніе ихъ на Польшу было сильнѣе и вреднѣе; но въ царствѣ было удержано спокойствіе.

Въ 1831 году, по усмиреніи мятежа, полъ-арміи польской ушло за границу, половина магнатовъ выѣхала въ Англію, во Францію и въ Бельгію. Почти вся Европа только-что вышла изъ революціи 1830 г.

[1]) Писана въ апрѣлѣ 1861 года.

Поляковъ вездѣ принимали съ распростертыми объятіями. Образовалась устроенная эмиграція и дѣйствительно имѣла силу; много было интригъ; но всѣ попытки ихъ были уничтожены. Едва появлялись въ царствѣ эмиссары, какъ противъ нихъ тотчасъ же принимаемы были мѣры; ничто и нигдѣ не успѣвало разгорѣться: только что вспыхнетъ и потушено.

Въ 1846 году, когда во всей Германіи было волненіе—въ Галиціи все было въ огнѣ и крови, а въ царствѣ (Польскомъ) все было спокойно; одна незначительная попытка двухъ-трехъ человѣкъ въ Седлецахъ,—и тѣмъ кончилось.

Въ 1848 году революція во Франціи, въ Австріи и въ Пруссіи. Въ Познаніи образовались польскія войска. Прусскій король съ обнаженною головою стоялъ передъ поляками. Въ 1849 году возстаніе въ Венгріи, безпокойства и волненія вездѣ; вся Европа потрясена,—а въ царствѣ Польскомъ все спокойно.

Наконецъ въ 1853 году, когда почти вся Европа была противъ Россіи и когда безъ сомнѣнія много было интригъ въ Польшѣ, не только со стороны Франціи и Англіи, но даже и Австріи, когда Россію готовы были постигнуть такія бѣдствія, какихъ она не испытывала съ 1812 года, въ царствѣ Польскомъ все было спокойно; даже во все продолженіе войны не было ни одного политическаго преступника. Слѣдственная коммиссія была закрыта, и предсѣдатель ея получилъ другое назначеніе.

Средствомъ къ достиженію такихъ результатовъ были: постоянный надзоръ, никакого послабленія, предусмотрительность и предупредительныя мѣры осторожности, такъ что у злоумышленниковъ отнималась всякая надежда на успѣхъ и всякая даже мысль о попыткѣ къ возстанію.

Поэтому была возможность дѣйствовать средствами края, т. е. управлять краемъ посредствомъ польскихъ же чиновниковъ, которые во все время вели себя какъ нельзя лучше, исполняли свои обязанности какъ нельзя усерднѣе; они были настоящими русскими чиновниками съ русскими чинами. Въ самыя трудныя времена: послѣ мятежа 1831 года, въ 1846, 1848 и въ 1849 годахъ чиновники дѣйствовали совершенно въ духѣ правительства. Никому не приходила мысль выдти въ отставку или отказаться отъ исполненія приказаній начальства. Еще сильнѣйшею опорою, не по наружности, но въ сущности для правительства нашего въ царствѣ, былъ классъ крестьянъ, не только казенныхъ, но и помѣщичьихъ. Очиншеваніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ и въ особенности въ пожалованныхъ русскимъ маіоратахъ показало, до какой степени благосостоянія дошли поселяне въ сихъ имѣніяхъ, вслѣдствіе попеченій о нихъ правительства. Сравненіе быта крестьянина го-

сударственнаго или въ маіоратахъ съ бытомъ ихъ у помѣщиковъ не поселяло въ нихъ привязанности къ польскимъ владѣльцамъ, а напротивъ, еще болѣе внушало довѣрія къ русскому правительству, которое постоянно служило имъ защитою отъ притѣсненій шляхты и въ особенности когда послѣдовалъ указъ 1846 года, оградившій и личность и собственность крестьянъ отъ незаконныхъ требованій и притязаній помѣщиковъ. Не надобно однако думать, что правительство наше дѣлало крестьянамъ послабленія во вредъ помѣщиковъ или возбуждало ихъ противъ своихъ владѣльцевъ. Напротивъ, когда въ 1846 году въ Галиціи черезъ рѣку отъ насъ происходили убійства, крестьяне рѣзали своихъ помѣщиковъ, въ царствѣ Польскомъ не было ни одного случая даже ослушанія крестьянъ, потому что въ первую же минуту приняты были необходимыя мѣры.

Все держалось системою, основанною на знаніи народнаго характера поляковъ, твердою сильною волею иногда переходившею можетъ быть въ строгость, но заставлявшею всегда себя уважать, а иногда бояться.

Поэтому тогдашнее управленіе въ царствѣ Польскомъ считало бы для себя стыдомъ, если бы допустило хоть одинъ выстрѣлъ на улицахъ Варшавы.

Можетъ быть, дѣйствительно многое можно было смягчить, исправить, измѣнить въ управленіи царства; но не было необходимости мѣстному управленію края дѣлать измѣненія только для измѣненій, отъ которыхъ почти всегда приходилось отказываться. Не надо было забывать, что кротость или справедливость не есть еще послабленіе и безнаказанность, что, отказываясь отъ принадлежащей ему власти, управленіе не заставитъ себя уважать; что власть дана не для фаворитизма только, наконецъ, что, выпуская изъ рукъ власть, ее захватятъ другіе и захотятъ сами приказывать и тогда придется имъ дѣлать постыдныя уступки или принимать жесткія мѣры.

Такъ къ несчастію случилось да и не могло быть иначе.

Желаніе пріобрѣсти популярность газетную и въ гостиныхъ заставило (кн. Горчакова)заискивать въ магнатахъ и шляхтѣ [1]). Но надобно не знать вовсе исторіи Польши, чтобы надѣяться чѣмъ бы то ни было привязать къ себѣ шляхту.

---

[1]) Правдивая въ общемъ записка С. Панютина грѣшитъ здѣсь противъ исторической истины и несправедливо обвиняетъ князя М. Д. Горчакова въ исканіи популярности у поляковъ и тѣмъ объясняетъ его крайне нерѣшительныя дѣйствія. Странно обвинять человѣка въ недостаткѣ энергіи и рѣшимости, когда шесть лѣтъ передъ тѣмъ у того же человѣка достало энергіи стоять съ достоинствомъ во главѣ главной обороны Севастополя, и рѣшимости на безпримѣрный въ исторіи войнъ переводъ арміи съ южной на сѣ-

Не говорю уже найдти въ ней преданность. По натурѣ вещей она намъ враждебна. Ни одинъ изъ магнатовъ не забываетъ надежды на прежнюю возможность быть королемъ. Ни одинъ шляхтичъ не проститъ потерянной вольности или правильнѣе вольницы своей аристократической республики, гдѣ онъ былъ панъ, а прочіе рабы, гдѣ было широкое поле его удали, самовластія, беззаконности и безнаказанности. Примѣръ пятнадцатилѣтія до 1830 года ничего еще не доказываетъ, тогда еще была какая-нибудь узда, да и ту поляки старались сбросить революціею 1830 года.

Магнаты и шляхта конечно были обрадованы, видя, что снисхожденіе къ нимъ управленія даетъ имъ и вліяніе на людей и на дѣла и средства поправить свои обстоятельства и надежду приготовить все на случай вѣчно желаемыхъ, вѣчно ожидаемыхъ перемѣнъ явно, не прибѣгая ни къ тайнымъ обществамъ и не рискуя ничѣмъ.

Такимъ образомъ составилось Агрономическое общество; такимъ же образомъ отдано безъ торговъ и съ недостаточными залогами содержаніе шоссе въ царствѣ—дѣло почти въ 20 милліоновъ злотыхъ, на которое, кажется, они ничего еще не употребляли или очень мало.

Агрономическое общество въ первый же годъ своего существованія имѣло уже до 5 тыс. членовъ. Теперь ихъ, кажется, до 6 тыс. Агрономія тутъ только предлогъ. Оно было не что иное, какъ существующее съ дозволенія правительства политическое общество, гдѣ шляхта собиралась затѣмъ, чтобы счесть свои силы и приготовиться къ будущему воображаемому конечно устройству независимой Польши. Рѣчи членовъ рѣдко касались земледѣлія; но болѣе говорили о единствѣ, братствѣ, о правахъ народа и проектахъ объ измѣненіяхъ въ администраціи.

При этомъ были и депутаты изъ Позена (Познани) и Галиціи.

Къ сожалѣнію, все дозволялось, все оставалось безнаказнымъ. Же-

---

верную сторону Севастополя въ виду непріятеля по утлому мосту, перекинутому черезъ широкую бухту. Но, тамъ, въ Севастополѣ, ему никто не мѣшалъ, а напротивъ всѣ его поддерживали своимъ геройскимъ духомъ. Здѣсь было другое дѣло. Не князь Горчаковъ искалъ популярности, а высшія петербургскія сферы боялись, „что скажутъ въ Европѣ“. Мнѣніе о польскихъ дѣлахъ было крайне неустойчиво. Изъ обширной переписки, которую велъ князь Горчаковъ съ Петербургомъ, историкъ увидитъ, какія перемѣны и противорѣчія исходили изъ столицы: что ни письмо, то новость, то новый взглядъ на дѣла Польши. Мнительный и нервный князь Горчаковъ не зналъ, чему слѣдовать, какому образу дѣйствій держаться, и незамѣтно для себя выпустилъ власть изъ своихъ рукъ. Посылая одно изъ писемъ, полученныхъ имъ изъ Петербурга, военному губернатору г. Варшавы Н. А. Крыжановскому, князь Горчаковъ написалъ на немъ: „Lisez cette horrible lettre et parlez m'en demain“. (Прочитайте это ужасное письмо и скажите мнѣ завтра свое мнѣніе). Князь Горчаковъ боялся того, какъ посмотрятъ въ Петербургѣ на его мало-мальски рѣшительныя мѣры, и потому постоянно колебался. А. К.

ланіе популярности удерживало насъ отъ принятія какихъ-либо мѣръ, чтобы напомнить шляхтѣ, что существуетъ однако въ царствѣ русское правительство, которому одному предоставлено право заботиться объ управленіи и благосостояніи края.

Мало того шляхта, какъ сказано выше, не имѣла сочувствія поселянъ, которые болѣе довѣряли русскому правительству, чѣмъ своимъ владѣльцамъ. Въ это время составлялся проектъ объ очиншеваніи крестьянъ. Мѣра сія, самая существенная для ихъ благосостоянія, была конечно единственнымъ и лучшимъ средствомъ привязать къ себѣ поселянъ.

Вовсе неожиданно правительство отказывается отъ этого средства и передаетъ его въ руки шляхты, которая, обѣщая и оглашая свои обѣщанія, ничего однако же доселѣ не дѣлала; да и крестьяне шляхтѣ не вѣрятъ, не смотря на то, что само правительство объявило имъ съ амвоновъ, что помѣщики о нихъ заботятся.

Результатомъ многихъ подобныхъ мѣръ было однако же то, что управленіе наше потеряло всякое уваженіе шляхты; привязанности оно не пріобрѣло, а возбудило развѣ презрѣніе.

Другой классъ въ Польшѣ, чиновники были орудіемъ правительства нашего въ управленіи. Чиновниковъ въ царствѣ до 10 т. Въ Польшѣ любятъ титулы и знаки отличія. Однимъ даны были чины, другіе ихъ желали и ожидали; всѣ были усердные слуги. Русскій чинъ былъ какъ русскій мундиръ.

Чины въ царствѣ послѣ 20 лѣтъ уничтожены подъ предлогомъ непримѣнимости. Нѣтъ сомнѣнія, что чины имѣютъ свою дурную сторону. Можетъ быть, что рано или поздно чины признано будетъ возможнымъ уничтожить и въ Россіи. Ничто бы не препятствовало тогда отмѣнить ихъ въ царствѣ. Но уничтоженіе ихъ въ одномъ царствѣ было только уничтоженіемъ возможности имѣть русскихъ чиновниковъ въ Польшѣ и тѣмъ болѣе, что почти въ то же время послѣдовало запрещеніе русскимъ начинать службу въ царствѣ Польскомъ.

Такимъ образомъ произошло отдѣленіе, такъ сказать, польскихъ чиновниковъ отъ русскаго правительства и уничтоженіе существовавшей между ними связи.

Послѣдствія были выгодны только для фаворитизма.

Много послѣдовало назначеній, возбудившихъ общее неудовольствіе,—тѣмъ болѣе, что остальнымъ чиновникамъ не было уже возможности подвинуться службою впередъ, какъ было при существованіи чиновъ.

Можетъ быть, это отчасти было причиною, что большая половина ихъ даже дерзнула подписать впослѣдствіи извѣстный адресъ государю императору, участвовала въ демонстраціяхъ или подала въ отставку.

Словомъ чиновники всѣ, не исключая и полицейскихъ, сдѣлались ненадежными.

Такимъ образомъ были подготовляемы матеріалы для возстанія. Оставалось вывести революцію на улицу, чтобы показать Европѣ, что царство Польское не потому спокойно, что довольно своимъ положеніемъ.

Для этого нужны были мальчики-школьники. Дѣйствительно въ школахъ уже былъ для этого готовый элементъ. Изъ того же необъяснимаго желанія популярности, школы были распущены совершенно. Безнаказанность, изъ нежеланія, вѣроятно, огорчить родственниковъ, дошла до того, что часто учители, инспекторы и директоры вынуждаемы были извиняться передъ воспитанниками.

Ученики дѣлали все, что имъ вздумается, не ходили въ классы, шумѣли въ театрахъ, дѣлали разныя демонстраціи, о которыхъ будетъ говорено ниже, собирали сходки для битья стеколъ, писали анонимныя письма и пр. пр.

На все это смотрѣли сквозь пальцы и только съ тѣмъ, кажется, чтобы имѣть возможность закрыть поступки, которые называли дѣтскими шалостями. Дошло до того, что ученики были первыми во всѣхъ возстаніяхъ, содержали полицію въ городѣ и почти управляли Варшавою.

Такъ мало-по-малу приготовлялось то положеніе дѣлъ, которое родило послѣднія варшавскія событія.

Первыя проявленія попытокъ показались въ прошломъ 1860 году. Въ іюнѣ начали обнаруживаться враждебныя дѣйствія воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній, которые воспользовались похоронами вдовы коменданта Воли Савинскаго убитаго при защитѣ сего укрѣпленія, (въ 1831 г.), чтобы сдѣлать демонстраціи на Вольскомъ кладбищѣ, гдѣ они осмѣлились издѣваться надъ могилами русскихъ.

Не смотря на настоянія генералъ-губернатора,—объ этомъ происшествіи даже не производили слѣдствія.

Первый шагъ былъ сдѣланъ. Воспитанники и разный сбродъ, пользуясь безнаказностію и поддержкою въ краѣ Земледѣльческаго (Агрономическаго) общества, которое уже тогда считало до 5 тыс. членовъ, а за границею партіями Чарторижскаго и Мирославскаго,—начали постепенно приготовлять умы къ безпорядкамъ.

Даже во время послѣдняго пребыванія государя, они не скрывали своихъ дѣйствій. Иначе какъ объяснить намѣреніе облить ложу его величества купоросомъ, отсутствіе польскихъ дамъ на балѣ князя Горчакова и проч.

Въ ноябрѣ прошедшаго (1860) года, начались разныя демонстраціи, битье стеколъ, писаніе анонимныхъ писемъ, въ которыхъ запрещалось давать балы и вечера, ненависть и ругань русскихъ и ихъ приверженцевъ.

Въ годовщину бывшаго возстанія 1830 года воспитанники учебныхъ заведеній, вмѣстѣ съ толпою народа, собрались на Лешно и пѣли разныя патріотическія пѣсни. Нѣсколько недѣль спустя, вся реальная гимназія отправилась въ костелъ бернардиновъ, для служенія панихиды, въ память разныхъ лицъ, имѣвшихъ значеніе въ исторіи Польши.

Генералъ-губернаторъ вновь настаивалъ о принятіи строгихъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ и предлагалъ закрыть реальную гимназію, но представленія его остались безъ всякаго вниманія.

Такой образъ дѣйствій продолжался до собранія Земледѣльческаго (Агрономическаго) общества,—т. е. до 23-го февраля сего (1863) года.

Тутъ уже дерзость и самонадѣянность поляковъ перешла всякую мѣру.

За нѣсколько дней до годовщины Гроховскаго сраженія были разбросаны въ костелахъ, а 12-го (24-го) февраля наклеены въ разныхъ мѣстахъ города воззванія: собраться народу въ понедѣльникъ 13-го (25-го) февраля въ половинѣ шестаго на площадѣ Стараго мѣста. Здѣсь собравшаяся толпа должна была слѣдовать за процессіею мимо замка къ намѣстниковскому дому, гдѣ тогда Земледѣльческое общество имѣло свои засѣданія.

Хотя члены сего собранія не принимали видимаго участія, но извѣстно, что они не только знали, что будетъ демонстрація, но руководили оной и даже согласились по прибытіи процессіи къ намѣстниковскому дому выдти къ народу, изъ среды котораго зачинщики должны были просить ихъ подать адресъ о дарованіи конституціи.

13-го (25-го) февраля рано утромъ полиція арестовала ученика художественной школы Бальцера, печатавшаго воззванія посредствомъ ручной типографіи. Бальцеръ сознался во всемъ и показалъ, что если бы демонстрація удалась, то жители должны были иллюминовать городъ.

Казалось, что когда всѣ планы зачинщиковъ были уже извѣстны правительству, то и мѣры предосторожности могли быть приняты, а слѣдственно спокойствіе не могло быть нарушено.

Однако же вышло иначе.

Въ назначенный часъ началось сильное народное движеніе къ Старому мѣсту и къ костелу Паулиновъ. Оберъ-полицеймейстеръ, прибывшій на площадь, былъ встрѣченъ криками. Полковникъ Треповъ, не смотря на грозившую ему опасность, вошелъ въ толпу, приказывая ей замолчать и расходиться. Толпа, между которыми были мастеровые, послушалась, но ученики Маримонтской школы съ палками оставались на мѣстѣ. Вслѣдъ за симъ частный приставъ прислалъ сказать, что академики и гимназисты хотятъ заставить ксендза, отслужившаго вечерню, выйдти изъ костела Паулиновъ съ хоругвями и съ крестомъ и что онъ проситъ помощи. Оберъ-полицеймейстеръ, видя, что богослуженіе уже

окончено, приказалъ запереть костелъ, что было исполнено съ большимъ усиліемъ.

Полковникъ Треповъ не успѣлъ доѣхать до площади Стараго мѣста, какъ уже показались академики, воспитанники Маримонтской школы, гимназисты и нѣсколько неизвѣстныхъ лицъ, вѣроятно эмиссаровъ партіи Мирославскаго съ зажженными факелами и значками съ польскими орлами. Не смотря на всѣ увѣщанія, процессія продолжала идти впередъ. Тогда оберъ-полицеймейстеръ былъ вынужденъ приказать полиціи и пѣшимъ жандармамъ тушить факелы и отбирать значки. Прискакавшему же по приказанію намѣстника эскадрону жандармскаго полка приказалъ преградить процессіи дорогу, что было въ точности исполнено, безъ насильственныхъ мѣръ, не смотря на то, что академики факелами и значками пугали лошадей, а каменьями и грязью бросали въ жандармовъ.

Демонстрація окончилась рукопашной схваткой. Восемь человѣкъ, на которыхъ найдены прокламаціи и портреты сапожника Килинскаго, были арестованы.

Народное же движеніе по улицамъ продолжалось до ночи.

Слѣдующій день, 14-го (26-го) февраля, прошелъ спокойно, но члены Земледѣльческаго общества и большая часть публики надѣли трауръ въ честь мнимо убіенныхъ 13-го (25-го) февраля.

15-го (27-го) февраля утромъ нѣсколько сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ члены Земледѣльческаго общества, академики, гимназисты и ученики Маримонтской школы въ траурѣ, собрались въ костелѣ Кармелитовъ, на Лешно, для служенія панихиды въ память тѣхъ же убіенныхъ. Послѣ совершенія обряда, толпа пошла по улицѣ Долгой, заставляя дорогой выходить всѣхъ изъ экипажей и слѣдовать за нею, оскорбляя встрѣчавшихся офицеровъ и солдатъ. Подойдя къ запертой церкви Паулиновъ, она запѣла народные гимны и отправилась къ Старому мѣсту, гдѣ была встрѣчена съ восторгомъ. Изъ одного дома вынесли образъ, бросали изъ оконъ бумажные образки, которые ученики прибили къ палкамъ, направляясь мимо замка къ костелу бернардиновъ, откуда намѣрены были слѣдовать къ намѣстниковскому дому, гдѣ засѣдали члены Земледѣльческаго общества.

На площади замка намѣстникъ приказалъ сотнѣ линейныхъ казаковъ преградить дорогу процессіи, при которой не было ни одного ксендза.

Подвигаясь все ближе и ближе къ костелу бернардиновъ, казаки, при которыхъ былъ только ихъ сотенный командиръ, наткнулись на похороны чиновника Лемпицкаго. Кто-то изъ толпы закричалъ: хоронятъ жертву, павшую за отечество 13-го (25-го) февраля. Тогда чернь начала бросать въ казаковъ грязью и каменьями. Казаки, между ко-

торыми были раненые, отбивались плетьми. Зачинщики же, для возбужденія народа, распространили слухъ, что они побили двухъ ксендзовъ, выходившихъ изъ костела съ крестомъ для сопровожденія похоронъ, и что крестъ сломался въ дребезги [1]).

Казаки не только не помѣшали народу войти въ костелъ, но сами получили приказаніе отойти къ замку.

Генералъ Заболоцкій, желая пересѣчь народу сообщеніе съ намѣстниковскимъ домомъ, безъ приказанія, пришелъ съ ротою, взятой изъ Примасовскаго дома. Чернь съ неистовыми криками начала бросать грязью и каменьями въ нашихъ солдатъ. Заболоцкій, ушибленный камнемъ, не вытерпѣлъ, приказалъ зарядить ружья и сдѣлать залпъ. Вслѣдствіе чего было убито 5 человѣкъ и ранено 15-ть.

Толпа же въ первую минуту разбѣжалась во всѣ стороны.

Залпъ сей произвелъ страшное смятеніе въ замкѣ. Намѣстникъ не зналъ, на что рѣшиться, и окончилось тѣмъ, что приказано было для успокоенія народа убрать войска. Чернь, предводительствуемая своими начальниками, видя наше отступленіе, подняла трупы и на носилкахъ понесла ихъ по городу. Четыре трупа были положены въ Европейскую гостиницу, а пятый внесенъ въ засѣданіе Земледѣльческаго общества. Члены съ криками: «убиваютъ нашихъ братьевъ», побѣжали въ Европейскую гостиницу. При огромномъ стеченіи народа рыдали надъ тѣлами убитыхъ и произносили разныя патріотическія рѣчи. Вслѣдъ затѣмъ начали подписывать адресъ государю, и тотчасъ же составилась депутація будто бы отъ всѣхъ сословій, которая вмѣстѣ съ адресомъ отправилась съ разными требованіями къ намѣстнику.

Князь Горчаковъ согласился на слѣдующія уступки:

1. Похоронить убитыхъ со всѣми почестями.

2. Учредить временное управленіе, составленное изъ всѣхъ сословій города (делегація), которое въ продолженіе трехъ дней, а именно до похоронъ будетъ, безъ вмѣшательства полиціи, блюсти за порядкомъ и сохранять спокойствіе.

Словомъ сказать, городъ отданъ былъ на произволъ людямъ, производящимъ безпорядки.

3. Въ день похоронъ полиція и войска не должны были показываться на улицахъ.

4. Назначить маркиза Паулуччи на мѣсто оберъ-полицеймейстера Трепова, не умѣвшаго, по словамъ депутаціи, пріобрѣсти популярности (?).

5. Дозволить депутаціи ѣхать въ Петербургъ для поднесенія адреса государю [2]).

---

[1]) Нынѣ достовѣрно извѣстно, что все это вымыселъ злонамѣренныхъ людей.

[2]) Въ тотъ же день послѣдовало измѣненіе: князь Горчаковъ самъ послалъ адресъ въ Петербургъ.

6. Освободить безъ исключенія всѣхъ лицъ, арестованныхъ 15-го (27-го) февраля.

Подобныя уступки не требуютъ объясненій.

Въ тотъ же самый день, подали въ отставку всѣ предводители дворянства и большая часть лицъ, принадлежавшихъ къ высочайшему двору. Предсѣдатель Земледѣльческаго общества, гр. Андрей Замойскій, принялъ роль диктатора. Ничто не дѣлалось безъ его согласія. Всѣ же его требованія были исполняемы нашимъ правительствомъ безпрекословно. Временное управленіе вступило въ исполненіе своихъ обязанностей, издало прокламацію къ жителямъ Варшавы, въ которой умоляло именемъ отечества не прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, которыя въ настоящее время могутъ имѣть только пагубныя послѣдствія.

Нельзя не согласиться (въ томъ, что) временное правленіе исполнило въ точности свои обѣщанія, и въ городѣ былъ сохраненъ порядокъ. Учреждены патрули изъ разныхъ лицъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Тишина и наружное спокойствіе не были нарушены. Но между тѣмъ патріоты не теряли времени. На улицахъ и въ домахъ были произносимы рѣчи противъ правительства, въ которыхъ были указываемы на святотатства, совершенныя будто бы надъ крестомъ, и на истязанія ксендзовъ.

Были посланы приглашенія къ крестьянамъ прибыть въ Варшаву на похороны жертвъ, павшихъ 15-го (27-го) февраля. Сія послѣдняя мѣра не удалась: крестьяне, помня благодѣянія покойнаго государя, оставались на своихъ мѣстахъ.

Совершено было торжественное примиреніе съ евреями, которыхъ называли братьями [1]). Также были отправлены въ города и мѣстечки агенты для возбужденія народа противъ правительства, съ приглашеніемъ дѣлать демонстраціи и служить панихиды.

Наконецъ наступилъ день похоронъ.

Не приведи Богъ русскому и вѣрноподданному видѣть другой разъ въ жизни зрѣлище, унизившее до такой степени имя русское.

Въ тотъ день, когда было приказано войскамъ и полиціи не показаться на улицахъ, все варшавское народонаселеніе въ глубокомъ траурѣ, католическое духовенство, имѣя во главѣ епископа, духовенства: евангелическое и реформатское, раввинъ съ кагаломъ и всѣ городскіе цехи съ своими значками провожали тѣла, несенныя на рукахъ лицами того сословія, которому принадлежалъ убитый; а наши караулы отдавали честь процессіи.

---

[1]) Чтобы получить отъ нихъ деньги на возстаніе.

Примѣч. Н. А. Крыжановскаго.

Въ тотъ же день послѣ похоронъ въ самомъ враждебномъ для русскаго правительства духѣ было сдѣлано во всѣхъ газетахъ описаніе похоронъ, а графъ Андрей Замойскій благодарилъ отъ имени отечества академиковъ и воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній за сохраненіе порядка.

Послѣ похоронъ большая часть членовъ Земледѣльческаго общества разъѣхалась по деревнямъ; но для наблюденія за ходомъ дѣлъ осталось до 200 членовъ.

Въ награду же за сохраяеніе порядка, намѣстникъ разрѣшилъ временному правленію наблюдать за спокойствіемъ въ городѣ еще въ день восшествія на престолъ государя императора. Затѣмъ въ помощь городскимъ властямъ была составлена делегація изъ гражданъ въ числѣ 24-хъ членовъ подъ предсѣдательствомъ маркиза Паулуччи. Делегація эта засѣдала въ ратушѣ и каждый вечеръ представляла отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ членамъ рессурса, гдѣ ежедневно собиралось отъ 1.000 до 2.000 человѣкъ. Словомъ, въ это время русское правительство не существовало, русскія войска исчезли, были спрятаны, управленіе передано въ руки людей, которыхъ нельзя назвать иначе, какъ мятежниками.

Вотъ до какихъ результатовъ, послѣ пятилѣтнихъ послабленій и необузданныхъ мѣръ, достигли наши русскіе дѣятели въ Польшѣ.

Исторія не представляетъ примѣра, чтобы въ краѣ, гдѣ правительство опирается на пять крѣпостей, на прекрасное войско и на четыре милліона крестьянъ, которые еще до сихъ поръ за правительство, могло унизить себя до такой степени.

Послѣ всѣхъ сихъ событій, 2-го (14-го) марта былъ полученъ высочайшій рескриптъ на имя князя Горчакова (рескриптъ сей былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ, слѣдственно излишне говорить о содержаніи онаго [1]).

---

[1]) Считаемъ, однако, не лишнимъ напомнить читателямъ, что 16-го (28-го) февраля варшавскій архіепископъ Фіалковскій, въ сопровожденіи трехъ другихъ лицъ, представилъ генералъ-адъютанту князю Горчакову слѣдующее прошеніе на высочайшее имя:

„Государь! Горестныя происшествія, случившіяся недавно въ Варшавѣ, раздраженіе, предшествовавшее имъ и послѣдовавшее за ними, глубокая скорбь, проникшая всѣ сердца, побудили насъ повергнуть настоящее прошеніе къ стопамъ вашего величества отъ имени всей страны, въ надеждѣ, что ваше благородное сердце, государь, не отвергнетъ гласъ несчастнаго народа.

„Эти событія, которыхъ горькія сцены мы удерживаемся описывать, вовсе не были вызваны разрушительными страстями отдѣльныхъ классовъ населенія, напротивъ того, они составляютъ единодушное и краснорѣчивое выраженіе чувствъ отвергнутыхъ и нуждъ признанныхъ. Болѣе полустолѣтія

На другой день князь Горчаковъ пригласилъ къ себѣ архіепископа Фіалковскаго, графа Андрея Замойскаго, Островскаго, графа Малаховскаго, банкира Кроненберга и купца Шленкера. Такъ какъ онъ принималъ всѣ депутаціи отъ 15-го (27-го) февраля глазъ на глазъ и ни съ кѣмъ не совѣтовался, а только соглашался на всѣ требованія, то неизвѣстно, какіе происходили разговоры и пренія. Но въ тотъ же вечеръ распространились слухи и копіи съ протокола засѣданій въ рессурсѣ, въ которомъ сказано, что государь, не смотря на строгость выраженій, изъясненныхъ въ рескриптѣ, обѣщаетъ сдѣлать разныя измѣненія и улучшенія въ администраціи царства. Разсказывали также, что намѣстникъ сообщилъ депутаціи письмо отъ министра статсъ-секретаря, въ которомъ сказано, что льготы, даруемыя царству Польскому, будутъ обнародованы особеннымъ декретомъ.

Графъ Замойскій, выслушавъ содержаніе письма г. Тымовскаго, будто бы сказалъ князю Горчакову: «мы принимаемъ сіи уступки, но онѣ для насъ недостаточны». Намѣстникъ отвѣчалъ: «примите ихъ на время; увидимъ, что можно будетъ сдѣлать для васъ впослѣдствіи».

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней много было толковъ о рескриптѣ.

«Я читалъ прошеніе, вами ко мнѣ препровожденное. Оно могло бы быть оставлено вовсе безъ вниманія, какъ мнѣніе нѣсколькихъ лицъ

страданій, претерпѣваемыхъ всѣмъ народомъ, управлявшимся въ теченіе вѣковъ учрежденіями либеральными; народомъ, у котораго отняты были даже законные пути для принесенія монарху жалобъ и выраженія общихъ нуждъ; все это поставило его въ такое положеніе, что онъ не можетъ иначе проявить свой голосъ, какъ стономъ жертвъ. А потому онъ и не перестаетъ приносить эти жертвы.

„Въ глубинѣ души каждаго жителя этой несчастной страны хранится сильное чувство особенной національности, отличной отъ національностей другихъ народовъ Европы. Это чувство не сокрушено ни временемъ, ни событіями; несчастіе не только не ослабило, но укрѣпило его. Все, что оскорбляетъ или вредитъ ему, волнуетъ умы. Вслѣдствіе того, это роковое вліяніе подорвало всякое довѣріе между правителями и управляемыми.

„Довѣріе не можетъ возродиться, пока будутъ употребляемы насильственныя принудительныя мѣры, не ведущія ни къ какому результату. Страна, нѣкогда стоявшая въ уровень по образованію съ своими сосѣдями въ Европѣ, не въ состояніи развиваться ни морально, ни матеріально, доколѣ ея церковь, законодательство, публичное воспитаніе и вся ея общественная организація будутъ лишены своей національности и своихъ историческихъ преданій.

„Желанія нашего народа тѣмъ сильнѣе, что въ огромной европейской семьѣ, въ настоящее время, онъ только почти одинъ лишенъ необходимыхъ условій существованія, безъ которыхъ никакое общество не можетъ идти по пути развитія, указаннаго Провидѣніемъ.

„Повергая къ стопамъ трона выраженіе нашей скорби и нашихъ пламенныхъ желаній, и вѣря въ высокую справедливость и правосудіе вашего

которыя, подъ предлогомъ возбужденныхъ на улицахъ безпорядковъ, присвоиваютъ себѣ право осуждать произвольно весь ходъ государственнаго управленія въ царствѣ Польскомъ. Но я готовъ видѣть во всемъ этомъ одно лишь увлеченіе».

Въ рессурсѣ ораторы кричали: «какъ это возможно, здѣсь дѣло идетъ не о нѣсколькихъ лицахъ, а о всемъ народѣ, который такъ благородно и скромно выразилъ, предъ всей Европой, сколь тягостно для него русское иго».

Ждали только случая, чтобы сдѣлать какую-нибудь манифестацію, и воспользовались выѣздомъ г. Муханова [1]), чтобы собраться въ числѣ двухъ или трехъ тысячъ у дебаркадера желѣзной дороги, гдѣ имѣли намѣреніе бросать въ него каменьями и грязью.

Хотя Мухановъ имѣлъ предосторожность поѣхать въ экипажѣ до первой станціи, но до самой границы, на станціяхъ, гдѣ останавливался поѣздъ, его встрѣчали съ ругательствами, а въ Скерневицахъ

императорскаго величества, мы осмѣливаемся взывать къ вашему великодушію".

15-го (27-го) февраля 1861 г.

Князь Горчаковъ представилъ это прошеніе императору, который отвѣчалъ ему 25-го февраля:

„Князь Михаилъ Дмитріевичъ! Я читалъ прошеніе, вами ко мнѣ препровожденное. Оно могло бы быть оставлено вовсе безъ вниманія, какъ мнѣніе нѣсколькихъ лицъ, которыя, подъ предлогомъ возбужденныхъ на улицахъ безпорядковъ, присвоиваютъ себѣ право осуждать произвольно весь ходъ государственнаго управленія въ царствѣ Польскомъ. Но я готовъ видѣть во всемъ этомъ одно лишь увлеченіе.

„Всѣ заботы мои посвящены дѣлу важныхъ преобразованій, вызываемыхъ въ моей Имперіи ходомъ времени и развитіемъ общественныхъ интересовъ. Тѣ же самыя попеченія распространяются безраздѣльно и на подданныхъ моихъ въ царствѣ Польскомъ. Ко всему, что можетъ упрочить ихъ благосостояніе, я никогда не былъ и не буду равнодушнымъ.

„Я уже на дѣлѣ доказалъ имъ мое искреннее желаніе распространить и на нихъ благотворныя дѣйствія улучшеній истинно-полезныхъ, существенныхъ, постепенныхъ. Неизмѣнны пребудутъ во мнѣ таковыя желанія и намѣренія, и потому я въ правѣ ожидать, что попеченія мои не будутъ затрудняемы, ни ослабляемы требованіями несвоевременными или преувеличенными и несовмѣстными съ настоящими пользами моихъ подданныхъ. Я и исполню всѣ мои обязанности. Но ни въ какомъ случаѣ не потерплю нарушенія общественнаго порядка. На такомъ основаніи созидать что-либо не возможно. Всякое начало, порожденное подобными стремленіями, произноситъ самому себѣ сужденіе. Я не допущу до сего. Не допущу никакого вреднаго направленія, могущаго затруднять или замедлить постепенное, правильное развитіе и преуспѣяніе благосостоянія сего края, которое будетъ всегда и постоянно цѣлью моихъ желаній и попечительности".

(См. „Русскій Инвалидъ" 2-го апрѣля 1861 г., № 50).

[1]) Министръ внутреннихъ дѣлъ царства Польскаго.

*

разбили всѣ окна въ вагонѣ. 13-го (25-го) марта около вечера, толпа, собравшаяся въ одно мгновеніе по свисткамъ, разбила всѣ окна у генерала Абрамовича въ театрѣ и въ квартирѣ г. Эноха въ намѣстниковскомъ домѣ. Предполагали, что послѣ такого явнаго нарушенія общественнаго спокойствія будутъ приняты строгія мѣры, чтобы положить предѣлъ дерзости.

Написано уже было постановленіе объ объявленіи города на военномъ положеніи; но новая городская депутація остановила всѣ распоряженія, и городъ вновь былъ отданъ для сохраненія спокойствія делегаціи, которая тотчасъ учредила свою полицію. Спокойствіе дѣйствительно не было нарушено въ продолженіе страстной недѣли. Нельзя себѣ вообразить, что дѣлалось на улицахъ,—это былъ просто маскарадъ. Все народонаселеніе носило трауръ, молодые люди и разный сбродъ надѣли бѣлыя, голубыя, малиновыя конфедератки, чамарки и контуши.

Наконецъ, 31-го марта былъ обнародованъ всемилостивѣйшій манифестъ о дарованіи разныхъ льготъ царству Польскому. Милости, оказанныя государемъ краю, не успокоили умовъ, хотя умѣренная партія казалась, видимо, довольною, но лихорадочное состояніе было слишкомъ сильно. Конфедератки и чамарки, подстрекаемыя поджигателями, надѣялись, что посредствомъ безпорядковъ они достигнутъ еще другихъ уступокъ.

Всѣ объявленія и прокламаціи высшаго начальства, въ которыхъ старались образумить народъ, представляя всѣ гибельныя послѣдствія, ожидающія возмутителей порядка, только возбуждали еще болѣе волненіе. Раздѣленіе города на четыре отдѣла, подчиненные начальникамъ войскъ, ясно доказывало, что правительство рѣшилось приступить къ энергическимъ мѣрамъ и, наконецъ, положить предѣлъ безначалію, но и эта мѣра не имѣла никакого вліянія.

Безпорядки распространялись по всему краю. Въ Радомѣ, Калишѣ, Люблинѣ, Кѣльцахъ, Серадзѣ и проч., чернь, волнуемая подстрекателями и увѣренная въ безнаказанности, повторила безпорядки, бывшіе въ Варшавѣ.

Въ Варшавѣ съ 22-го марта (3-го апрѣля) манифестаціи продолжались ежедневно. У статуй Богородицы и Святыхъ собирались толпы въ нѣсколько тысячъ людей, которые вмѣстѣ съ молитвами пѣли разныя патріотическія пѣсни. 24-го марта (5-го апрѣля), въ 9 часовъ утра, было большое стеченіе народа у костела Реформатовъ, въ которомъ даже принимало участіе духовенство.

Нельзя было ручаться, что при тогдашнемъ безначаліи, мы не лишились бы единственной вашей опоры въ Польшѣ, а именно крестьянъ, которые еще до сихъ поръ за насъ, хотя помѣщики, духовенство и разнаго рода агенты подстрекали ихъ противъ правительства, увѣряя, что

русскіе совершили святотатство надъ крестомъ и хотятъ обратить ихъ въ православную вѣру. Къ сожалѣнію, правительство вмѣсто того, чтобы воспользоваться симъ положеніемъ и стараться поддержать привязанность къ себѣ крестьянъ, дозволило 21-го марта (2-го апрѣля) объявить крестьянамъ съ амвоновъ чрезъ духовенство слѣдующее постановленіе:

Что владѣльцы, въ попеченіи о благѣ крестьянъ, усердно занимаются проектомъ объ очиншеваніи ихъ; что, кромѣ того, значительное число владѣльцевъ изъявило желаніе, по введеніи установленнаго по добровольному согласію чинша, предоставить крестьянамъ право выкупа земель.

Объявленіе сіе имѣетъ ту дурную сторону, что крестьяне, услышавши изъ устъ своихъ священниковъ, что благосостояніемъ своимъ они обязаны будутъ не государю, но владѣльцамъ, которые, воспользовавшись ошибкою правительства, передавшаго на разсмотрѣніе Земледѣльческаго общества проектъ объ очиншеваніи, надѣются безъ всякихъ для себя потерь положить тѣмъ предѣлъ вѣковой враждѣ между ними и крестьянами.

Непонятно, какъ правительство, видя въ теченіе столькихъ лѣтъ и, наконецъ, во время нынѣшнихъ безпорядковъ, спокойствіе и расположеніе къ себѣ крестьянъ, не взяло на себя безъ вмѣшательства шляхты обнародованіе постановленія очиншеванія [1]) крестьянъ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ казенныхъ имѣніяхъ и маіоратахъ.

Какой представлялся нынѣ прекрасный случай совершить сіе великое дѣло. Это было лучшимъ средствомъ еще болѣе привязать къ себѣ крестьянъ и, опираясь на четырехмилліонное населеніе, обуздать тѣмъ навсегда враждебную шляхту.

25-го марта (6-го апрѣля) было обнародовано постановленіе совѣта управленія о закрытіи по высочайшему повелѣнію Земледѣльческаго общества. На другой день, 26-го марта (7-го апрѣля), около трехъ часовъ пополудни, огромныя толпы народа начали стекаться со всѣхъ сторонъ къ зданію земскаго кредитнаго общества, гдѣ на балконѣ, во время пѣнія патріотическихъ пѣсенъ, былъ водруженъ польскій орелъ, подъ которымъ поставленъ образъ Богородицы, покровительницы Польши. Оттуда толпы направились чрезъ Саксонскую площадь и близъ лежащія улицы къ дому бывшаго предсѣдателя общества графа Андрея Замойскаго. Не смотря на всѣ увѣщанія генералъ-губернатора, выѣхавшаго на встрѣчу, толпа не расходилась. По прибытіи же къ дому Замойскаго, послѣ криковъ «ура!», начали вызывать его на балконъ. Послѣ долгаго ожиданія, Замойскій, наконецъ, показался и старался убѣдить народъ разойтись по домамъ. Рукоплесканіямъ и восторженнымъ крикамъ

[1]) Очиншеваніе—земельный надѣлъ

не было конца, но убѣжденія графа Замойскаго не могли успокоить толпы, которыя направились къ за́мку.

Когда народъ сталъ все болѣе собираться къ за́мку, тогда было приказано войскамъ стать на площади Сигизмунда. Самъ намѣстникъ, окруженный своимъ штабомъ, выѣхалъ къ толпѣ, уговаривая расходиться по домамъ. Дерзость дошла до того, что осмѣяли и освистали князя Горчакова.

— Пошелъ вонъ!—кричала толпа,—мы стоимъ на родной землѣ поѣзжай самъ домой; мы не отойдемъ, пока войска не отступятъ.

Намѣстникъ воротился въ за́мокъ, а войска, простоявъ еще нѣкоторое время, были уведены съ площади.

Отступленіе войскъ еще болѣе подняло самонадѣянность мятежниковъ, которые вообразили, что русское правительство никогда не осмѣлится употребить противъ нихъ силу. Такъ называемая умѣренная партія, къ которой принадлежали всѣ высшія сословія, члены бывшаго Земледѣльческаго общества и наконецъ люди, имѣющіе какое-либо состояніе, оставались въ сторонѣ, хотя очень хорошо знали всѣ дѣйствія радикальной партіи и руководили ею.

27-го марта (8-го апрѣля), около трехъ часовъ по полудни опять толпа начала собираться на Краковскомъ предмѣстьи у костела кармелитовъ, гдѣ отпѣвали тѣло возвратившагося изъ Сибири политическаго преступника. По совершеніи обряда, толпа пошла для сопровожденія похоронъ на Повонзковское кладбище, откуда большая часть направилась къ за́мку. Около $5^1/_2$ часовъ вечера площадь Сигизмунда была уже покрыта народомъ, и войска, выходившія изъ за́мка, были встрѣчены неистовыми криками. Желая образумить народъ и во избѣжаніе несчастныхъ послѣдствій, которыя его ожидали въ случаѣ упорства, было приказано одной ротѣ пѣхоты съ жандармами на флангахъ подвинуться впередъ, а полицейскому чиновнику, послѣ барабаннаго боя, объявить народу, чтобы расходился.

Троекратно каждыя десять минутъ было возобновляемо сіе объявленіе. Послѣ третьяго раза, когда увидѣли, что всѣ увѣщанія остаются тщетными, было приказано взводу жандармовъ разогнать народъ.

Атака была произведена рысью, и толпа разбѣжалась на тротуары Краковскаго предмѣстья, жандармы разогнали чернь холоднымъ оружіемъ, но она, пользуясь тѣмъ, что жандармы не могли въѣзжать на скользкіе тротуары, съ криками и свистомъ начала отбиваться остроконечными окованными желѣзомъ палками и бросать каменья. Такъ какъ дальнѣйшее дѣйствіе жандармовъ не могло имѣть успѣха, то приказано имъ отойти, а взводу пѣхоты разогнать толпу съ тротуаровъ. Толпа дѣйствительно разбѣжалась, но только-что взводъ возвратился на свое мѣсто, какъ снова густыя массы съ Краковскаго предмѣстья и

съ Сенаторской улицы двинулись на площадь Сигизмунда. Была произведена вторая атака, двумя взводами жандармовъ, имѣвшая тотъ же неуспѣхъ, какъ и первая. Тогда выдвинули противъ Сенаторской улицы взводъ пѣхоты, который былъ встрѣченъ каменьями, и сдѣланъ мятежниками первый выстрѣлъ изъ угловаго дома, выходящаго съ правой стороны отъ Сенаторской улицы на площадь Сигизмунда.

Наступила минута молчанія, и вслѣдъ затѣмъ былъ произведенъ первый залпъ. Толпа съ крикомъ разбѣжалась во всѣ стороны.

Въ это мгновеніе показалась изъ костела бернардиновъ процессія, впереди которой несли крестъ. Рота пѣхоты пропустила ее до угла Сенаторской, гдѣ два взвода жандармовъ преградили ей дорогу. Находившійся вблизи жандармскій штабъ-офицеръ узналъ человѣка, несшаго крестъ; это былъ выпущенный изъ цитадели политическій арестантъ ученикъ художественной школы Новаковскій [1]).

Новаковскаго арестовали—посыпался градъ камней. Войска должны были податься назадъ и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ для удержанія натиска. Въ то же время показалась другая процессія, которая стала на перекресткѣ Краковскаго предмѣстья и Сенаторской улицы. Толпа запѣла: «избави насъ Боже отъ язычниковъ». Казаки успѣли ее разогнать, но только-что отошли за пѣхоту, какъ толпа снова начала собираться и кидать камнями. Въ то же время, чтобы заградить улицы Сенаторскую и Подвальную, чернь сдѣлала изъ нагромоздившихся дрожекъ и экипажей родъ барикадъ, изъ-за которыхъ бросали камнями.

Видимо было, что только рѣшительныя дѣйствія могутъ положить конецъ безумному упорству мятежниковъ, которые со всѣхъ сторонъ съ криками напирали на войска. Дерзость ихъ вынудила начальника войскъ генерала Хрулева, имѣвшаго предварительно письменное повелѣніе отъ намѣстника, приказать сдѣлать четыре залпа: одинъ вдоль Сенаторской улицы, другой по Краковскому предмѣстью, третій по Подвальной и четвертый по Новому съѣзду [2]).

---

[1]) А не ксендзъ.

[2]) Это не вѣрно: никакого письменнаго приказанія намѣстникомъ дано не было. По разсказу Н. А. Крыжановскаго, дѣло происходило такъ:

Когда выѣздъ кн. Горчакова къ толпѣ оказался неудачнымъ, то князь, сильно разстроенный, призвалъ къ себѣ въ кабинетъ генерала Хрулева, гдѣ находился и Николай Андреевичъ Крыжановскій.

— Выведите войска изъ замка на площадь и разгоните толпу,—сказалъ князь Горчаковъ.

— А если она меня не послушаетъ, какъ и васъ?—спросилъ Хрулевъ.

— Ну, тогда употребите самыя рѣшительныя мѣры.

— Какія же?—стрѣлять?

— Да, но лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Уговоровъ Хрулева толпа, видѣвшая наканунѣ нерѣшительныя дѣйствія намѣстника, конечно, не послушалась, и черезъ полчаса раздались четыре

Всего выпущено 464 выстрѣла.

Толпы побѣжали во всѣ стороны, оставивъ на мѣстѣ 4 тѣла и до 20 раненыхъ. Унесли же съ собою 7 тѣлъ и до 130 раненыхъ, которые, какъ увидимъ ниже, были отобраны ночью. Арестовано 70 человѣкъ. Съ нашей же стороны убито два человѣка и ранено 12.

Послѣ арестованія Новаковскаго и перваго залпа, былъ данъ сигналъ общей тревоги, въ замкѣ и на Саксонской площади.

Смятеніе и страхъ народа были необыкновенны. Когда увидѣли ракеты и услышали пушечные выстрѣлы холостыми зарядами изъ цитадели, жители вообразили, что бомбардируютъ городъ. Толпы уже не останавливаясь бѣжали по всѣмъ направленіямъ, а наши войска въ удивительномъ порядкѣ собирались на указанныхъ пунктахъ. Между тѣмъ, въ замкѣ уже явились: банкиръ Кроненбергъ и каноникъ Стецкій. Намѣстникъ ихъ не принялъ, и затѣмъ депутаціи уже болѣе не являлись съ требованіями разныхъ уступокъ и льготъ.

Вслѣдъ затѣмъ были приняты слѣдующія мѣры:

1) Всѣмъ войскамъ, пришедшимъ по тревогѣ, расположиться бивуаками на площадяхъ, впредь до особаго приказанія.

2) Ночью забрать всѣ тѣла убитыхъ, отнесенныя въ частные дома, и отвезти въ цитадель,—гдѣ ихъ похоронить по совершеніи обряда католическимъ капланомъ, находящимся при войскахъ.

3) Всѣхъ раненыхъ изъ частныхъ домовъ перевезти для лѣченія въ гражданскіе и военные госпитали.

4) Всѣхъ арестованныхъ лицъ перевезти въ цитадель,—откуда на другой день отправить въ Новогеоргіевскъ.

5) Обнародовать постановленіе совѣта управленія, состоявшееся 27-го марта (8-го апрѣля) противъ сборищъ.

6) Подтверждено начальникамъ войскъ наблюдать, чтобы ни подъ

залпа. Услышавъ залпъ, кн. Горчаковъ вскочилъ съ кресла и, бормоча что-то про себя, сталъ ходить по кабинету. Вошелъ Хрулевъ и совершенно покойно доложилъ: „согласно приказанія вашего сіятельства толпа разогнана; по улицамъ посланы патрули и разъѣзды, а на площади поставленъ караулъ изъ одной роты. Убитыхъ (поляковъ) 11 человѣкъ, раненыхъ около 150; у насъ потеря: 2 убитыхъ и 12 раненыхъ".

— А развѣ я,—сказалъ князь Горчаковъ какъ бы съ укоромъ,—приказывалъ вамъ стрѣлять боевыми патронами?..

Но это Хрулевъ, со свойственною ему грубоватою откровенностью, перебилъ князя.

— Полно хитрить, князь,—сказалъ онъ,—я хорошо знаю, что означаетъ приказаніе намѣстника разогнать толпу оружіемъ, когда она другихъ приказаній не слушаетъ... и вышелъ изъ кабинета.

Горчаковъ схватилъ листъ бумаги и, бормоча про себя, сталъ что-то писать. Н. А. Крыжановскій также вышелъ.

какимъ видомъ на улицахъ и площадяхъ не было сборищъ, ослушниковъ приказано брать подъ арестъ, а въ случаѣ сопротивленія употреблять оружіе.

7) Опубликованы временныя правила для варшавскаго муниципальнаго совѣта, въ который послѣ всемилостивѣйшаго манифеста были призваны, съ разрѣшенія высшаго начальства, часть членовъ, принадлежавшихъ къ бывшей делегаціи, дозволившей себѣ при первомъ засѣданіи сдѣлать разныя постановленія, превышающія ея власть, и напечатать оныя въ газетахъ.

8) Посланы въ губерніи и города, гдѣ возникли безпорядки, военные начальники для возстановленія спокойствія.

9) Въ Варшавѣ приказано закрыть рессурсъ, преобразившійся въ патріотическій клубъ. Здѣсь рѣшались всѣ вопросы, относящіеся къ возбужденію безпорядковъ въ краѣ, отдавались приказанія о демонстраціяхъ и разсылались эмиссары.

10) Послѣ 10-ти часовъ вечера никому не дозволено ходить по улицамъ безъ фонаря.

11) Домовладѣльцы обязаны подписками объявлять полиціи о каждомъ лицѣ, проживающемъ безъ установленнаго вида.

12) Раненымъ воспрещено показываться на улицахъ.

13) Всѣ шинки, кофейные дома и другія публичныя заведенія приказано зарывать впредь до особаго приказанія въ 8 часовъ вечера.

14) Запрещенъ трауръ и разные маскарадные костюмы.

15) Воспрещено также носить разные наружные знаки, какъ-то: бѣлые орлы, кокарды, галстухи съ національными цвѣтами и проч.

16) Въ магазинахъ не вывѣшивать траурныхъ принадлежностей, какъ это было въ теченіе 6-ти недѣль.

17) Не носить палокъ, окованныхъ желѣзомъ и съ свинцовыми набалдашниками.

18) На похоронахъ не собираться постороннимъ зрителямъ; дозволено только сопровождать тѣла усопшихъ родственникамъ.

19) Отобранное у оружейныхъ мастеровъ и въ лавкахъ оружіе огнестрѣльное и холодное перевезти въ цитадель.

20) Впредь до особаго распоряженія, закрыть городскую почту.

21) При всѣхъ поѣздахъ желѣзной дороги отправлять конвой для наблюденія за порядкомъ.

Половина сихъ мѣръ, принятыхъ во-время, могла бы предупредить всѣ безпорядки и кровопролитіе. Доказательствомъ чего служитъ и то, что, не смотря на развившееся отъ безнаказанности до безумія остервенѣніе черни, въ одну минуту, какъ бы по волшебству, физіономія города совершенно измѣнилась, исчезли маскарадные костюмы. На улицахъ только показались лица, изумленныя и подъ вліяніемъ видимаго страха.

Простой народъ понялъ, что его выставляли только впередъ и употребляли какъ орудіе, а при первой возможности бросили на произволъ судьбы.

Извѣстно, что главные зачинщики не были съ народомъ, они оставались въ сторонѣ и выжидали обстоятельствъ, а послѣ несчастныхъ событій нѣкоторые даже пѣшкомъ бѣжали изъ города.

Куда дѣвались Замойскіе, Островскіе, Шленкеры, Епштейны и другіе? Они оставались у себя въ заперти и дома выжидали исхода обстоятельствъ. Имъ нужны были новыя жертвы, которыя дали бы снова возможность воспользоваться слабостію правительства, чтобы на трупахъ своихъ несчастныхъ соотечественниковъ потребовать для себя новыхъ уступокъ.

Для достиженія сей цѣли дѣлались подъ видомъ пожертвованій для родственниковъ, павшихъ 15-го (27-го) февраля, складки, которыя раздавались простому народу. Работники и чернь, отвыкшіе отъ работы, предавались страшному пьянству и готовы были на всѣ неистовства. Изъ духовенства же, къ сожалѣнію, многіе проповѣдывали народу бунтъ.

Чернь, волнуемая рѣчами своихъ руководителей, проповѣдями духовенства, ободряемая бездѣйствіемъ правительства и отступленіемъ по ея требованію нашихъ войскъ, въ присутствіи которыхъ она осмѣяла и освистала намѣстника русскаго царя, рѣшилась 27-го марта (8-го апрѣля) на безумныя дѣйствія, повлекшія за собою кровь. Кровь не была бы пролита, народъ не былъ бы возбужденъ до безумія, войска наши не терпѣли бы поруганія, русское имя не понесло бы такого стыда и униженія и, наконецъ, не было бы такихъ уступокъ, которыя измѣняютъ даже форму правленія, безъ высочайшей власти, если бы постоянныя ошибки не приготовляли общаго разстройства дѣлъ или по крайней мѣрѣ если бы во-время, т. е. въ первый же моментъ появленія мятежа на улицѣ, были приняты весьма привычныя уже въ Варшавѣ извѣстныя мѣры осторожности, которыя предупредили бы всѣ безпорядки и не было бы укора ни намъ, ни за насъ.

Февральскіе и мартовскіе безпорядки въ Варшавѣ, постоянное напряженное состояніе и боязнь—какъ посмотрятъ на все происходящее въ Петербургѣ, окончательно надломили силы князя М. Д. Горчакова; онъ заболѣлъ и 18-го (30-го) мая скончался. При его кончинѣ присутствовали четыре лица: супруга его, Н. А. Крыжановскій, священникъ и камердинеръ. Умирающій что-то шепталъ по-французски, разобрать можно было только слова: L'Empereur et Sevastopol. Онъ умеръ сидя въ креслѣ. Н. А. Крыжановскій прикрылъ его простыней, поставилъ ему на плечо образъ Смоленской Божіей Матери, поднесенный ему

въ Севастополѣ, и послалъ за фотографомъ. Помѣщаемый портретъ снятъ тотчасъ же послѣ кончины. Такихъ портретовъ было только два: одинъ у княгини, а другой Н. А. Крыжановскій оставилъ себѣ. Негативъ былъ уничтоженъ съ цѣлью не дать возможности пустить этотъ портретъ въ продажу въ Варшавѣ, гдѣ онъ могъ бы послужить предметомъ насмѣшекъ.

Опасеніе это было болѣе чѣмъ основательно. Варшава, въ самый моментъ кончины князя, какъ бы провожая его душу въ вѣчный покой, устроила въ костелахъ новые безпорядки. Вотъ что писалъ Н. А. Крыжановскій графу А. В. Адлербергу, въ письмѣ отъ 18-го (30-го) мая 1861 г.:

«Покорнѣйше прошу ваше сіятельство довести до высочайшаго свѣдѣнія, что послѣ кончины князя Михаила Дмитріевича Горчакова кабинетъ его и бюро, гдѣ находится вся переписка, были запечатаны. Также была, въ присутствіи всего семейства Горчаковыхъ, открыта шкатулка, въ которой между прочими бумагами найдено письмо князя къ его императорскому величеству, духовное завѣщаніе и особая записка о послѣдней волѣ покойнаго. Въ этой запискѣ были изложены просьба о немедленномъ отправленіи письма къ государю императору и о желаніи покойнаго князя быть погребеннымъ на Сѣверной сторонѣ Севастополя, среди бранныхъ его товарищей.

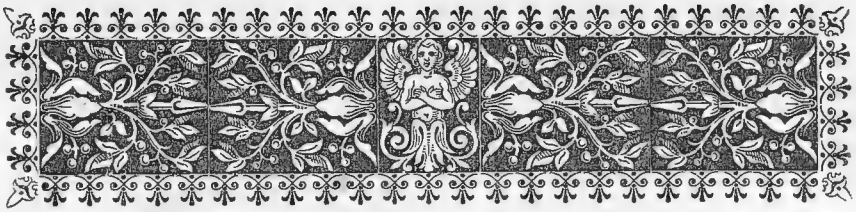
«Во исполненіе воли покойнаго, я отправляю письмо съ курьеромъ, прося ваше сіятельство представить его въ собственныя государя императора руки.

«Въ минуту смерти намѣстника, происходила въ городѣ на Старомъ мѣстѣ церковная процессія по случаю католическаго праздника «Божье тѣло». Народу скопилось множество. Процессіею предводительствовалъ архіепископъ Фіалковскій. Когда архіепископъ подошелъ къ алтарю, приготовленному на Старомъ мѣстѣ, кто-то въ толпѣ закричалъ «русскіе бьютъ, стрѣляютъ», другіе крикнули «ура!». Всею массою народа, тысячъ въ 50, овладѣлъ паническій страхъ, всѣ начали кричать, сдѣлалась ужасная суматоха и давка, въ которой нѣсколько дѣтей и женщинъ пострадали. Архіепископъ окончательно растерялся и почти безъ чувствъ сѣлъ на ступеньки алтаря. Тогда варшавскій оберъ-полиціймейстеръ, подошедъ къ архіепископу, успокоилъ его и уговорилъ поднять надъ алтаремъ Святые Дары. Видъ ихъ заставилъ народъ стать на колѣна, и все успокоилось. Войско, бывшее на площади Сигизмунда, стало въ ружье, но было тотчасъ же распущено, и ружья составлены въ козла, такъ что ни одинъ изъ нашихъ солдатъ во всей бывшей суматохѣ не участвовалъ никакимъ дѣйствіемъ. По возвращеніи процессіи въ церковь св. Яна, раздались въ толпѣ новые крики: «русскіе стрѣляютъ», но уже никто имъ не повѣрилъ, и толпа разошлась миролюбиво.

«Дѣло это будетъ изслѣдовано по распоряженію генералъ-адъютанта Мерхелевича.

«Вечеромъ въ 5 часовъ другая церковная процессія происходила у Александровскаго костела и прошла совершенно спокойно и благополучно».

Сообщ. **Анд. Ник. Крыжановскій.**



Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи.

IV [1]).

Жизнь во Владычнемъ монастырѣ.—Основаніе общинъ сестеръ милосердія.—Участіе въ этомъ Митрофаніи и ея дѣятельность.—Дѣло Солодовникова.—Обвиненіе Митрофаніи въ подлогѣ векселей.—Арестъ и отправленіе ея въ Петербургъ.—Допросы.—Отъѣздъ изъ Петербурга.—Посѣщеніе Тихвина.—Прибытіе въ Москву.—Судъ и обвиненіе.—Вторичный отъѣздъ въ Петербургъ.—Ставрополь Кавказскій назначенъ мѣстомъ жительства Митрофаніи.

Все шло тихо и мирно, когда поступилъ 1873 годъ. Я встрѣтила его и проводила старый съ дорогими мнѣ сестрами Владычней обители; съ ними мнѣ было отрадно и хорошо, лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ десятомъ часу вечера въ мою дорогую обитель стекался народъ на молитву.

Спасскій храмъ былъ освященъ; въ моей спальнѣ, кабинетѣ, гостиной и во всѣхъ прочихъ келіяхъ, также и на галлереѣ теплились лампады, мирнымъ и тихимъ свѣтомъ. Все вокругъ меня говорило: «молись, благодари Господа за прошедшее, благодари за настоящее и уповай на его милосердіе въ будущемъ».

Я въ это время сидѣла предъ моимъ письменнымъ столомъ, противъ висѣвшаго на стѣнѣ большаго Распятія, моей работы, и много много разныхъ думъ волновали мою душу. Мнѣ было радостно, что я дома и грустно, что чрезъ нѣсколько дней я должна ѣхать въ Москву

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1902 г.

съ отчетами. На столѣ моемъ лежалъ № 358 «Современныхъ извѣстій», въ которомъ напечатана была замѣчательная по своему ложному съ начала до конца содержанію статья г. Плевако [1])....

---

[1]) По поводу гражданскаго иска, возбужденнаго игуменьею Митрофаніею противъ Солодовниковыхъ. Такъ какъ авторъ записокъ основываетъ на этой статьѣ дальнѣйшій разсказъ, но не приводитъ ея содержанія, то для уясненія событій, редакція считаетъ необходимымъ привести краткое содержаніе статья г. Плевако.

„Возбужденное дѣло, говоритъ онъ, между Солодовниковымъ и Митрофаніею идетъ о жизни и смерти цѣлаго благосостоянія; о томъ, быть ли, благодаря своему личному, сорокалѣтнимъ трудомъ нажитому, состоянію съ присоединеніемъ доставшагося по наслѣдству отъ брата, достаточнымъ человѣкомъ и виднымъ промышленнымъ дѣятелемъ края или, буквально, сдѣлаться нищимъ, благодаря настойчиво требуемому на благо православнаго храма пожертвованію....

„Солодовниковъ, какъ говорятъ, былъ скопецъ. То, что онъ находился на свободѣ и былъ полноправнымъ гражданиномъ, было послѣдствіемъ милости высшаго правительства. Въ 1870 году возникло повсемѣстное преслѣдованіе скопчества во всѣхъ его видахъ. На Солодовникова пало подозрѣніе въ принадлежности къ скопчеству и распространеніо секты. Съ 1870 года по 7-е января 1871 года онъ еще пользовался свободой; съ этого дня былъ заключенъ въ Пречистенскій Частный домъ.

„Обвинительная власть нашла возможнымъ преслѣдовать его лишь въ принадлежности къ сектѣ и въ притонодержательствѣ скопцовъ. Въ этомъ смыслѣ составленъ былъ обвинительный актъ и врученъ, по утвержденіи палатою, Михаилу Гераснмовичу Солодовникову.

„Первый вердиктъ присяжныхъ, строго взглянувшихъ на противоестественность скопческаго ученія, поразилъ подсудимаго; онъ умеръ 3-го октября 1871 года, не дождавшись болѣе благопріятнаго воззрѣнія Сената, по которому принадлежность къ сектѣ безъ распространенія ея и безъ самостоятельнаго преступленія „самоскопленія“, не наказуема по 203 ст. Уложенія.

„Смерть Солодовникова разоблачила слухи о многомилліономъ состояніи его. На основаніи точныхъ описей и актовъ оказалось состоянія не болѣе 1.200.000 руб. Изъ этого состоянія, состоявшаго изъ личной собственности покойнаго, заключающейся въ недвижимости и общаго имущества, обращавшагося въ Торговомъ домѣ, надо исключить третью часть послѣдняго, какъ принадлежащую брату его Василію. И вотъ на долю М. Г. Солодовникова не приходится болѣе милліона. Я беру милліонъ, какъ приблизительную цифру; вѣрнѣе цифра его благосостоянія выражается 900.000 руб.

„И вотъ, при принятіи наслѣдства, не отягощеннаго, судя по книгамъ торговымъ и по личнымъ свѣдѣніямъ, никакими долгами, выростаетъ долгъ матери Митрофаніи, который не только равенъ, но болѣе всего состоянія покойнаго“!

„Мать Митрофанія заявила, что Солодовниковымъ дано ей въ даръ векселей вмѣсто денегъ на 1.230.000 руб.

„Есть ли смыслъ,—писалъ Плевако,—жертвовать не только то, что имѣешь, но и то, чего не имѣешь? Есть ли смыслъ обязывать своего наслѣдника жертвовать не только то, что ему оставляешь, но и его собственность, и пускать

Я задумалась и опомнилась, когда услышала возгласъ «Владыко, благослови». Всенощная уже началась, и я едва успѣла открыть дверь въ церковь, какъ въ мою молельню вошли съ кажденіемъ діаконъ и духовникъ мой отецъ Петръ. Когда они ушли, я опять притворила дверь и слушала всенощную въ моемъ уединенномъ уголкѣ, въ которомъ такъ хорошо, такъ тепло для души.

2-го января я пришла въ трапезу по первому звонку и утѣшена была тишиной и порядкомъ во время обѣда. Этому порядку, этому благочинію обязана я всецѣло наставленіямъ блаженной памяти отцу Мельхиседеку. Онъ старался внушить сестрамъ, что въ трапезѣ нужно не болтать, но съ благоговѣніемъ внимать чтенію поучительныхъ подвиговъ и страданій святыхъ. Читали житіе св. Василія Великаго. Вотъ намъ всѣмъ монахамъ примѣръ: жилъ онъ уединенно и спокойно въ пустынѣ, съ другомъ своимъ Григоріемъ Богословомъ, но когда оказалось необходимымъ ихъ служеніе церкви, когда церковь нуждалась въ трудахъ и въ борьбѣ за православіе, то они оставили свой покой, свое любимое уединеніе и принесли себя въ жертву дѣлу общественному.

При размышленіи о тѣхъ временахъ, сравнивая былое съ настоящимъ, къ прискорбію убѣждаюсь, что въ настоящее время начальствовать еще труднѣе. Въ тѣ времена бороться приходилось съ язычествомъ, съ людьми, которые не были просвѣщены ученіемъ Христовымъ. Нынѣ же язычниковъ въ Европѣ нѣтъ, свѣтъ Христовъ своею любовію просвѣщаетъ всѣхъ, и что же мы видимъ и слышимъ? Что мы читаемъ въ новыхъ учебникахъ, составленныхъ христіанами же для просвѣщенія нашего юношества? Читаемъ, что человѣкъ не созданъ по образу и по подобію Божію, а есть животное, произведенное постепенно улучшающеюся расою обезьяны. Вотъ до чего дошло просвѣщеніе христіанства, и не труднѣй ли теперь истинному христіанину управлять, или имѣть дѣло съ лжехристіанами, чѣмъ съ тѣми язычниками, съ которыми боролись вселенскіе учители церкви нашей Православной. Язычники, съ которыми боролись Василій Великій и Григорій Богословъ, чувствовали, что есть Богъ, имѣя потребность молиться, поклонялись

его по міру? Смысла нѣтъ, нѣтъ разумной причины. Отсюда, по правилу, что неразумное не предполагается, наслѣдники по совѣсти сомнѣваются въ дѣйствительности этихъ безумныхъ дареній, ищутъ причинъ, наталкиваются на вопіющія обстоятельства. Сомнѣніе точитъ ихъ душу; сомнѣніе не останавливается ни предъ саномъ игумены, ни передъ ея общественнымъ положеніемъ. Нѣтъ, какъ хотите, а вѣрить трудно,—даже при ссылкѣ на авторитетъ справедливости матери Митрофаніи, чтобы Солодовниковъ отъ 900/т. своего состоянія пожертвовалъ 1.200.000. Вотъ гдѣ зародилось сомнѣніе".

Сомнѣніе это повело къ слѣдствію, обвиненію Митрофаніи въ подлогѣ векселей, ея аресту, а затѣмъ и къ суду, подробности котораго изложены въ книгѣ Е. П. Забѣлиной подъ заглавіемъ «Дѣло игумены Митрофаніи».

солнцу, лунѣ, звѣздамъ, или идоламъ. Св. Евангелія они не знали, рождались во тьмѣ, воспитывались во тьмѣ и, не бывъ освящены св. крещеніемъ, они жили и ходили во мракѣ. Но вѣрующимъ въ Спасителя міра, въ ученіе Его, страшно становится при размышленіи объ ученіи нашихъ современныхъ проповѣдниковъ, по имени только христіанъ. Если бы мы слышали отъ самоѣдовъ что-нибудь въ родѣ того, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, то это было бы не удивительно, потому что мракъ невѣжества все прощаетъ; но когда мы слышимъ это отъ нашихъ современныхъ христіанъ-педагоговъ, невольно даемъ преимущество алеутамъ и самоѣдамъ; ихъ невѣжеству мы не удивляемся и жалѣемъ, какъ не удостоившихся получить еще св. крещеніе. Но отвратительно слышать такого рода ученіе изъ устъ современныхъ христіанъ, отвергающихъ существованіе Бога, даровавшаго имъ жизнь.

И вотъ въ эту эпоху безвѣрія и разврата, волею благочестивой государыни нашей, вѣрующей въ ученіе Христово, являются епархіальныя общины сестеръ милосердія, учрежденія, своей благотворительной дѣятельностью угрожающія распаденію нигилизма. Это поняли тѣ, которымъ не нравилось это нововведеніе, и возбудили дружное возстаніе противъ меня, учредительницы этихъ общинъ. Тяжело мнѣ, я одна борюсь съ этимъ моремъ вольнодумства, и чѣмъ это все кончится, не знаю. Знаю только то, что я буду бороться до конца, не сойду сама со креста, пока не сведутъ меня тѣ, которые меня на оный пригвоздили, не съ цѣлію моихъ страданій, а съ цѣлію блага общественнаго.

Такъ думалось мнѣ сегодня, такъ думается мнѣ очень часто, такъ размышляла я долго вчера, послѣ слышанія въ трапезѣ житія св. Василія Великаго.

3-го января. Сегодня я была особенно обрадована извѣщеніемъ, что Псковская духовная консисторія, указомъ отъ 28-го декабря, извѣстила Псковскую общину сестеръ милосердія, что ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ благоугодно было возложить на г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода званіе почетнаго члена Псковской Іоанно-Ильинской общины сестеръ милосердія. Такая милость государыни конечно упрочитъ благосостояніе этого учрежденія, главное тѣмъ, что этимъ распоряженіемъ доказывается, насколько ея величество цѣнитъ участіе графа (Д. А. Толстаго), слѣдовательно и тѣхъ лицъ, которыя содѣйствуютъ благостоянію общины. Воображаю, какъ во Псковѣ это извѣстіе не понравится. Тамъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, энергично распространяется молва, что я учреждаю эти общины, по моему собственному желанію, изъ корысти и честолюбія, чтобы выказать себя. Тамъ говорятъ, что ея величество настолько мною недовольна, что перестала даже меня принимать, что я нахожусь подъ судомъ, что община Псковская въ скоромъ времени должна будетъ за-

крыться и что я въ благотворительной помощи не нуждаюсь болѣе и пр. пр. Все это говорится, конечно, съ цѣлію удалить благотворителей и подорвать мѣстное народное ко мнѣ довѣріе. Разными газетными статьями стараются гласно очернить меня; однимъ словомъ, всѣми силами, во всѣхъ слояхъ общества имѣются агенты тайные и явные, которые стараются мѣшать моей дѣятельности клеветою. Неоднократно мои недоброжелатели закидывали меня грязью, возносили на меня гнусную ложь и даже обвиняли въ подлогахъ. Епархіальныя общины ихъ волнуютъ, они предвидятъ ихъ процвѣтаніе, потому что купечество русское не поетъ еще ихъ преступную пѣснь, старики и старушки даютъ мнѣ деньги для учрежденія общинъ, они вѣрятъ и понимаютъ, что я всѣ эти скорби переношу изъ любви къ моему отечеству. Да, при такихъ чувствахъ, тяжело быть непонятой одними, оклеветанной другими, еще болѣе тяжело видѣть застой въ дѣлахъ. Грустно видѣть, какъ личные интересы заглушаютъ интересы общественные. Публицисты въ родѣ Гиляpова-Платонова [1]), въ родѣ Скворцова, собирающаго всѣ городскія сплетни для пополненія столбцовъ въ его ежедневной газетѣ, и другихъ имѣютъ право гласнаго слова. Нашу современную печать я уважать не могу и ежедневно испытываю на себѣ, насколько она лжива, пристрастна, а главное корыстолюбива, особенно у насъ въ Москвѣ. Здѣсь однѣ «Московскія Вѣдомости» держатъ себя благородно, хотя и не всегда безпристрастно. Но все-таки эту газету уважать должно.

25-го февраля. Пришли мнѣ доложить о пріѣздѣ ко мнѣ изъ Орла И. П. Драгоманова, кандидата правъ, прикомандированнаго къ орловскому окружному суду и приглашеннаго мною для составленія аппелляціонной жалобы по иску съ Солодовниковыхъ 480.000 р. Бумаги, относящіяся до этого дѣла, были у меня разложены, и Драгомановъ сталъ ихъ перелистывать. Въ это самое время мнѣ доложили, что изъ Москвы пріѣхалъ прокуроръ Московскаго окружнаго суда Жуковъ, слѣдователь Спасскій и вмѣстѣ съ ними исправникъ г. Серпухова, съ которымъ, по его недавнему назначенію, я не была еще знакома. Такъ какъ за нѣсколько дней до того было напечатано въ одной изъ московскихъ газетъ, кажется въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», что я арестована, или что-то предвѣщающее слѣдствіе и арестъ, то я соображала причину ихъ прибытія.

Поздоровавшись съ ними, я спросила о причинѣ ихъ визита и получила отвѣтъ, что они пріѣхали по порученію петербургскаго слѣдователя 13-го участка для предъявленія мнѣ векселей Лебедева. Одновременно съ этимъ я вынесла нѣсколько бумагъ, писанныхъ Солодовниковымъ, и, показывая ихъ г. прокурору, спросила его, не знаетъ ли

[1]) Редакторъ „Современныхъ Извѣстій“.

онъ, по какому это поводу господинъ предсѣдатель Лавровъ, передъ засѣданіемъ по иску моему съ Солодовникова, вызвалъ къ себѣ въ кабинетъ моего повѣреннаго И. П. Архипова и далъ ему инструкцію, что можно говорить и чего нельзя говорить на судѣ. Я видѣла, что этотъ вопросъ сильно ихъ покоробилъ, точно такъ же, какъ и заявленіе мое, что безъ депутата допрашивать меня нельзя. Они простились со мною и уѣхали, получивъ отъ меня обѣщаніе, что черезъ два дня я буду въ Москвѣ, и что депутатъ будетъ избранъ моимъ начальствомъ къ 1-му марта.

19-го марта, пріѣхавъ изъ Серпухова въ Москву, я прямо съ вокзала поѣхала по дѣламъ обители въ Московскую духовную консисторію, а оттуда отдохнуть въ Страстной монастырь къ игуменіи Валеріи, и у нея я ночевала. Тутъ я узнала, что наканунѣ г. прокуроръ, слѣдователь и полиціймейстеръ пріѣзжали въ общину. Тогда я поняла, но не хотѣла воспользоваться моею свободою. Мнѣ совѣтовали, не заѣзжая въ общину, ѣхать прямо въ Петербургъ и заявить обо всемъ бывшему тамъ нашему митрополиту, но я, предпочитая не бороться съ тѣмъ, что предуготовляетъ мнѣ милосердная десница Всевышняго, поѣхала домой въ общину и написала оффиціальное письмо слѣдователю, съ увѣдомленіемъ о моемъ возвращеніи изъ Серпухова въ общину. Чрезъ нѣсколько часовъ слѣдователь пріѣхалъ, и я, въ 4 часа дня 20-го марта, была арестована. Причина ареста мнѣ объявлена не была. Чтобы меня взять на поруки, московскій купецъ А. И. Поповъ, далъ заимообразно 30 тысячъ рублей, но этотъ залогъ не былъ принятъ, слѣдовательно и на поруки меня не отпустили.

Итакъ, газетныя предсказанія сбылись. Подпольная адская интрига великихъ и малыхъ міра сего принесла имъ давно желанные плоды. Я арестована, а за что? почему? и для чего? Арестъ есть мѣра не наказанія, а лишь только пресѣченія обвиняемому возможности уклониться отъ слѣдствія и суда, но эта мѣра принимается лишь только тогда, когда дѣйствительно есть опасеніе, что обвиняемый способенъ принять мѣры къ бѣгству или тому подобному. Относительно меня такія опасенія были напрасны. Арестъ я встрѣтила совершенно спокойно, и мнѣ странно только то обстоятельство, что мое начальство о моемъ арестѣ ничего мнѣ не сообщило. Неужели жъ прокуроръ имѣлъ власть арестовать меня, не имѣя на то согласія моего начальства—я вѣдь на должности, имѣю счастіе служить подъ покровительствомъ ея величества; неужели же такое самоволіе дозволено закономъ? Удивляюсь содержанію письма преосвященнаго Леонида, помѣченнаго нынѣшнимъ 20-мъ марта; онъ мнѣ пишетъ, что я напрасно думаю, что мое епархіальное начальство равнодушно ко мнѣ. Напротивъ, говоритъ онъ, оно принимаетъ самое горячее участіе въ дѣлѣ моемъ, и все, что возможно,

будетъ сдѣлано. Что же касается до отзывовъ людскихъ, то исходящее отъ людей, дѣла незнающихъ, не должно смущать никого, и онъ отъ всей души желаетъ мнѣ мира и благоуспѣшности.

Полиція окружила общину. Жила я спокойно, только никуда не могла выѣзжать, не выходила даже въ садъ, а только была въ церкви, гдѣ стояла въ темномъ уголкѣ за алтаремъ, въ совершенномъ уединеніи. Насталъ день Святой Пасхи, тяжелъ онъ былъ для меня, однако же ради торжества я вышла въ храмъ и по обычаю христіанскому христосовалась со всѣми сестрами и дѣтьми. Когда кончилась въ общинѣ утреня и обѣдня, я пошла къ себѣ въ келлію, куда пришли Поповъ съ семействомъ и нѣкоторыя изъ живущихъ въ обители монахинь. Въ 5-мъ часу утра пріѣхала ко мнѣ прямо изъ церкви игуменья Валерія, мы разговлялись вмѣстѣ, съ вечера прислалъ мнѣ просфору и поздравленіе преосвященный Леонидъ.

11-го апрѣля явился ко мнѣ чиновникъ полиціи съ повелѣніемъ сейчасъ собираться и ѣхать съ нимъ въ С.-Петербургъ по вызову слѣдователя. Въ то время былъ у меня докторъ, который ему заявилъ, что я нездорова и нужно было бы мнѣ пробыть дня два еще дома. Но посланный отъ оберъ-полиціймейстера Арапова требовалъ немедленнаго выѣзда, или отправленія въ тюремную больницу. Тутъ былъ и частный приставъ Лефортовской части, угрожавшій мнѣ тѣмъ же. Они послали за штатнымъ врачемъ Лефортовской части, Львовымъ, который заявилъ, что я ѣхать могу. Тогда я, больная, была взята прямо съ постели и перевезена подъ надзоромъ полиціи на вокзалъ Николаевской дороги. Игуменья Валерія, бывшая у меня въ то время, рѣшилась сама, не сказавши у себя дома, поѣхать проводить меня до Петербурга. Со мною поѣхалъ и повѣренный мой Драгомановъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, полицейскій чиновникъ хотѣлъ вести меня прямо въ окружный судъ къ слѣдователю и только обѣщанная благодарность могла убѣдить его дозволить мнѣ остановиться въ гостиницѣ, чтобы немного отдохнуть. Извощикъ повезъ насъ въ гостиницу «Москва», а мой повѣренный поѣхалъ въ судъ заявить слѣдователю, что я пріѣхала и гдѣ остановилась. Чрезъ часа два послѣ того пріѣхалъ слѣдователь Руссиновъ и приставилъ къ дверямъ околодочнаго надзирателя. Игуменья Валерія, простившись со мною, поѣхала обратно въ Москву съ отходящимъ первымъ поѣздомъ. Драгомановъ тоже уѣхалъ, а пріѣхавшіе со мною мать Анатолія и Магдалина заявили слѣдователю готовность принять и для себя всѣ условія ареста. Въ тотъ же день въ 4 часа пріѣхалъ ко мнѣ прокуроръ С.-Петербургскаго окружнаго суда А. Ѳ. Кони, прося въ случаѣ какой-либо надобности адресоваться къ нему, и обѣщалъ устроить все къ моему спокойствію. Одинъ видъ этой благородной личности и его пріемы доказали мнѣ, что онъ съ достоинствомъ проходитъ свое трудное служеніе. Я видѣла,

что это человѣкъ съ сердцемъ, желающій открытія только одной истины; я видѣла, что онъ молодъ годами, но старъ разумомъ.

13-го апрѣля былъ первый допросъ на моей квартирѣ въ присутствіи прокурора, товарища прокурора и депутата отъ общины, благочиннаго московскихъ монастырей Богоявленскаго монастыря архимандрита Никодима. Строгость страшная, доступа ко мнѣ нѣтъ никакого; околодочный надзиратель смѣнился чиновникомъ полиціи, который сидитъ передъ входомъ въ наши номера. У меня номеръ особый во второмъ этажѣ окнами на Владимірскую, а мои монахини помѣщаются въ другомъ номерѣ окномъ во дворъ; между нами коридоръ. Онѣ ко мнѣ безпрепятственно допускаются, и мы дѣлимъ вмѣстѣ наше общее горе и арестъ. Мнѣ разрѣшено посылать посыльнаго за покупками; служителя гостиницы ко мнѣ допускаются. Что будетъ далѣе, не знаю. Митрополитъ Иннокентій сегодня прислалъ мнѣ своего келейника съ просфорою: просфору взяли, а келейника не допустили. Завтра жду втораго допроса; рада ему, чтобы повидаться еще съ многолюбимымъ и уважаемымъ нами архимандритомъ Никодимомъ.

Дѣло мое въ Петербургѣ идетъ хорошо, одно грустно, что до насъ никого не допускаютъ; ежедневно почти допросы, слѣдствіе кончается, я вполнѣ довольна прокурорскимъ надзоромъ и надѣюсь оправдаться. Совѣсть моя чиста, а потому я спокойна, ночи сплю сномъ крѣпкимъ, ничто меня не возмущаетъ; я вкушаю блаженство совершеннаго уединенія. Близкіе мнѣ дали на дорогу 500 р.; и я ни въ чемъ не нуждаюсь; въ номерѣ чисто и свѣтло, но надоѣдаетъ постоянная ѣзда по Владимірской. Одно у меня лишеніе здѣсь,—нѣтъ церкви и общины. Здоровье мое только меня безпокоитъ, ноги сильно болятъ. Въ этой гостиницѣ подаютъ намъ пищу едва-ли не съ мясомъ; рыба накрошена, а жиръ такъ и плаваетъ, другаго ничего нѣтъ, уха дорога; болѣе питаемся чаемъ. Я плачу за номеръ 4 р. въ день; ковра нѣтъ, едва какой-то выпросила; ну, все равно, только бы не страдали отъ холода мои больныя ноги.

27-го апрѣля, гостиница «Москва». Слѣдствіе, слава Богу, окончено, быть можетъ, скоро возвращусь въ мою родную обитель въ дорогой мой Владычный (монастырь), для благосостоянія котораго я такъ много и съ такою любовью трудилась.

19-го іюня, гостиница «Москва». Сегодня вдругъ являются ко мнѣ товарищъ прокурора Вильямсонъ и слѣдователь Руссиновъ съ полиціей и объявляютъ, что по требованію московской судебной власти они должны произвести обыскъ въ моей квартирѣ. Вѣроятно, прокуроръ Жуковъ заподозрилъ пріѣздъ ко мнѣ игумени Валеріи и думалъ, что она привезла мнѣ какіе-либо документы, или же я ее вызвала, чтобы ей что-либо передать. Искавшіе положительно ничего не нашли, и я очень бла-

годарна прокурору и слѣдователю: они всѣ бумаги мои прошнуровали, сдѣлали имъ опись, выдали мнѣ росписку и сказали, что такъ какъ онѣ вовсе не относятся къ производящимся дѣламъ, то, чтобы я подала имъ прошеніе о возвращеніи взятыхъ ими бумагъ.

24-го іюня, гостиница «Москва». Сегодня мнѣ принесли газеты; изъ нихъ я узнала, что былъ обыскъ у меня въ келліи моей въ Серпуховѣ 17-го іюня, а 18-го въ общинѣ. Газеты врутъ, но неужели жъ я буду внимать крику безумной толпы, кричащей безъ своего собственнаго соображенія вслѣдъ за закупленными редакторами и репортерами. Охъ, эта гласность—ее обращаютъ во зло. Человѣкъ, какъ я, вращавшійся во всѣхъ сферахъ русскаго общества, можетъ о томъ судить болѣе другихъ. Нынѣ все возстало противъ дворянства, и все мое преступленіе состоитъ въ томъ, что въ монашеской рясѣ я все-таки принадлежу къ числу столбовыхъ дворянъ, къ числу аристократовъ. Это есть мое первоклассное преступленіе, второклассное—моя возможность доводить до высшихъ сферъ то, что анти-религіозное стремленіе желаетъ отъ нихъ скрыть. Прозелитамъ ненавистна моя дѣятельность клонящаяся не ко вреду, а ко благу нашего дорогаго отечества.

Надоѣла стукотня уличная, неумолкающая день и ночь; страдаемъ отъ жары, духоты, уличной пыли и уличной суматохи.

10-го іюля, гостиница «Москва». Завтра я должна подъ стражею ѣхать въ Москву, по милости московской судебной власти составившей себѣ планъ для моей, ими задуманной, погибели. Братъ меня убѣждалъ просить дозволенія остаться здѣсь, просить о томъ, чтобы дѣла мои всѣ переведены были въ Петербургъ, но я при всемъ моемъ желаніи не могу здѣсь болѣе жить: средствъ у меня нѣтъ, занять нельзя, мое начальство подъ давленіемъ московскаго прокурорскаго надзора боится подать мнѣ руку помощи, чѣмъ же я здѣсь буду жить? Тамъ хоть у меня родной очагъ, даровое содержаніе и помѣщеніе, тамъ св. храмъ, тамъ я въ своей монашеской средѣ, тамъ я дома. Нѣтъ, уѣду завтра, положусь на волю Всевышняго, будетъ то, что Ему угодно. Скамья подсудимыхъ, говорятъ, готовится мнѣ въ Москвѣ, а до того помѣщеніе въ Сущевской части; ну, что жъ дѣлать! я вѣдь монахъ, тотъ же солдатъ, который проходитъ во всю свою жизнь искусъ послушанія и всякаго рода лишеній. Итакъ прости, гостиница «Москва».

Благодаря человѣколюбію прокурора А. Ѳ. Кони, я отпущена была въ городъ Тихвинъ, куда желала ѣхать помолиться чудотворному образу заступницы вѣрныхъ. Игуменія Валерія, Магдалина и Андріана со мною поѣхали, сопровождалъ насъ чиновникъ Павловъ. Пріѣхавъ на вокзалъ, публика съ удивленіемъ на меня смотрѣла. Въ вагонѣ 1-го класса нашелся изъ числа пассажировъ какой-то назойливый господинъ; онъ сталъ презрительно относиться въ моемъ присутствіи о монашествѣ,

говорить насмѣшливо обо мнѣ, постоянно обращаясь съ вопросами къ нашимъ послушницамъ, которыя, наконецъ, не стали ему отвѣчать. Этотъ господинъ былъ очень прилично одѣтъ, нѣкоторыя отличія, какъ напримѣръ, ленточка Владиміра въ петлицѣ, свидѣтельствовали, что онъ былъ человѣкъ служащій. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, изъ его разговоровъ, въ которые я вслушивалась, можно было заключить, что онъ принадлежитъ къ высшему слою петербургскаго общества. Говоря съ сосѣдомъ, онъ всматривался въ меня и нѣтъ-нѣтъ, а сведетъ разговоръ о «Московской гостиницѣ». Я притворилась заснувшею, мнѣ хотѣлось знать о слухахъ городскихъ, провѣрить ихъ. Разговоръ начался по-нѣмецки, онъ, вѣроятно, думалъ, что я уснула, а мои спутницы не поймутъ. Тогда разговоръ его меня еще болѣе заинтересовалъ, и я долго не открывала глазъ. Изъ этого разговора я узнала, что московской прокуратурѣ я обязана арестомъ.

Вскорѣ свистокъ возвѣстилъ о нашемъ приближеніи къ станціи, я открыла глаза: это была станція Чудово, мы вышли и должны были направиться по пути къ городу Тихвину.

Слава и благодареніе заступницѣ нашей Пресвятой Богородицѣ; она привела меня въ ея святую обитель; не могла я стоять равнодушно передъ Пречистымъ Ея Образомъ, слезы невольно катились изъ глазъ; вотъ уже 3 мѣсяца, какъ меня отъ св. храма оторвали. Пріѣхали мы прямо къ вечернѣ; что перечувствовала душа моя, это знаетъ Царица Неба и земли, ей всѣ сокровенныя наши думы открыты, она видитъ все, и слезы мои и молитвы за того, кто меня сюда отпустилъ. Молилась я горячо за раба Божія Анатолія, за раба Божія Алексѣя, за несчастнаго Махалина,—этого узника, терпящаго муку заключенія.

13-го іюля. Москва Владычинская Покровская община. Слава Богу, я опять въ общинѣ; благодаря прокурору А. Ѳ. Кони, я возвратилась изъ Петербурга болѣе спокойною, чѣмъ ѣхала туда. Я не видала ни полиціи, меня провожающей, ни оскорбленій на пути. Чиновникъ полиціи Тутолминъ ѣхалъ въ другомъ вагонѣ, ему дана была инструкція и письмо къ исправляющему должность прокурора Рынкевичу. Вѣроятно, попеченію А. Ѳ. Кони я обязана, что меня повезли не прямо въ Сущевскую часть. Изъ Петербурга отпущена я безъ почета, а въ Москвѣ, по милости вѣроятно оберъ-полицеймейстера Арапова, я встрѣчена двумя частными приставами, двумя квартальными, всѣ въ формѣ, всѣ отдавали мнѣ честь, городовые также... Была ночь, я пріѣхала съ послѣднимъ поѣздомъ для того, чтобы всѣ въ это время спали, и я могла бы сама до утра уснуть и отдохнуть отъ всѣхъ душевныхъ волненій, чтобы приготовить себя къ новымъ волненіямъ при встрѣчѣ съ дѣтьми и сестрами.

Свиданіе было трогательно, я не могла удержаться отъ слезъ, когда

эти крошки бросились меня цѣловать и, можно сказать, душить своими поцѣлуями, обвивая мою шею своими ручонками. Стражи здѣсь нѣтъ, а у воротъ стоитъ городовой, другой прогуливается по полотну желѣзной дороги. Странно, что его туда какъ вывѣску поставили. Неужели жъ думаютъ, я и подъ рельсы кинусь или начальникъ Рязанской желѣзной дороги приготовитъ мнѣ вагонъ и будетъ способствовать моему побѣгу. Страхъ этотъ только простителенъ старушкѣ Москвѣ.

Не буду говорить о томъ, какъ разбиралось мое дѣло, объ этомъ слишкомъ много было въ то время писано вездѣ, и безъ меня извѣстно со всѣми подробностями. Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, и судъ постановилъ: лишивъ всѣхъ лично и по состоянію мнѣ присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать въ Енисейскую губернію съ запрещеніемъ выѣзда въ теченіе 3 лѣтъ изъ мѣста ссылки, и въ теченіе одиннадцати лѣтъ въ другія губерніи. Во время совѣщанія присяжныхъ засѣдателей мнѣ было объявлено постановленіе суда о томъ, что такъ какъ у судебнаго слѣдователя 5-го участка производится новое слѣдствіе по дѣлу о фальшивыхъ векселяхъ на 20.000 руб., то и арестъ мой будетъ продолженъ.

Судьи нашли нужнымъ перевести меня изъ Москвы снова въ Петербургъ, гдѣ я и пробыла вплоть до отъѣзда въ Ставрополь. Изъ всѣхъ моихъ родныхъ одна только родная сестра моя Софья Григорьевна, генеральша Аладьина, хлопотала о моей участи, а чѣмъ ея хлопоты кончились, скажу въ свое время; другая же сестра моя, княжна Дадіанъ, къ моему величайшему огорченію, была уже въ могилѣ.

Искренно говорю, у меня на сердцѣ, легко и душа совершенно спокойна, по крайней мѣрѣ все кончено, и я надѣюсь, что скоро буду совершенно свободна. Во мнѣ въ эти минуты водворились то желанное спокойствіе, которое чувствовалось въ то время, когда вынесли присяжные свой вердиктъ. Мнѣ дорого только вырваться изъ Москвы: меня не страшитъ теперь и Сибирь: тамъ хорошо; читаю теперь описаніе оной и дивлюсь, какъ Россія мало знакома съ этимъ чуднымъ краемъ. Въ Сибири нравы еще не испорчены, и край богатый всѣмъ, а главное богатъ тѣмъ, что тамъ царствуетъ еще простота. Господь внушитъ государю отпустить меня въ старый Іерусалимъ. Туда стремится моя душа, и я вѣрую и надѣюсь дожить до этого путешествія и тамъ найти среди невѣрныхъ болѣе справедливости, чѣмъ среди православныхъ. Послала прошеніе въ Московскую палату объ освобожденіи меня на поруки, съ приложеніемъ постановленія слѣдователя, обязавшаго меня подпискою о невыѣздѣ изъ Петербурга безъ его разрѣшенія. Не знаю, какъ благодарить этого слѣдователя, также и здѣшнюю петербургскую прокуратуру относительно ихъ ко мнѣ справедливости и безпристрастія.

Слава Богу, дѣло мое дѣйствительно кончается и имѣю надежду скоро сбросить оковы, связывающія меня здѣсь. Завтра меня въ 1-мъ часу вызываютъ въ консисторію для выслушанія указа Свят. Синода, рѣшающаго мою судьбу. Св. священно-мученикъ Анфиногенъ молитвами своими поможетъ мнѣ, надѣюсь, выдержать спокойно и эту пытку, думаю послѣднюю, а можетъ еще и нѣтъ.—Мнѣ велѣно съ собою привезти въ консисторію документы, которые имѣю на мое званіе, на мои должности и на полученіе знаковъ отличія.—Ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ у меня и быть не могло, слѣдовало ихъ требовать изъ Московской духовной консисторіи, они вѣрно забыли, что я не въ своей обители жила, а что изъ тюрьмы меня сюда привезли, какіе же у арестанта бываютъ при себѣ документы? Изъ всего этого можно понять только то, что отберутъ отъ меня кресты и при томъ возьмутъ подписку, что я не буду подписываться игуменьей. Я спокойно встрѣтила этотъ вызовъ, даже обрадовалась оному, какъ предвѣщающему конецъ давно желанный, давно ожидаемый.

Сегодня Магдалина (моя послушница) пріѣхала и привезла мнѣ деньги на дорогу отъ митрополита 300 руб. Я узнала также, что по опредѣленію Св. Синода меня завтра лишаютъ чиновъ и крестовъ; но выѣзжать изъ монастыря мнѣ запрещено.

16-го іюля 6 часовъ утра. День этотъ для меня есть избавленіе отъ рукъ судейской клиры.

Съ меня взяли въ консисторіи подписку, что я не буду подписываться монахиней и игуменіей Митрофаніей, а въ оффиціальныхъ бумагахъ именоваться должна баронессой Прасковьей Григорьевной Розенъ. Значитъ, я высокопревосходительная, правъ состоянія не лишена. Кресты и камилавку мнѣ велѣли снять, и я надѣла маленькую шапочку. Кресты, какъ мою собственность, мнѣ возвратили съ обязательствомъ не носить ихъ. Тогда я заявила, что, обрекая себя на жизнь отшельническую, я желаю ими распорядиться какъ бы послѣ своей смерти. Мнѣ предложили высказать свое желаніе съ тѣмъ, что Синодъ сдѣлаетъ оффиціальное распоряженіе и перешлетъ ордена по назначенію. Я очень обрадовалась и просила письменно крестъ, данный ея величествомъ за Псковскую общину, возложить въ память моихъ трудовъ на икону Великомученика Пантелеймона въ Псковскую общинскую церковь въ иконостасѣ; наперсный крестъ, данный мнѣ Синодомъ за Владычный монастырь, на икону Введенія въ соборномъ храмѣ, а бронзовый общинскій—въ церковь общины на храмовую икону Воскресенія Христова. Потомъ я просила членовъ Св. Синода помолиться обо мнѣ, помянуть меня въ ихъ молитвахъ, чтобы я въ будущемъ несла съ покорностію мой крестъ, какъ несла его доселѣ; заявила еще разъ о моей невиновности и о томъ, что я со-

вершенно спокойно принимаю волю царя, сознавая монашество не въ одеждахъ монашескихъ, а въ обѣтахъ.

Хлопоты родной сестры моей Софьи Григорьевны Аладьиной увѣнчались успѣхомъ. Мнѣ было объявлено, что я вмѣсто ссылки въ Сибирь могу ѣхать въ Ставрополь Кавказскій безъ права выѣзда оттуда, впредь до особаго на то разрѣшенія. Тутъ же былъ мнѣ врученъ маршрутъ, по которому я должна была ѣхать. Порядокъ моего путешествія до Ставрополя былъ довольно своеобразный, а именно: на Рыбинскъ, Ярославль, Кострому, Нижній, Казань, Симбирскъ, Самару, Саратовъ, Царицынъ, оттуда до Калача по желѣзной дорогѣ, потомъ по Дону до Ростова, затѣмъ по желѣзной же дорогѣ до Невинномысской станціи, гдѣ въ экипажѣ нужно ѣхать до Ставропольскаго монастыря 60 верстъ.

Вчера ко мнѣ пріѣзжалъ вице-губернаторъ объявить, что я могу ѣхать, когда хочу. Я заявила желаніе выѣхать 23-го числа.

V.

Путешествіе до Ставрополя-Кавказскаго.— Жизнь въ немъ.— Переходъ въ Ладинскій монастырь Полтавской губерніи.— Разрѣшеніе Митрофаніи проживать въ разныхъ губерніяхъ Россіи.— Жизнь въ Одессѣ, въ Дально-Давыдовскомъ монастырѣ Нижегородской губерніи и въ Усманскомъ Тамбовской губерніи.—Разрѣшеніе отправиться въ Іерусалимъ къ Гробу Господню.

25-го іюля въ 9 час. нашъ пароходъ присталъ къ пристани въ Рыбинскѣ. День былъ чудный. Вчера изъ Бологова намъ дали отличный вагонъ, и ночью я отдохнула; пріѣхали мы въ Рыбинскъ въ 10-мъ часу утра. Въ дамской комнатѣ я умылась, одѣлась и напилась чаю, а въ часъ мы были уже на пристани пароходнаго общества «Самолетъ». Въ 3 часа мы отправились далѣе. У меня каюта на два человѣка, и мы съ Магдалиной (моя келейная) будемъ покоиться ночь: я въ каютѣ, а она въ общей залѣ, гдѣ мы тоже однѣ, такъ какъ на наше счастье дамъ нѣтъ на пароходѣ. Берега Волги восхитительны. Я сидѣла довольно долго на палубѣ съ двумя весьма пріятными кавалерами: одинъ симбирскій купецъ, другой ярославскій житель. Признаюсь, я рада этому неожиданному путешествію по водѣ, мнѣ отрадно освѣжиться послѣ столькихъ лѣтъ заключенія. Я всегда любовалась Невой, но что Нева противъ матушки-Волги!....

Ночь теплая, на берегу виднѣются огни, разводимые рыбаками; на мачтахъ барокъ, какъ звѣздочки, горятъ фонари; все располагаетъ къ мечтамъ, и мои мысли быстрѣй парохода несутся вдоль по матушкѣ по

Волгѣ, несутся и за Азовское море, перелетаютъ горы Кавказа... Не давитъ теперь меня тягость прокурорскаго и инаго надзора, и невольно сердце радуется и хвалитъ Творца. Вчера вечеромъ сильная гроза и молнія вызвали меня на палубу, любоваться дивной картиной. Николо-Бобаевскій монастырь, гдѣ находится могила преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, освящался мгновенно и ежеминутно сверкающей молніей.

Въ 3 часа ночи мы пріѣхали въ Кострому. Кострома съ своими древними монастырями и церквами, за нею на берегу убогая татарская деревушка съ своею мечетью и кладбищемъ; на противоположномъ берегу села и помѣщичьи усадьбы, лѣса, поля, горы, пасущіяся стада— все это составляетъ очаровательную картину, и тотъ, кто не былъ на Волгѣ, не имѣетъ понятія о Россіи. Здѣсь сердце Россіи, здѣсь и народъ, по мѣрѣ удаленія отъ столицъ, лучше, добрѣе, много проще и честнѣй.

Слава Богу, теперь ѣду на покой, ѣду въ край далекій, гдѣ надѣюсь имѣть возможность забыть обо всѣхъ, даже газетъ кромѣ «Церковнаго Вѣстника» и «Дневника писателя» [1]) никакихъ получать не хочу, жизнь свою теперь устрою такъ, какъ давно желалось.

Казань 11 ч. утра.—Сильный вѣтеръ наводитъ на меня грусть; въ 10 часовъ сошла въ свою каюту, спросила чаю, и Магдалина и Захарія ночевали въ каютѣ рядомъ, на наше счастіе пустой. Спала спокойно, въ 7 часовъ проснулась и, напившись чаю, пошла на верхній балконъ, чтобы полюбоваться Волгой и посмотрѣть хотя издали на городъ, который отъ пристани за 6 верстъ, но онъ на полугорѣ, и его видно отлично съ помощью подзорной трубки. Вчера на балконѣ я встрѣтилась съ ставропольскимъ (кавказскимъ) жителемъ, и всѣ разсказы о монастырѣ благопріятны; всѣ хвалятъ мѣстность и вообще городъ, начальство и монастырь. Что встрѣтитъ меня тамъ,—увидимъ; надѣюсь, что буду жить покойно, ни мало не пожалѣю о прежнемъ.

Въ Казани многіе сѣли на пароходъ, и я принуждена скрыться въ моей каютѣ одна. Съ народомъ, особенно съ барышнями, сидѣть не люблю, потому что онѣ много болтаютъ.

Сызрань.—Съ утра не могу оторвать взоры отъ чудной Волги, которая сегодня восхитительна, волнуется, одна волна покрываетъ другую и одна за другою гонятся, и брызги ихъ долетаютъ даже до моей каюты, такъ что, стоя у окна, я отлично выкупалась и освѣжилась какъ бы подъ дождемъ. Эти два дня пассажировъ очень много; я не хочу лѣзть имъ на глаза, и такъ уже надоѣли, точно на звѣря приморскаго смотрятъ.

---

[1]) Достоевскаго.

Слава Богу, я совершила благополучно путь по Волгѣ. Сегодня воскресеніе, пароходъ нашъ причалилъ въ 7 часовъ утра къ пристани Царицына, пробуду на немъ до 12-ти, а въ 2 часа буду катить по желѣзной дорогѣ до Калача; въ 6 часовъ вечера пріѣдемъ и прямо на пароходъ ночевать, отчалимъ въ 4 часа утра и поплывемъ по Дону, въ Ростовѣ будемъ во вторникъ вечеромъ.

Плыву по Дону съ моими спутниками, и не смотря на то, что два раза нашъ пароходъ садился на мель, мы совершаемъ путешествіе пріятно и благополучно. Вчера мы стояли на мели очень долго, часа два, не менѣе. Оригинально было видѣть матросовъ, ходящихъ вдоль и поперекъ рѣки, съ шестами и кольями въ рукахъ и размѣряющими глубину. Всѣхъ пассажировъ съ палубы капитанъ попросилъ выйдти на берегъ для облегченія парохода. Наконецъ, Богъ помогъ выбраться, и опасность, благодаря находчивости капитана, миновала. Пароходъ поплылъ, и пассажиры были приняты. По случаю мелководья прибудемъ въ Ростовъ вмѣсто вторника въ среду вечеромъ, къ 6-ти часовому поѣзду, идущему въ Ставрополь.

Теперь мы уже на Югѣ; небо лучше, синѣй, солнце горячѣй, а народъ проще и добрѣй. Берега Дона восхитительны, мѣстность, гдѣ расположена станція Цимлянская, очаровательна; виноградники по всему берегу, какъ коверъ разостланъ по горамъ. Тутъ за 5 коп. купили мы фунтъ отличнаго винограду; арбузы и дыни дешевле рѣпы и картофеля.

Въ Ставропольскомъ Іоанно-Маріинскомъ монастырѣ я встрѣтила то, чего и ожидать было нельзя. Не смотря на всѣ разсказы о добродѣтельной игуменіи Серафимѣ, я положительно не разсчитывала на такой истинно сестринскій привѣтъ и покой, я окружена не только вниманіемъ, но даже уваженіемъ, подобающимъ сану игуменьи. Милая она старушка, любвеобильная, сердобольная и проходящая, какъ видно, жизнь истинно, а не притворно монашескую. Сестры обители очень ласковы, почтительны, и отъ каждой я и мои келейныя видятъ одну ласку и привѣтъ. Гдѣ кончу жизнь свою? гдѣ и въ какомъ храмѣ будутъ предавать землѣ бренные останки мои! Здѣсь дѣйствительно рай, мѣстность великолѣпная, пустыня настоящая, и при этомъ всѣ удобства къ жизни относительно больнаго тѣла. Матушка-игуменія уступила мнѣ свои новые покои, только-что для нея отстроенные, и я теперь имѣю утѣшеніе, какъ во Владычнемъ, помѣщаться рядомъ съ святымъ храмомъ: тамъ была дверь, а тутъ окно, которое во время службы открыто; сдѣлана занавѣсь, и я могу даже утромъ молиться, если бы не была въ силахъ встать, то лежа на моей постели. Если мнѣ понравится и удобно будетъ, то игуменія предлагаетъ мнѣ тутъ жить всегда; но она меня не стѣсняетъ и даетъ право избрать любую келію, или выстроить совершенно новую на счетъ монастыря. Внутри обители версты двѣ есть и

лѣсъ, тутъ же и пруды, однимъ словомъ, хорошо. Въ монастырѣ триста сестеръ, храмъ великолѣпный, пѣніе очень стройное, голоса отличные и вообще порядокъ во всемъ. Казначея—старушка добрая, и на мое счастіе была еще у матери моей, когда мы жили въ Москвѣ, знаетъ мою сестру и меня, когда я еще была въ міру.

Прожила я въ Іоанно-Маріинскомъ монастырѣ два года съ 1877 г. по 1879 г. Жизнь моя шла изо-дня въ день, совершенно однообразно, тихо и покойно. Я занималась духовною живописью, устроила при обители школу; между сестрами нашлись такія, которыя съ душою и искреннимъ желаніемъ стали заниматься со мной. Между ними оказались нѣкоторыя умѣющія писать иконы, я научила ихъ, какъ золотить и чеканить (т. е. по золоченому дереву выбивать узоры); все это было для меня дѣломъ хорошо знакомымъ, потому что я сама изучила всѣ эти работы у очень хорошихъ мастеровъ.

Благодаря энергіи и упорному труду сестеръ обители, дѣло пошло настолько хорошо, что черезъ годъ были у насъ свои мастерскія, гдѣ исполнялись цѣлые иконостасы. Заказовъ было много, такъ какъ нигдѣ еще въ Кавказскихъ монастыряхъ не было иконостасныхъ мастерскихъ. Такъ проходили мѣсяцы, и жизнь моя текла очень покойно.

Въ октябрѣ 1878 года былъ присланъ указъ Святѣйшаго Синода, въ которомъ говорилось, что духовная сестра моя переводится въ Ладинскій монастырь Полтавской губерніи Прилужскаго уѣзда. Какъ ей бѣдной не хотѣлось разставаться съ сестрами обители, но приказаніе Синода нужно было исполнить, и къ Рождеству она должна была уже быть на мѣстѣ и принять монастырь отъ бывшей игумени, которая по болѣзни не могла болѣе управлять монастыремъ и просилась на покой. Насталъ день ея отъѣзда. Мы вмѣстѣ съ игуменьей поѣхали къ ней въ монастырь, чтобы проститься; её любили и уважали не только сестры обители, но и окрестные жители. Съѣхалось такое множество, что игуменская келія не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ проститься съ уѣзжающей матушкой-игуменіей. Прощаніе съ духовной сестрой такъ меня разстроило, что я не въ состояніи была проводить ее. Вернувшись въ монастырь, я слегла въ постель и пролежала два дня.

Я съ нетерпѣніемъ ждала отъ нея письма. Помню, сижу я въ своей келіи и пишу икону, смотрю: входитъ добрая моя матушка-игуменья съ улыбающимся лицомъ и подаетъ мнѣ письмо; какъ я была рада получить извѣстіе отъ дорогаго мнѣ человѣка. Слава Богу, ей понравился монастырь, только одно не хорошо—мѣстность низменная и болотистая, монастырь очень большой и благоустроенный, есть много разныхъ угодій, полевое хозяйство, все сдѣлано очень солидно и толково, казначея милая и добрая. Оставшись безъ друга, я все время кромѣ церковныхъ службъ занималась съ сестрами обители, составляли рисунки

иконостасовъ, заказы на которые все увеличивались. Теперь уже до 10 сестеръ пишутъ иконы и столько же занимаются позолотой и чеканкой. Монастырь выписалъ знающаго мастера для рѣзной работы; его мастерская помѣщается за оградой монастыря въ особомъ отведенномъ домѣ.

Между тѣмъ я получила письмо отъ духовной сестры, въ которомъ она пишетъ, что хорошо бы было, еслибы я сама могла устроить такъ, чтобы меня перевели къ ней; что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою, и хотѣлось бы послѣдніе дни жизни провести вмѣстѣ. Я рѣшилась просить о томъ нашу добрую государыню черезъ сестру мою Аладьину, и къ великому счастію для насъ обѣихъ, т. е. для духовной сестры моей и для меня, императрица разрѣшила переѣхать на жительство въ Ладинскій монастырь.

Переѣздъ мой совершился очень быстро, и въ декабрѣ мѣсяцѣ 1879 г. я была у всенощной вмѣстѣ со своей духовной сестрой въ Ладинскомъ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ совершилось то, чего и нужно было ожидать. Переводъ съ Кавказа сильно разстроилъ и безъ того слабое здоровье духовной сестры моей, а сырой и болотистый климатъ свелъ ее въ могилу. Съ ея смертію для меня монастырь Ладинскій потерялъ всякое значеніе; жить въ немъ было пыткой. Все то, что я устроила, и что раньше меня интересовало, теперь стало для меня тяжестью; я уже не ходила въ школу шелководства, гдѣ прежде проводила цѣлые дни. Теперь моимъ излюбленнымъ мѣстомъ была могила духовной моей сестры. Однажды, когда я сидѣла на ея могилѣ, плакала и какъ бы совѣтовалась съ нею, что я должна теперь дѣлать и гдѣ жить, я совершенно незамѣтно уснула и слышу во снѣ голосъ ея. «Уѣзжай, Митрофанія, отсюда,—такъ нужно. Все устроится къ лучшему, и въ Іерусалимъ поѣдешь». На другой день я получаю письмо отъ сестры Аладьиной, въ которомъ она сообщала радостную вѣсть, что Св. Синодъ разрѣшилъ мнѣ проживать въ разныхъ губерніяхъ Россіи, а вслѣдъ за ея письмомъ я вскорѣ получила и самый указъ Св. Синода. Посовѣтовавшись съ врачами, я рѣшила уѣхать въ Одессу и прожила тамъ около двухъ лѣтъ, имѣя пребываніе частію на Пантелеймонскомъ подворьѣ, а частію на Архіерейскомъ. Дай Богъ здоровья преосвященному епископу одесскому, который помогалъ мнѣ изъ личныхъ своихъ средствъ.

Въ 1888 году я избрала для постояннаго жительства Дально-Давыдовскій монастырь, находящійся въ Нижегородской губ. Горбатовскаго уѣзда, въ 20 верстахъ отъ пароходной пристани Александрово на р. Окѣ.

Пустынная эта обитель окружена лѣсами, принадлежащими графу Шереметеву. Я написала настоятельницѣ обители о желаніи своемъ поселиться въ этомъ монастырѣ и вскорѣ получила письмо, въ которомъ она приглашала къ себѣ и сообщала, что къ моему пріѣзду велѣла го-

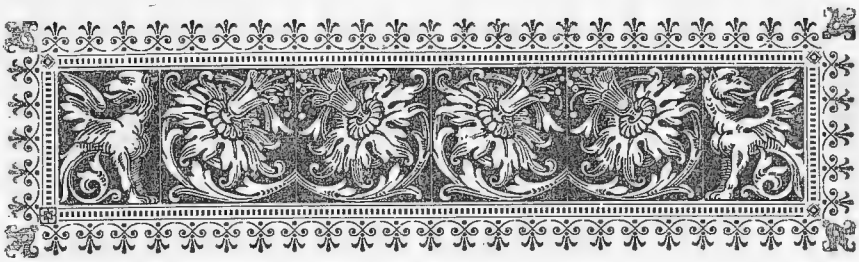
товить келію. Встрѣтили меня въ монастырѣ очень радушно. Во время жизни моей въ Давыдовскомъ монастырѣ я часто ѣздила въ Нижній, гдѣ живетъ мой племянникъ князь Анатолій Александровичъ Дадіанъ, сынъ родной сестры моей Лидіи. Я очень сошлась съ его семьей, въ особенности съ его сыномъ, а моимъ внукомъ, Сашей, и очень полюбила его.

Пока я жила въ Давыдовской обители, я написала полную исторію этого монастыря. Въ 1893 году обстоятельства сложились такъ, что я должна была переѣхать въ Усманскій монастырь Тамбовской губерніи; здѣсь я тоже составила лѣтопись этого монастыря. Во время моихъ поѣздокъ по Рязанской дорогѣ, я совершенно случайно познакомилась съ игуменіей Балашовскаго монастыря, матерью Маріей; мы съ ней такъ сошлись и полюбили другъ друга, что я, переѣхавши въ Усмань, часто ѣздила и подолгу жила въ Балашовѣ. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ туда, я заболѣла и очень долго пробыла въ обители. Во время моей болѣзни мы съ матерью Маріей полюбили другъ друга, какъ сестры: она мнѣ замѣнила мою духовную сестру, настолько ее вниманіе и уходъ за мной были родственны и искренни. Тѣмъ временемъ я все же не оставляла надежду на свое путешествіе въ Іерусалимъ и давно еще просила сестру Аладьину похлопотать о пособіи мнѣ на эту поѣздку. По вступленіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая Александровича, было мнѣ высочайше пожаловано это пособіе и дано разрѣшеніе ѣхать въ Іерусалимъ. Передъ отъѣздомъ мнѣ захотѣлось проститься съ близкими мнѣ, я отправилась изъ Усманскаго монастыря въ Балашовъ, оттуда въ Москву къ сестрѣ Софьѣ Григорьевнѣ Аладьиной, гдѣ пробыла два дня. Заѣхала потомъ въ Нижній, чтобы послѣдній разъ повидаться съ семьей князя Дадіанъ. На возвратномъ пути была въ Павловѣ у семьи покойнаго моего благодѣтеля Якова Ивановича Лабзина, которому я такъ много обязана за его помощь и неоставленіе меня своимъ вниманіемъ. Я писала имъ, что ѣду въ Старый Іерусалимъ и буду у нихъ, чтобы проститься, потому что Богъ знаетъ, вернусь ли я въ Россію.

Итакъ я ѣду въ св. градъ Іерусалимъ, оставляю Россію вѣроятно навсегда. Всѣ мои мученія милостями нынѣ царствующаго Императора кончились, и на пожалованныя имъ мнѣ средства ѣду ко Гробу Господню.

Сообщилъ кн. А. Дадіанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Николай де-Мелло, «гишпанскія земли» чернецъ.

(Изъ Смутнаго времени).

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ Смутнаго времени встрѣчается имя Николая де-Мелло, католическаго монаха, прожившаго около четырнадцати лѣтъ въ Россіи и бывшаго въ перепискѣ, послѣ майскаго погрома 1606 года, съ сандомірскимъ воеводою Юріемъ Мнишкомъ. Діаментовскій приводитъ въ своемъ дневникѣ три изъ его посланій, но, къ сожалѣнію, только въ извлеченіи. Костомаровъ обратилъ на нихъ вниманіе, довольствуясь, однако жъ, кое-какими выдержками изъ упомянутыхъ извлеченій. Никто еще, сколько мнѣ извѣстно, не позаботился выяснить личность Николая и ближе съ нею познакомиться. А съ критической точки зрѣнія, это вовсе не безразлично. Въ дошедшихъ до насъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ есть, хотя и немногія, но за то цѣнныя данныя. Къ слову сказать, бывало и такъ, что письма Николая де-Мелло приводились сплошь и рядомъ съ текстомъ Діаментовскаго, безъ всякой оговорки и къ немалому ущербу научной точности [1]).

На Западѣ, въ Испаніи и Португаліи, укоренилось такое мнѣніе о Николаѣ, что онъ погибъ въ Астрахани мученическою смертію, исповѣдуя христіанскую вѣру; вслѣдствіе чего уже Кардозо внесъ его имя въ португальскую агіологію. Вообще, для его жизнеописанія, въ періодъ пребыванія въ Россіи, главнымъ источникомъ послужила его собствен-

---

[1]) „Журналъ Мин. Нар. Просв.“, октябрь 1901 г., стр. 513.

ная переписка особенно съ Алексѣемъ Менезіемъ, бывшимъ тогда архіепископомъ въ Гоѣ, и письма кармелита Ивана-Ѳаддея, того самаго, который представлялся Димитрію въ Москвѣ, а потомъ миссіонерствовалъ въ Испаніи.

Въ настоящее время мы не имѣемъ въ нашемъ распоряженіи этихъ прямыхъ свидѣтельствъ; мы должны почерпать извѣстія изъ вторыхъ и третьихъ рукъ [1]). Но, и такимъ путемъ, какъ оказывается, можно дойти до нѣкоторыхъ новыхъ результатовъ.

Николай де-Мелло былъ родомъ изъ Португаліи, по всей вѣроятности изъ города Кавилхао. Семейство его принадлежало къ мѣстной знати. Мѣстомъ его дѣятельности были испанскія владѣнія, а такъ какъ Испанія и Португалія были тогда соединены подъ властью единаго короля, то, не смотря на свое португальское происхожденіе, онъ слылъ повсюду за испанца. Еще юношей, въ Испаніи, или въ Мексикѣ, около 1578 года, вступилъ онъ въ орденъ отшельниковъ св. Августина, который былъ очень распространенъ во всей Америкѣ.

Пребываніе его въ Мексикѣ продолжалось недолго. Шесть лѣтъ спустя, въ 1584 году, онъ былъ переведенъ на Филиппинскіе острова, гдѣ, изучивъ мѣстныя нарѣчія, съ успѣхомъ занимался проповѣдываніемъ христіанской вѣры. Тамъ онъ пробылъ до самаго конца XVI столѣтія.

За это время, кромѣ сказаннаго, о немъ извѣстно, что онъ снискалъ всеобщее уваженіе, и, занимая отвѣтственныя должности, не чуждался писательской работы. Отъ него осталось одно, другое житіе [2]). По всему замѣтно, что онъ былъ человѣкъ образованный, преданный своему призванію, одушевленный высоконравственнымъ стремленіемъ.

Немаловажное порученіе, которое выпало на его долю, подтверждаетъ такое о немъ мнѣніе. Когда, согласно обычаю, пришлось посылать представителя къ орденскому начальству въ Европу, то выбранъ былъ Николай де-Мелло, и на него возложили разнаго рода ходатайства при папской куріи и при испанскомъ дворѣ.

Николай пустился въ путь около 1599 года, въ сопровожденіи молодаго японца, съ которымъ онъ былъ очень друженъ. Вся семья этого спутника переселилась изъ Японіи въ Манилью и обратилась въ христіанство при посредствѣ де-Мелло, и одному изъ сыновей дали имя Николая въ честь и память его духовнаго отца. Новокрещеный юноша вскорѣ вступилъ въ орденъ св. Августина, что̀ еще болѣе скрѣпило

---

[1]) Изъ печатныхъ иноземныхъ источниковъ назову здѣсь: Pineyro, Relacion del successo que tuvo nostra santa fe en los reynos del Japon; Trigault, De Christianis apud japonios triumphis; Antonio de Govea, Triunfo glorioso de tres Martyres espanoles; Postrema saecula sex Religionis Augustinianae, t. II.

[2]) Antonio Bibl. Hispana nova, т. II, стр. 153.

узы, связывавшія его съ своимъ просвѣтителемъ. Трудно было найти лучшаго спутника. Оба, отецъ Николай и братъ Николай, который въ отличіе отъ перваго называется обыкновенно Nicolaus a Sancto Augustino, поѣхали сперва въ Гою. Тамъ они свидѣлись съ мѣстнымъ архіепископомъ, знаменитымъ Алексѣемъ Менезіемъ, принадлежавшимъ также къ ихъ ордену и бывшимъ усерднымъ возвѣстителемъ христіанскаго ученія въ Индіи. Къ ихъ несчастію, готовыхъ къ отплытію кораблей не нашлось, и, чтобъ не терять времени, они рѣшились ѣхать сухимъ путемъ.

Сначала обстоятельства сложились благопріятно, особенно въ Персіи. Шахъ Аббасъ II принялъ ихъ очень милостиво, такъ что у нихъ зародились большія надежды относительно будущаго. Именно въ то время шахъ отправлялъ посольство въ Европу для заключенія союза съ христіанскими государями противъ турокъ. Отецъ Николай пожелалъ примкнуть къ персидскимъ представителямъ, на что́ шахъ не только согласился, но вручилъ ему письма для папы и для испанскаго короля, удостоивъ его даже особаго своего расположенія. Въ такихъ именно условіяхъ эта поѣздка и стала началомъ всѣхъ послѣдующихъ злоключеній.

Здѣсь источники расходятся. Въ посольствѣ участвовалъ англичанинъ, Антоній Ширлей, который занималъ высокое мѣсто при персидскомъ дворѣ и не желалъ раздѣлять своего представительства съ латинскимъ монахомъ. Онъ вовсе не лестно отзывается о немъ, приписываетъ ему неблаговидные поступки и глухо упоминаетъ о ихъ разладѣ [1]). Совсѣмъ иначе дѣло представляется испанскими писателями. Они обѣляютъ отца Николая и сваливаютъ всю виду на Ширлея, на его зависть и религіозную нетерпимость. Онъ всячески притѣснялъ и огорчалъ своего спутника, покушался даже будто на его жизнь. Какъ бы то ни было, персидское посольство, въ 1600 году, добралось до Москвы.

Здѣсь де-Мелло отказался отъ сожительства съ своими товарищами и поселился въ домѣ Павла Читадинъ. Это былъ докторъ, католикъ, родомъ изъ Милана, уже преклонныхъ лѣтъ. Еще въ 1595 году Генрихъ IV обращался къ царю Ѳедору съ просьбою отпустить его во Францію, гдѣ онъ имѣлъ друзей и родственниковъ [2]); но желаннаго разрѣшенія не послѣдовало. Читадинъ все еще оставался на мѣстѣ, и, пребывая у него, отецъ Николай не только отправлялъ домашнее бого-

[1]) The three Brothers, or the travels and adventures of sir Anthony, sir Roberd and sir Thomas Sherley in Persia, Russia, Turkey etc. (London, 1825), p. 98:

[2]) Richter, Geschichte der Medicin in Russland, т. I, стр. 322, 438.

служеніе, но даже окрестилъ новорожденную дѣвочку по римскому обряду.

Это дошло до свѣдѣнія Бориса Годунова. Предателемъ оказался Антоній Ширлей, а сообщниками его были англійскіе купцы, на происки которыхъ жаловался еще Поссевинъ. За доносомъ открылось слѣдствіе. Въ старой Москвѣ было своего рода третье отдѣленіе, были жандармы. У отца Николая сдѣлали обыскъ, при чемъ нашлись грамоты шаха Аббаса, посланія къ папѣ и къ испанскому королю. Все это показалось крайне подозрительнымъ, и, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, ничуть не заботясь о международномъ правѣ, Борисъ Годуновъ сослалъ мнимаго преступника въ Соловецкій монастырь. Память объ его пребываніи тамъ сохранилась въ грамотѣ 1600 года «о присылкѣ въ монастырь подъ началъ Гишпанскія земли черица Николая съ человѣкомъ его» [1]).

Шесть цѣлыхъ лѣтъ оба Николая провели въ Соловкахъ. Можно себѣ представить, какъ мучились и томились въ суровомъ сѣверномъ климатѣ непривычные къ нему иностранцы. Но пока они тамъ бѣдствовали, о нихъ шли переговоры въ Краковѣ. Неизвѣстно, какими путями свѣдѣнія о невзгодахъ отца де-Мелло дошли до Рима, и папская курія заинтересовалась его участью. Въ 1604 году, краковскій нунцій Рангони обратился къ польскому правительству съ просьбою вступиться за невиннаго страдальца и выручить его изъ плѣненія. Поляки отнеслись доброжелательно къ дѣлу и дали ему канцелярскій ходъ, что́, конечно, не обѣщало быстраго успѣха [2]).

Между тѣмъ Климентъ VIII пытался достичь своей цѣли еще другимъ путемъ. Онъ поручилъ кармелитамъ, ѣхавшимъ въ Персію чрезъ Россію, замолвить доброе слово въ пользу изгнанника. Какъ извѣстно кармелиты не могли проникнуть въ Москву при Годуновѣ и явились туда только при названномъ Димитріи. Съ новымъ царемъ дѣло уладилось немедленно. Николай де-Мелло былъ вызванъ обратно въ Москву, ему ставилась на видъ поѣздка въ Испанію съ важными предложеніями для короля и обѣщалось милостивое содѣйствіе.

Но злой рокъ преслѣдовалъ несчастнаго монаха. Пока онъ спѣшилъ въ столицу, въ Кремлѣ совершился кровавый переворотъ 27-го мая 1606 года. По своемъ пріѣздѣ онъ нашелъ на престолѣ ужъ не предпріимчиваго Димитрія, а Василія Шуйскаго, который вовсе не задавался мечтою объ испанскомъ посольствѣ. Пришлось вступить съ нимъ въ переговоры и объясниться на счетъ прошлаго. Посредниками и переводчиками явились опять-таки неизбѣжные англичане. Ихъ ковар-

---

[1]) Казань, Духовная академія, „Соловецкій Сборникъ“, № 18, грамота № 98, л. 7. Самой грамоты въ Сборникѣ нѣтъ. Сообщеніе С. Ѳ. Платонова.

[2]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III, 90, b., л. 266 v., 279.

ству Николай приписываетъ печальный исходъ своего дѣла: его опять удалили изъ Москвы и, вмѣстѣ съ товарищемъ, сослали въ Борисоглѣбскій монастырь, основанный еще въ 1363 году близъ Ростова, при рѣкѣ Устьѣ.

Пребываніе въ монастырѣ было не что иное, какъ тюремное заключеніе, да къ тому же очень тяжкое, особенно для брата Николая. Его назойливо преслѣдовали и старались переманить въ православіе. Такимъ притѣсненіямъ отецъ Николай почему-то не подвергался, въ чемъ онъ самъ сознается. Оба страдали отъ всякаго рода лишеній, нерѣдко голодали и содержались вообще довольно строго. Однако жъ, съ теченіемъ времени наступило, кажется, нѣкоторое послабленіе. Сохранилось извѣстіе, что латинскій чернецъ былъ друженъ съ затворникомъ того же монастыря Иринархомъ [1]). Этотъ бывшій земледѣлецъ Ростовской области, деревни Кондакова, причисленный впослѣдствіи къ лику мѣстно чтимыхъ святыхъ восточной церкви, былъ тогда въ большомъ почетѣ, сносился съ Василіемъ Шуйскимъ, принималъ однажды у себя Димитрія Пожарскаго, благословилъ его крестомъ и получилъ отъ него льготу для своего монастыря. Такая обстановка отчасти объясняетъ обиліе извѣстій, которое поражаетъ въ дошедшей до насъ отрывочной перепискѣ отца Николая съ Юріемъ Мнишкомъ. Очевидно, онъ передаетъ ходячіе монастырскіе слухи, хотя однажды ему удалось самому сойтись съ постороннею личностью. Во всякомъ случаѣ, письма эти заслуживаютъ полнаго вниманія и подаютъ кое-какія разъясненія.

Поводомъ къ перепискѣ послужило, вѣроятно, сосѣдство польскихъ пановъ, сосланныхъ 14-го августа 1606 года въ Ростовъ. Отъ нихъ можно было узнать окольными путями о пребываніи Мнишка въ Ярославлѣ, объ его надеждѣ возвратиться въ Польшу. Заманчиво было вступить въ сношенія съ нимъ, обмѣняться мыслями. Какъ де-Мелло взялся за это дѣло, догадаться трудно. Несомнѣнно, однако жъ, что вопреки строгому надзору и строжайшимъ запрещеніямъ, три изъ его посланій дошли благополучно до Мнишка. Да, кромѣ того, онъ какъ-то ухитрился сблизиться съ Андреемъ Стадницкимъ, однимъ изъ ростовскихъ плѣнниковъ.

Первое посланіе отца Николая пришло въ Ярославль 12-го іюля 1607 года [2]). Оно было написано на французскомъ языкѣ. Въ немъ забытый узникъ разсказывалъ всю свою жизнь: пребываніе въ Америкѣ и московскія превратности, и свидѣтельствовалъ о своей непоколебимой преданности римской церкви. Ближайшая цѣль его посланія была просьба о ходатайствѣ въ Римѣ и Мадридѣ. Предвидя или только соображая,

---

[1]) Сообщеніе А. А. Титова по мѣстнымъ источникамъ.

[2]) Діаментовскій (Hirschberg, Polska a Moskwa), стр. 103.

*

что польскому сенатору будетъ легче вырваться изъ русскаго плѣненія, онъ умолялъ пана Мнишка, въ случаѣ освобожденія, вступиться за него и напомнить папѣ и испанскому королю о своемъ долголѣтнемъ заключеніи и печальной судьбѣ. Въ томъ же пакетѣ находилось письмо Андрея Стадницкаго съ извѣстіями о польскомъ мятежѣ.

Совсѣмъ другаго рода и съ исторической точки зрѣнія гораздо важнѣе второе посланіе отца, полученное въ Ярославлѣ 25-го октября того же 1607 года [1]). Здѣсь онъ мало что сообщаетъ о себѣ и, упомянувъ вскользь объ Андреѣ Стадницкомъ, распространяется о текущихъ событіяхъ. По свидѣтельству Діаментовскаго, борисоглѣбскіе чернцы были гораздо лучше освѣдомлены, чѣмъ ярославскіе узники, а де-Мелло самъ признается, что, не смотря на препятствія, онъ узнавалъ все, что происходило въ Москвѣ. И вотъ какъ онъ описываетъ состояніе умовъ въ въ маѣ мѣсяцѣ 1607 года:

Вслѣдствіе постоянныхъ успѣховъ Ивана Болотникова и пораженія царскихъ войскъ, знатнѣйшіе изъ бояръ—ихъ насчитывается десятеро—обратились къ Василію Шуйскому и убѣждали его постричься въ монахи, предоставивъ престолъ тому, кто имѣетъ на него право. А сдѣлать такое предложеніе, говорили бояре, они рѣшились потому, что другаго исхода не было. Повсюду кровопролитіе и неукротимое возстаніе на царя: кто явно ведетъ войну противъ него, кто тайно подготовляетъ измѣну, кто перебѣгаетъ на сторону непріятеля; да и самые царскіе сторонники только ради страха пребываютъ въ вѣрности, чтобъ дѣтей не погубить и самимъ не пропасть. Понятно, что такія рѣчи раздражили Шуйскаго. Онъ бросилъ въ темницу слишкомъ смѣлыхъ бояръ и отобралъ ихъ имущество въ свою казну,

Загадочное сообщеніе. Конечно, всѣ подробности не выдерживаютъ провѣрки; но не странно ли, что событія 1610 года излагаются съ удивительною точностью ровно три года раньше? И не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что враждебное настроеніе противъ Шуйскаго созрѣвало долго въ боярскомъ кругу, что его насильственное постриженіе и заточеніе въ Чудовъ монастырь было намѣчено давно и имѣлось въ виду съ самаго начала его правленія?

Далѣе отецъ Николай разсказываетъ, что, разославъ повсюду патріаршія грамоты съ угрозами и анаѳемами, Шуйскій собралъ значительное войско и, выступивъ съ нимъ 14-го мая изъ Москвы, торжественно клялся въ Серпуховѣ, что вернется только побѣдителемъ. Между тѣмъ Болотниковъ, выручennый изъ Калуги княземъ Телятевскимъ, перешелъ въ Тулу, соединился тамъ съ самозваннымъ царевичемъ Петромъ Ѳедоровичемъ и счастливо отбивалъ приступы царскихъ сторон-

[1]) Тамъ же, стр. 112.

никовъ. На этихъ военныхъ успѣхахъ обрывается разсказъ. Скораго паденія Тулы де-Мелло не предвидѣлъ и, быть можетъ, мечталъ о совсѣмъ другой развязкѣ.

Дѣло въ томъ, что въ теченіе октября мѣсяца онъ имѣлъ ночное, таинственное свиданіе съ какимъ-то московскимъ бояриномъ, «большимъ пріятелемъ воеводы князя Ѳедора»,—какого именно Ѳедора, къ сожалѣнію, умалчивается. Этотъ бояринъ подѣлился съ нимъ такими новостями: «вотъ осьмнадцатый день, говорилъ скрытый вѣроятно сторонникъ самозванца, что я покинулъ Путивль. Тамъ живетъ царь Димитрій, окруженный войскомъ тысячъ въ девять. Онъ писалъ Шуйскому, что могъ бы добыть престолъ оружіемъ, но, будучи наслѣдственнымъ государемъ, чуждается насилія и потому совѣтуетъ не вызывать его на борьбу, а сдаться на его милосердіе. Съ этимъ письмомъ посланецъ Димитрія отправился сперва въ Тулу, а потомъ въ Москву, гдѣ, 4-го октября, въ присутствіи бояръ и войска, справилъ свое посольство и, получивъ отвѣтъ, возвратился въ Путивль. За тѣмъ послѣдовали переговоры и стали воздерживаться отъ взаимныхъ нападеній».

Если отецъ Николай соблазнился этими новостями, то ему вскорѣ пришлось разочароваться. Въ посланіи, доставленномъ въ Ярославль 7-го февраля 1860 года [1]), онъ передаетъ, что Тула взята, Петрушка повѣшенъ, Болотниковъ въ оковахъ; удивляется, что при всеобщемъ разстройствѣ Шуйскому хватило духу на женитьбу; жалуется на свою горькую участь,—подъ часъ два, три дня проводитъ безъ пищи,—наконецъ возобновляетъ просьбу о доброй памяти въ случаѣ избавленія.

Всматриваясь ближе въ эту переписку, можно сказать, что де-Мелло добросовѣстно отмѣчалъ всё, что̀ слышалъ, и безъ дальнѣйшаго разсчета слышанное передавалъ Юрію Мнишку. Въ этой безусловной откровенности и состоитъ главное достоинство его посланій. По всей вѣроятности, онъ самъ ничего не сочинялъ, а приводимые имъ слухи были дѣйствительно въ ходу. Въ монастырской кельѣ врядъ-ли удалось бы иностранцу выдумывать отчасти совершенно вѣрныя свѣдѣнія. Сравненіе съ другими источниками свидѣтельствуетъ также въ пользу отца Николая. Во второмъ его посланіи есть само по себѣ не важное извѣстіе, которое указываетъ на точность въ подробностяхъ. Говорится тамъ, что при выступленіи изъ Москвы Василій Шуйскій посадилъ въ тюрьму двухъ докторовъ, Давида и Кристофа. И дѣйствительно, въ русской столицѣ находились тогда доктора Давидъ Вазмеръ изъ Любека и венгерецъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 123. Afferetur въ приведенномъ здѣсь евангелическомъ текстѣ—безсмыслица. Слѣдуетъ читать auferetur.

докторъ Кристофъ Ристленгеръ [1]). Ихъ имена вѣрно воспроизводились въ Борисоглѣбской обители.

Переписка съ сендомірскимъ воеводою имѣла для монастырскаго узника важныя, но лишь отдаленныя послѣдствія. Участь его покуда не измѣнилась. Ему выслали, по крайней мѣрѣ однажды, отвѣтъ и денежную помощь. Мнишекъ писалъ о немъ Сигизмунду III въ прочувствованныхъ выраженіяхъ и докладывалъ, что онъ имѣетъ тайныя порученія, которыя не дай Богъ, чтобъ погибли вмѣстѣ съ нимъ въ Россіи [2]). Повторялъ ли онъ изустно въ Варшавѣ то, что̀ писалъ изъ Ярославля, и какъ на это откликнулся польскій король, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, выручка пришла не съ этой стороны.

Въ 1611 году, 30-го ноября, случилось происшествіе, которое сильно потрясло и опечалило отца де-Мелло. Выше уже было упомянуто, что брату Николаю навязывали переходъ въ православіе. Впослѣдствіи стали докучать и самому отцу Николаю. Иноземные писатели утверждаютъ даже, что ему обѣщали архіерейство въ случаѣ согласія. Отъ словъ перешли къ дѣйствіямъ: начались притѣсненія, преслѣдованія и даже всякаго рода мученія. Съ особою жестокостью обрушились на брата Николая. Его разлучили отъ отца Николая, увѣряли, что послѣдній уже принялъ православіе, подвергли истязаніямъ и, наконецъ, грозили лютою смертью. Молодой японецъ оставался непоколебимымъ въ страданіяхъ, имѣлъ случай свидѣться съ отцомъ Николаемъ, убѣдился, что онъ не измѣнилъ своей вѣры, и вскорѣ передъ глазами своего спутника былъ безпощадно казненъ. Та же участь ожидала де-Мелло, но ради поляковъ и по ихъ просьбѣ его избавили отъ смерти.

Таковъ разсказъ иноземныхъ писателей. Надо признаться, что онъ теменъ, сбивчивъ и не поддается удовлетворительной критикѣ.

Другой фактъ предстaвляется въ условіяхъ большей достовѣрности. По смерти дорогаго товарища, де-Мелло еще нѣкоторое время томился въ заключеніи. Только около 1612 года наступила для него давно желанная минута избавленія. Виновницею является бывшая царица Марина. Что̀ вызвало ея заступничество, остается для насъ тайною. Можетъ быть, самъ де-Мелло обратился къ ней съ просьбою; можетъ быть, Марина съ какой-либо другой стороны узнала о немъ и вспомнила объ его перепискѣ съ сендомірскимъ воеводою.

Какъ бы то ни было, но мужъ Марины, такъ говорятъ иноземные писатели, атаманъ Иванъ Мартыновичъ Заруцкій, взялся за дѣло и достигъ намѣченной цѣли. Отца Николая освободили, онъ пріѣхалъ къ Маринѣ и вмѣстѣ съ ней перебрался въ Астрахань.

---

[1]) Richter, т. I, стр. 372, 374.

[2]) Львовъ, Библ. Оссолинскихъ, 2431.

Новая обстановка ему, кажется, понравилась. Посреди казацкаго войска образовался маленькій католическій очагъ. Ихъ было тамъ трое монаховъ: кромѣ отца Николая, при Маринѣ постоянно находился ея исповѣдникъ, бернардинъ Антоній изъ Люблина, да еще случайно присоединился къ нимъ кармелитъ Иванъ-Ѳаддей, котораго шахъ Аббасъ посылалъ къ Сигизмунду III въ Польшу, но который былъ задержанъ въ Астрахани [1]). Марина не мало обрадовалась присутствію такихъ гостей; они были для нея желанными утѣшителями. Она завела у себя домовую церковь, посвященную Богородицѣ, гдѣ, въ день св. Августина 1613 года, отецъ Николай впервые отслужилъ литургію. То же радушіе, какъ и Марина, оказывала ея родственница Варвара Казановская. Она ѣздила въ Москву на свадьбу съ Димитріемъ и, бывъ тогда въ главѣ блестящаго женскаго штата Марины, не покидала ея въ несчастіи и невзгодахъ. Особенно она сблизилась съ отцомъ Николаемъ и даже примкнула къ его ордену.

Это относительно счастливое время продолжалось не долго. Извѣстно, въ какомъ безвыходномъ положеніи очутилась вскорѣ Марина. Она поняла, что Россія передъ нею закрывается навсегда, и стала думать о перемѣщеніи въ Персію. На эту мысль ее навели, пожалуй, побывавшіе при испаганскомъ дворѣ монахи. Прежде всего, она рѣшила отправить посланца къ шаху Аббасу, чтобы сговориться съ нимъ. Выборъ ея колебался между отцомъ Николаемъ и Иваномъ-Ѳаддеемъ, и остановился наконецъ на послѣднемъ, который вскорѣ и уѣхалъ въ Персію.

Между тѣмъ въ Астрахани обстоятельства обострились, сложились такъ грозно, что Марина принуждена была покинуть городъ и спасаться бѣгствомъ. Она направилась на Яикъ. Только немногіе согласились ее сопровождать. Какъ извѣстно, бѣглецы были настигнуты на Медвѣжьемъ островѣ. Окруженные царскими войсками, казаки защищались недолго и выдали Заруцкаго, Марину и отца де-Мелло. Это извѣстіе, заимствованное отчасти у иностранныхъ писателей, подтверждается отпискою 11-го іюля 1614 года астраханскихъ воеводъ князя Одоевскаго и Головина къ казанскимъ воеводамъ князю Воротынскому и Ушатову, гдѣ упоминается, какъ спутникъ Марины, плѣненный вмѣстѣ съ ней, «чернецъ Миколай» [2]).

Что случилось дальше и какая участь постигла де-Мелло, трудно установить съ должною точностью. Иноземная версія сводится къ тому, что Марина была умерщвлена, отцу же Николаю и Варварѣ Казановской предлагали сперва перейти въ православіе; потомъ, въ виду ихъ рѣшительнаго отказа, ихъ стали немилосердно мучить и, наконецъ, жи-

[1]) Krusinski, De legationibus Polono-Persiis dissertatio (въ сочиненіи Prodromus), стр. 247.

[2]) Акты историческіе, т. III, стр. 33, № 33.

выхъ сожгли на кострѣ. Источникомъ для этой версіи послужило, вѣроятно, письмо кармелита Ивана-Ѳаддея, бывшаго тогда въ Испагани и слѣдившаго за астраханскими событіями.

Вообще, необходимо замѣтить, что иноземные писатели придаютъ своему изложенію исключительно религіозную окраску. О свирѣпствовавшей тогда національной борьбѣ и ея проявленіяхъ они имѣютъ лишь очень поверхностное понятіе. Скудость русскихъ извѣстій объ отцѣ Николаѣ не допускаетъ желаемой и безусловно нужной провѣрки. Не знаю, на какомъ основаніи г. Лѣствицынъ утверждаетъ, что де-Мелло «по ходатайству сына индійскаго раджи, пріѣхавшаго съ нимъ въ Россію и остававшагося въ Москвѣ, былъ освобожденъ потомъ Шуйскимъ изъ заточенія и возвращенъ въ Москву, но тамъ вскорѣ умеръ и погребенъ, а бывшій его спутникъ выѣхалъ въ Польшу» [1]).

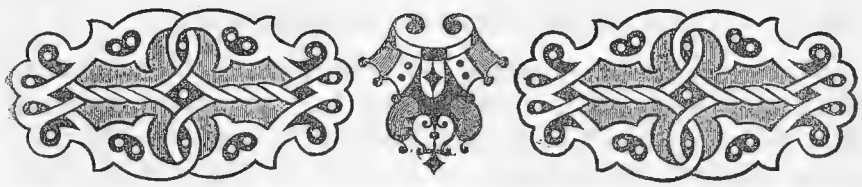
Самъ де-Мелло оставилъ послѣ себя двѣ записки: одну—о своей личной миссіонерской дѣятельности; другую—о казни спутника своего брата Николая. Но были ли онѣ когда-либо напечатаны, этого библіографы положительно не высказываютъ [2]). Пожалуй, онѣ до сихъ поръ хранятся въ рукописи, и не легко будетъ ихъ найти. Подлежащія разысканія дѣлаются однако въ Римѣ и Мадридѣ. Если, кромѣ того откроется переписка отца Николая съ Алексѣемъ Менезіемъ, своими собратьями и кармелитами, то весь этотъ эпизодъ Смутнаго времени явится передъ нами въ новомъ и для исторіи поучительномъ освѣщеніи.

П. Пирлингъ.

---

[1]) Сапѣга въ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ, стр. 10.

[2]) D. B. Machado, Bibliotheca Lusitana, т. III, стр. 495; Ossinger, Bibliotheca Augustiniana, стр. 579.



Новый документъ о Самозванцѣ.

Появленіе Лжедимитрія въ Польшѣ и его разсказы о себѣ, какъ извѣстно, не всюду находили легковѣрныхъ слушателей. Особенно скептическое отношеніе нашли они себѣ при дворѣ, въ правящихъ классахъ. «Какъ только этотъ Димитрій явился при дворѣ вашего величества, докладывалъ познанскій кастелянъ Янъ Остророгъ, вы разослали къ сенаторамъ письма, въ которыхъ спрашивали ихъ совѣта, какъ вамъ поступить въ настоящемъ случаѣ». (Рус. Ист. Биб., т. 1, стр. 5).

На сеймахъ неоднократно выражалось предостереженіе—не увлекаться показаніями Димитрія и не нарушать, ради этого неизвѣстнаго человѣка, мира съ Московскимъ государствомъ. Интересно, въ этомъ отношеніи мнѣніе престарѣлаго Замойскаго, высказанное имъ на варшавскомъ сеймѣ 20-го января 1605 года. «Что касается до этого Димитрія, то я совѣтовалъ вашему величеству не только не нарушать самымъ дѣломъ условій мира съ Москвою, но даже остерегаться давать поводъ подозрѣвать насъ въ этомъ.... Что касается личности самого Димитрія, который выдаетъ себя за сына извѣстнаго (намъ) Ивана, то объ этомъ я скажу слѣдующее: правда, что у Ивана было два сына, но тотъ—оставшійся, за котораго онъ выдаетъ себя, какъ было слышно, былъ убитъ. Онъ говоритъ, что вмѣсто него задушили кого-то другаго: помилуй Богъ! Это комедія Плавта или Теренція, что ли?» (Ibid.).

Таково было мнѣніе одного изъ лучшихъ государственныхъ людей Польши. Недовѣріе къ личности Димитрія очевидно росло пропорціонально тому теченію, которое, наоборотъ, видѣло въ немъ московскаго царевича. Двѣ противоположныя тенденціи, несомнѣнно, должны были встрѣчаться и этимъ самымъ дѣлали болѣе настоятельнымъ вопросъ объ установленіи личности загадочнаго человѣка.

Въ томъ же 1605 году посламъ Бѣльскаго воеводства была послана инструкція, въ которой говорилось, между прочимъ: «На государика, какъ его зовутъ, Димитрія, который родомъ и по воспитанію—русскій, мы не находимъ возможнымъ полагаться, да если бы и можно было довѣрять ему, то непонятно намъ, по какимъ побужденіямъ и какимъ образомъ осмѣлились собственною властію, безъ сеймоваго одобренія, поддерживать его. Ничего подобнаго не бывало прежде; дурной это примѣръ, и Богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ» (Ibid.).

Очевидно, благодаря этой инструкціи, вопросъ о личности Димитрія сталъ часто подниматься на сеймахъ. Изъ нижеслѣдующаго будетъ видно, что о достовѣрности показаній Димитрія о своемъ царскомъ происхожденіи король всячески старался разузнать «при содѣйствіи другихъ», т. е. не вѣрилъ показаніямъ самого Димитрія. Таковъ смыслъ отрывка изъ сеймовыхъ предложеній короля:

«О Димитріи (канцлеръ) говорилъ, что Димитрій не малое время находился при дворѣ его величества, и еслибы, вслѣдствіе дурныхъ совѣтовъ, онъ не поспѣшилъ оставить дворъ, то король, зная, что у царя Ивана Васильевича было три сына, изъ которыхъ старшаго отецъ самъ погубилъ, второй вступилъ на престолъ послѣ смерти отца, а третій—Димитрій въ юности былъ умерщвленъ, о чемъ тогда же было много разсказовъ, навѣрное разузналъ бы при содѣйствіи другихъ, онъ ли царевичъ Димитрій, или нѣтъ; но такъ какъ Димитрій, собравъ около себя людей, ушелъ въ предѣлы Московскаго государства, то король не имѣетъ о немъ никакихъ другихъ извѣстій» (Кромѣ того, что ему сдалось нѣсколько крѣпостей). (Ibid.).

Таковъ матеріалъ, который даетъ по данному вопросу Русская Историческая Библіотека. Въ дѣлахъ Литовской метрики, хранящейся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, нашелся случайно одинъ документъ, касающійся разбираемаго вопроса. Въ отдѣлѣ подъ названіемъ «Новыя дѣла», заключающемъ въ себѣ бумаги главнымъ образомъ, второй половины XVIII вѣка (въ книгѣ подъ № 14, на л. 59) находится этотъ документъ, безъ даты, безъ всякой другой какой-либо помѣтки, но по бумагѣ и почеркомъ—начала XVII столѣтія.

Содержаніе его отъ слова до слова слѣдующее (съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника):

Terminata Interrogatoriorum
Kniazika Moskiewskiego.

Ociec tego Dimitra ktorego czasu dał mu opiekuny, wiele ich wlidzbie y iako ich zwano.

Item ktorego roku nieboszczik kniaś Fiedor w Czerncze wstąpił.

Item Monaster swientego Cyrila gdzie lezi.

Item ktorego roku y na ktorym mieysou kniaś dziszieyszy opiekuny

te s swiata zgladził. Iesli wszystkich pospolu razem, czili zosobna, et quo genere mortis.

Item Opiekunow nowych ktorych dał, wiele ich bylo, y iako ich zwano, y kiedy się to dzialo, imię Praeceptora Dimitrowego ktore było, y gdzie go przestrzegał, y gdzie mięszkał.

Item kiedy y na ktorym mieyscu zabite dziećię powinne iego ktore mialo bydz podrzuczone włozu, takze y trzidziesći innych dziatek.

Item rychlo się ten mord po wszystkiey Moskwi ogłosił.

Item Matka iego Maria iesli iescze zywa y gdzie mięszka.

Item iako imię temu Boiarzinowi ktory za zaleceniem Praeceptora tego Dimitra doma ukrył, ktorego roku, dnia, y na ktorym mieyscu, y długoli przy nim był.

Item na ktorym Monasterze w Czerncze był obleczon, ktorego czasu, y długo tam mieszkał, y po ktorych inszych Monasterach walęsał się, wiele lat y dawno y iako do Polski się udal. Kiedy do Pana Woiewody Kijowskiego, do Pana Hoyskiego, a nakoniecz do Kniazia Wiśniowieckiego się obrócił. O inne rzeczy ktore są w narratiey na początku tey Historiey nietylko samego Kniazika pytać trzeba ale też uerificować trzeba dosiągszy o tym wiadomośće od Poslow K. I. M. ktorzi pośledzey w Moskwi byli.

Русскій переводъ.

Вопросные пункты

относительно московскаго князька.

Въ какое время отецъ того Димитрія далъ ему опекуновъ, сколько ихъ числомъ и какъ ихъ звали.

Далѣе—въ которомъ году покойный князь Ѳеодоръ принялъ монашескій чинъ.

Далѣе—гдѣ находится Кирилловскій монастырь.

Далѣе—въ которомъ году и въ какомъ мѣстѣ теперешній князь умертвилъ тѣхъ опекуновъ. Всѣхъ ли вмѣстѣ разомъ, или поодиночкѣ, и какимъ родомъ смерти.

Далѣе—сколько было новыхъ, данныхъ имъ, опекуновъ, какъ ихъ звали, когда это случилось, каково было имя дядьки Димитрія, гдѣ онъ пѣстовалъ его и гдѣ жилъ.

Далѣе—когда и на какомъ мѣстѣ убито похожее на него дитя, которое должно было его замѣнить, и тридцать другихъ дѣтей.

Далѣе—быстро ли то убійство разгласилось по всей Москвѣ.

Далѣе—жива ли еще и гдѣ живетъ мать его Марія.

Далѣе—какъ имя тому боярину, который, по порученію дядьки, укрылъ у себя того Димитрія, котораго года, дня, въ какомъ мѣстѣ и долго ли онъ былъ при немъ.

Далѣе—въ какомъ монастырѣ онъ принялъ монашескій чинъ, въ ка-

кое время и долго ли жилъ тамъ, и по какимъ инымъ монастырямъ скитался, сколько лѣтъ, давно ли и какъ отправился въ Польшу. Когда обратился къ пану воеводѣ кіевскому, къ пану Гойскому, наконецъ—къ князю Вишневецкому.

Объ иныхъ предметахъ, разсказываемыхъ въ началѣ этой исторіи, слѣдуетъ допытать не только самого князька, но и свѣрить, доставивъ о томъ свѣдѣнія отъ пословъ его королевскаго величества, которые впослѣдствіи были въ Москвѣ.

Таково содержаніе этого документа. Эти пункты, разосланные, очевидно, правительствомъ для отобранія свѣдѣній у знающихъ людей о личности Димитрія, дополняютъ приведенныя выше выписки изъ собранныхъ ранѣе матеріаловъ и, во всякомъ случаѣ, интересны, какъ планъ той исторіи, которую разсказывалъ о себѣ Димитрій въ Польшѣ, наконецъ—вообще, какъ новый документъ, не лишній въ такомъ запутанномъ и темномъ историческомъ вопросѣ.

С. Шамбинаго.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXVII [1]).

Первая поѣздка В. А. Панаева за границу. — Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. — Свиданіе по этому поводу съ А. И. Герценомъ.— Характерика его. — Поѣздка Панаева съ семействомъ въ Лондонъ. — Семейство Кусаковыхъ. — Русскіе музыкальные вечера у Герцена. — Брошюра Панаева объ освобожденіи крестьянъ. — Письмо его императору Александру II.— Бесѣды съ А. И. Герценомъ.

Надо сказать, что я уже давно мечталъ о поѣздкѣ за границу съ цѣлью ознакомиться съ европейскими желѣзными дорогами вообще. Но главнымъ образомъ меня интересовало начертаніе линіи перехода черезъ Альпы недавно устроенной уже дороги, а равно и изученіе разныхъ системъ паровозовъ, которые были въ то время жгучимъ вопросомъ.

Я рѣшился просить у главноуправляющаго путями сообщенія, Чевкина, отпускъ за границу, тѣмъ болѣе, что 14 лѣтъ не пользовался вообще отпусками, и что два доктора: извѣстный Здекауеръ и Мейнгардъ совѣтовали провести нѣкоторое время въ тепломъ климатѣ, ибо у меня, время отъ времени, показывалась кровь горломъ.

Когда я заявилъ Чевкину о совѣтѣ докторовъ, онъ сказалъ:

— Хорошо, мой другъ, я дамъ вамъ порученіе въ тепломъ климатѣ, на Югѣ.

И вотъ, онъ посылаетъ меня для изысканія наилучшаго направленія дороги изъ центра Россіи на Кіевъ. Это порученіе пришлось исполнять въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1857 г. Въ это время въ данномъ мѣстѣ,

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1901 г.

зима была безснѣжная и очень холодная. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не приходилось мнѣ дѣлать изысканія во время морозовъ, я и порядкомъ натерпѣлся тогда отъ нихъ. Результатомъ моихъ изслѣдованій было то, что я призналъ наилучшимъ направленіемъ дороги изъ центра Россіи на Кіевъ—отъ Курска, а не отъ Орла или другаго какого-либо пункта, о чемъ и представилъ пояснительную записку. Въ то время не было еще дороги отъ Москвы на Югъ.

Когда я окончилъ это порученіе, то рѣшился вновь просить отпуска за границу. Тогда Чевкинъ сказалъ, что вмѣсто отпуска онъ пошлетъ меня за границу на долго и дастъ порученіе отъ правительства.

Въ скоромъ времени, онъ дѣйствительно отправилъ меня за границу съ порученіемъ: а) изучить администрацію желѣзныхъ дорогъ; б) собрать свѣдѣнія о системѣ общаго государственнаго контроля; в) обратить вниманіе преимущественно на изученіе администраціи и порядковъ на правительственныхъ дорогахъ въ Бельгіи и г) ознакомиться съ подвижнымъ составомъ желѣзныхъ дорогъ.

Чевкинъ снабдилъ меня письмами къ посланникамъ въ Парижѣ, Брюсселѣ и Берлинѣ, и, кромѣ того, письмами къ директору правительственныхъ дорогъ въ Бельгіи г. Мазюи, который былъ его большой другъ, и къ депутату Бельгійской палаты, г. де-Брауеру, которому, между прочимъ, поручилъ открыть мнѣ путь въ Англію.

Въ апрѣлѣ 1858 года, я съ женою выѣхалъ за границу и отправился прямо въ Парижъ, гдѣ находился съ своимъ семействомъ мой товарищъ по институту, Кусаковъ. Кромѣ того, я хотѣлъ посовѣтоваться съ докторами, не столько для себя, сколько для жены. Доктора посовѣтывали ей ѣхать на лѣто въ Эмсъ, и мы отправились туда, куда вслѣдъ за тѣмъ привезены были изъ Петербурга и наши дѣти. Водворивъ въ Эмсѣ мою семью, я поѣхалъ въ Брюссель и увидѣлъ, что тамъ мнѣ придется провести около полугода, и потому вскорѣ жена и дѣти переѣхали ко мнѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ изложеніе хода моихъ занятій за границей для исполненія моего порученія, и мое пребываніе въ Эмсѣ, я долженъ остановиться на одномъ обстоятельствѣ, игравшемъ роль въ моей жизни.

По вступленіи императора Александра II на престолъ, во всѣхъ слояхъ общества упорно держалось мнѣніе, что покойный императоръ завѣщалъ, при своей смерти, своему державному преемнику исполнить то, что онъ, по несозрѣвшимъ обстоятельствамъ, не успѣлъ совершить, не смотря на свое горячее желаніе, во время своего царствованія, т. е. завѣщалъ уничтожить крѣпостное состояніе помѣщичьихъ крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ его царствованіе, постепенно дѣлались къ тому приготовленія. Напримѣръ: 1) Уничтожена была продажа крестьянъ

безъ земли. 2) Всѣ дворовые люди были приписаны къ землѣ. 3) Власть помѣщика была ограничена тѣмъ, что, законно, онъ могъ подвергать крѣпостнаго, за проступки, не болѣе какъ 25 ударамъ розогъ, тогда какъ прежде совершались возмутительныя истязанія: людей наказывали и палками и плетьми. Конечно, и послѣ этого ограниченія, злоупотребленія помѣщичьей властью встрѣчались не рѣдко, но все же эти злоупотребленія были противозаконны и могли подвергать нарушителей строгой отвѣтственности, что и случалось. Затѣмъ, при императорѣ Николаѣ, было учреждено министерство государственныхъ имуществъ, во главѣ котораго былъ поставленъ напгуманнѣйшій, образованнѣйшій и умнѣйшій человѣкъ того времени, графъ П. Д. Киселевъ. Въ его время, самоуправленіе среди крестьянъ государственныхъ имуществъ было образцовое, которому можно позавидовать и нынѣ. Еще живы люди, которые вспоминаютъ то время съ большою радостью.

Какъ бы то ни было, но въ 1856 г. всѣ чувствовали, что верховная власть скоро проявитъ свое намѣреніе относительно уничтоженія крѣпостнаго состоянія.

Конечно, я такъ же, какъ и тысячи людей, лихорадочно ожидалъ реформы и возъимѣлъ намѣреніе написать проектъ освобожденія крестьянъ.

Я написалъ этотъ проектъ еще въ 1856 году, и читалъ его многимъ среди литературнаго кружка, въ которомъ вращался. Понятно, что о преданіи его гласности нельзя было и думать въ то время. Но въ 1857 году картина мѣняется. Верховная власть высказала свое намѣреніе, вслѣдствіе чего были образованы губернскіе комитеты и центральный комитетъ въ Петербургѣ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Не менѣе того, мой проектъ не могъ пройти чрезъ цензуру.

Пользуясь моимъ пребываніемъ за границей, я задумалъ обратиться къ русской типографіи, находившейся въ Лондонѣ. Когда я водворился въ Брюсселѣ и начерталъ себѣ путь моихъ тамъ занятій, я рѣшился ѣхать на нѣсколько дней въ Лондонъ, съ намѣреніемъ отдать мой проектъ освобожденія крестьянъ въ печать и сдѣлать его гласнымъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, я написалъ Герцену письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь Александръ Ивановичъ.

«Я, Панаевъ, двоюродный братъ извѣстнаго вамъ Ив. Ив. Панаева, составилъ проектъ освобожденія крестьянъ, который желаю напечатать въ вашей типографіи, на что и прошу вашего разрѣшенія».

Я не былъ знакомъ съ Герценомъ и видѣлъ его только одинъ разъ у Ив. Ив. Панаева въ 1842 г., но съ нимъ не разговаривалъ, и потому Герценъ не имѣлъ ибо мнѣ никакого представленія.

Въ тотъ же день, я получилъ отъ Герцена отвѣтъ, которымъ онъ

назначилъ на завтра утренній часъ для пріема, и просилъ привезти мою рукопись.

Когда я пріѣхалъ къ нему, онъ былъ въ кабинетѣ одинъ. Освѣдомившись о моемъ соціальномъ положеніи и узнавъ, что я авторъ статьи «Община», напечатанной недавно въ «Современникѣ», онъ сказалъ:

— Я вполнѣ раздѣляю всѣ взгляды, изложенные въ вашей статьѣ; очевидно, что вы пристально изучили русскій народный бытъ; теперь потрудитесь прочесть мнѣ что-нибудь изъ вашего проекта, чтобы я могъ судить объ его направленіи.

Проектъ мой состоялъ изъ краткаго предисловія и былъ раздѣленъ на три главы, озаглавленныя: «Цѣль», «Путь» и «Средства».

Я прочелъ предисловіе и остановился; тогда Герценъ попросилъ прочесть первую главу. Я прочелъ и опять остановился.

— Я прошу васъ прочесть и вторую главу,—сказалъ онъ.

Я прочелъ и въ третій разъ остановился.

— Нѣтъ, уже читайте до конца,—сказалъ онъ.

Все чтеніе рукописи заняло пять часовъ.

Когда я кончилъ, Герценъ немедленно позвонилъ, и явился человѣкъ.

— Jule, попросите Огарева придти ко мнѣ теперь же,—сказалъ Герценъ.

Пришелъ Огаревъ.

— Позволь, — говорилъ онъ, обращаясь къ Огареву, — познакомить тебя съ авторомъ «Общины», такъ намъ понравившейся, а теперь онъ привезъ намъ другой свой трудъ—проектъ освобожденія крестьянъ. Я выслушалъ его весь до конца. Вопросъ исчерпанъ вполнѣ Панаевымъ, и намъ придется сложить перья по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Я просилъ бы тебя распорядиться, чтобы неотлагательно было приступлено къ набору, и такъ какъ проектъ весьма серьезенъ, то его надо напечатать отдѣльной книжкой, а не въ «Колоколѣ».

Когда я собрался уходить и хотѣлъ взять рукопись, Герценъ остановилъ меня со словами:

— Я прошу васъ оставить её, чтобы она сегодня же отправилась въ типографію.

Тогда я заявилъ, что долженъ завтра возвратиться въ Брюссель, и просилъ прислать мнѣ корректуру.

— Мы затрудняемся въ шрифтѣ,—сказалъ Огаревъ,—и не можемъ набрать весь проектъ разомъ, а если высылать вамъ частями, то на это пропадетъ много времени. Корректуру мы продержимъ сами и вышлемъ вамъ уже готовую книжку.

Я разсказалъ означенный эпизодъ моей первой встрѣчи съ Герценомъ потому, что онъ очень рельефно характеризуетъ человѣка.

Въ то время, Герценъ былъ, неоспоримо, огромная политическая величина, блестящій и выдающійся литературный талантъ, основатель русскаго книгопечатанія за границей, полный хозяинъ всѣхъ печатаемыхъ имъ изданій, человѣкъ съ большими средствами и вполнѣ ни отъ чего, ни отъ кого независимый. Его вниманіемъ дорожили, въ немъ, можно сказать, заискивали; сотни лицъ изъ всѣхъ сферъ общества, и преимущественно изъ высшихъ, посѣщали его въ Лондонѣ, и онъ былъ поглощенъ трудами по своимъ изданіямъ.

Сколькими, повидимому, атрибутами обладалъ Герценъ, чтобы разыгрывать роль политическаго и литературнаго генерала, чтобы кичиться своимъ положеніемъ, окружить себя стѣнами недоступности. Ничего подобнаго въ Герценѣ не проявлялось, онъ не терпѣлъ ничего не натуральнаго, искусственнаго и ходульнаго.

Такого горячаго, сердечнаго пріема моему проекту я не ожидалъ. Тутъ высказалось самое добросовѣстное отношеніе къ сущности дѣла, отсутствіе предвзятыхъ мыслей и узкихъ доктринъ и отстраненіе личнаго самолюбія, такъ какъ мой проектъ далеко не подходилъ къ тѣмъ взглядамъ, которые излагались по крестьянскому вопросу въ «Колоколѣ».

Оставивъ рукопись моего проекта у Герцена, я черезъ день уѣхалъ въ Брюссель. Вскорѣ я получилъ изъ Лондона «V книжку голосовъ изъ Россіи», которая и заключала единственно мой проектъ освобожденія крестьянъ.

Нѣсколько времени спустя появляется въ № 267 журнала «Le Nord», издававшемся въ Брюсселѣ и считавшемся оффиціальнымъ органомъ русскаго правительства, проектъ банкировъ Френкеля и Гомберга объ освобожденіи крестьянъ путемъ выкупа, т. е. проектъ подобный моему; при чемъ «Le Nord» заявлялъ, что правительство склоняется на этотъ проектъ.

Проектъ этотъ съ виду представлялся соблазнительнымъ, но заключалъ въ себѣ ловушку въ томъ, что отдавалъ все крестьянское помѣщичье населеніе въ откупъ европейскимъ банкирамъ. Тогда я написалъ, на французскомъ языкѣ, критическій разборъ этого пресловутаго проекта, приложивъ къ разбору мой проектъ въ сокращенномъ видѣ, и издалъ его отдѣльной брошюрой въ Брюсселѣ [1]). Эту брошюру я послалъ государю и нѣсколькимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Она была про-

[1]) Emancipation des serfs en Russie. Examen du projet financier de M. M Frenkel et Homberg, banquiers, suivi d'un autre projet. Bruxelles. Muquart, éditeur 1859 г.

пущена иностранной цензурой въ Россіи, а потому скоро разошлась, и издатель испросилъ у меня разрѣшенія на второе изданіе.

Въ то же время, въ № 29 «Колокола», появился «Обвинительный актъ» на Герцена, подписанный буквою *Ч*, вызванный отзывомъ Герцена о доктринерахъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ предшествующихъ номеровъ «Колокола», а именно въ № 27.

Обвинительный актъ былъ написанъ очень умно, во многомъ былъ справедливъ, но былъ написанъ тономъ издѣвательства надъ дѣятельностью Герцена. Находя, что авторъ «Обвинительнаго акта» не понималъ роли и значенія изданій Герцена, я написалъ возраженіе и послалъ для печати въ Лондонъ.

Разъ я коснулся Герцена, то, въ настоящей же главѣ, я разскажу о дальнѣйшихъ моихъ отношеніяхъ къ этой личности.

Дѣло, которымъ я занимался въ Брюсселѣ, подходило къ концу, и мнѣ надо было ѣхать въ Англію. Въ это время пріѣхалъ мой товарищъ Кусаковъ съ женою и дочерью. Узнавъ, что я собираюсь ѣхать въ Лондонъ, онъ пожелалъ ѣхать туда же вмѣстѣ со мною. Такъ какъ я разсчитывалъ провести въ Англіи около двухъ мѣсяцевъ, то я поѣхалъ тоже съ женою и съ старшею дочерью, лѣтъ восьми, другія же дѣти остались въ Брюсселѣ.

Передъ отъѣздомъ въ Лондонъ, Мазюи и де-Брауеръ, о которыхъ я уже упоминалъ, дали мнѣ рекомендательныя письма; въ томъ числѣ, я имѣлъ письмо къ лорду В. [1]), который былъ президентомъ совѣта одной желѣзно-дорожной компаніи. Когда я свезъ ему письмо, то онъ на другой же день отдалъ мнѣ визитъ и узналъ, что я нахожусь въ Лондонѣ съ женою. На слѣдующій день жена лорда В. завезла карточку, и вслѣдъ за тѣмъ, мы получили письмо, приглашающее насъ на обѣдъ. Мы поѣхали. Хотя обѣдъ былъ семейный, но всѣ присутствующіе мужчины, не исключая и хозяина дома, были, по обычаю, во фракахъ, а дамы «décolletes» и «manche-courte». Когда мы уѣзжали, то хозяинъ дома свелъ мою жену подъ руку сверху внизъ, до самой кареты. Я упоминаю объ этомъ для характеристики англійскаго джентльменства. Вообще, лордъ открылъ мнѣ много путей для возможности исполненія моего порученія.

Между тѣмъ, я познакомилъ мою жену съ семействомъ Герцена и Огарева, которые жили вмѣстѣ. У Герцена были тогда двѣ дочери, а сынъ находился въ Италіи. Семейство Огарева состояло изъ его жены и одной дѣвочки. Я познакомилъ съ ними также и семейство Кусаковыхъ.

---

[1]) Въ оригиналѣ фамилія обозначена одною буквою.

Надо сказать, что Кусаковъ былъ превосходный пѣвецъ, обладавшій высокимъ баритономъ, отличный музыкантъ и человѣкъ особенно веселый и живой. Онъ пѣлъ все: и итальянскія аріи, и французскіе романсы, и главнымъ образомъ восхитительно пѣлъ русскія пѣсни со всѣми переливами и разнохарактерными оттѣнками, присущими русской пѣснѣ. Діапазонъ его голоса былъ необыкновенно обширенъ, и онъ бралъ иногда извѣстную ноту октавой выше и тѣмъ значительно украшалъ пѣсню. Въ теченіе моей жизни я встрѣтилъ только двухъ пѣвцовъ, которые могли пѣть настоящимъ образомъ русскія пѣсни:—это Кусаковъ, и извѣстнаго Петербургу Шиловскаго. Послѣдній былъ богатый помѣщикъ, но артистъ до мозга костей. Это былъ сынъ знаменитой пѣвицы изъ высшаго Петербургскаго mond'a Шиловской, въ концѣ концовъ, разорился и кончилъ свою карьеру поступленіемъ на сцену Московскаго театра подъ именемъ Лошинскаго и вскорѣ умеръ. Въ дальнѣйшихъ моихъ воспоминаніяхъ я коснусь еще этой личности.

Пѣсня «Не одна въ полѣ дороженька», положенная кѣмъ-то на ноты, не представляетъ и подобія того, какъ ее пѣлъ Кусаковъ.

Мы часто бывали у Герцена, много разъ обѣдали у него, и, само собою разумѣется, Кусаковъ не замедлилъ обнаружить свой талантъ. Когда онъ запѣлъ русскія пѣсни, то Герценъ, Огаревъ и жена его пришли въ неописанный восторгъ. Вспоминались имъ русская удаль, все родное, русскій добродушный мужичекъ, и слезы появились на ихъ глазахъ. Герценъ смотрѣлъ на русскаго мужичка, какъ своего роднаго брата, и находилъ, что типъ, напримѣръ, ярославскаго или сосѣднихъ губерній, мужичка есть самый красивый типъ изъ всѣхъ европейскихъ народностей, что онъ и высказалъ въ одномъ изъ своихъ произведеній.

И вотъ, всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Кусаковъ, вся компанія собиралась около рояля, и образовывался хоръ, и такъ какъ я пѣлъ тоже русскія пѣсни, имѣя довольно сильный голосъ, то исполнялъ въ этомъ случаѣ роль запѣвалы. Когда же затягивали плясовую, то моя дочь принималась плясать русскую. Словомъ сказать, эти дни проводились всѣми весело и оживленно.

Хорошее пѣніе вообще оживляетъ и подымаетъ духъ человѣка, что и обнаружилось въ Borden Haus, гдѣ мы помѣщались въ Лондонѣ. По обычаю, проживаніе въ Borden-Haus имѣетъ характеръ семейный: всѣ постояльцы являются къ общему обѣду; послѣ того идутъ въ сосѣднюю залу, которая играетъ роль «salon de causerie et de lecture». Всѣ говорятъ тамъ шопотомъ, разсѣвшись по разнымъ угламъ, или занимаются чтеніемъ. Въ это время горитъ каминъ, въ которомъ поставленъ большой мѣдный чайникъ для кипяченія чая. Затѣмъ хозяйка разливаетъ чай, цвѣтомъ и крѣпостью уподобляющійся кофе. Въ залѣ между тѣмъ царитъ невыносимая тоска, а не зайти туда послѣ обѣда считалось бы

неделикатнымъ въ отношеніи хозяйки. Кусаковъ не выдержалъ и двухъ такихъ послѣобѣденныхъ чаевъ, и, увидавъ въ залѣ рояль, взялъ нѣсколько аккордовъ и сыгралъ какую-то легенькую вещь. Затѣмъ онъ, спросивъ позволенія хозяйки, спѣлъ французскій романсъ. Тогда всѣ присутствовавшіе встрепенулись, обступили Кусакова и просили его спѣть что-нибудь еще. Кусаковъ любилъ пѣть и не заставлялъ вообще себя упрашивать. Вся компанія оживилась и не расходилась до ухода Кусакова.

На слѣдующій день, Кусаковъ запѣлъ русскія, лихія пѣсни, и вся компанія пришла въ полный восторгъ. Съ тѣхъ поръ Кусаковъ постоянно веселилъ жильцовъ Borden Haus, и они упрекали его, если онъ иногда не обѣдалъ дома. Такъ прошло нѣсколько недѣль, пока Кусаковъ оставался въ Лондонѣ.

Между тѣмъ, мнѣ нужно было часто уѣзжать изъ Лондона для ознакомленія себя съ ходомъ административныхъ порядковъ, съ паровозами разныхъ типовъ и съ механическими заведеніями. Не зная англійскаго языка, мнѣ нужно было имѣть переводчика. Герценъ рекомендовалъ мнѣ одного француза по имени: Talandier, который давно жилъ въ Лондонѣ и зналъ хорошо англійскій языкъ. Оказалось, что этотъ господинъ былъ то самое лицо, отъ котораго я получилъ сочувственное письмо по поводу изданной мною передъ тѣмъ брошюры на французскомъ языкѣ: «La sainte Alliance des peuples», о которой будетъ упомянуто ниже.

Въ промежутокъ этого времени, не забывая главнаго, задушевнаго моего вопроса, т. е. вопроса объ освобожденіи крестьянъ, я задумалъ написать еще мой проектъ въ сокращенномъ видѣ и издать его въ такой формѣ, чтобы коренныя основы, изложенныя по пунктамъ, выдѣлялись крупнымъ шрифтомъ, а поясненія къ каждому пункту были бы напечатаны мелкимъ шрифтомъ, такъ чтобы весь проектъ могъ помѣститься на четырехъ страницахъ—in quarto. Герценъ сейчасъ же напечаталъ его и издалъ отдѣльнымъ листкомъ.

Этотъ проектъ я позволилъ себѣ послать на имя государя, при моемъ письмѣ, подъ которымъ, однако, не выставилъ своего имени.

Парижъ, май, 1859 г.

Вотъ это письмо:

«Государь!

«Долгъ совѣсти побуждаетъ меня послать тебѣ прилагаемый при семъ, попавшійся мнѣ въ руки проектъ освобожденія крестьянъ.—Этотъ проектъ не оставляетъ ничего лучшаго желать.

«Государь! Если ты рѣшишь вопросъ такъ, чтобы освободить помѣщичьихъ крестьянъ разомъ, цѣлыми общинами, со всею землею, которою они пользуются, и совершишь это освобожденіе посредствомъ выкупа правительствомъ, тогда ты разрѣшишь великій вопросъ о пролета-

ріатѣ, не нарушая ничьихъ интересовъ,—вопросъ, которой не могли еще рѣшить ни великіе философы, ни великіе ученые, ни великіе государственные люди Западной Европы.

«Вся сущность рѣшенія этого вопроса состоитъ въ томъ, чтобы уравнять права крестьянъ помѣщичьихъ съ правами крестьянъ государственныхъ и сохранить то русское общинное начало, которое существуетъ во всемъ сельскомъ сословіи, то начало, которое покойный императоръ, твой отецъ, упрочивалъ между государственными крестьянами всѣми мѣрами; то начало, великое значеніе котораго онъ понялъ, и за что потомство и исторія отдадутъ ему должную справедливость.

«Государь, вѣрь себѣ и не отдавай своего могущества, дабы имѣть власть творить добрыя, великія, безпримѣрныя дѣла не только для блага своего народа, но и для всего человѣчества.

«Не забывай, государь, что ты царь народа, котораго назначеніе осуществить не словомъ, а дѣломъ заповѣдь Христа. Характеръ владѣнія землею въ русской общинѣ—есть тому образчикъ. Подобнаго характера никогда, ни въ одной странѣ не существовало, хотя иные и мнятъ противное, да и не могло существовать въ странахъ Западной Европы, развившихся изъ рабства, завоеванныхъ и дѣлившихся на побѣдителей и побѣжденныхъ. До русской земли—это горе не коснулось.

«Государь! Сохрани крестьянамъ всю землю, которою они пользуются, сохрани русское общинное начало и освободи крестьянъ разомъ цѣлыми общинами, и тогда ты утвердишь осуществленіе христіанскаго начала на дѣлѣ, ты положишь основу Царству Христову на землѣ, о которомъ Онъ пророчилъ. Тогда не будетъ монарха тебѣ равнаго,—ты будешь первымъ послѣ Христа.

«Да благословитъ тебя Богъ! Аминь».

Когда я вернулся въ Россію, то узналъ, что какъ этотъ проектъ, такъ и предшествующіе были препровождены по высочайшему повелѣнію въ Центральный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Лѣтъ 15 тому назадъ, я издалъ книгу, подъ заглавіемъ: «Общинное землевладѣніе и крестьянскій вопросъ», гдѣ и помѣстилъ выше означенное, а равно и письмо къ Ростовцеву, имѣя въ то время неоспоримыя доказательства того, что я былъ авторъ этихъ писемъ.

У Герцена, по воскресеньямъ, собирались разныя интересныя личности изъ иностранцевъ, а также нѣкоторые русскіе, пріѣзжавшіе изъ Россіи. Всякій разъ завязывались споры, которые возбуждалъ самъ Герценъ, любя не только вступать въ споры, но и быть свидѣтелемъ спора другихъ, подобно тому, какъ многіе люди любятъ всякій спортъ. Въ философскихъ и политическихъ спорахъ Герценъ отличался мѣткостью замѣчаній, находчивостью, необыкновеннымъ остроуміемъ, особеннымъ жаромъ при защитѣ своего тезиса и большою начитанностью. Не рѣдко,

смотря по характеру присутствовавшей аудиторіи, затрогивались и вопросы экономическіе и финансовые, но Герценъ самъ признавалъ себя не совсѣмъ компетентнымъ въ этихъ вопросахъ и живаго участія въ нихъ не принималъ.

Съ однимъ, изъ постоянно являвшихся, по воскресеньямъ, иностранцемъ, мнѣ нѣсколько разъ приходилось вступать въ споры. Я старался пояснить мысль о сложившемся и водворившемся, съ незапамятныхъ временъ, ошибочномъ взглядѣ въ наукѣ о внутренней стоимости предмета, о чемъ я намекалъ въ одной изъ своихъ брошюръ на французскомъ языкѣ, не задолго передъ тѣмъ изданной мною. Герценъ пристально слѣдилъ за нашими спорами, и вотъ, послѣ послѣдняго спора, онъ спросилъ меня, когда я уѣзжаю изъ Лондона. Я отвѣтилъ ему, что я уѣзжаю черезъ три дня.

— Не можете ли вы остаться на недѣлю,—сказалъ онъ,—я получилъ письмо отъ Прудона, что онъ черезъ недѣлю пріѣдетъ въ Лондонъ. Я свелъ бы васъ тогда съ нимъ,—и вамъ было бы интересно познакомиться съ нимъ, а мнѣ было бы очень желательно узнать его мнѣнія о столь важномъ вопросѣ, который вы силитесь развивать въ наукѣ.

Я сказалъ, что мнѣ было бы, конечно, интересно познакомиться съ этою замѣчательною личностью, свободною отъ научныхъ предразсудковъ и буржуазныхъ катехизисовъ, но что я дорожу временемъ и не увѣренъ, когда пріѣдетъ Прудонъ. Я сказалъ Герцену, что въ скоромъ времени публикую научную статью о предметѣ слышаннаго имъ, Герценомъ, спора, что̀ и исполнилъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, напечатавъ мою статью: «Бумажныя деньги—товаръ».

Передъ отъѣздомъ изъ Лондона, я возбудилъ съ Герценомъ разговоръ по поводу моей статьи, посланной ему изъ Брюсселя: «Отвѣтъ на статью, напечатанную въ №№ 28, 30, 31 «Колокола»: «Реформа сверху или реформа снизу».

Мой отвѣтъ ставилъ вопросъ, если можно такъ выразиться, на философскую точку зрѣнія, гдѣ я проводилъ мысль, діаметрально противоположную идеямъ Герцена; а именно старался выяснить несостоятельность общепризнаннаго въ политикѣ принципа о господствѣ большинства. Я доказывалъ, что республиканская или парламентская форма правленія обезпечиваетъ лишь, въ извѣстной степени, свободу партій, а не общую свободу гражданъ; что, при этихъ формахъ правленія, одни дышатъ свободно, а другіе непремѣнно задавлены. Что истинная свобода можетъ осуществляться только при монархической формѣ, не ограниченной ни палатами, ни законами, т. е., что самодержецъ есть представитель совѣсти и является выразителемъ господства духа надъ матеріей.

Разсматривая Герцена, какъ человѣка съ широкимъ философскимъ умомъ, не раболѣпствующимъ передъ тѣми и другими доктринами и съ которымъ можно дебатировать вопросы, взгляды на которые не сходились бы съ его взглядами,—я, весьма натурально пожелалъ знать, будетъ ли Герценъ печатать означенную статью?

Послѣ продолжительной нашей бесѣды, Герценъ заключилъ ее слѣдующими словами:

— Вы созидатель или строитель, а не разрушитель. «Колоколъ» же является органомъ протеста противъ существующихъ порядковъ, т. е. носитъ въ себѣ характеръ разрушительный; и потому я не напечатаю вашей статьи въ «Колоколѣ». Но въ виду особенной серьезности затрогиваемаго вами вопроса, я не считаю себя въ правѣ не допустить его на общій судъ и потому напечатаю ее въ «Полярной Звѣздѣ», которая появится въ будущемъ году.

«Полярная Звѣзда» не появилась болѣе, а потому и статья моя не была тогда напечатана. Но въ 1877 году, я напечаталъ всю суть этой статьи отдѣльной брошюрой на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Проектъ политической реформы въ Россіи» [1]). На этой брошюрѣ я выставилъ мой псевдонимъ: «В. Патфиндеръ».

Окончивши мои занятія въ Лондонѣ, я отправился въ Парижъ.

Года черезъ два, въ 1861 году, лѣтомъ, мнѣ пришлось быть опять въ Англіи. Герцена не было въ Лондонѣ; онъ проводилъ лѣто на островѣ Жернзей. Но во время его пріѣзда въ Лондонъ, я былъ у него два раза и замѣтилъ еще тогда нѣкоторую перемѣну въ его настроеніи.

Затѣмъ, въ 1865 году, я вздумалъ поѣхать на Бернскій конгрессъ, гдѣ были, между прочимъ, поставлены вопросы, постоянно меня интересовавшіе, а именно: «О сельской общинѣ и о системахъ построекъ и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ».

Пользуясь этой поѣздкой, я заѣхалъ въ Женеву, гдѣ проживалъ въ это время Герценъ, переѣхавшій изъ Англіи въ Швейцарію, въ которой онъ еще прежде принялъ подданство. Я нашелъ его измѣнившимся и въ очень грустномъ настроеніи духа. Однажды, я пришелъ къ нему довольно рано, и онъ предложилъ мнѣ сдѣлать съ нимъ прогулку пѣшкомъ за городъ. Мы отправились вдоль Женевскаго озера по восточной его сторонѣ. Долго мы шли почти молча, порядкомъ устали и зашли въ какую-то «auberge» выпить пива. Утоливши нѣсколько жажду, Герценъ, до того времени молчавшій, началъ разговоръ. Будучи отъ природы человѣкъ общительный, прямой и откровенный, онъ свернулъ свой разговоръ на исповѣдь.

---

[1]) Парижъ, типографія Адольфа Рейффа, Place Comьrai, 9.

Онъ разсказалъ много о Бакунинѣ, о томъ, что онъ считалъ его рыцаремъ, но теперь разочаровался и окончательно съ нимъ разошелся. Затѣмъ, онъ сталъ разсказывать о разныхъ личностяхъ, наѣзжающихъ къ нему изъ Россіи, и которые, въ концѣ-концовъ, просятъ нахальнымъ образомъ денегъ, опираясь на то, что они, бѣгущіе отъ россійскаго режима, ищутъ помощи у него, какъ у представителя протеста этому режиму.

— Давалъ! давалъ! да наконецъ и усталъ,—сказалъ онъ.—Вѣдь не Крезъ же я. Вотъ еще недавно, особенно назойливо, обратился ко мнѣ одинъ человѣкъ, котораго вы, кажется, встрѣчали у меня въ Лондонѣ; это братъ того С—но-С—ча, который одно время вошелъ было въ почетъ въ Петербургѣ, а затѣмъ куда-то теперь сосланъ. Лѣтъ шесть—семь тому назадъ, меня посѣщали болѣе или менѣе люди серьезные. Положимъ, люди отрицающіе существующій политическій строй, положимъ, скептики въ религіи; но люди искренно любящіе свою родину. Нынѣ же, въ пріѣзжающей сюда молодежи, я вижу какое-то особое настроеніе, мало утѣшительное. Эти господа, именующіе себя нигилистами, характеризуются отрицаніемъ совѣсти, отрицаніемъ нравственныхъ началъ, преобладаніемъ корыстныхъ цѣлей, исключительнымъ эгоизмомъ, отсутствіемъ стремленія къ труду и какимъ-либо чистымъ идеаламъ. Неужели же таковъ общій характеръ наростающаго поколѣнія?

Мы долго просидѣли въ Auberge'ѣ, много бесѣдовали о разныхъ личностяхъ, вернулись къ обѣду поздно и нашли нѣсколько новыхъ посѣтителей, пріѣхавшихъ къ обѣду, и въ томъ числѣ графиню Сальясъ съ сыномъ. Вечеромъ я уѣхалъ, и съ тѣхъ поръ я не встрѣчалъ уже Герцена ни разу.

Изъ моихъ встрѣчъ съ нимъ я вынесъ слѣдующее впечатлѣніе: онъ былъ человѣкъ очень добраго сердца, деликатный, весьма отзывчивый, блестяще-умный, на ходули не становящійся, правдивый, откровенный, лихорадочнымъ самолюбіемъ не страдавшій, отличающійся терпимостью въ мнѣніяхъ, несравненный собесѣдникъ, до крайности остроумный. Онъ имѣлъ наружность красивую, пріятную, внушительную, обнаруживающую интеллигентность и могущество. При всѣхъ таковыхъ условіяхъ, онъ дѣйствовалъ на людей обаятельно. Несомнѣнно, что дѣйствовалъ обаятельно и на женщинъ.

Высказавъ по моему разумѣнію столько хорошихъ качествъ человѣка, я не могу однако не обратить вниманія на то, что, при всемъ своемъ желаніи добра своей родинѣ, онъ въ своей литературной дѣятельности грѣшилъ незнаніемъ условій практической жизни Россіи, съ которыми не успѣлъ ознакомиться ни до своей эмиграціи, ни, тѣмъ паче, послѣ нея. Можно сказать, что онъ, по выходѣ изъ университета,

остался восторженнымъ студентомъ своего времени до гробовой доски. Онъ вѣрилъ разнымъ глупостямъ, посылаемымъ ему изъ Россіи, и часто печаталъ ихъ. Эти не рѣдко фальшивыя свѣдѣнія онъ, по своей пылкости и влеченію къ остроумію, облекалъ часто въ рѣзкія своеобразныя формы. Большой его ошибкой было еще то, что онъ не понималъ и не вникалъ въ значеніе царствованія императора Николая I, какъ не понимало и не вникало въ него большинство людей. Царствованіе это характеризовалось стремленіемъ къ покровительству прямоты, добросовѣстности, честности и къ выдвиганію впередъ людей истиннаго знанія и истинныхъ талантовъ по всѣмъ отраслямъ. Мнѣ думается, что еслибы Герценъ былъ еще живъ, то нынѣ, находясь на точкѣ зрѣнія, болѣе удаленной, онъ уразумѣлъ бы многое въ твердой и мудрой, сообразно эпохѣ, политикѣ императора Николая I.

XXVIII.

Жизнь въ Брюсселѣ. — Французскій инженеръ Henrys. — Философъ Беронъ.

Въ Эмсѣ, гдѣ мы жили въ 1857 году, была масса посѣтителей и большое оживленіе. Между прочими, я познакомился съ извѣстнымъ знаменитѣйшимъ публицистомъ Эмиль-де-Жирарденомъ, въ которомъ я признавалъ самый сильный политическій умъ Франціи. Въ это время, онъ, будучи лѣтъ 60-ти, женился во второй разъ, на 18-ти-лѣтней, весьма красивый и богатой дѣвушкѣ. Онъ вообще любилъ, не въ примѣръ тогдашнимъ французамъ, Россію и много разспрашивалъ меня о нашихъ порядкахъ, обычаяхъ и нравахъ. Тогда въ Эмсѣ было тоже много русскихъ, которые составляли не малочисленную колонію. Въ числѣ этой колоніи, было одно семейство изъ Москвы: вдова Феллеръ съ двумя молоденькими дочерьми. Старшая была очень умна и хорошо пѣла; меньшая—была 15-ти лѣтъ и очень хороша собою. Съ этимъ семействомъ мы особенно сдружились и въ слѣдующую весну пріятно проводили время въ Парижѣ.

Когда мы изъ Эмса поѣхали въ Брюссель, гдѣ мнѣ нужно было провести по дѣламъ моего порученія нѣсколько мѣсяцевъ, то семейство Феллеръ познакомило насъ съ однимъ французскимъ семействомъ Henrys, состоявшимъ изъ мужа и жены.

На М-r Henrys мнѣ нужно нѣсколько остановиться.

Этотъ человѣкъ былъ обширнаго образованія: онъ воспитывался въ парижской Ecole polytechnique и окончилъ курсъ въ Ecole des mines, т. е. получилъ самое высшее образованіе; затѣмъ онъ нѣсколько

лѣтъ провелъ въ Южной и Сѣверной Америкѣ и пріѣхалъ въ Россію, будучи приглашенъ ѣхать въ Сибирь на золотые пріиски. Въ Петербургѣ онъ случайно встрѣтился въ обществѣ съ извѣстнымъ въ то время графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ и съ генераломъ Чевкинымъ, бывшимъ тогда начальникомъ штаба горныхъ инженеровъ. Эти люди вскорѣ подмѣтили выдающееся образованіе и обширныя свѣдѣнія Henrys. Въ это время Бобринскій начиналъ устраивать свеклосахарное производство въ Тульской губерніи, гдѣ оказывался при томъ каменный уголь или лигнитъ, чѣмъ интересовался и Чевкинъ. Бобринскій отговорилъ Henrys ѣхать въ Сибирь и предложилъ ему взять на себя устройство и управленіе свеклосахарнымъ заводомъ въ Тульской губерніи. Henrys согласился, заключилъ съ Бобринскимъ условіе и поселился въ его имѣніи Михайловскомъ, Тульской губерніи, гдѣ прожилъ 12 лѣтъ, и страшно полюбилъ Россію и вообще русскій народъ.

И такъ, Henrys былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей по введенію въ Россіи свеклосахарнаго производства; говорю, однимъ изъ первыхъ, но не первымъ, ибо до него, извѣстный въ то время замѣчательный сельскій хозяинъ и писатель по этой отрасли, Николай Шишковъ имѣлъ въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Бобринскаго небольшой свеклосахарный заводъ.

Когда Henrys заработалъ въ теченіе 12-ти лѣтъ 200.000 франковъ, онъ прекратилъ дѣло, уѣхалъ за границу и избралъ мѣстомъ жительства Брюссель, по тому обстоятельству, что онъ находилъ для себя обиднымъ жить во Франціи и считаться подданнымъ Наполеона III.

Семейство Феллеръ, будучи сосѣдомъ по Тульской губерніи, гдѣ провелъ 12 лѣтъ Henrys, было очень дружно съ нимъ, и ради лишь того, чтобы повидаться съ нимъ и его женой, оно и заѣхало въ Брюссель, гдѣ и познакомило насъ съ Henrys.

Это знакомство доставило мнѣ громадное удовольствіе, и мы сдружились съ Henrys. Я могу сказать, что едва-ли я встрѣчалъ въ жизни болѣе пріятнаго и развитаго человѣка.

Надо сказать, что Henrys былъ продуктъ конца двадцатыхъ годовъ и начала тридцатыхъ. Какъ и всѣ въ то время, онъ провелъ жизнь при крайнемъ скептицизмѣ. Но когда ему стукнуло 60 лѣтъ, онъ сталъ задумываться о вопросахъ будущей жизни, и это было предметомъ нашихъ бесѣдъ. Онъ какъ бы исповѣдывалъ свою душу и говорилъ, что ищетъ какого-либо разумнаго утѣшенія, и потому перечиталъ, въ послѣдніе годы, всѣ философскія сочиненія, но нигдѣ не нашелъ разумнаго отвѣта на вопросы, которые его волновали.

Мы видѣлись почти каждый день; но такъ какъ я былъ очень занятъ, то, большею частью, онъ приходилъ ко мнѣ, зная часы, въ которые я былъ свободенъ. Вотъ, однажды, зайдя ко мнѣ, онъ предложилъ

прогуляться съ нимъ. Гуляя, Henrys вздумалъ зайти въ большой книжный магазинъ.

— Не вышло ли,—спросилъ онъ,—какого-либо новаго сочиненія по философскимъ вопросамъ?

— Вчера,—отвѣчали ему,—мы получили изъ Парижа книгу: «Origine des sciences», неизвѣстнаго автора по имени «Béron».

Henrys тотчасъ же купилъ эту книгу, и мы разошлись.

Послѣ того, въ теченіе 4-хъ дней, Henrys не приходилъ ко мнѣ, что̀ меня встревожило, и, полагая, что онъ заболѣлъ, я собрался навѣстить его; но онъ появился самъ и былъ въ необычайно восторженномъ состояніи.

— Представьте себѣ,—заговорилъ онъ.—Всѣ эти дни я не могъ оторваться отъ книги, которую купилъ, когда мы ходили гулять съ вами. Авторъ, съ первыхъ же строкъ книги, заявляетъ, что въ природѣ не существуетъ иной силы, какъ сила растяженія или расширенія, т. е. діаметрально противоположная гипотезѣ о силѣ притяженія. Меня это страшно поразило, и я было хотѣлъ бросить книгу; но едва приступилъ къ дальнѣйшему чтенію, увидалъ такую логичность, подтверждаемую фактами въ природѣ, что я увлекся прелестью этого ученія, которое, въ то же время, наводитъ на мысль, разрѣшеніе истины которой я тщетно искалъ въ прежнихъ философахъ. Если бы я только могъ не на слѣпой вѣрѣ, а разумно убѣдиться въ первоначальной аксіомѣ о силѣ расширенія, то всѣ явленія природы, до сихъ поръ намъ неизвѣстныя, могли бы быть объяснены.

Надо сказать, что лѣтъ 10 передъ тѣмъ я сошелся съ однимъ русскимъ мыслителемъ, Алексѣемъ Кусаковымъ, братомъ того, о которомъ я упоминалъ выше. Этотъ человѣкъ былъ весьма образованный и много читавшій. Онъ кончилъ курсъ кандидатомъ Московскаго университета по математическому факультету. По выходѣ изъ университета, онъ поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ и давалъ уроки; но его не покидала мысль, о которой, можно сказать, онъ думалъ и днемъ и ночью, а именно: что матерія совсѣмъ не одарена пресловутымъ свойствомъ притяженія, и что эта гипотеза преграждаетъ путь къ точному пониманію физической природы. И вотъ, онъ написалъ брошюру, въ которой изложилъ, строго логическимъ путемъ, отрицаніе въ матеріи свойства притяженія.

Когда я познакомился съ нимъ и онъ развилъ мнѣ свои сужденія, я уговаривалъ его напечатать свою брошюру и совѣтовалъ ему измѣнить лишь форму редакціи, на что̀ онъ не согласился. Спустя нѣсколько лѣтъ, я попросилъ его отдать мнѣ рукопись и позволить издать ее, сохраняя хотя бы прежній текстъ. Я это и исполнилъ, т. е. издалъ на свой счетъ, въ 1857 году, брошюру Кусакова.

Она имѣла заглавіе: «Объ истинности понятій и достовѣрности человѣческихъ знаній».

Вотъ, на основаніи сейчасъ здѣсь разсказаннаго, я съ большою радостью отвѣтилъ Henrys:

— Если вы сомнѣваетесь въ сочиненіи Берона, только тѣмъ, что въ самую основу его доктрины положено отрицаніе силы притяженія, то я покажу вамъ сейчасъ брошюру одного русскаго мыслителя, который доказываетъ, что въ природѣ существуетъ лишь одна сила расширимости. Брошюра эта издана мною, и вотъ она.

Съ этого времени, мы принялись за совмѣстное чтеніе книги: «Origine des sciences». Хотя въ книгѣ авторъ прибѣгалъ къ названіямъ совершенно новымъ, заимствованнымъ изъ греческаго языка, но такъ какъ Henrys зналъ хорошо греческій языкъ, то обоюдное чтеніе не представляло для меня затрудненій. Черезъ нѣсколько дней, въ то время какъ мы прочитывали первую книгу, изъ Парижа прислали еще вышедшія въ свѣтъ сочиненія Берона: 1) «Cosmobiographie» съ превосходнымъ атласомъ, трактующая о ходѣ образованія міровъ. Система Берона такъ проста, такъ ясна, что мыслящему здравому человѣку представляется, что иначе и быть не могло, что тутъ нѣтъ случайностей, а все подчинено строго физическимъ законамъ намъ извѣстнымъ, а не какимъ-либо Декартовскимъ вихрямъ и тому подобнымъ фантазіямъ. 2) «La vie des plantes» и 3) «Le déluge». Ознакомившись, по возможности, съ четырьмя вышедшими, въ то время, сочиненіями Берона, намъ положительно открывался новый міръ, новый свѣтъ, въ которомъ, замѣчу, я и въ настоящее время пребываю.

Мы захотѣли, конечно, узнать: кто такой этотъ Беронъ, и написали письмо къ издателю въ Парижѣ Bachélier. Онъ отвѣтилъ намъ тогда, что авторъ пріѣзжалъ въ Парижъ, напечаталъ свои сочиненія и уѣхалъ, а куда именно, доподлинно, не знаетъ. Мы были въ отчаяніи, но все-таки думали, что, со временемъ, узнаемъ что-нибудь объ авторѣ.

Мѣсяца черезъ два, я поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ оставался около двухъ мѣсяцевъ. Вернувшись въ Брюссель, я не нашелъ тамъ Henrys. Оказалось, изъ оставленнаго имъ мнѣ письма, что свой домъ онъ продалъ, поѣхалъ путешествовать и проведетъ лѣто на водахъ, которыя укажутъ доктора для его жены.

Вскорѣ послѣ того, я долженъ былъ перебраться въ Парижъ и остановился въ Hôtel du Louvre. Въ одинъ прекрасный день, я вижу за табльдотомъ Henrys. Я несказанно обрадовался, и мы послѣ обѣда засѣли въ читальной, въ углу, за небольшимъ столомъ, чтобы побесѣдовать. Оказалось, что Henrys пріѣхалъ въ Парижъ на нѣсколько дней изъ Виши. Бесѣдуя съ нимъ, мы замѣтили на столѣ большія въ переплетѣ книги и, развернувъ, къ великому удивленію, увидали атласъ Бе-

рона. Мы тотчасъ позвали мальчика и спросили его: откуда попали въ читальную комнату эти книги? Мальчикъ отвѣтилъ, что эту книгу подарилъ въ читальню, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одинъ господинъ, который жилъ въ отелѣ. Онъ далъ адресъ въ Вѣну, но на-дняхъ пріѣхалъ и остановился опять здѣсь въ отелѣ.

Понятно, до какой степени мы обрадовались этой случайности, и на другой же день явились къ Берону. Мы увидали человѣка, лѣтъ 60-ти, небольшаго роста, сѣдаго, но съ необыкновенно выразительными глазами.

Мы сказали ему, что знакомы уже отчасти съ его сочиненіями и признали основную его доктрину.

— Если вы,—отвѣтилъ онъ,—не заражены предразсудкомъ о силѣ притяженія, то я съ удовольствіемъ готовъ съ вами побесѣдовать.

Мы попросили позволенія изрѣдка посѣщать его.

— Хотя бы каждый день,—сказалъ онъ,—но только приходите не утромъ, въ это время я пишу, а послѣ завтрака.

Мы нѣсколько разъ были съ Henrys у Берона. Но Henrys уѣхалъ, а я оставался въ Парижѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ и продолжалъ посѣщать Берона.

Вотъ, что я узналъ о немъ: онъ былъ родомъ болгаринъ, получилъ образованіе въ Мюнхенскомъ университетѣ, по двумъ факультетамъ: медицинскому и естественныхъ наукъ. По окончаніи курса, нѣкоторое время, онъ занимался медицинской практикой; но, будучи человѣкомъ богатымъ, онъ отдался изученію физическихъ наукъ. Имѣя философское настроеніе и аналитическій умъ, онъ, послѣ долгихъ мышленій, пришелъ къ идеѣ объ отсутствіи въ природѣ силы притяженія. Тогда у него явилась мысль пересоздать основы естественныхъ наукъ, зиждущихся на заблужденіи и предразсудкѣ о существованіи силы притяженія. И вотъ онъ принялся сначала за изученіе незнакомыхъ еще ему языковъ, а затѣмъ пустился въ путешествія и изъѣздилъ почти весь свѣтъ: онъ былъ въ Сѣверной и Южной Америкѣ, въ Индіи, Азіи, Россіи и въ Сибири до Берингова пролива. Когда онъ провѣрилъ свои идеи и съ геологической точки зрѣнія, онъ рѣшился, имѣя уже 60 лѣтъ, начать свое сочиненіе, и допуская возможность, что не успѣетъ въ своей жизни познакомить людей со всѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ—онъ изложилъ основные свои принципы въ книгѣ: «Origine des sciences», гдѣ резюмировалъ вкратцѣ эти принципы, дабы, въ случаѣ смерти, не погибли его идеи. Затѣмъ, онъ поспѣшилъ изложить міровоззрѣніе, приложивъ къ нему огромный атласъ, объясненіе потоповъ и жизнь растеній.

Съ тѣхъ поръ, я не прерывалъ сношеній съ Бероном. Онъ жилъ

послѣ того 12 лѣтъ [1]), и всякій разъ, какъ я бывалъ въ Парижѣ, я посѣщалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ.

Ему предстояло докончить химію. Затѣмъ, какъ онъ говорилъ мнѣ— онъ дастъ полную физіологію, медицину, психологію, жизнь души и метафизику.

Беронъ былъ совершенно здоровъ и года въ четыре успѣлъ бы докончить свое грандіозное зданіе; но надъ нимъ совершено было неслыханное злодѣяніе. Не получая отъ него никакихъ свѣдѣній съ 1870 года, я объяснялъ это тѣми передрягами, черезъ которыя прошелъ Парижъ въ послѣдніе годы. Въ 1874 году я поѣхалъ туда и, по обыкновенію, остановился въ Hôtel du Louvre, гдѣ жилъ постоянно Беронъ. Въ отелѣ, гдѣ его всѣ знали и называли: Père Béron, мнѣ сказали, что онъ выѣхалъ изъ Парижа передъ самой осадой, и что съ тѣхъ поръ никакихъ свѣдѣній и никакихъ писемъ отъ него не получали. Я бросился къ издателю его сочиненій и тамъ узналъ то же самое: что никакихъ свѣдѣній о Боронѣ не имѣютъ, но что передъ отъѣздомъ онъ отобралъ всѣ книги и передалъ ихъ одному англичанину, занимающемуся книжной торговлей. Послѣ долгихъ поисковъ, я нашелъ мѣсто жительства этого англичанина, но оказалось, что онъ выѣхалъ въ Лондонъ. Тогда я отправился въ турецкое посольство и обратился къ болгарскому консулу. Едва я разсказалъ ему о моихъ отношеніяхъ къ Берону, какъ консулъ горько заплакалъ и, сказавъ, что онъ былъ въ дружбѣ съ послѣднимъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Какъ вижу, вы знали хорошо Берона и конечно знали, что онъ болѣе 12 лѣтъ жилъ въ Парижѣ и занималъ небольшую комнату въ Hôtel du Louvre. Вамъ, конечно, извѣстно, что онъ былъ богатъ; его имѣнія находились въ Болгаріи и Румыніи. Не будучи женатъ, онъ предоставилъ все свое состояніе двумъ племянникамъ, по фамиліи Veron [2]), возложивъ на нихъ обязательство выплачивать ему, ежегодно, по 20.000 фр. и покрывать всѣ счеты по стоимости его изданій. Когда пруссаки окружили Парижъ, Берону посовѣтовали выѣхать изъ города,

---

[1]) Въ эти 12 лѣтъ онъ издалъ слѣдующія книги: 1) Origine des sciences physiques et naturelles. 2) Texte du grand atlas Cosmobiographique. 3) Deluge. 4) La vie des plantes. 5) Meteorologie. 6) Electrostatique. 7) Photostatique. 8) Thermostatique. 9) Barostatique. 10) Physigue céleste: le système du monde. 11) Le système planétaire. 12) L'origine de la terre et de l'homme. 13) Physico-Chimie. 14) Origine de l'unique couple humain. 15) Много брошюръ, относящихся до физики, химіи, астрономіи, физіологіи.

[2]) Настоящее имя Берона не Béron, а Véron. Перемѣна имени случилась такъ: Беронъ, выставляя свое имя въ первомъ сочиненіи, вмѣсто французской буквы *V* написалъ русскую букву *В*, и такъ оставилъ на слѣдующихъ книгахъ.

чтобы не подвергать себя всѣмъ бѣдствіямъ осады. Онъ долго не хотѣлъ оставлять Парижа, но наканунѣ полнаго его обложенія, рѣшился уѣхать. И я же—консулъ опять заплакалъ—посовѣтывалъ ему съѣздить на родину, гдѣ онъ не былъ около 15 лѣтъ. Не прошло двухъ недѣль по его пріѣздѣ на родину, какъ родственники убили Берона, чтобы избавиться отъ своихъ обязательствъ.

— Неужели такое злодѣяніе,—спросилъ я,—остается безъ преслѣдованія?

— Кто же будетъ преслѣдовать злодѣевъ? Да у насъ нѣтъ ни законовъ, ни порядковъ.

Теперь читатель, естественно, задаетъ себѣ вопросъ: какимъ же образомъ въ ученомъ мірѣ не слышно ничего о человѣкѣ, написавшемъ огромное сочиненіе, все изложенное научнымъ методомъ? Главная причина заключается въ томъ, что Беронъ отвергъ пресловутый и общепринятый законъ физики о томъ, что матерія одарена свойствомъ взаимнаго притяженія. Съ первыхъ же строкъ своего основнаго сочиненія: «Origine des sciences», онъ возгласилъ, что въ природѣ не существуетъ иной силы, какъ сила растяженія, и, въ силу этого естественнаго и непреложнаго закона, онъ пересоздалъ всѣ естественныя и физическія науки самымъ строгимъ научнымъ путемъ, нигдѣ не расходясь съ фактами, наукою доказанными, и, напротивъ, объясняя самымъ понятнымъ, наглядньмъ образомъ факты, которые оставались наукѣ еще непонятными и необъяснимыми.

Понятно, чтобы ознакомиться съ Бероном и здраво окритиковать его, надо было бы ученому мужу переучиваться и употребить на это нѣсколько лѣтъ. Надо было сдѣлаться фанатикомъ идеи, и потому самое лучшее, въ такомъ небываломъ случаѣ, пройти сочиненія Берона молчаніемъ и игнорировать грандіозный и колоссальный трудъ Берона. признавъ его недостойнымъ ученаго міра. Въ доказательство этого, укажу на полемику, возбудившуюся въ газетахъ между мною и профессоромъ астрономіи Г—мъ [1]) и его помощникомъ К—ъ, изъ которой обнаружилось, что обѣ эти личности не имѣли никакого понятія о Беронѣ, написавшемъ три громадные тома объ астрономіи. К—ъ же, не въ отвѣтъ мнѣ, а для показанія своихъ познаній въ астрономіи, напечаталъ огромную статью въ «Русскомъ Богатствѣ», доказавшую только его полное, вообще, невѣжество, отрицая то, что знаменитый Laplass безповоротно доказалъ всему ученому и неученому міру о причинѣ приливовъ и отливовъ въ морѣ.

По этому поводу я приведу еще факты. Въ Парижѣ мнѣ нѣсколько разъ приходилось встрѣчаться съ знаменитымъ аббатомъ Moignau, сто-

[1]) Такъ въ оригиналѣ; полная фамилія не обозначена.

явшимъ тогда во главѣ ученаго міра по математическимъ и физическимъ наукамъ.

Однажды я завелъ рѣчь о Беронѣ.

— Je l'ignore, il me paraît un fantaseur, сказалъ Moignau.

Между тѣмъ, одинъ молодой ученый, ученикъ Moignau, нѣкто Rabach, будучи поклонникомъ принциповъ Берона, сталъ издавать небольшой ученый журналъ: «La réforme scientifique», который назначался спеціально для пропаганды ученія Берона, и въ этомъ журналѣ Rabach нѣсколько разъ обличалъ Moignau въ томъ, что тотъ, въ своихъ ученыхъ статьяхъ, даетъ разныя объясненія на основаніяхъ, выхваченныхъ изъ ученій Берона. При этомъ Rabach писалъ по адресу Moignau: «вы дѣлаете видъ, что игнорируете Берона, а я не разъ встрѣчалъ васъ въ коридорѣ отеля, выходящемъ изъ номера, занимаемаго Бероном».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 году[1]).

---

4 [2]).

(Штутгартъ, 2-го (14-го) октября—Франкфуртъ на Майнѣ, 7-го (19-го) октября 1821). Штутгардъ, 14-го октября н. с.

Я покинулъ Швейцарію и теперь въ Штутгардѣ. Мое долгое молчаніе могло заставить подумать ваше императорское высочество, что я сорвался съ какого-нибудь утеса и разбился въ дребезги или что я сижу въ трещинѣ какого-нибудь глетшера—но эти бѣды миновали меня. Писать же во время путешествія было для меня невозможно. Усталость—(почти всю дорогу или по крайней мѣрѣ двѣ трети моей дороги по Швейцаріи сдѣлалъ я пѣшкомъ)—была главнымъ моимъ препятствіемъ; я не хотѣлъ писать наскоро и урывками и рѣшился отложить свой отчетъ вашему высочеству до перваго мѣста, въ которомъ могъ пробыть нѣсколько дней на просторѣ. Съ этою надеждою пріѣхалъ я въ Штутгардъ, гдѣ думалъ остаться дней пять или шесть, чтобы короче познакомиться съ картинами Boisserée [3]) и между тѣмъ описать вашему вы-

---

[1]) См. „Русскую Старину", ноябрь 1901 г.

[2]) Извлеченія изъ этого письма первоначально были напечатаны въ Сочиненіяхъ въ прозѣ В. Жуковскаго, изданіе второе, Спб. 1826, стр. 221—242, подъ заглавіемъ „Отрывки изъ письма о Швейцаріи" (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 449—461).

[3]) Братья Буассере (Boisserée), Сюльписъ (р. 1783 † 1854) и Мельхіоръ (р. 1786 † 1851), извѣстные своими трудами по исторіи искусствъ, обладали драгоцѣнною картинною галлереею, особенно богатою картинами нѣмецкой школы. Въ 1827 году ихъ собраніе было куплено баварскимъ королемъ Людвигомъ I и въ настоящее время находится въ Мюнхенской Пинакотекѣ.

сочеству подробно нѣкоторую часть дорожныхъ моихъ приключеній. Но судьба располагаетъ нами по своему. Я уже десятый день въ Штутгардѣ [1]) и боленъ; теперь оправляюсь; надѣюсь дни черезъ два пуститься опять въ дорогу; но отъ подробнаго описанія, отъ котораго столько обѣщалъ себѣ удовольствія, долженъ отказаться; нѣсколько разъ принимался за перо, начиналъ писать и разрывалъ начатое. Болѣзнь какъ будто затуманила прошедшее; что было такъ живо въ настоящемъ, то сдѣлалось мертвымъ въ воспоминаніи: надобно дать ожить душѣ, чтобы говорить съ вѣрностію и наслажденіемъ о томъ, что ее животворило и радовало. Это время для меня придетъ, и удовольствіе представить вашему высочеству полный отчетъ оставляю для себя впереди, какъ веселую надежду. Теперь, по крайней мѣрѣ, какъ удастся, скажу вашему высочеству о томъ, гдѣ я былъ съ той минуты, которою оканчивается мое первое письмо.

Начну изъявленіемъ глубочайшей, сердечной благодарности: по возвращеніи моемъ въ Цирихъ, я имѣлъ счастіе получить милостивое письмо вашего высочества; можете вообразить, какъ я ему обрадовался, ибо вашему высочеству извѣстно, сколь драгоцѣнны для меня ваши милости. Скоро поѣду по слѣдамъ вашимъ и увижу тѣ мѣста, о которыхъ вы упоминаете въ письмѣ своемъ. Если бы моя болѣзнь еще нѣсколько дней продолжилась, то я совершенно бы отказался отъ Рейна; теперь надѣюсь его увидѣть, но уже многое надобно выбросить изъ своего плана. Какіе прелестные осенніе дни были во все время моей болѣзни! Какъ бы я насладился ими на берегахъ Рейна! Но я не ропщу на эту потерю—я слишкомъ былъ счастливъ во все мое путешествіе по Швейцаріи.

Изъ Дрездена, черезъ Кульмъ, Теплицъ и Прагу, поѣхалъ я въ Карлсбадъ, гдѣ пробылъ долѣе, нежели сколько располагалъ: я хотѣлъ дождаться въ Карлсбадѣ нѣкоторыхъ петербургскихъ друзей; потомъ пріѣхалъ его высочество великій князь [2]), и ему угодно было остановить меня на нѣсколько дней. Но эта пріятная остановка послужила мнѣ къ добру; я какъ будто переждалъ дурную погоду въ Карлсбадѣ, и въ Эгрѣ она рѣшительно со мною разсталась: всѣ лѣтніе мѣсяцы и весь сентябрь были дождливые, но для меня дождя не было, онъ шелъ, когда я сидѣлъ подъ кровлею, и переставалъ, какъ скоро я пускался въ путь: природа не скрыла себя отъ своего поэта. Изъ Эгры, осмотрѣвъ все то, что служитъ памятникомъ Валленштейна [3]), черезъ Вейссенштатъ и живо-

[1]) Въ Штутгардъ Жуковскій пріѣхалъ 21-го сентября (3-го октября) и пробылъ тамъ до 4-го (16-го) октября.

[2]) Великій князь Михаилъ Павловичъ (см. „Русскую Старину“ 1901 г., ноябрь, стр. 400).

[3]) Какъ извѣстно, Валленштейнъ былъ убитъ въ г. Эгерѣ (Eger) въ ночь съ 25-го на 26-е февраля н. ст. 1634 года.

писный замокъ Бернекъ, поѣхалъ я въ Барейтъ [1]), гдѣ пробылъ день, чтобы познакомиться съ J. Paul [2]); я провелъ съ нимъ нѣсколько пріятныхъ минутъ: забавный оригиналъ, который понравился мнѣ своимъ простодушіемъ. Въ Ниренбергѣ пробылъ я дни три; его древности весьма привлекательны; я поклонился праху Албрехта Дюрера [3]), осмотрѣлъ старинный замокъ императоровъ, ратушу, ея подземныя тюрьмы и нѣсколько прекрасныхъ готическихъ церквей. Картины нѣмецкой школы, которыя видѣлъ я въ замкѣ и въ нѣкоторыхъ частныхъ галлереяхъ, заставили меня перемѣнить нѣсколько мой планъ и завернуть въ Минхенъ, чтобы осмотрѣть тамошнюю богатую галлерею. Кто ея не видалъ, тотъ не имѣетъ понятія о Рубенсѣ. Она богата картинами италіанской школы, но еще болѣе фламандской и нѣмецкой. Послѣдними наполненъ замокъ Шлейзгеймъ, находящійся въ милѣ отъ Минхена. Изъ Ульма, осмотрѣвъ каѳедральную церковь, великолѣпный памятникъ готической архитектуры, отправился я черезъ Равенсбургъ, Вальдзе и Штадель въ Мерсбургъ на берегъ Констанцскаго озера. На другой день моего пріѣзда, переждавъ жаркое время въ Мерсбургѣ, въ три часа пополудни, пошелъ я на берегъ, свой Stuhlwagen отправилъ на перевозномъ суднѣ прямо въ Констанцъ, а самъ въ маленькой лодкѣ поѣхалъ на островъ Мейнау, находящійся въ сѣверномъ заливѣ озера. Время было ясно-тихое, но зной еще не миновался; скоро повѣялъ попутный вѣтеръ, гребцы подняли парусъ и положили весла; лодка плыла безъ движенія, и я, сидя подъ тѣнію паруса, видѣлъ передъ собою великолѣпное зрѣлище: у меня передъ глазами была какъ будто въ сокращеніи вся Швейцарія; я видѣлъ вдругъ три кантона ея: Тургау, Аппенцель и С(анктъ)-Галленъ; на берегахъ, которые отвсюду полугорою сходили къ равнинѣ озера, было разсыпано безчисленное множество селъ, замковъ, домовъ, рощей, пажитей и садовъ; берега кантона Тургау, прелестные своимъ изобиліемъ, были плоски; надъ Аппенцелемъ и С(анктъ)-Галленомъ подымались Альпы; но прелестнѣйшую картину представляло само озеро; нельзя изобразить словами тѣхъ безчисленныхъ оттѣнковъ, въ которыхъ является его поверхность, измѣняющаяся при всякомъ колыханіи, при всякомъ вѣтеркѣ, при всякомъ налетающемъ на солнце облакѣ; когда озеро спокойно, видишь жидкую, тихотрепещущую бирюзу; кое-гдѣ віолетовыя полосы, а на самомъ отдаленіи яркой, свѣтлозеленый отливъ; когда воды наморщатся, то глубина этихъ морщинъ кажется изумрудно-зеленою, а по ребрамъ ихъ голубая пѣна съ яркими искрами и звѣздами; когда же облако закроетъ солнце, то воды, смотря по цвѣту облака, или блѣднѣютъ, или

[1]) Т. е. въ Байрейтъ (Bayreuth).

[2]) Съ знаменитымъ писателемъ Жанъ-Полемъ Рихтеромъ (р. 1763 †1825).

[3]) Живописецъ и граверъ Альбрехтъ Дюреръ умеръ въ Нюренбергѣ въ 1528 году.

синѣютъ, или кажутся дымными.—Плаванье мое продолжалось часъ съ четвертью. Мейнау есть маленькой островокъ, покрытый виноградниками, огородами и рощами; нѣкогда принадлежалъ онъ Мальтійскому ордену, а теперь въ замкѣ коммандора живетъ старая вдова съ прекрасною дочерью, и эта пустынная красавица показывала мнѣ пустынныя горницы замка; въ немъ однѣ голыя стѣны, но видъ съ балкона несравненный: я просидѣлъ на немъ около часа. Жаръ между тѣмъ миновался; я взялъ проводника и пошелъ пѣшкомъ въ Констанцъ: Мейнау соединенъ съ берегомъ узкимъ мостикомъ, сдѣланнымъ для однихъ пѣшеходовъ. Дорога отъ него до Констанца довольно пріятная: идешь по большей части лѣсомъ, который часто раскрывается, и тогда по сторонамъ представлялись глазамъ моимъ поля и пажити, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ.—Констанцъ городъ некрасивый и неоживленной. Я осмотрѣлъ въ немъ нѣкоторыя зданія, достойныя примѣчанія. Дряхлая деревянная палата, въ которой были засѣданія Констанцскаго собора, обезславившаго себя убійствомъ Гусса, есть не иное что, какъ сарай въ 80 шаговъ длины и въ 40 ширины: онъ служитъ теперь магазиномъ для складки товаровъ во время ярмарки. Въ одномъ углу этой палаты на небольшомъ возвышеніи стоятъ два стула, на которыхъ во время собраній сидѣли императоръ и папа: оба весьма скромные, но императорскій выше папскаго, п р я д о м ъ съ ними (въ доказательство, сколь правосудно время) лежитъ кузовъ той повозки, въ которой несчастный Гуссъ отвезенъ былъ на мѣсто казни: посѣтитель смотритъ на нее съ бо́льшимъ чувствомъ и уваженіемъ, нежели на истлѣвшій скелетъ императорскаго трона. Доминиканской монастырь, въ которомъ былъ взятъ и заключенъ въ темницу Гуссъ, огромное готическое зданіе, есть не иное что, какъ огромная развалина; кельи монаховъ обращены въ ситцевую фабрику; болѣе всего сохранилась Гуссова тюрьма: маленькой чуланъ со сводомъ въ три шага длины и ширины; но церковь вся въ разрушеніи; кое-гдѣ на стѣнахъ видны остатки живописи; кровля упала; три ряда высокихъ столбовъ ничего не поддерживаютъ; на мѣстѣ одного изъ боковыхъ алтарей построено стойло; но одно разрушенное окно служитъ рамою прекраснаго ландшафта; въ немъ разцвѣла молодая береза; легкой вѣтеръ, едва нарушая тишину развалинъ, колебалъ ея вѣтвями, и сквозь ихъ подвижную рѣшетку видно было озеро и отдаленные свѣтлые берега его. Вечеръ этого дня провелъ я на колокольнѣ каѳедральной церкви и видѣлъ удивительную картину заходящаго солнца. Но мои описанія, какъ я замѣчаю, становятся слишкомъ длинны; прошу у вашего высочества прощенія: je n'ai pas le temps d'être plus court [1])! Но постараюсь поубавить своей болтливости. Изъ Констанца черезъ

[1]) Т. е. я не имѣю времени быть болѣе краткимъ.

Фрауенфельдъ и Винтертуръ поѣхалъ я въ Цирихъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней. Отсюда по настоящему начинается мое швейцарское путешествіе. Докторъ Эбель [1]), съ которымъ я познакомился, оракулъ всѣхъ, посѣщающихъ Швейцарію, далъ мнѣ нѣсколько нужныхъ совѣтовъ, и я, нанявши проводника (мнѣ достался тотъ самый, котораго имѣлъ въ своемъ путешествіи кронпринцъ) и оставивъ весь свой багажъ въ Цирихѣ, пустился въ путь 3-го августа н. с. рано поутру. Завернувъ на высоту Альбиса (съ которой обширный видъ на Цирихское и Цугское озеро), доѣхалъ я съ фурманомъ до Цуга; здѣсь сѣлъ на лодку и прелестнымъ озеромъ Цугскимъ переплылъ въ Артъ, откуда, вооружившись длинною альпійскою палкою, полѣзъ по крутому всходу на высоту Риги. Это путешествіе продолжалось болѣе трехъ часовъ, весьма затруднительныхъ. На высотѣ я засталъ захожденіе солнца, и хотя облака покрывали небо, но зрѣлище, которое видѣлъ я, было великолѣпное: я ночевалъ въ трактирѣ на Rigi-Staffel и на другой день всходилъ на самую вершину горы (Rigi-Kulm), чтобы видѣть первую минуту солнечнаго восхожденія. Обѣ картины были такъ плѣнительны, что, покидая вершину Риги, я обѣщался опять навѣстить ее на возвратномъ пути своемъ. Я спустился внизъ тою же дорогою, по которой взошелъ, потомъ поворотилъ вправо и мимо ужасныхъ развалинъ горы, задавившей десять лѣтъ тому назадъ прелестную деревню Goldau, пошелъ къ деревенькѣ Ловерцъ, полуразрушенной тѣмъ же паденіемъ, переплылъ маленькое Ловерцское озеро, посреди котораго уединенно цвѣтетъ зеленый островокъ Schwanau, и къ вечеру очутился въ Швицѣ, въ очаровательной долинѣ, полной жизни и изобилія и отвсюду окруженной великолѣпными горами. Слѣдующій день былъ одинъ изъ самыхъ утомительныхъ дней моего пѣшеходства. Я всталъ вмѣстѣ съ солнцемъ, но утро было душное. Дурными, вымощенными крупнымъ камнемъ дорожками пошелъ я черезъ Steinen (мѣсто рожденія Штауффахера; тамъ, гдѣ стоялъ его домъ, построена теперь часовня) къ Моргартену, гдѣ была одержана первая побѣда свободы швейцарской [2]). И на этомъ мѣстѣ стоитъ часовня. Отсюда черезъ Sattel и Rothenthurm въ Einsiedeln. Зной былъ несносный; дорога по камнямъ убійственная для ногъ; пришедъ въ Ейнзидельнъ, я почти ничего не могъ порядочно осмотрѣть отъ разслабленія; отдыхать же было некогда; надобно было засвѣтло воротиться въ Швицъ, ибо обратный путь шелъ черезъ крутую

---

[1]) Іоганнъ-Готфридъ Эбель (Ebel, р. 1764 † 1830, въ Цюрихѣ), кромѣ того, что былъ докторомъ, извѣстенъ еще нѣсколькими сочиненіями по географіи Швейцаріи.

[2]) При Моргартенѣ швейцарцы одержали 16-го ноября 1315 года побѣду надъ герцогомъ Леопольдомъ Австрійскимъ.

гору Haggen [1]). Признаюсь, Ейнзидельнъ не имѣлъ для меня ничего привлекательнаго: положеніе монастыря не живописное; я видѣлъ богатую церковь, толпу богомольцевъ и процессію монаховъ, но усталость и боль въ ногахъ мѣшали моему вниманію. Но конецъ этого дня заплатилъ за непріятное начало его: возвратный путь черезъ зеленую долину Alpthal, всходъ на Haggen и потомъ спускъ по крутизнѣ при блескѣ начинающейся грозы въ долину Швица останутся навсегда въ моей памяти. Гроза только украсила для меня ночную картину горъ, которыя чудесно являлись и исчезали при быстромъ блистаніи молній: она началась не прежде во всей своей силѣ, какъ по возвращеніи моемъ въ трактиръ. Я думалъ, что на другой день ноги откажутся мнѣ служить, но проснулся свѣжъ и здоровъ и, напившись кофе, пошелъ въ Брунненъ, тамъ сѣлъ въ лодку и поплылъ къ Grütli, восхищаясь дикимъ величіемъ, окружающимъ озеро Четырехъ Кантоновъ, самое живописное изъ всѣхъ озеръ швейцарскихъ: Grütli есть маленькая, покрытая зеленымъ дерномъ площадка, до которой въ десять минутъ можно достигнуть; на ней нѣтъ памятника, но свобода Швейцаріи еще существуетъ! Это мѣсто удивительно трогаетъ своею тихою прелестію посреди грознаго величія окружающихъ его утесовъ. Я не могъ на немъ долго остаться: гребцы предвидѣли грозу, и надобно было спѣшить, дабы предупредить южный вѣтеръ (Föhn), который обыкновенно здѣсь начинается по полудни и бываетъ часто опасенъ въ этой части озера, окруженнаго здѣсь крутыми берегами, къ которымъ нигдѣ пристать невозможно. Мы поплыли къ Телевой часовнѣ (Tellsplatte), а оттуда къ деревнѣ Flüelen. Гроза началась, когда я пришелъ въ Альторфъ, и кончилась къ концу моего обѣда, послѣ котораго я ходилъ въ Бюргленъ, мѣсто рожденія Теля. Тамъ нашелъ я живописца Триннера [2]), который не великій артистъ, но который былъ для меня интересенъ тѣмъ, что могъ разсказывать, какъ очевидецъ, о Суворовѣ, котораго онъ видѣлъ въ этомъ мѣстѣ. Изъ оконъ башни, обросшей плющемъ, въ которой живетъ Триннеръ, взглянулъ я на вершину Кинцингкульма [3]), доступную только горнымъ пастухамъ, черезъ которую нашъ Аннибалъ перевелъ свое войско, томимое голодомъ, но не побѣжденное. Der Alte war doch lustig (сказалъ мнѣ Триннеръ). Er pfiff, und sang, und lachte, und sprang wie ein Kind [4]). Мѣсто, гдѣ жилъ Вильгельмъ Тель, означено часовнею. Этотъ обычай строить вмѣсто великолѣпныхъ памятниковъ скромные алтари благодарности Богу на мѣстахъ славы отечественной трогаетъ и возвышаетъ душу. Но та-

[1]) Т. е. Hacken.

[2]) Живописецъ Триперъ (Triner) родился въ 1760, а умеръ въ 1824 году.

[3]) Т. е. Kinzigkulm.

[4]) Т. е. А старикъ былъ весельчакъ: онъ свистѣлъ и пѣлъ, смѣялся и скакалъ, какъ дитя.

кого рода памятники особенно приличны Швейцаріи. Въ пустыняхъ Египта можно дивиться пирамидамъ и обелискамъ—что̀ бы они были у подошвы Альповъ! За то на вершинѣ Риги стоитъ простой деревянной крестъ, а маленькая часовня Теля таится между огромными утесами; но они не исчезаютъ посреди этихъ громадъ, ибо говорятъ не о бѣдномъ могуществѣ человѣка, здѣсь столь ничтожномъ, но о величіи души человѣческой, о вѣрѣ, которая возноситъ ее туда, куда не могутъ достигнуть горы.—Вечеръ этого дня провелъ я на балконѣ загороднаго дома, принадлежащаго какому-то Муггейму, и видѣлъ передъ собою всю равнину Альторфа, за которою уже начинаются первобытныя горы: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сверкала Рейсса, которая, извиваясь по этой равнинѣ, тихо впадаетъ въ озеро 4 кантоновъ и потомъ быстро вытекаетъ изъ него подъ Люцерномъ. Къ концу слѣдующаго дня былъ я уже въ Андерматѣ у подошвы С.-Готара; до Амстега можно еще ѣхать въ char à banc(s), но отсюда надобно итти пѣшкомъ. Въ два дни моего путешествія черезъ С.-Готаръ видѣлъ я природу во всѣхъ ея измѣненіяхъ: близъ Альторфа всѣ горы зелены, но это печальная, однообразная зелень елей и сосенъ, надъ которою въ разныхъ мѣстахъ блистаетъ свѣтлая зелень горныхъ пажитей; Рейсса еще спокойна; у Амстега все становится мрачнѣе, горы круче, ели рѣже, скалы виднѣе, дорога вьется надъ пропастями, въ которыхъ Рейсса, то видимая, то невидимая, шумитъ, образуя безпрестанные каскады; когда я шелъ, небо было туманно, вершины горъ, исчезая въ темныхъ облакахъ, казались безконечными, но изрѣдка проглядывало солнце и на минуту зажигало быстрыя волны и пѣну Рейссы. Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ разительнѣе дикость; наконецъ у Gestinen [1]) исчезаетъ растеніе; видишь одни утесы, покрытые изрѣдка мохомъ и травою, видишь, какъ время разрушаетъ ихъ мало по малу зноемъ, холодомъ, дождемъ, морозомъ и бурями: камни, безпрестанно отваливающіеся, лежатъ повсюду живописными грудами, и эта долина камней становится наконецъ столь узкою, что одна только Рейсса, падающая шумнымъ каскадомъ, занимаетъ ея дно: поперегъ этой долины, надъ самымъ каскадомъ, изгибается Чортовъ мостъ; къ нему съ одной стороны ведетъ узкая дорожка, до половины выдолбленная въ утесахъ, до половины поддерживаемая каменными сводами; съ другой стороны почти такая же узкая дорожка, подымаясь отъ него, упирается въ скалу, которую пробила насквозь промышленность человѣческая: глазамъ представляется темное отверстіе, какъ будто ведущее въ глубокую бездну. Но что же?... Мое счастіе и здѣсь меня не покинуло! Солнце выглянуло изъ тучъ и ударило на прелестный Андерматтъ въ самую ту минуту, какъ я выходилъ изъ

[1]) Т. е. Geschenen.

подъ Урнерскаго свода. Ничто не можетъ быть очаровательнѣе этой противуположности: вдругъ, послѣ густаго мрака пещеры, видишь свѣтлую, окруженную зелеными холмами долину, и въ глубинѣ ея веселая деревня. Зрѣніе обмануто, думаешь, что передъ тобою низкіе дерновые пригорки, но эти пригорки не иное что, какъ вершины высокихъ горъ, окружающія скрытую межъ ними долину и близкія къ снѣжной вершинѣ С.-Готара. Я ночевалъ въ Андерматтѣ, который черезъ минуту послѣ моего прихода исчезъ въ туманѣ: пошелъ дождь, смѣшанный съ снѣгомъ, но къ утру все миновалось; осталась одна клубящаяся мгла надъ высотами, и, окруженный ею, взошелъ я на вершину С.-Готарской дороги: неописанное зрѣлище природы, которой здѣсь нѣтъ имени, ибо здѣсь оно ни съ чѣмъ знакомымъ не сходствуетъ! Кажется, что стоишь на такомъ мѣстѣ, гдѣ кончится земля и начинается небо; передъ тобою равнина, вымощенная огромными, голыми плитами гранита; кругомъ низкіе холмы, но уже не зеленые, ибо здѣсь и трава исчезаетъ, а снѣжные или просто нагіе растреснутые утесы; съ одной стороны маленькое, свѣтлое озеро, не болѣе дождевой лужи, изъ него тихо бѣжитъ ручей; съ другой стороны такое же озеро и такой же тихой ручей: это Тессинъ и Рейсса; здѣсь они навсегда разлучаются, отсюда бѣгутъ одинъ на югъ, другая на сѣверъ, и въ быстромъ теченіи разрываютъ гранитныя горы. И съ этого мѣста начинаешь быстро спускаться къ Айроло, имѣя вправѣ шумный Тессинъ, который скоро является во всемъ своемъ могуществѣ и наконецъ близъ самаго Айроло образуетъ каскадъ, удивительно живописный. На самой вершинѣ уже увидѣлъ я споръ свѣтлаго юга съ угрюмымъ сѣверомъ: со стороны Италіи проглядывало голубое небо, со стороны Рейссы клубились туманныя облака; и небо сдѣлалось ярко-голубымъ, когда я, спустившись къ Айроло, вдругъ очутился посреди роскошной италіанской природы. Уже близъ Айроло ели и сосны становятся рѣже: ихъ мѣсто занимаютъ буки, орѣховыя деревья, потомъ каштаны, и наконецъ передъ глазами очаровательная Левантинская долина, посреди которой шумитъ Тессинъ въ тѣни зеленыхъ ольхъ, оживленная селами, церквями, замками, уже имѣющими характеръ италіанскій; я не долго отдыхалъ въ Айроло, ибо надобно было засвѣтло дойти до Aldazzio grande, чтобъ видѣть чудесный мостъ черезъ Тессинъ и ночевать потомъ въ Faido. Этотъ вечеръ принадлежитъ къ прелестнѣйшимъ въ жизни: какое разнообразіе въ зрѣлищахъ! какое удивительное захожденіе солнца! По настоящему солнце посреди высокихъ горъ не всходитъ и не заходитъ *для глазъ*. Оно еще высоко на небѣ, а для тебя уже его нѣтъ! Но чудесно освѣщенные бока долины, но утесы, которые медленно угасаютъ, долго еще говорятъ о невидимомъ: я шелъ долиною Левантинскою, солнце уже было за горами, но Сенъ-Готаръ весь въ огнѣ стоялъ надъ Айроло

и свѣтилъ въ долину, и съ одной стороны на половинѣ горъ, сливающихся въ одну стѣну, лѣса пылали; этотъ розовый пламень мало по малу подымался, черная тѣнь бѣжала за нимъ изъ долины, наконецъ осталась одна свѣтлая полоса, словно огненная грива на хребтѣ горномъ, и та скоро исчезла, и звѣзды Италіи загорѣлись... въ какомъ прозрачномъ небѣ! съ какою неизъяснимою ясностію! Я увидѣлъ недалеко отъ Медвѣдицы прекрасную Корону и вспомнилъ вечеръ потсдамскій [1])! Я шелъ совершенно одинъ, отпустивъ впередъ проводника; луны не было, мнѣ свѣтили однѣ звѣзды, и горы стояли кругомъ какъ темныя привидѣнія, одинъ Тессинъ и каскады, бѣгущіе въ него, шумѣли.—Въ Файдо, гдѣ я ночевалъ въ мерзкомъ трактирѣ, кончилось на время мое пѣшеходство; я нанялъ повозку и поѣхалъ черезъ Беллинцону въ Лугано. Для путешествія пѣшкомъ время было слишкомъ знойно, а окрестные виды, роскошные, великолѣпные, были все одинаковы до самыхъ береговъ Луганскаго озера. Но уже прекрасная Италія была передъ моими глазами. Правда, я не видалъ ни миртовыхъ рощъ, ни лавровъ, цвѣтущихъ на вольномъ воздухѣ, но уже природа потеряла свою швейцарскую суровость; самыя высокія горы перемѣнили форму и казались болѣе величественными, нежели огромными; прекрасная дорога вилась между каштанами и шелковицами; зеленыя деревья соединены были виноградными гирляндами; поля покрыты были маисомъ. За то и лица были не швейцарскія: привлекательное простодушіе исчезло. Изъ Беллинцоны, живописно разбросанной по холмамъ, поѣхалъ я черезъ Monte Cenere (гора, вся покрытая каштановымъ лѣсомъ) въ Лугано, гдѣ ночевалъ и откуда думалъ поворотить къ Lago Maggiore. Но мысль, что на другой день въ вечеру могу быть въ Миланѣ, взбунтовала мою голову, и на другой день въ вечеру подъ голубымъ сумракомъ звѣзднаго италіанскаго неба, при яркомъ свѣтѣ луны, въѣхалъ я въ Миланъ. Вмѣсто трехъ дней (какъ я располагалъ прежде) остался я въ немъ пять, дабы дождать[ся] открытія главнаго театра La Scala: давали Россиніеву Cenerentola, большой балетъ Jeanne d'Arc (взятый изъ Шиллеровой Jungfrau) и маленькой балетъ Донъ Кишотъ. Я слышалъ божественную музыку. La Scala великолѣпный театръ, оркестръ и пѣвцы его достойные; но Шиллеръ былъ жестоко изуродованъ въ балетѣ, а костюмы, при всемъ своемъ великолѣпіи, не могутъ сравниться съ берлинскими. Но всѣ пять дней пребыванія моего въ Миланѣ я почти не сидѣлъ на мѣстѣ: бѣгалъ по картиннымъ галлереямъ, по церквамъ, при солнцѣ и при лунѣ дивился чудесной архитектурѣ миланскаго собора, и при всемъ томъ нашелъ еще способъ видѣть Ѳедора Петро-

[1]) См. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 115.

вича Уварова[1]). Оставивъ Миланъ поутру рано, я былъ уже въ четыре часа пополудни въ Sesto на берегу Lago Maggiore; время было несравненное, и я поплылъ къ островамъ Борромейскимъ, остановился у Ароны, чтобы взглянуть на колоссальную статую Карла Борромея, потомъ при захожденіи солнца вышелъ на берегъ у Бельжирато, дабы дождаться луны и при свѣтѣ ея пуститься къ Isola Bella. Этотъ вечеръ былъ волшебный: лунная ночь, звѣздное, безоблачное небо надъ озеромъ Италіи—какое будетъ для меня наслажденіе все это подробно описывать вашему высочеству! На другой день, осмотрѣвъ Isola Bella, я заглянулъ въ Isola Madre, и признаюсь, не восхищенъ Борромейскими островами. Я бы не согласился ихъ выбрать мѣстомъ своего пребыванія: здѣсь природа убита искусствомъ! Не острова Борромейскіе, но плаваніе къ нимъ по величественнымъ водамъ Lago Maggiore восхитительно. Вечеръ этого дня провелъ я въ Domo d'Ossola, городокъ, лежащій въ великолѣпной долинѣ, и лазилъ на высокую гору, чтобъ видѣть чудесное захожденіе солнца. Отъ Домо д'Оссола начинается горная Симплонская дорога, дивный памятникъ Наполеона; но на этой дорогѣ видѣлъ я нѣчто, еще болѣе разительное, нежели сама она: я видѣлъ лежащую на ней мраморную колонну, вытесанную изъ одного камня; эта колонна была приготовлена для тріумфальныхъ воротъ Наполеоновыхъ, полувоздвигнутыхъ въ Миланѣ и къ которымъ должна была примыкать дорога Симплонская! Но эта колонна лежитъ неподвижно на чудесной дорогѣ Наполеоновой, а чудесная дорога Наполеонова примыкаетъ къ развалинамъ. Весь жребій Наполеона въ одномъ мраморномъ обломкѣ.—На Симплонской дорогѣ изумляетъ могущество человѣка, но природа, грозная и дикая, не столь разительна и разнообразна, какъ на Сенъ-Готарѣ. Виды со стороны Италіи великолѣпнѣе и ужаснѣе, со стороны Швейцаріи живописнѣе. Отъ Изелы до высоты Симплона дошелъ я пѣшкомъ; послѣ обѣда, отправивъ съ полудороги впередъ своего проводника, спустился по крутому скату Симплона одинъ къ Брюггу[2]) имѣя передъ глазами удивительныя картины, одушевленныя заходящимъ солнцемъ. Отъ Брюгга начинается знойная Валлійская долина, дорога идетъ черезъ Туртманъ (подлѣ котораго есть достойный примѣчанія водопадъ), черезъ Sierre и Sion въ Мартиньи. Я ночевалъ въ Сіонѣ, который съ своими тремя замками, одинъ надъ другимъ возвышающимися, представляетъ необыкновенное зрѣлище; несмотря на зной, я лазилъ на одинъ изъ крутыхъ холмовъ его, долго любовался великолѣпіемъ окрестностей и, наконецъ, принялся рисовать: здѣсь дол-

---

[1]) Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ (р. 1773 † 1824), генералъ-адъютантъ, командиръ гвардейскаго корпуса, а потомъ членъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Т. е. Бригу (Brig).

женъ я признаться вашему высочеству, что со вступленія моего въ Швейцарію открылась во мнѣ болѣзнь рисованья; я рисовалъ вездѣ, гдѣ только могъ присѣсть на свободѣ, и у меня теперь въ карманѣ почти всѣ озера Швейцаріи, нѣсколько долинъ и полдюжины высокихъ горъ. Но между Брюггомъ и Туртманомъ случилось со мною несчастіе, весьма чувствительное для путешественника: записная моя книжка (къ счастію, не та, которую получилъ отъ вашего высочества), въ которой замѣчалъ я на пути въ немногихъ словахъ все, что попадалось на глаза, выпала изъ коляски въ то время, какъ я зѣвалъ по окрестностямъ; я послалъ искать ее на дорогѣ, но ее не могли найти: такимъ образомъ я потерялъ весь Сенъ-Готаръ, всю Италію, весь Симплонъ и часть Валлійской долины. Пріѣхавъ на станцію, я записалъ, что могъ вспомнить, но мелкія, частныя замѣчанія пропали; вѣроятно, что они и въ памяти не останутся, ибо моя память никуда не годится. На слѣдующій день обѣдалъ я въ Мартиньи и послѣ обѣда ходилъ смотрѣть великолѣпный водопадъ, находящійся между Мартиньи и С.-Морицемъ: онъ, вѣроятно, самый шумный и самый обильный водою изъ всѣхъ водопадовъ швейцарскихъ; но мнѣ показался онъ менѣе всѣхъ живописнымъ. Правда, я не могъ любоваться имъ на свободѣ. Здѣсь скажу о несчастіи, которое преслѣдуетъ всякаго путешествующаго по Швейцаріи: это несчастіе называется проводникъ. Не зная дороги, надобно имѣть проводника; но проводникъ, указавъ дорогу къ желаемому мѣсту, портитъ совершенно удовольствія, когда стоишь на мѣстѣ: какъ наслаждаться съ необходимою свободою души, когда подлѣ тебя стоитъ скучающій товарищъ, который съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобы ты пошелъ назадъ. За то я, всякой разъ, какъ скоро могъ одинъ найти дорогу или имѣлъ карту, отсылалъ своего проводника впередъ или оставлялъ его на квартирѣ. Въ Мартиньи опять вооружился я своею альпійскою палкою и на другой день до солнца пустился въ путь: черезъ Forclas [1]), Тріентскую долину и крутой Col de Balme въ Шамуни. Съ Col de Balme самый лучшій видъ на Монбланъ, но переходъ слишкомъ великъ и труденъ, и я не могъ прежде двухъ часовъ по полудни быть на вершинѣ: солнце между тѣмъ успѣло накопить густыхъ паровъ, и мнѣ не удалось видѣть Монблана во всей его ясности; но то, что я видѣлъ, было великолѣпно: жаль только, что усталость и зной нѣсколько испортили наслажденіе; къ этимъ двумъ бѣдамъ присоединились какія-то жадныя, злыя мухи, которыя ни минуты не давали мнѣ покоя, пока я сидѣлъ на высотѣ Col de Balme; съ него видна вся долина Шамуни, всѣ горы, ее окружающія, и надъ ними во всей огромности Монбланъ. Сначала посѣщеніе Ша-

[1]) Т. е. Forclaz.

муни не входило въ мой планъ; потомъ, рѣшившись взглянуть на Mont Blanc съ высоты Col de Balme, я расположился не останавливаться въ Шамуни и, переночевавъ въ долинѣ, прямо итти въ Женеву. Это я и сдѣлалъ; но, покинувъ Шамуни, я былъ почти готовъ плакать, что не остался тамъ долѣе, дабы вполнѣ насладиться красотами долины. Шамуни есть плѣнительный уголокъ природы: нигдѣ нѣтъ такого сліянія великости, возвышающей мысли, съ сельскою прелестію, трогающею сердце. Ночи, которую я тамъ провелъ, никогда не забуду. Я пришелъ уже около вечера въ долину: ноги горѣли отъ усталости (болѣе десяти часовъ сряду продолжалось мое путешествіе); но все исчезло передъ тою прелестію, которую я увидѣлъ. Я легъ спать, но какой-то добрый духъ разбудилъ меня около трехъ часовъ утра: вижу, что полумѣсяцъ свѣтитъ ярко и что Mont Blanc снялъ съ себя облака; спѣшу одѣваться (послѣ я самъ хохоталъ надъ своимъ ночнымъ костюмомъ) и иду изъ трактира. Посреди самой долины есть церковь съ кладбищемъ; на этомъ кладбищѣ нѣсколько деревянныхъ крестовъ, и маленькая тропинка вьется между дерновыми гробами; и на одномъ изъ этихъ гробовъ просидѣлъ я до перваго луча солнечнаго — но оставляю это до подробнаго описанія! — Глупость, помѣшавшая мнѣ остаться лишній день въ Шамуни, послужила мнѣ въ пользу: я подумалъ, что отъ поспѣшности могу многое потерять въ горахъ Бернскихъ, и рѣшился пожертвовать нѣкоторою частію моего плана, дабы выиграть болѣе времени для Оберланда, рѣшился ѣхать изъ Вевѣ прямо въ Бернъ, не заѣзжая ни въ Ивердонъ, ни въ Невшаталь, ни въ Биль: жалѣю, что это лишило меня счастія видѣть старика Песталоцци [1]), но послѣдствіе наградило меня за это пожертвованіе. Всего имѣть невозможно. Счастіе, сопутствовавшее мнѣ по Швейцаріи, было такъ постоянно, что я не смѣю роптать и на теперешнюю мою болѣзнь, которая держитъ меня теперь въ Штутгардѣ и едва ли не лишитъ Рейна. Но какъ бы то ни было, если не удастся доѣхать до Кобленца, то непремѣнно увижу Niederwald и Rohus Capelle [2]). — Изъ Шамуни шелъ я пѣшкомъ до С.-Мартеня, гдѣ сѣлъ въ char à banc(s), и въ Женеву. Вся эта дорога прелестна, особенно живописны окрестности Клуза [3]) и Маглана. Сердце радуется, какъ скоро, покинувъ Савою, въѣдешь въ Женевскій кантонъ: картина дѣятельности, довольства и порядка представляется глазамъ во всей своей красотѣ. Женева не красивый городъ, но окрестности и озеро очаровательны. Я пробылъ здѣсь три дни, изъ которыхъ одинъ посвятилъ пу-

---

[1]) Знаменитый швейцарскій педагогъ (р. 1746 † 1827).

[2]) Т. е. Rochuscapelle у Бингена.

[3]) Т. е. Cluses.

тешествію на вершину Салева, весьма мало удачному, ибо, несмотря на то, что день былъ солнечной, вся необъятность вида, представляющагося глазамъ съ этой высоты, исчезала подъ густотою паровъ, а Монбланъ былъ совсѣмъ непримѣтенъ: въ ясное время можно видѣть отсюда все озеро до Лозанны, весь Женевскій кантонъ, большую часть горъ Савойскихъ и длинную цѣпь Юры; но я все это видѣлъ болѣе воображеніемъ, нежели глазами. — Я былъ въ замкѣ Фернеѣ, который нынче принадлежитъ гражданину Budet. Въ немъ сохранены въ прежнемъ состояніи только гостиная и спальня Вольтеровы: въ спальнѣ стоитъ кровать съ полуистлѣвшимъ занавѣсомъ, на стѣнахъ живописные портреты Фридриха II, M-e du Chattelet [1]), тканый портретъ Екатерины и нѣсколько гравированныхъ; на печи стоитъ деревянная, довольно дурная урна, въ ней нѣкогда хранилось сердце Вольтерово: въ революцію его похитили, а прежняя надпись: Son esprit est partout et son coeur est ici [2]) до половины уничтожена; похитители отломили отъ начала s o n, а отъ конца i c i, и вышла галиматья; въ гостиной, гдѣ на старинной печи стоитъ Вольтеровъ бюстъ, есть нѣсколько весьма дурныхъ картинъ, между которыми одна, изображающая Вольтеровъ апотеозъ, замѣтна своимъ уродствомъ: Вольтера встрѣчаетъ, кажется, Минерва, а враговъ его, Фрерона [3]) и прочихъ, сѣкутъ змѣями мстительные геніи. Аллея, по которой прохаживался фернейскій пустынникъ, и липовый лѣсокъ, имъ насажденный, сохранены въ цѣлости; надпись, сдѣланная имъ надъ входомъ построенной имъ церкви (В о л ь т е р ъ Б о г у), уничтожена философами революціи. Почти всѣ домы, въ Фернеѣ нынѣ существующіе, построены самимъ Вольтеромъ. Остальное время моего пребыванія въ Женевѣ посвятилъ я обозрѣнію города и Бонстеттену [4]), у котораго былъ два раза: живой, свѣжій, веселый старикъ, съ которымъ время прошло непримѣтно; онъ много разсказывалъ мнѣ о M-e Stael [5]), Миллерѣ [6]), Песталоцци и лордѣ Байронѣ, который долго жилъ въ Женевѣ нелюдимомъ.—Изъ Женевы, черезъ Лозанну, въ которой пробылъ я три дни, поѣхалъ я въ Вевѣ, гдѣ хотѣлъ отдохнуть на просторѣ, написать письма и насладиться окрест-

[1]) Маркиза Gabrielle-Emilie Du Châtelet (р. 1706 † 1749), писательница, извѣстная по своимъ отношеніямъ къ Вольтеру.

[2]) Т. е. его умъ повсюду, а сердце его здѣсь.

[3]) Fréron (р. 1718 † 1778), извѣстный критикъ, враждебно относившійся къ Вольтеру и энциклопедистамъ.

[4]) Карлъ-Викторъ Бонстеттенъ (р. 1745 † 1832), швейцарскій писатель, другъ историка Іоганна Миллера. Какъ извѣстно, Жуковскій въ 1810 году напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ переводъ нѣсколькихъ писемъ Іоганна Миллера къ Бонстеттену.

[5]) Извѣстной писательницѣ (р. 1766 † 1817).

[6]) Іоганнѣ фонъ Миллерѣ (р. 1752 † 1809), швейцарскомъ историкѣ.

ностями Женевскаго озера; но все не удалось: дождикъ, замѣтивъ, что я сижу подъ кровлею, пошелъ ливмя, а письма помѣшало мнѣ писать мрачное расположеніе духа, котораго я не захотѣлъ передать бумагѣ; и я рѣшился—рисовать. Изъ окрестностей Вевѐ видѣлъ я однако Кларанъ, куда ходилъ пѣшкомъ (наканунѣ моего отъѣзда изъ Вевѐ), и эта вечерняя прогулка была, comme de raison, прекрасная. Можно сказать, что небо было со мною въ заговорѣ: всякой разъ, когда я покидалъ свой пріютъ, оно становилось яснымъ или покрывалось живописными облаками, отъ которыхъ зрѣлище природы становилось великолѣпнымъ. Моимъ товарищемъ до Кларана былъ старый крестьянинъ изъ Montreux, съ которымъ я сошелся на дорогѣ. Probablement (спросилъ онъ меня) vous allez à Clarens à cause de M-r le baron d'Etange et de sa fille. Je vous montrerai la place où était autrefois leur maison. Est ce que vous avez lu cette histoire?—Oui! c'est joli comme un roman quoique tout est parfaitement vrai [1])! И онъ добродушно началъ мнѣ описывать мѣсто, гдѣ жила Жанъ-Жакова Юлія, съ полною увѣренностію, что Новая Элоиза не выдумка [2]).—Въ тотъ день, въ который я оставилъ Вевѐ, успѣлъ я съѣздить на лодкѣ въ замокъ Хильонъ: я плылъ туда, читая The Prisoner of Chillon [3]), и это чтеніе очаровало для воображенія моего тюрьму Бонниварову [4]), которую Бейронъ вѣрно описалъ въ своей несравненной поэмѣ. Дорога отъ Вевѐ до Фрибура чрезвычайно гориста, и легко можно слетѣть въ глубокую пропасть съ повозкою и лошадьми. Я не могъ порядочно осмотрѣть Фрибура: видѣлъ только каѳедральную церковь, самую высокую въ Швейцаріи, и Муртенскую липу, посаженную въ день побѣды надъ Карломъ Смѣлымъ [5]). Глаза мои, разболѣвшіеся отъ зноя, помѣшали мнѣ бродить по улицамъ, но свѣжесть вечера возвратила имъ здоровье, и я могъ вполнѣ насладиться окрестностями Берна, въ который пріѣхалъ довольно поздно.

---

[1]) Т. е. Вы, вѣроятно, направляетесь въ Кларенъ ради барона Этанжъ и его дочери. Я покажу вамъ мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ ихъ домъ.— Развѣ вы читали эту исторію?—Да; это такъ же интересно, какъ романъ, хотя все это совершенная правда.

[2]) Рѣчь идетъ о романѣ Жанъ-Жака Руссо Julie, ou la Nouvelle Héloise.

[3]) Байрона. Эту поэму Жуковскій и перевелъ въ 1821 году.

[4]) Бониваръ (Bonivard), женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма, былъ, по приказанію герцога Савойскаго Карла III, заключенъ въ Шильонскій замокъ, гдѣ онъ томился съ 1530 по 1537 годъ; его и обезсмертилъ Байронъ въ своемъ „Шильонскомъ узникѣ“.

[5]) Побѣда была одержана швейцарцами 22-го іюня 1476 г. при мѣстечкѣ Муртенъ надъ Бургундскимъ герцогомъ Карломъ Смѣлымъ. Вѣсть о побѣдѣ была въ тотъ же день принесена во Фрейбургъ однимъ изъ участниковъ битвы; принесенная имъ вѣтка липы, по преданію, и была тогда же посажена во Фрейбургѣ.

Бернская природа соединяетъ въ себѣ съ удивительною обработанностію (вездѣ чувствительно изобиліе и довольство) всѣ простыя прелести сельскія и все великолѣпіе альпійское. Ни въ одномъ изъ кантоновъ, мною видѣнныхъ, не видалъ я такихъ живописныхъ крестьянскихъ домовъ, какъ въ Бернскомъ: ихъ архитектура совершенно сельская и весьма оригинальная! Чистота внѣшняя и внутренняя плѣняютъ глаза и удовлетворяютъ чувству. Въ Швейцаріи понялъ я, что поэтическія описанія блаженной сельской жизни имѣютъ смыслъ прозаически справедливый. Въ этихъ хижинахъ обитаетъ независимость, огражденная отеческимъ правительствомъ; они живутъ не для того единственно, чтобы тяжкимъ трудомъ поддерживать физическое бытіе свое, но имѣютъ и счастіе, простое, неразнообразное, но счастіе, то-есть свободное наслажденіе самимъ собою. Въ Бернѣ пробылъ я недолго: спѣшилъ воспользоваться временемъ, которое было прекрасное, хотя знойное. Я успѣлъ только осмотрѣть музеумъ и провести цѣлый день въ Гофвилѣ у Фелленберга [1]) (я видѣлъ тамъ нашихъ Шуваловыхъ [2]), оба очень любезны; младшій есть графиня Катерина Петровна въ сертукѣ, съ лицемъ загорѣлымъ отъ жара). Наконецъ я въ Оберландѣ! И эта послѣдняя часть моего путешествія была самая счастливая, самая богатая живыми, чистыми наслажденіями природы. Я былъ весьма благодаренъ самому себѣ за то, что пожертвовалъ Ивердономъ и Невшателемъ: имѣя болѣе времени, я могъ вездѣ выжидать благопріятной погоды. Озеро Тунъ, несравненная долина Интерлакенъ, ночь посреди горъ, подъ облачнымъ, бурнымъ небомъ, вечеръ на вершинѣ горы der Kleine Rügen въ виду ясной Юнгфрау, все путешествіе въ Лаутербрунненъ, чудесная лунная ночь въ Лаутербрунненской долинѣ и Штауббахъ, переходъ при свѣтѣ луны и при ясномъ восхожденіи солнца черезъ Wenger(n)alp въ Grindelwald и видъ Jungfrau во всемъ ея величіи, долина Гриндельвальдъ и ея глетшеры, возвращеніе въ Интерлакенъ и плаваніе по Бріенцскому озеру къ Гисбаху и въ Трахтъ, вечеръ въ Бріенцѣ, переходъ въ Мейрингенъ, нѣсколько прогулокъ по несравненной долинѣ Гасли и обозрѣніе Рейхенбаха при яркомъ солнцѣ, наконецъ путешествіе черезъ Брюнигъ въ Сакслень [3]) и изъ Сакслена въ тотъ же день черезъ долину Мельхталь мимо кельи, въ которой жилъ отшельникъ Клаусъ [4]), въ Станцъ (путешествіе, продолжавшееся 12 часовъ сряду,

[1]) Филиппъ-Эммануилъ Фелленбергъ (Fellenberg, p. 1771 † 1844), извѣстный педагогъ, основавшій въ Гофвилѣ цѣлый рядъ воспитательныхъ заведеній.

[2]) Братьевъ графини Екатерины Петровны Шуваловой (фрейлины великой княгини Александры Ѳеодоровны), графовъ Андрея Петровича (впослѣдствіи оберъ-гофмаршала) и Григорія Петровича.

[3]) Т. е. Саксельнъ.

[4]) Nikolaus von der Flüe († 1487), извѣстный подъ именемъ Клауса, мужъ святой жизни, память котораго весьма почитается въ сѣверной Швейцаріи.

но безъ усталости)—вотъ драгоцѣнныя воспоминанія, которыя, какъ вы говорите, останутся сокровищемъ на цѣлую жизнь!—Дождикъ начался, когда я пришелъ (уже поздно ночью) въ Станцъ, и кончился, когда я вышелъ, чтобы сѣсть въ Станцстадѣ въ лодку и плыть въ Луцернъ. И въ Луцернѣ не помѣшалъ онъ мнѣ видѣть окрестностей, и видѣть въ самомъ выгодномъ освѣщеніи: мнѣ всегда удавалось выбирать благопріятную минуту; окрестности Луцерна, можетъ быть, самыя живописныя въ Швейцаріи. Нельзя изобразить того великолѣпія, которое представляетъ хаосъ горъ, окружающихъ озеро 4 кантоновъ и видимыхъ съ лучернскаго моста: особливо при захожденіи солнца, когда снѣжныя горы сіяютъ и мало по малу гаснутъ.—Въ Люцернѣ есть теперь памятникъ, которому нѣтъ подобнаго въ огромности: въ высокой скалѣ высѣчена пещера, и въ глубинѣ ея лежитъ на щитѣ, означенномъ лиліями, умирающій левъ. Этотъ левъ ростомъ своимъ отвѣчаетъ огромному своему пьедесталу: передъ скалою прудъ, въ которомъ отражается вся эта громада. Торвальдсенъ [1]) сдѣлалъ рисунокъ льва, а скульпторъ есть нѣкто Ahorn изъ Констанца. Памятникъ воздвигнутъ въ честь швейцаровъ, погибшихъ въ Парижѣ 10 августа 1792 [2]).—Я сдержалъ обѣщаніе, данное мною Риги, и изъ Люцерна поплылъ въ Weggis откуда ведетъ весьма покойная и обильная прекрасными видами дорога на высоту горы. И въ этотъ разъ имѣлъ я нѣсколько незабвенныхъ минутъ: видѣлъ всю бездну горъ, освѣщенныхъ вечернимъ и утреннимъ солнцемъ. Я возвратился тою же дорогою, и изъ Веггиса поплылъ въ Кюсснахтъ, чтобъ видѣть die Hohle Gasse, гдѣ Вильгельмъ Тель застрѣлилъ Геслера, потомъ черезъ Цугское озеро въ Цугъ, гдѣ наслаждался въѣздомъ папскаго нунція, принятаго съ пушечными выстрѣлами и съ колѣнопреклоненіемъ. Берегомъ Цириха дошелъ я только до деревни Wädenschwyl [3]) откуда хотѣлъ переплыть въ Rapperswyl, чтобы потомъ богатыми деревнями, лежащими на противномъ берегу озера, итти въ Цирихъ пѣшкомъ, но дождикъ, соединенный съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ, помѣшалъ мнѣ исполнить этотъ планъ. Это было во второй разъ во все мое путешествіе. Но, потерявъ съ одной стороны, я выигралъ съ другой. Я поплылъ изъ Wädenswyl прямо въ Цирихъ: сильный вѣтеръ и дождикъ меня преслѣдовали, но я видѣлъ удивительную картину волнующагося озера; было что-то величественное, разительно напоминающее о Провидѣніи, въ этой легкой лодкѣ, которая, несмотря на брыжжущія кругомъ волны, все плыла своею дорогою, въ этихъ облакахъ, которыя сзади налетали съ дождемъ, но сквозь которыя изрѣдка проглядывало небо, и въ этомъ сильномъ вѣтрѣ, который своею

[1]) Знаменитый датскій скульпторъ (р. 1770 † 1844).
[2]) При защитѣ Тюильри.
[3]) Т. е. Wädensweil.

бурею только быстрѣе мчалъ къ пристани. И не вдали отъ этой пристани все утихло, и солнце удивительно украсило и берега, и горы, и воду, и близкій, какъ будто выходящій изъ озера, Цирихъ. Очутившись опять на томъ мѣстѣ, съ котораго за полтора мѣсяца началось мое путешествіе, столь богатое разнообразными ощущеніями, я подумалъ, что совсѣмъ не покидалъ его. Я видѣлъ прекрасный сонъ—но воспоминаніе бережетъ прошедшее. Въ Цирихѣ простился я съ Швейцаріею и поѣхалъ черезъ Эглизау въ Шафгаузенъ, чтобы взглянуть на Рейнскій водопадъ. Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія, то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. Спереди—онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреди котораго чернѣетъ нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды; сверху—видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою на пѣнномъ туманѣ. Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галлереи, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа; и это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ; мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, подымаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, расшибаются въ дребезги: это картина неописанная. На галлереѣ можно стоять безъ малѣйшей опасности, но волны такъ безпорядочны, что иногда совсѣмъ неожиданно бываешь облитъ съ головы до ногъ. Рейнской водопадъ достоинъ своей славы. Посреди самаго паденія торчитъ нѣсколько утесовъ: со временемъ они исчезнутъ; одинъ изъ нихъ такъ истертъ водами, что ему не прожить и полвѣка. На вершинѣ самаго высокаго стоитъ деревянная фигура; она была выкрашена, но краску смыло водою; осталась одна надпись: Deus mea spes! Богъ моя надежда! Мысль прекрасная! Въ маленькомъ замкѣ Wörth можно видѣть весь водопадъ въ камеробскурѣ: на бумагѣ представляется все паденіе, вода волнуется, солнце свѣтитъ и исчезаетъ, вѣтеръ разноситъ брызги, и слышный не вдали шумъ довершаетъ очарованіе.—Изъ Шафгаузена, черезъ Тютлингенъ [1]), Hehingen [2]) и Tübingen, поѣхалъ

[1]) Т. е. Tuttlingen, городъ въ Виртембергѣ.
[2]) Т. е. Hechingen.

я въ Штутгардъ. Сначала я хотѣлъ ѣхать черезъ Стразбургъ, Раштатъ и Баденъ, но краткость времени заставила меня перемѣнить этотъ планъ. Близъ Хехингена я свернулъ съ дороги и, отпустивъ свою коляску на почту, отправился къ развалинамъ замка Гогенцоллерна. Положеніе его чрезвычайно величественное: онъ стоитъ на высокой горѣ, отъ всѣхъ другихъ отдѣлившейся, и какъ будто царствуетъ надъ амфитеатромъ горъ, которыя позади его ограничиваютъ необъятную равнину. Страшный вѣтеръ бушевалъ, когда я взлѣзъ на крутизну горы, покрытой мелкими, безпрестанно осыпающимися камнями; деревянная рѣшетка на воротахъ замка поднята; всѣ стѣны болѣе или менѣе разрушены; но церковь уцѣлѣла, и въ одной огромной палатѣ хранится множество желѣзныхъ, покрытыхъ ржавчиною латъ; на дворѣ, заросшемъ высокою травою, стоитъ уединенно старая липа, можетъ быть, видавшая подъ тѣнью своею древнихъ обитателей замка. Было что-то уныло-величественное въ мертвой его пустотѣ, въ горномъ его одиночествѣ и въ свистѣ вѣтра, который, летая кругомъ, какъ будто изображалъ могущее время, разрушившее эти стѣны.—Въ Штутгардѣ я успѣлъ видѣть ту церковь, въ которой молилась наша Екатерина [1]): кресла ея стоятъ еще на своемъ мѣстѣ; я долго, съ грустнымъ чувствомъ, смотрѣлъ на тотъ образъ, которымъ въ послѣдній разъ благословилъ ее государь: на немъ изображенъ Александръ Невскій; видны Нева, Зимній дворецъ и надъ ними радуга, прекрасное, но минутное явленіе неба. Я видѣлъ и прелестныхъ ея дѣтей: когда я къ нимъ пришелъ, то онѣ играли вмѣстѣ на коврѣ. Старшая, принцесса Марія, долго дичилась и смотрѣла на меня вкось, прижавшись къ графинѣ Берольдингенъ, а младшая, принцесса Софія, скоро ко мнѣ подошла и разомъ нѣсколько вопросовъ: Was macht die Grossmutter Kaiserin, die Tante Kaiserin, der Onkel Kaiser, die Tante Nicolas? Это ободрило и другую. Ей сказали, что я былъ въ Швейцаріи, и она начала у меня разспрашивать: видѣлъ ли я медвѣдей и волковъ. И я ей разсказалъ, какъ я кормилъ въ Бернѣ пряниками медвѣдей и какъ видѣлъ чучелу огромнаго волка. Принцесса Софія никакъ не можетъ забыть того уса, который приклеилъ ей der Onkel Nicolas, и никакъ не соглашается его простить. Когда я сталъ имъ откланиваться, то обѣ въ одинъ голосъ твердили: Grüssen sie die Grossmutter Marie, die Tante Kaiserin, den Onkel Kaiser. Прелестныя дѣти! Полныя умнаго выраженія лица! Очень было мило ихъ видѣть играющихъ на коврѣ, въ бѣленькихъ платьецахъ, съ свѣтлыми клубящимися волосами; обѣ очень живы; на лицахъ написано здоровье! Я былъ у нихъ два раза; въ послѣдній разъ засталъ ихъ за важнымъ дѣломъ: обѣ сидѣли за маленьк-

[1]) Королева Виртембергская Екатерина Павловна (р. 1788 † 1819).

кимъ столикомъ, одна противъ другой, и передъ каждою стояла тарелка винограда. Когда надобно было прощаться и сказать мнѣ: grüssen Sie die Grossmutter Kaiserin, то графиня Берольдингенъ напомнила имъ, что это надобно говорить, стоя. Старшая, которой жаль было своего винограда, сначала заупрямилась и не хотѣла встать, но младшая тотчасъ встала; этотъ примѣръ подѣйствовалъ и на другую, и обѣ очень мило прошептали поклонъ свой государынѣ. Былъ разговоръ и объ усѣ, и великій князь наконецъ получилъ свое прощеніе. О картинахъ Буассере [1]), которыя видѣлъ я съ большимъ наслажденіемъ, и о работахъ Даннекера [2]), съ которымъ мы довольно подружились, представлю вашему высочеству свой отчетъ въ надлежащее время. Это письмо, какъ оно ни длинно, есть не иное что, какъ одинъ canevas; предвижу, что будетъ еще нѣсколько № Лалла Рукъ или Для немногихъ [3]).—Моя болѣзнь, которая, кажется, со мною разсталась, лишила меня окрестностей Штутгарда, я не видалъ ни Solitude, ни Канштата; не могъ осмотрѣть и благодѣтельныхъ заведеній покойной королевы: десять дней не выходилъ я изъ горницы! Нынче въ первый разъ позволилъ я себѣ сдѣлать большую прогулку: утро посвятилъ галлереѣ Буассере, которую осматривалъ вмѣстѣ съ Даннекеромъ, а послѣ обѣда путешествію на Rothenberg: это высокій холмъ, на которомъ находился прародительскій замокъ фамиліи Виртембергской; онъ разрушился, и мѣсто его развалинъ займетъ теперь зданіе, столь же разительно напоминающее о непрочности великаго и прекраснаго, церковь, въ которую будутъ перенесены остатки нашей Екатерины. Прекрасная ротонда съ четыремя порталами. Я видѣлъ мѣсто, на которомъ будетъ стоять гробъ. Какой прекрасный и трогательный памятникъ! Съ порога этой надгробной церкви восхитительный видъ на живую природу.

---

[1]) См. выше, стр. 337.

[2]) Извѣстный скульпторъ Іоганнъ-Генрихъ Даннеккеръ (Danneckеr р. 1758 † 1841).

[3]) „Для немногихъ“—сборникъ произведеній Жуковскаго, изданный имъ въ шести небольшихъ книжечкахъ, въ 1818 году, въ Москвѣ. Изданіе это предназначалось главнымъ образомъ для великой княгини Александры Ѳеодоровны и печаталось въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. „Лалла Рукъ“—рукописный журналъ Жуковскаго, тоже, по всему вѣроятію, предназначавшійся для великой княгини Александры Ѳеодоровны и относящійся ко времени его пребыванія въ Берлинѣ въ 1821 году. Въ собраніи автографовъ Императорской Публичной Библіотеки хранится № 2 этого журнала „Лалла Рукъ“ (въ 8-ю д. л., 27 листовъ); на заглавномъ листѣ стоитъ помѣта: „1821, апрѣль. Берлинъ (въ концѣ нумера находится помѣта: Берлинъ 3-го апрѣля 1821). Этотъ второй нумеръ „Лалла Рукъ“ заключаетъ въ себѣ набѣло переписанный переводъ Жуковскаго „Орлеанской Дѣвы“ (съ 3-го явленія IV-го дѣйствія до конца драмы).

19 октября.

Я покинулъ Штутгардъ и теперь въ Франкфуртѣ [1]). Это письмо ваше высочество получите не задолго до моего возвращенія. Я осмѣлюсь вполнѣ воспользоваться вашею милостію и употреблю дни четыре лишнихъ на то, чтобы взглянуть на Рейнъ, хотя не надѣюсь увидѣть его во всей красотѣ: время нахмурилось, и осенніе туманы одолѣли солнце. Потомъ прямо въ Берлинъ черезъ Веймаръ и Дессау. Въ Веймарѣ надобно будетъ пробыть дни два, въ Дессау день, въ Берлинѣ... сколько, не знаю, но какъ можно менѣе. Прошу напередъ у вашего высочества позволенія остановиться на нѣсколько дней въ Дерптѣ у моихъ родныхъ [2]), съ которыми давно не видался и надолго долженъ буду разстаться. Объ остальномъ моемъ путешествіи представлю вашему высочеству отчетъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ. Я имѣлъ счастіе слышать здѣсь отъ барона Анштета [3]), что путешествіе и воды сдѣлали большое добро здоровью вашего высочества. Итакъ gewissenhaft [4]) не пустое слово! Дай Богъ! Дай Богъ, чтобы вы имѣли все то счастіе, котораго достойны! Этимъ драгоцѣннымъ для меня желаніемъ заключаю длинною письмо мое.

Государю великому князю приношу глубочайшее мое почтеніе.

Съ чувствомъ привязанности, благодарности и неограниченнаго почтенія честь имѣю быть вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

5.

1 (13) ноября 1821, Берлинъ.

Я имѣлъ честь писать къ вашему императорскому высочеству изъ Штутгарда, гдѣ пробылъ двѣ недѣли больной; но письмо мое лежитъ во Франкфуртѣ на Майнѣ въ ожиданіи курьера. А я уже въ Берлинѣ, четвертый день [5]), но еще не видалъ никого, потому что путешествіе опять меня разстроило и болѣзнь принудила всѣ эти четыре дня про-

---

[1]) Во Франкфуртъ на Майнѣ Жуковскій пріѣхалъ ночью 6-го (18-го) октября.

[2]) Въ Дерптѣ жила сестра Жуковскаго Е. А. Протасова и ея дочь, Марья Андреевна Мойеръ. На возвратномъ пути въ Петербургъ Жуковскій провелъ тамъ семь дней, съ 29-го января по 4-е февраля 1822 года.

[3]) Нашего посланника во Франкфуртѣ на Майнѣ, барона Ивана Осиповича Анштета.

[4]) Т. е. добросовѣстно. Ср. „Русскую Старину“ 1901 г., октябрь, стр. 223.

[5]) Въ Берлинъ Жуковскій пріѣхалъ, какъ видно изъ его дневника, вечеромъ 7-го ноября н. ст.

сидѣть дома. Завтра надѣюсь выйти изъ своего заточенія, но считаю себя принужденнымъ пробыть не менѣе двухъ недѣль въ Берлинѣ [1]), чтобы совершенно оправиться, и напередъ прошу у вашего императорскаго высочества милостиваго на это позволенія. Остальная дорога до Россіи довольно затруднительна для больнаго, и какъ ни сильно мое нетерпѣніе опять быть при вашемъ высочествѣ и снова заняться своею драгоцѣнною должностію, но предвижу, что мое путешествіе можетъ продолжаться долѣе, нежели сколько бы я желалъ.

Во франкфуртскомъ моемъ письмѣ описано вкратцѣ мое путешествіе по Швейцаріи. На Рейнъ я только что взглянулъ; краткость времени не позволила мнѣ нигдѣ остановиться, и я все видѣлъ мелькомъ. Изъ Франкфурта поѣхалъ я черезъ Висбаденъ въ Рюдесгеймъ откуда пѣшкомъ черезъ Niederwald въ Асмансгаузенъ, потомъ водою до Кобленца, а изъ Кобленца берегомъ назадъ въ Бингенъ и потомъ мимо Rohus Kapelle [2]), черезъ Nieder-Ingelheim и Майнцъ, въ Франкфуртъ. Я видѣлъ прекрасно Niederwald и Rohus Capelle; но плаваніе по Рейну было не такъ удачно: пасмурная осенняя погода затуманила для меня красоту рейнскихъ береговъ. Но я не раскаиваюсь, что ихъ видѣлъ: они прекрасны и послѣ Швейцаріи. Изъ Франкфурта черезъ Веймаръ и Лейпцигъ поѣхалъ я въ Дрезденъ. Отъ спѣху не могъ пробыть въ Веймарѣ болѣе одного дня; тамъ имѣлъ счастіе представиться ея императорскому высочеству великой княгинѣ Маріи Павловнѣ [3]), которая приняла меня съ очаровательною милостію, и ея же милости обязанъ я свиданіемъ съ Гёте; онъ находился въ Іенѣ, и, чтобъ я имѣлъ время къ нему съѣздить, ея высочеству угодно было прислать мнѣ коляску, и я въ тотъ же день видѣлъ поэта [4]). Но свиданіе мое съ нимъ было похоже на плаваніе мое по Рейну; оно было туманное, хотя онъ принялъ меня съ ласкою.—Прошу у вашего императорскаго высочества прощенія, что я не заѣхалъ въ Дессау. Въ Дрезденѣ находился больнымъ одинъ изъ моихъ короткихъ друзей [5]), съ кото-

---

[1]) На самомъ дѣлѣ Жуковскій прожилъ въ Берлинѣ съ небольшимъ два мѣсяца; онъ покинулъ Берлинъ 12-го (24-го) января 1822 года, какъ видно изъ его дневника.

[2]) Т. е. Rochuscapelle.

[3]) Герцогинѣ Саксенъ-Веймарской.

[4]) Свиданіе Жуковскаго съ Гёте происходило 17-го (29-го) октября. См. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 167.

[5]) К. Н. Батюшковъ, уже тогда начинавшій страдать психическимъ разстройствомъ. Съ Батюшковымъ Жуковскій видѣлся 2-го и 4-го ноября н. с. 1821 г. (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 168). Въ послѣдній разъ они видѣлись въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ Батюшкова за границу въ концѣ ноября 1818 г. Послѣ свиданія Жуковскій увидѣлъ Батюшкова, уже совсѣмъ

рымъ я нѣсколько лѣтъ не видался и котораго, вѣроятно, нѣсколько лѣтъ не увижу: я не могъ отказаться отъ свиданія съ нимъ; а теперь доволенъ этимъ путешествіемъ въ Дрезденъ и по другимъ обстоятельствамъ, о которыхъ буду имѣть честь говорить лично съ вашимъ высочествомъ. Въ Дрезденѣ кончилось мое счастіе, дотолѣ невѣроятно постоянное; вплоть до Берлина преслѣдовала меня холодная, дождливая погода, и ей обязанъ я возобновленіемъ своей болѣзни. Завтра однако надѣюсь выти и имѣть счастіе представиться его величеству королю. О моихъ берлинскихъ приключеніяхъ буду имѣть честь представить словесный отчетъ вашему императорскому высочеству. Нетерпѣливо жду минуты, въ которую буду имѣть это счастіе.

Его императорскому высочеству государю великому князю приношу мое глубочайшее почтеніе.

Съ неограниченнымъ, глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

больного, въ 1823 г. въ Петербургѣ (см. біографію Батюшкова, написанную Л. Н. Майковымъ и помѣщенную въ началѣ I тома Сочиненій К. Н. Батюшкова, Спб. 1887, стр. 269 и 298—300).

Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

(По бумагамъ графа Франца-Габріэля де-Брэ).

(1808—1812 гг.).

Назначеніе де-Брэ посланникомъ въ Петербургъ.—Его положеніе въ Россіи.—Поѣздка въ Парижъ.—Приготовленіе Франціи къ войнѣ съ Россіею.—Переговоры де-Брэ съ герцогомъ Бассано.—Возвращеніе въ Парижъ Коленкура и его объясненіе съ Наполеономъ.—Возвращеніе де-Брэ въ Петербургъ.—Состояніе Россіи передъ войною 1812 года.—Отношенія Баваріи къ Россіи.

е-Брэ, назначенный посланникомъ въ Петербургъ въ 1808 г., вступилъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года въ исполненіе своихъ обязанностей и писалъ нѣсколько времени спустя своему другу, баварскому посланнику въ Дрезденѣ, барону Пфеффелю, что исполненіе этихъ обязанностей было для него, по многимъ причинамъ, легче, нежели другимъ. Онъ былъ еще со времени своей поѣздки въ 1799 и 1800 гг. хорошо знакомъ съ тою сферою, въ которой ему предстояло дѣйствовать; при томъ, какъ видно изъ оставленныхъ имъ многочисленныхъ записокъ, онъ прилежно изучалъ систему управленія и финансы русскаго государства, а съ русскимъ дворомъ былъ хорошо знакомъ по сообщеніямъ своего предшественника. Кромѣ того де-Брэ былъ рекомендованъ съ наилучшей стороны самому вліятельному изъ членовъ дипломатическаго корпуса, французскому посланнику Коленкуру, герцогу Виченскому, а чрезъ свою жену, рожденную фонъ-Левенштернъ, имѣлъ обширныя связи съ представителями весьма многочисленнаго въ Петербургѣ и въ то время весьма вліятельнаго балтійскаго дворянства.

Благодаря такому счастливому стеченію обстоятельствъ и своимъ личнымъ качествамъ, дипломатъ съумѣлъ поставить себя въ Петербургѣ такъ, что его домъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ аристократическихъ салоновъ, и онъ всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ своего пріѣзда успѣлъ снискать особое благоволеніе императора Александра I.

Высказывая въ своихъ письмахъ надежду на прочность русско-французской дружбы и распространяясь о преимуществахъ, какія принесло Россіи присоединеніе къ «французской системѣ», де-Брэ имѣлъ на это довольно вѣскія основанія. У императора Александра были развязаны руки относительно Турціи и Швеціи, онъ закончилъ завоеваніе Финляндіи и имѣлъ возможность поддержать такія хорошія отношенія ко двору позорно брошенной на произволъ судьбы Пруссіи, что посѣщеніе Петербурга Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и королевою Луизою носило вполнѣ «сердечный» характеръ и сопровождалось рядомъ блестящихъ празднествъ, въ которыхъ принималъ участіе и французскій посланникъ. Восхваляя преимущества французской «системы» и «великія» качества ея основателя, де-Брэ намекаетъ на то, что въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было жаждали мира, и что союзники Франціи имѣли право ожидать, что у нихъ установятся съ нею наконецъ о п р е д ѣ л е н н ы я отношенія.

Въ послѣдующіе годы де-Брэ высказывалъ въ своихъ письмахъ ту же увѣренность въ непоколебимости «французской системы» и франко-русской дружбы; но при этомъ онъ такъ часто и настойчиво возвращался къ этому предмету, говоря, что императоръ Александръ также дорожилъ дружбою съ Франціей и руководящіе круги петербургскаго общества раздѣляли чувства монарха, что невольно приходитъ на умъ, не старался ли онъ этимъ поддержать въ себѣ въ томъ увѣренность.

Но съ начала 1810 года у де-Брэ уже являются подозрѣнія къ «безпокойной дѣятельности великаго человѣка». Эти подозрѣнія еще болѣе увеличились лѣтомъ 1811 г. во время поѣздки де-Брэ въ Парижъ, вызванной кончиною его брата. Узнавъ объ его пріѣздѣ, Наполеонъ, слышавшій о де-Брэ, какъ о человѣкѣ, преданномъ Россіи и хорошо съ нею знакомомъ, поручилъ герцогу Бассано вывѣдать мнѣніе графа о положеніи дѣлъ. 5-го іюля 1811 г. де-Брэ изложилъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этой бесѣды, и свой взглядъ на событія, въ объемистой запискѣ, которая была препровождена имъ баварскому правительству.

«Въ то время какъ я пріѣхалъ въ Парижъ (11-го мая), всѣ говорили о предстоявшей войнѣ съ Россіей,—читаемъ въ этой запискѣ. Армія спѣшно вооружалась; императоръ производилъ смотръ войскамъ, коими должны были усилить армію маршала Сульта, и поляки, находившіеся

въ Парижѣ, въ числѣ которыхъ былъ и князь Понятовскій, не скрывали своихъ надеждъ, а между тѣмъ депеши герцога Виченскаго (Коленкура) были такого рода, что онѣ могли успокоить императора, и заступившій мѣсто герцога Кадора (Шампаньи) въ управленіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Бассано былъ одушевленъ самыми миролюбивыми намѣреніями и искренно желалъ не начинать своей министерской карьеры войною, которая могла окончиться дурно. Герцогъ Бассано былъ первый человѣкъ, съ коимъ я пространно говорилъ о Россіи. Однажды, пріѣхавъ изъ Сенъ-Клу, гдѣ онъ видѣлся съ монархомъ, онъ завелъ со мною по порученію Наполеона разговоръ, чтобы узнать мое мнѣніе. Я сказалъ ему, что я уѣхалъ изъ Петербурга нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и что въ такое время, когда событія слѣдуютъ столь быстро одно за другимъ, многое могло уже перемѣниться...

— Но должны же быть,—говорилъ Бассано,—извѣстные принципы, которые не могутъ измѣниться. Полагаете ли вы, что императоръ Александръ былъ нашимъ другомъ?

— Я не только не сомнѣваюсь въ томъ,—отвѣчалъ де-Брэ,—что онъ былъ таковымъ, я иду далѣе и полагаю, что онъ вамъ другъ и теперь и останется таковымъ до тѣхъ поръ, пока императоръ (Наполеонъ) этого пожелаетъ.

— Съ нѣкоторыхъ поръ онъ уже не даетъ намъ никакихъ доказательствъ своей дружбы. Почему онъ вооружается противъ насъ, почему прервалъ онъ войну противъ Турціи, чтобы двинуть четыре армейскихъ корпуса изъ Молдавіи къ границѣ Польши? Что означаетъ указъ, коимъ воспрещенъ ввозъ нашихъ товаровъ и учреждена русская блокада на континентѣ? [1]). Развѣ это есть доказательство дружескихъ отношеній? Вообще, какія услуги оказала намъ Россія? Во время войны съ Австріей, ея войска сдерживали поляковъ вмѣсто того, чтобы поддержать ихъ, и она держала себя такъ, что они (поляки) должны были остерегаться одинаково Австріи и Россіи. Я бы не удивился, если бы императоръ, по заключеніи мира въ Вѣнѣ, обратилъ свое оружіе противъ Россіи и отомстилъ бы этому коварному другу въ союзѣ съ Австріей. Наконецъ, что означаетъ циркуляръ, разосланный дружественнымъ Франціи державамъ (относительно оккупаціи французами Ольденбурга), который былъ принятъ императоромъ съ такимъ удивительнымъ хладнокровіемъ и по поводу котораго, говоря откровенно, я думалъ, что онъ сдѣлаетъ войну неизбѣжною.

— Я попытаюсь,—отвѣчалъ де-Брэ,—съ вашего позволенія, отвѣтить на эти вопросы. Вы удивляетесь, что Россія забила тревогу и выставила войска на границу; но вы забываете, что Франція отодвинула гра-

[1]) Говорится о новомъ тарифѣ 1810 года.

ницы своей имперіи до Балтійскаго моря и присвоила себѣ владѣнія Ольденбургскаго принца, неприкосновенность которыхъ была гарантирована Тильзитскимъ мирнымъ договоромъ. Такъ какъ вначалѣ была рѣчь только о военной о к к у п а ц і и Ольденбурга, то Россія не протестовала противъ этого и ручалась дядѣ императора въ томъ, что онъ не можетъ лишиться своихъ владѣній, что ему нечего опасаться. И вдругъ, въ тотъ самый моментъ, когда герцогъ Ольденбургскій получилъ сдѣланное самой Франціей по поводу этого сообщеніе, французскій генералъ овладѣлъ герцогствомъ и опечаталъ его кассу. Столь поспѣшный образъ дѣйствій въ связи съ такими важными мѣропріятіями долженъ былъ встревожить Россію. Планы императора Наполеона такъ обширны, что трудно предвидѣть, гдѣ имъ будетъ предѣлъ. Россія почувствовала, что ей угрожаетъ опасность, и боялась быть застигнутой врасплохъ. Она вооружилась, но въ то же время объяснила свой образъ дѣйствій и сама потребовала объясненій. Что касается вышеупомянутаго указа, то надобно принять въ соображеніе слѣдующее: вексельный курсъ на Россію былъ такъ плохъ, что она сочла нужнымъ уменьшить ввозъ для того, чтобы выполнить принятыя ею на себя обязательства и пополнить убытки, причиненные ей прекращеніемъ вывоза ея продуктовъ. Кромѣ того этотъ указъ былъ изданъ всего на шесть мѣсяцевъ, и надобно полагать, что срокъ его не будетъ продленъ. Совершенно вѣрно, что война (1809 г.) ведена была неудачно, но въ этомъ виновата армія, а не императоръ, который ни минуты не колебался относительно тѣхъ мѣръ, какія ему надлежало принять, чтобы доказать свое дружеское расположеніе къ Франціи. Я былъ свидѣтелемъ, съ какою радостью онъ выслушалъ извѣстіе о побѣдѣ императора Наполеона и съ какимъ достоинствомъ онъ отвергъ намеки нѣкоторыхъ близкихъ къ нему лицъ, не имѣющихъ впрочемъ никакого политическаго вліянія. Что касается наконецъ до циркуляра, то вашему превосходительству извѣстна его исторія... Что же изъ этого слѣдуетъ въ концѣ концовъ? Ничего такого, что могло бы быть непріятно для Франціи; вдобавокъ, циркуляръ обращенъ не къ врагамъ, а къ ближайшимъ друзьямъ императора Наполеона! Могъ ли императоръ Александръ допустить, чтобы въ Европѣ укоренилось мнѣніе, будто онъ одобряетъ фактъ нарушенія правъ близкаго родственника своего дома и готовъ снести это только потому, что здѣсь (т. е. со стороны Франціи) не приняли во вниманіе его заявленія? Достоинство Россіи требовало, чтобы въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ была сдѣлана по меньшей мѣрѣ демонстрація, въ отвѣтъ на то, что близкій родственникъ императора лишился своей собственности, обладаніе которой было гарантировано ему... Я твердо увѣренъ въ томъ, что императоръ Александръ далекъ отъ мысли желать войны съ императоромъ Наполеономъ. Не говоря уже о привязан-

ности, какую онъ питаетъ къ вашему монарху, онъ считаетъ его, совершенно основательно, самымъ опаснымъ изъ враговъ. Россія можетъ быть вынуждена воевать съ Франціей, но она никогда не рѣшится начать войну по своему собственному побужденію.

Герцогъ сказалъ на это, что я являюсь какъ бы порукою за добрыя намѣренія Россіи, что герцогъ Виченскій пишетъ въ томъ же смыслѣ, но сообщаетъ въ своихъ донесеніяхъ только то, что говоритъ ему императоръ Александръ, а этого, въ концѣ концовъ, недостаточно.

— Герцогъ правъ,—сказалъ я,—а неправы тѣ, кои передаютъ въ своихъ донесеніяхъ салонные толки. Что бы ни говорили о слабохарактерности императора Александра, я остаюсь при своемъ мнѣніи, что будетъ то, что онъ хочетъ, и что отъ императора Наполеона зависитъ, чтобы онъ остался при прежнихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ.

Герцогъ поблагодарилъ меня за то, что я высказалъ ему свое мнѣніе, и сказалъ, что онъ сообщитъ его императору, который (какъ онъ вполнѣ убѣжденъ) приметъ это во вниманіе.

Нѣсколько дней спустя Бассано возвратился къ тому же предмету и разсказалъ мнѣ, что генералъ Лористонъ, послѣ первой же аудіенціи у императора Александра, отправилъ сюда курьера, но его предупредилъ другой курьеръ, посланный герцогомъ Виченскимъ два дня раньше во избѣжаніе подозрѣнія въ томъ, что они сговорились. Оба донесенія написаны въ успокоительномъ тонѣ и видимо успокоили императора. Бассано присовокупилъ, что императоръ не хочетъ войны и что тѣ, кои приписываютъ ему обратное, жестоко ошибаются.

— Стоитъ только присмотрѣться внимательнѣе,—говорилъ онъ,—чтобы убѣдиться, что въ нашихъ поступкахъ ничто не указываетъ на подобное намѣреніе. Развѣ можно сказать, что мы хотимъ прекратить войну съ Испаніей? Напротивъ, мы послали туда еще 90.000 человѣкъ. Конечно, мы могли бы вести войну на два фронта, но что бы мы выиграли отъ этого? Быть можетъ независимость Польши? Но это не было бы выгодно для насъ, а какъ разъ обратно. Въ томъ видѣ, какъ дѣло обстоитъ въ настоящее время, герцогство Варшавское есть не что иное, какъ французская провинція, всѣ средства которой находятся въ нашемъ распоряженіи и которая существуетъ единственно благодаря Франціи и для Франціи. Если же мы возстановимъ Польшу, то намъ придется имѣть дѣло съ 16 милліонами людей, опьяненныхъ независимостью, и со страною, за которою намъ придется пристально слѣдить и которая, разумѣется, не пожелаетъ быть управляема такъ, какъ намъ заблагоразсудится. Развѣ мы стремимся къ завоеваніямъ на сѣверѣ? Спрашивается, какой они имѣли бы смыслъ и кому принесли бы пользу? Вообще, ясно, какъ день, что въ случаѣ войны нашимъ успѣхамъ могла бы помѣшать тысяча случайностей. Русскіе, въ концѣ концовъ, не да-

дутъ намъ одержать рѣшительной побѣды, которая была бы необходима для славы императора. Словомъ, какъ видите, мы не имѣемъ никакого повода желать войны,—но если, ее хотятъ, то, разумѣется, мы съумѣемъ вести ее.

Я возразилъ, что я далекъ отъ мысли, чтобы въ Россіи хотѣли войны и что князь Куракинъ и графъ Нессельроде высказали мнѣ причины, въ силу которыхъ ихъ монархъ рѣшительно желаетъ избѣжать ея, а графъ Нессельроде сказалъ мнѣ въ концѣ концовъ, что объясненіе, посланное императоромъ Александромъ въ Парижъ, написано въ самомъ успокоительномъ тонѣ и съ намѣреніемъ произвести хорошее впечатлѣніе.

— Говорятъ о вооруженіяхъ,—сказалъ мнѣ графъ,—но они будутъ прекращены, какъ только Франція докажетъ, что она не питаетъ противъ Россіи никакихъ враждебныхъ замысловъ. Тогда все пойдетъ по-старому, такъ какъ Россія со своей стороны рѣшила не нападать. Далѣе говорятъ о континентальной системѣ, но вѣдь русскія гавани должны быть закрыты для англичанъ. Подымать же шумъ изъ-за нѣсколькихъ нейтральныхъ судовъ и нѣсколькихъ выданныхъ пропусковъ было бы равносильно явному недоброжелательству и желанію придраться. Франція сама впускаетъ суда нейтральныхъ державъ, если ихъ бумаги въ порядкѣ, и сама выдаетъ имъ пропуски, если это согласно съ ея интересами! Вы знаете императора и знаете Россію, поэтому вамъ должно быть извѣстно, что у насъ никто не желаетъ войны съ Франціей. Единственно чего всѣ желаютъ—это достигнуть болѣе благопріятнаго для насъ положенія дѣлъ. Если Франція хочетъ упрочить свой союзъ съ нами, то она должна позаботиться о томъ, чтобы этотъ союзъ былъ сносенъ для насъ,—если она желаетъ поддержки съ нашей стороны, то она должна желать, чтобы у насъ были въ рукахъ средства, при помощи которыхъ мы могли бы дѣйствовать. Говорите въ этомъ смыслѣ; если вы будете содѣйствовать поддержанію мира, то вы окажете этимъ услугу Россіи.

Герцогъ Бассано выслушалъ все сказанное мною объ образѣ мыслей Нессельроде съ видимымъ удовольствіемъ. Нѣсколько дней спустя мы бесѣдовали съ нимъ самымъ сердечнымъ образомъ объ извѣстіяхъ, сообщенныхъ графомъ Лористономъ, и онъ пригласилъ меня и Чернышева совершить вмѣстѣ съ нимъ поѣздку за городъ, въ которой принималъ участіе только самый близкій кружокъ его знакомыхъ.

5-го іюня пріѣхалъ въ Парижъ Коленкуръ; во время аудіенціи у императора, продолжавшейся пять часовъ, онъ высказалъ ему со свойственной ему смѣлостью и откровенностью свой взглядъ о положеніи дѣлъ. Я убѣдился въ томъ, что весьма распространенное тогда мнѣніе, будто отозваніе Коленкура изъ Петербурга было признакомъ охлажде-

нія, происшедшаго въ взаимныхъ отношеніяхъ Франціи къ Россіи, было ошибочно. Герцогъ Бассано просилъ самымъ настоятельнымъ образомъ отозвать его, вслѣдствіе несогласій, возникшихъ между нимъ и бывшимъ министромъ Шампаньи. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ охотно остался бы на своемъ посту, если бы онъ зналъ, что министромъ будетъ назначенъ Бассано. Коленкуръ перечислилъ императору всѣ обвиненія, какія поляки предъявляли противъ Россіи и ея яко бы угрожающаго образа дѣйствій.

— Позовите Понятовскаго,—сказалъ онъ,—я укажу на картѣ занятыя русскими позиціи и подпишусь подъ этимъ—пусть онъ попробуетъ опровергнуть мои слова, если онъ найдетъ это возможнымъ. Я не имѣю никакого желанія потерять голову, должность и довѣріе вашего величества, но я ручаюсь головою за то, что Россія не намѣревается воевать съ нами и что императоръ Александръ, который по-прежнему питаетъ къ вамъ дружескія чувства, будетъ снова всецѣло преданъ вамъ, если ваше величество это пожелаете. Если ваше величество думаете, что я ошибаюсь, то пригласите сюда де-Брэ, который находится въ настоящее время въ Парижѣ и который подтвердитъ, я увѣренъ, то, что я сказалъ.

Затѣмъ Коленкуръ сказалъ императору, что русскіе готовы на всякія уступки, но что они будутъ сражаться, если имъ не будетъ инаго исхода, и что пораженіе, нанесенное имъ въ случаѣ войны, никоимъ образомъ не поведетъ къ заключенію мира, такъ какъ русскіе отлично понимаютъ, что миръ, заключенный послѣ пораженія, не принесетъ имъ ничего добраго. Они возлагаютъ надежду на необъятное протяженіе своей страны, которое дастъ имъ возможность отступать и защищаться долгое время въ предѣлахъ государства.

Выслушавъ все это, Наполеонъ отказался отъ мысли объявить войну Россіи и одиннадцать дней спустя въ законодательномъ корпусѣ произнесъ рѣчь. Эта рѣчь поразила поляковъ—ихъ надежды послѣ этого омрачились, и пріемъ, который намѣрено имъ сдѣлать министерство, становится со дня на день менѣе благопріятнымъ. Эти господа попытались отомстить за себя и распространили о герцогѣ де-Бассано тысячу неблагопріятныхъ слуховъ. Саксонскій посланникъ, съ которымъ я нахожусь въ дружескихъ отношеніяхъ, передавалъ мнѣ, что поляки внушили герцогу свои взгляды и увѣрили его въ томъ, что война есть дѣло рѣшенное.

Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ графъ Нессельроде, рѣчь, произнесенная императоромъ, походила на рѣчь человѣка смущеннаго, но не желающаго воевать.

Когда я простился съ герцогомъ Бассано, то онъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Вамъ нѣтъ надобности давать указаній относительно того, какъ вамъ слѣдуетъ держать себя въ смыслѣ политическомъ; поступайте такъ, какъ вы поступали до сихъ поръ! Я боюсь одного—чтобы дѣла не были оставлены (съ русской стороны) въ неопредѣленномъ положеніи, тогда какъ ихъ слѣдовало бы довести до конца и дать посланнику надлежащія полномочія для рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Насъ будутъ дразнить до тѣхъ поръ, пока насъ окончательно не разсердятъ. Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ князь Куракинъ не получаетъ ни извѣстій, ни инструкцій, ни полномочій».

Въ вышеприведенной запискѣ де-Брэ любопытнѣе всего, разумѣется, указаніе на то, что герцогъ Бассано, Коленкуръ и прочіе совѣтники Наполеона такъ же горячо желали мира, какъ и русскіе, и что это настроеніе французскихъ государственныхъ людей было столь ясно выражено, что такой осторожный и сдержанный человѣкъ, какъ де-Брэ, рѣшился взять на себя роль защитника русской политики. Между строками его записки проглядываетъ какъ нельзя болѣе ясно, что по убѣжденію де-Брэ право и благоразуміе были на сторонѣ Россіи и что образъ дѣйствій Наполеона подавалъ поводъ къ вполнѣ основательнымъ жалобамъ. Онъ высказалъ это откровенно потому, что, не смотря на свое пристрастіе къ «французской системѣ», онъ обладалъ здравымъ и трезвымъ взглядомъ на вещи и имѣлъ полное право сказать это, ибо онъ видѣлъ, что совѣтники Наполеона, въ особенности Коленкуръ, раздѣляли его мнѣніе. При этомъ онъ придавалъ огромное значеніе тому невыносимому экономическому и финансовому положенію, въ какое была поставлена Россія континентальной системой, закрывшей англійскіе рынки для вывоза ея сырыхъ произведеній.

По возвращеніи въ Петербургъ, де-Брэ написалъ 3-го (15-го) августа 1811 г. новую записку, въ которой онъ подробно разсматриваетъ указъ 7-го (19-го) декабря 1810 г. и тѣ обстоятельства, коими онъ былъ вызванъ. Хотя баварскій посланникъ былъ ревностнымъ сторонникомъ франко-русскаго союза и дѣятельно заботился объ его поддержаніи, тѣмъ не менѣе онъ находилъ, что строгое, безъ всякихъ послабленій, соблюденіе континентальной системы было бы для Россіи равносильно «à une proscription absolue et arbitraire de tout espèce de commerce» [1]).

Онъ говорилъ подробно о вздорожаніи всѣхъ, самыхъ необходимыхъ иностранныхъ произведеній, что при отсутствіи таковыхъ же предметовъ русскаго производства поставило торговлю въ самое отчаянное, безвыходное положеніе, и что «вслѣдствіе паденія русскихъ бумагъ и большихъ потерь, понесенныхъ русскимъ купечествомъ въ 1810 и 1811 гг., дѣло дошло до того, что иностранные банкиры не принимали къ уплатѣ векселей первыхъ торговыхъ домовъ Петербурга и Риги.

[1]) Совершенному и самовластному уничтоженію всякой торговли.

Одинъ только торговый домъ во всемъ Петербургѣ, фирма Ливіо, съумѣлъ поддержать свой кредитъ за границею.... Первые торговые дома Риги были вынуждены пріостановить платежи, между тѣмъ какъ петербургскія фирмы держались только благодаря поддержкѣ правительства. Дѣла были въ такомъ застоѣ, что платежи по векселямъ, даже по денежнымъ ссудамъ, производились не иначе, какъ съ потерею 28 процентовъ».

Зимою 1811—1812 года де-Брэ еще надѣялся что дѣло не дойдетъ до крайности и что Россія и Франція придутъ къ соглашенію. Въ письмѣ отъ 6-го марта 1812 г. онъ говоритъ о томъ, какъ о дѣлѣ возможномъ.

Любопытно, что при отозваніи де-Брэ изъ Петербурга баварское правительство сдѣлало заявленіе въ высшей степени необычайное въ моментъ объявленія войны.

Въ запискѣ къ исторіи баварской политики, составленной де-Брэ, онъ пишетъ, что «изъ числа всѣхъ, дружественныхъ Франціи державъ, одна Баварія имѣла мужество громко (hautement) выразить петербургскому кабинету свое глубокое прискорбіе по поводу того, что ея король принужденъ былъ сражаться съ монархомъ, котораго онъ любилъ и съ которымъ его связывали многочисленныя узы».

Баварскому посланнику было приказано, вручая императору Александру свои отзывныя грамоты, выразить ему самыя искреннія чувства его монарха. Такимъ образомъ баварское посольство разсталось съ Петербургомъ самымъ дружественнымъ образомъ. Баварія дала этимъ понять, что она только подчиняется обязательствамъ, отъ которыхъ она въ данную минуту не могла отдѣлаться, но что при первой же возможности она попытается расторгнуть ненавистный и тягостный для нея союзъ.

Какъ извѣстно, баварскій дворъ не скрывалъ своего несочувствія намѣреніямъ Наполеона, въ успѣхѣ которыхъ онъ сильно сомнѣвался; императоръ Александръ со своей стороны отнесся къ де-Брэ, при его отъѣздѣ изъ Петербурга, съ особымъ благоволеніемъ.

Уѣхавъ изъ Петербурга, графъ де-Брэ провелъ 1812 г. въ Баваріи не у дѣлъ, отдыхая въ своемъ имѣніи; лѣтомъ же 1814 г. онъ переѣхалъ въ лифляндское помѣстье семейства Левенштернъ, гдѣ прожилъ до конца 1815 г., ожидая съ часа на часъ своего возвращенія въ Петербургъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1815 г. де-Брэ былъ вновь аккредитованъ при петербургскомъ дворѣ. Его третье пребываніе въ русской столицѣ продолжалось семь лѣтъ. Въ достопамятный веронскимъ конгрессомъ 1822 годъ де-Брэ былъ перемѣщенъ въ Парижъ и этотъ разъ навсегда разстался съ Россіей.

Чиновники-актеры.

Предложеніе управлявшаго министерствомъ юстиціи Правительствующему Сенату.

20-го марта 1831 г. № 2658.

Г. Министръ Императорскаго двора сообщилъ мнѣ, что 11-го октября 1827 года послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы чиновниковъ, желающихъ поступить въ актеры, не иначе опредѣлять, какъ съ лишеніемъ чиновъ. Нынѣ государь императоръ, въ слѣдствіе представленія директора Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, высочайше повелѣть соизволилъ: тѣмъ актерамъ, кои поступили и впредь поступать будутъ къ Императорскимъ театрамъ изъ чиновниковъ, съ лишеніемъ чиновъ, на основаніи означеннаго высочайшаго повелѣнія, по увольненіи ихъ вовсе изъ актерскаго званія, возвращать прежніе чины, но безъ всякаго старшинства за службу ихъ актерами.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя, что объ ономъ,—какъ видно изъ отношенія г. генералъ-адъютанта князя Волконскаго, объявлено директорамъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ театровъ.

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Изъ дневника французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II.

I.

Въ августѣ 1775 года въ Москву прибылъ только-что назначенный королемъ Людовикомъ XVI ко двору императрицы Екатерины II представитель Франціи, маркизъ Жюинье. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и новый секретарь посольства, молодой шевалье Корберонъ.

Извѣстно, что при Людовикѣ XV, особенно же въ то время, когда во главѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ находился Шуазёль, отношенія между Франціею и Екатериной II были очень натянуты. Когда въ Петербургѣ подготовлялся переворотъ 1762 года, завершившійся вступленіемъ этой императрицы на престолъ, французскій представитель баронъ Бретёйль не сумѣлъ предугадать событія; онъ довольно неделикатно отклонилъ просьбу тогдашней великой княгини о ссудѣ денегъ, въ которыхъ она нуждалась для осуществленія своихъ замысловъ, и поселилъ въ ней враждебность сперва лично къ нему самому, а потомъ и къ Франціи. Къ тому же, и французская политика въ Петербургѣ направлена была въ то время къ тому, чтобы устранить Россію отъ всякаго участія въ европейскихъ дѣлахъ, что̀ не могло не быть понято петербургскимъ кабинетомъ. Соотвѣтственно такой цѣли, инструкціи представителей французскаго короля сводились въ ту пору къ тому, чтобы точнѣйшимъ образомъ ознакомиться съ внутреннимъ состояніемъ Россіи, втайнѣ способствовать усиленію въ ней соперничества партій въ видахъ ослабленія власти императрицы, оградить отъ ея честолюбивыхъ замысловъ дружественныя Франціи Польшу, Швецію и Турцію и до-

могаться упроченія лишь торговыхъ сношеній между Франціей и Россіей. Екатерина II, съ своей стороны, конечно, тоже дѣйствовала во всемъ противно французскимъ интересамъ и, притомъ, съ полнымъ успѣхомъ. Отношенія между обѣими державами были настолько нехороши, что передъ восшествіемъ на престолъ Людовика XVI Франція держала въ Петербургѣ не посланниковъ, а лишь повѣренныхъ въ дѣлахъ.

Съ воцареніемъ Людовика XVI, назначившаго министромъ иностранныхъ дѣлъ Вержэна, французской политикѣ по отношенію къ Россіи рѣшено было дать совсѣмъ другое направленіе: принявъ совершившіеся факты, Франція вознамѣрилась исправить надѣланныя ея дипломатіей ошибки, примириться съ Россіей и установить съ нею добрыя отношенія. Отправленный въ Петербургъ, въ качествѣ посланника, Дюранъ началъ дѣйствовать осмотрительнѣе и умнѣе своихъ предшественниковъ, но все еще казался французскому правительству недостаточно отвѣчающимъ новой политической задачѣ, тѣмъ болѣе, что ему не удалось вызвать довѣріе къ себѣ со стороны Екатерины II. Поэтому его замѣнили маркизомъ Жюинье.

Миссіею этого новаго представителя Людовика XVI было уяснить русской императрицѣ, что до сихъ поръ она своею политикой только способствовала увеличенію могущества Пруссіи, особенно допущеніемъ ея къ раздѣлу Польши, и что слѣдовательно для нея будетъ выгодно сблизиться съ версальскимъ и вѣнскимъ дворами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, маркизу Жюинье было внушено, чтобы онъ постарался снискать расположеніе Потемкина, охладить пристрастіе графа Панина къ союзу съ Пруссіей и оказать Австріи содѣйствіе въ ея борьбѣ въ Петербургѣ противъ вліянія Фридриха II.

Обо всѣхъ этихъ общеизвѣстныхъ фактахъ мы напоминаемъ здѣсь вкратцѣ лишь для того, чтобы указать на серьезность задачи, возложенной французскимъ дворомъ на Жюинье, которому и удалось въ значительной степени выполнить ее. Но черезъ два года Жюинье, по разстроенному здоровью, вынужденъ былъ покинуть Петербургъ; уѣзжая, онъ передалъ продолженіе своей дѣятельности въ указанномъ направленіи своему секретарю Корберону, котораго оставилъ въ 1777 г. при петербургскомъ дворѣ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи.

Молодой шевалье (впослѣдствіи баронъ) Корберонъ былъ довольно типическимъ представителемъ французской молодежи высшаго круга тогдашняго времени; по крайней мѣрѣ такимъ онъ сказывается въ своемъ дневникѣ [1]), выдержки изъ котораго приведены нами ниже.

[1]) „Un diplomate français à la cour de Catherine II.— Journal intime du chevalier de Corberon". Publié par L. H. Labande. Paris. 1901.

Бойкій свѣтскій собесѣдникъ, повѣса съ весьма легкимъ взглядомъ на женщинъ, ловкій танцоръ, отчасти поклонникъ энциклопедистовъ, склонный поэтому и себя причислять къ философамъ, франмасонъ, но и разсчетливый карьеристъ, ради служебной карьеры отказавшійся отъ брака съ любимою дѣвушкой—таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, этотъ молодой дипломатъ, успѣвшій въ короткое время пріобрѣсть множество знакомствъ въ петербургскомъ высшемъ обществѣ. Всѣ наблюденія свои онъ изо-дня-въ-день заносилъ въ дневникъ, аккуратно веденный имъ въ теченіе всего пятилѣтняго пребыванія (съ 1775 до 1780 г.) при русскомъ дворѣ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Корберонъ всего меньше говоритъ въ своихъ запискахъ о дѣловой сторонѣ своей дѣятельности: дневникъ переполненъ преимущественно записями о личныхъ впечатлѣніяхъ автора, о видѣнномъ и слышанномъ въ придворномъ кругу, и потому любопытенъ, скорѣе, лишь съ анекдотической стороны. Тѣмъ не менѣе, въ пестрыхъ отрывочныхъ запискахъ Корберона попадаются мѣстами черты, до нѣкоторой степени обрисовывающія тѣхъ или другихъ лицъ и придворные нравы екатерининской эпохи.

II.

Въ ту пору среди иностранныхъ дипломатовъ существовало мнѣніе, быть можетъ нелишенное нѣкотораго основанія, что вести съ успѣхомъ дипломатическіе переговоры въ Петербургѣ чрезвычайно трудно. Причиною тому были отчасти невполнѣ еще установившееся во внутреннихъ дѣлахъ Россіи равновѣсіе, отчасти барская лѣность вельможъ, завѣдывавшихъ государственными дѣлами, особенно Панина и Потемкина. Правильному ходу переговоровъ препятствовали также стремленіе сановниковъ постоянно приноравливаться къ измѣнчивому настроенію императрицы, интриги между государственными людьми, взаимные происки между лицами, домогавшимися положенія «случайныхъ людей», тѣми, которые утратили это положеніе, и тѣми, которые занимали его въ данное время. Британскій посолъ Гаррисъ писалъ въ маѣ 1778 года: «Надо обладать сверхчеловѣческимъ терпѣніемъ, чтобы вести дѣла съ людьми, на столько лѣнивыми и неспособными ни выслушать вопроса, ни дать разсудительный отвѣтъ. Вы едва-ли повѣрите, что графъ Панинъ посвящаетъ дѣловымъ занятіямъ всего по получасу въ день». Въ томъ же году и Корберонъ, успѣвшій уже къ тому времени достаточно ознакомиться съ петербургскими порядками, писалъ почти то же своему правительству въ депешѣ

отъ 9-го апрѣля. «Графъ Панинъ—отзывался онъ—слабъ, какъ и всѣ лица этого двора, держащіяся милостью; довѣріе, которымъ онъ пользуется, бываетъ иногда безполезно. По натурѣ онъ чувственень, а изъ системы и по привычкѣ лѣнивецъ. Слово «нѣтъ» ему неизвѣстно, но обѣщанія свои онъ исполняетъ рѣдко, и если съ его стороны, повидимому, лишь изрѣдка встрѣчаешь въ чемъ-нибудь отпоръ, зато и подаваемыя имъ надежды почти никогда не сбываются. Къ числу чертъ его характера принадлежитъ и хитрость—та хитрость, которая состоитъ въ томъ, что онъ окружаетъ васъ внимательностью и тысячами любезностей, заставляющими человѣка, бесѣдующаго съ нимъ о дѣлахъ, забывать, что онъ говоритъ съ главнымъ министромъ императрицы; а этимъ онъ отвлекаетъ собесѣдника отъ предмета его миссіи и сбиваетъ его съ серьезнаго тона, котораго слѣдовало бы ему держаться среди увлекательной и опасной бесѣды». Далѣе Корберонъ прибавляетъ: «Скажутъ: какъ же управляется это государство? Какъ можетъ оно держаться? Я почти готовъ отвѣтить, что оно управляется случаемъ и держится естественнымъ равновѣсіемъ, подобно тѣмъ огромнымъ массамъ, которымъ сама ихъ тяжесть даетъ устойчивость».

Если прибавить, что впослѣдствіи (въ 1779 г.) Корберону стало извѣстно о подкупахъ, на которые не жалѣлъ денегъ британскій посолъ Гаррисъ, располагавшій для этого отъ сентъ-джемскаго кабинета кредитомъ въ 36,000 ф. стерл., то не трудно будетъ угадать, какое мнѣніе могъ составить себѣ французскій дипломатъ о русскихъ сановникахъ. Тѣмъ не менѣе, собственно общество высшаго петербургскаго круга оставило въ немъ вообще очень пріятное впечатлѣніе, хотя онъ и называлъ нашихъ аристократовъ «людьми, которые носятъ прекрасные рукавчики, а ходятъ безъ бѣлья».

Въ сущности, вращаясь среди русской аристократіи того времени, Корберонъ долженъ былъ чувствовать себя почти такъ же, какъ въ Парижѣ или Версалѣ. И тамъ, и въ Петербургѣ онъ слышалъ ту же французскую рѣчь, находилъ почти однѣ и тѣ же моды и общественныя привычки; смотрѣлъ тѣ же театральныя пьесы; даже книги читались въ Петербургѣ такія же, какъ въ Парижѣ. Этимъ объясняется та легкость, съ которою онъ освоился съ петербургскимъ обществомъ и преимущественно съ дамами, въ кругу которыхъ онъ, повидимому, пріобрѣлъ общее расположеніе.

Въ Москву Корберонъ прибылъ въ первой половинѣ августа 1775 г. Въ ожиданіи, пока маркизъ Жюинье будетъ представленъ императрицѣ (что состоялось черезъ двѣ недѣли по его пріѣздѣ), посольскій секретарь осматривалъ Москву и приглядывался къ новой для него обстановкѣ. Прежде всего онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что въ Москвѣ очень мало общественныхъ развлеченій, и, между прочимъ, описываетъ

какой-то большой увеселительный садъ, который называетъ «вокзаломъ». По его словамъ, садъ этотъ принадлежалъ нѣкоему вельможѣ, сдавшему его въ аренду предпринимателю. Вечеромъ садъ освѣщался фонариками и шкаликами; въ находившемся при немъ большомъ домѣ происходили танцы; за входъ взималось по рублю. Весьма понравился Корберону Воспитательный домъ (основанный Бецкимъ въ 1763 г.), о которомъ онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Господствующій здѣсь порядокъ, вѣжливость дѣтей и проч. доставили мнѣ большое удовольствіе. Думаю осмотрѣть потомъ этотъ домъ во всѣхъ подробностяхъ».

Впослѣдствіи онъ снова посѣтилъ это учрежденіе, причемъ былъ нѣсколько озадаченъ балетомъ, который исполненъ былъ призрѣваемыми дѣтьми обоего пола. «Балетъ—записалъ Корберонъ—исполненъ былъ какъ нельзя лучше; но, быть можетъ, спросятъ, съ какою цѣлью обучаютъ бѣдныхъ сиротъ танцамъ? Этотъ вопросъ задалъ себѣ и я, но отвѣта на него не нашелъ».

Собственно въ придворную сферу Корберонъ вступилъ съ того дня, когда вице-канцлеръ графъ Остерманъ (Ив. Андр.) представилъ маркиза Жюинье и его самого императрицѣ. «Государыня эта—записалъ тогда же секретарь французскаго посольства—имѣетъ въ высшей степени величественный видъ и въ выраженіи ея лица благородство слито съ любезностью». Таково было его первое впечатлѣніе; позднѣе, ближе присмотрѣвшись къ императрицѣ, Корберонъ составилъ себѣ о ней слѣдующее сужденіе, выраженное имъ въ одной изъ депешъ къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Вержэну: «Мнѣ кажется, Екатерина II—быть можетъ, скорѣе умная женщина, чѣмъ великая государыня—уловила характеръ народа, которымъ она правитъ. Эта изумительная государыня, законодательница и воительница, однако всегда остающаяся женщиной, представляетъ собою неслыханное и непослѣдовательное сочетаніе мужества и слабости, познаній и неспособности, твердости и нерѣшимости».

Вслѣдъ за представленіемъ императрицѣ, начались знакомства Корберона съ русскою знатью. Маркизъ Жюинье познакомилъ его, прежде всего, съ дамами: престарѣлою графиней Румянцевой (матерью фельдмаршала), графинями Чернышевыми и со всѣми фрейлинами (которыхъ — сказать кстати—французскій дипломатъ именуетъ въ своемъ дневникѣ, по звукоподражанію, «les frêles»). Затѣмъ послѣдовало представленіе великому князю Павлу Петровичу и его супругѣ. «Великій князь—отмѣтилъ у себя Корберонъ — малъ ростомъ, худощавъ и лицомъ довольно красивъ. Держится онъ по-дѣтски и имѣетъ пока видъ молодого человѣка, очень желающаго держать себя соотвѣтственно наставленіямъ своего танцовальнаго учителя». Великаго князя Корберонъ увидѣлъ впервые на придворномъ балу, который имъ же былъ и открытъ.

Корберонъ, принявшій участіе въ танцахъ, не упустилъ записать объ этомъ такъ: «Я танцовалъ съ прехорошенькими фрейлинами Бибиковой и Бутурлиной. Всѣхъ фрейлинъ двѣнадцать или пятнадцать; онѣ живутъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, гдѣ посѣщать ихъ нельзя съ тѣхъ поръ, какъ у одной изъ нихъ родился ребенокъ отъ одного изъ англійскихъ посланниковъ. Жалованья имъ полагается по двѣ тысячи рублей, а при выходѣ замужъ императрица жалуетъ каждой 20 тысячъ въ приданое».

Такого рода записи, основанныя на свѣдѣніяхъ, неизвѣстно откуда почерпнутыхъ, встрѣчаются въ дневникѣ секретаря посольства довольно часто и, до извѣстной степени, свидѣтельствуютъ о злоязычіи, господствовавшемъ въ окружавшемъ его обществѣ. Вообще въ своемъ дневникѣ Корберонъ отводитъ много мѣста всякимъ пересудамъ и слухамъ, ходившимъ въ его время въ придворныхъ кружкахъ, а мимоходомъ дѣлаетъ отмѣтки и объ отдѣльныхъ лицахъ, съ которыми ему доводилось входить въ сношенія. Отмѣтки эти почти всегда кратки, но иногда въ двухъ-трехъ словахъ довольно ярко передаютъ впечатлѣніе, произведенное на французскаго дипломата тѣмъ или другимъ лицомъ. Такъ, напримѣръ, говоря о сенаторѣ графѣ Анд. Петр. Шуваловѣ, онъ пишетъ: «Это довольно странный человѣкъ: характеръ его настолько своеобразенъ, что дружественныя отношенія съ нимъ представляются очень непрочными. Сегодня вы ему другъ, а завтра дѣлаетесь чужимъ». Въ этихъ словахъ удачно схвачена общая многимъ русскимъ барамъ добраго стараго времени черта: быстрая смѣна отношеній къ лицамъ, въ которыхъ не предстояло личной надобности. Двумя словами очерчиваетъ онъ и графа Ив. Григ. Чернышева въ одной изъ своихъ записей: «Сегодня я обѣдалъ у графа Ивана Чернышева и едва не погибъ отъ отчаянія. Жена его глупа, онъ же не глупъ, но хуже того: это царедворецъ въ полномъ смыслѣ слова, и въ домѣ у него господствуетъ величайшая натянутость». Во всякомъ случаѣ, характеристикамъ, которыя Корберонъ дѣлаетъ разнымъ лицамъ, свойственны рѣшительность и опредѣленность, а иногда и вѣрность. Такъ, о любимцѣ Екатерины II, Григ. Григ. Орловѣ, онъ записалъ: «Изъ друзей императрицы, быть можетъ, одинъ только Орловъ имѣлъ силу давать ей смѣлые и достойные уваженія совѣты; но, будучи увлеченъ свойственнымъ рабству эгоизмомъ, онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ жить только для себя. Притомъ, не имѣя никакихъ познаній по части управленія, онъ остался въ свойственномъ его родинѣ состояніи невѣжества и сталъ совершенно безполезнымъ для государства». Въ такой оцѣнкѣ Корберонъ сходится съ отзывомъ объ Орловѣ французскаго посланника Дюрана, высказавшагося, впрочемъ, съ большею рѣзкостью: «Природа сдѣлала его не болѣе, какъ русскимъ мужикомъ; такимъ онъ и останется до конца. Онъ развлекается всякимъ вздоромъ; душа у него такова же, каковы и его вкусы.

Любви онъ отдается такъ же, какъ ѣдѣ, и одинаково удовлетворяется какъ калмычкою или финкою, такъ и самою хорошенькою придворною дамой. Это прямо бурлакъ». Въ сочувственномъ тонѣ очерчиваетъ Корберонъ князя Ивана Трубецкаго (незаконнымъ сыномъ котораго — отъ графини Вреде — считаютъ Ив. Ив. Бецкаго); о немъ онъ говоритъ: «Это простакъ; онъ ни гордецъ, ни царедворецъ, ни кабинетный, ни свѣтскій человѣкъ; живетъ ради того, чтобы жить, и больше ничего. Внѣшность его достаточно показываетъ, каковъ онъ есть: онъ толстъ, съ большимъ животомъ и заурядною физіономіей, одѣвается просто, а волосы заплетаетъ въ небольшую косичку, болтающуюся на его широкой спинѣ. Сзади его можно принять за нормандскаго мелкаго помѣщика, но когда онъ обернется, то по андреевской лентѣ видишь, что это русскій вельможа. Можно бы пожелать, чтобы всѣ походили на него, потому что онъ чистосердеченъ, честенъ и милъ въ обращеніи».

Записывая впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ знакомства съ столичною жизнью, Корберонъ обратилъ вниманіе на различіе, замѣченное имъ между московскими и петербургскими нравами. «Въ Москвѣ—пишетъ онъ—гораздо явственнѣе виденъ національный характеръ; въ Петербургѣ же жители, перемѣшанные со множествомъ иностранцевъ, меньше заботятся о томъ, чтобы быть самими собою; я нахожу, что здѣсь они болѣе легковѣсны, потому что развлечены новыми для нихъ предметами. Въ сущности, въ нихъ всегда встрѣчается то же лукавство, тотъ же личный интересъ и та ловкость рабства, которая старается выпутываться изъ бѣды скорѣе путемъ инстинкта, чѣмъ разсудка». Поразила Корберона также и та огромная разница, которая существовала между русскимъ образованнымъ классомъ и простонародьемъ. Послѣ одной изъ своихъ прогулокъ въ Екатерингофѣ, гдѣ въ то время часто устраивались гулянья, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Публики было много; была масса экипажей и толпы народа. Эти рабы, эти мужики, которые представляютъ здѣсь собою то, что въ другихъ странахъ называется народомъ, составляютъ поразительный контрастъ съ воспитанною частью общества. Съ одной стороны, видишь почти такую же роскошь, какъ въ Парижѣ, ту же свободную манеру держать себя у живущихъ въ этой столицѣ людей и ихъ богатство; съ другой — толпы грубыхъ крестьянъ пляшутъ и распѣваютъ тѣ же пѣсни, какія поются извощиками на большихъ дорогахъ этого царства. Это сопоставленіе цивилизаціи и варварства всегда поражаетъ иностранца: такъ и кажется, будто тутъ сошлись двѣ различныя націи на одной и той же почвѣ; зритель чувствуетъ себя присутствующимъ одновременно и въ XIV, и въ XVIII вѣкахъ».

III.

Дневникъ Корберона изобилуетъ описаніями различныхъ празднествъ, баловъ, спектаклей и маскарадовъ при дворѣ и въ петербургскихъ аристократическихъ домахъ. Перечень всѣхъ этихъ увеселеній такъ длиненъ, что по немъ можно судить о томъ, какъ шумно жила въ то время столичная знать. Французскій дипломатъ зорко слѣдилъ и за частыми перемѣнами, происходившими въ отношеніяхъ императрицы къ лицамъ, взысканнымъ ея особеннымъ личнымъ расположеніемъ. Григорій Орловъ, Потемкинъ, Завадовскій, Зоричъ и др. естественно привлекали къ себѣ вниманіе Корберона и онъ съ жадностью ловилъ всякаго рода свѣдѣнія, относившіяся до интимной стороны придворнаго быта. Въ концѣ марта 1776 г. мы находимъ въ его дневникѣ слѣдующую запись: «Сегодня утромъ посѣтилъ меня Пикте, женевецъ родомъ и бывшій адвокатъ въ Женевѣ. Наружность этого человѣка мало привлекательна: черты лица рѣзкія, выраженіе мрачное, ростъ гигантскій. Онъ живетъ здѣсь уже лѣтъ пятнадцать и состоялъ при князѣ Григоріѣ Орловѣ въ то время, когда князь находился въ милости; это дало ему возможность хорошо узнать эту страну, управленію которою онъ отчасти даже содѣйствовалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и близко наблюдать событія, вслѣдствіе чего онъ хорошо освѣдомленъ по части анекдотической исторіи Россіи». «Эта нація — пишетъ Корберонъ со словъ Пикте—считаетъ себя одною изъ самыхъ сильныхъ и могущественныхъ; у нея вдесятеро больше земли, чѣмъ у насъ, и, если считать земли, годныя подъ обработку и заселеніе, Россія могла бы имѣть сто милліоновъ жителей; но у нея ихъ только 17 милліоновъ. Еслибы этому народу рабовъ была дана свобода, еслибы за нимъ была признана и охраняема закономъ собственность, еслибы у народа были опредѣленныя понятія о торговлѣ и внутреннемъ обращеніи, то онъ могъ бы достигнуть блестящаго положенія, отъ котораго онъ такъ же далекъ, какъ отъ 2440 года. Пикте составилъ записки, которыя могли бы принести русскому народу пользу, еслибы князь Орловъ остался во главѣ дѣлъ и имѣлъ побольше порядка въ мысляхъ. Пикте объѣздилъ и осмотрѣлъ берега Волги, на которой грузятся для перевозки соли, руды и проч. большія баржи въ тысячу тоннъ. Баржи эти требуютъ очень многочисленнаго и потому очень дорогого экипажа; дороговизна эта неизбѣжна, потому что суда приходится тянуть лямкою, что замедляетъ ихъ движеніе и вызываетъ необходимость найма болѣе значительнаго числа людей. Вдоль береговъ рѣки надо было бы устроить дорогу, по которой могли бы тянуть суда лошади или быки; вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовало бы обезопасить путь отъ разбойниковъ, расположивъ на немъ

сколько-нибудь войскъ. Тогда товары стали бы не такъ дороги, или, точнѣе, туземные продукты обходились бы дешевле привозныхъ изъ чужихъ странъ, какъ, напримѣръ, изъ Швеціи и Америки. Но правительство не хочетъ уяснить себѣ всѣхъ этихъ выгодъ».

Характеръ разсказовъ Пикте даетъ поводъ подозрѣвать его къ принадлежности къ столь многочисленному въ то время въ обѣихъ русскихъ столицахъ классу искателей приключеній изъ иностранцевъ. Это не мѣшало, однако, Корберону внимательно выслушивать и потомъ записывать повѣствованія этого человѣка. Въ числѣ другихъ разсказовъ послѣдняго, онъ записалъ и слѣдующій: въ годъ коронованія императрицы, она, будто бы, посѣтила маскарадъ, данный въ домѣ графа Ивана Чернышева. Подозрѣвая въ немъ человѣка, способнаго примкнуть къ какому-либо заговору противъ нея, Екатерина, будто бы, прибыла на маскарадъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ (въ томъ числѣ и самого Пикте), у которыхъ подъ домино скрыто было оружіе.

26-го апрѣля (нов. стиля) 1776 г. великая княгиня скончалась, не разрѣшившись отъ бремени. По свѣдѣніямъ Корберона, при больной находилась лишь неопытная повивальная бабка, родомъ изъ Страсбурга, рекомендованная врачемъ великаго князя, Крузе, человѣкомъ тоже несвѣдущимъ въ медицинѣ. Бабка, вмѣстѣ съ этимъ врачемъ, слишкомъ поздно призвала на помощь хирурга, нѣкоего Тоди; тотъ, осмотрѣвъ великую княгиню, высказался за извлеченіе плода щипцами, но на это дано было согласіе лишь на третій день. Тоди производилъ операцію нѣсколько часовъ—по словамъ однихъ четыре часа, по словамъ другихъ цѣлыхъ восемь часовъ, да и то не окончилъ ея. Измученную великую княгиню уложили снова въ постель и въ ту же ночь послали за хирургомъ Морò. Онъ пробылъ во дворцѣ шесть часовъ, но паціентки не видалъ и высказалъ свое мнѣніе лишь на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя были сообщены ему о положеніи больной. Послѣ этого, къ умиравшей приглашенъ былъ ея духовникъ, архіепископъ Платонъ, въ свое время крестившій ее въ православную вѣру и навсегда сохранившій ея расположеніе. Онъ пріобщилъ ее, причемъ она съ полною покорностью судьбѣ говорила о смерти. Затѣмъ она пожелала проститься со всѣми приближенными и съ твердостью выдержала трогательную сцену прощанія. Оставшись потомъ съ императрицей, она долго бесѣдовала съ нею, послѣ чего говорила особо съ великимъ княземъ, убѣждая его поскорѣе забыть о ней и вступить въ новый бракъ, необходимый для его царства и народа. Присутствовавшіе были глубоко потрясены всею этою сценой. Утромъ, въ день смерти великой княгини, гостившій въ то время въ Петербургѣ принцъ Генрихъ Прусскій прислалъ къ ней своего врача, но было уже поздно: сдѣлать кесарево сѣченіе было уже нельзя, такъ какъ началась гангрена.

Больная до самой смерти сохраняла присутствіе духа и разговаривала съ окружавшими. За нѣсколько часовъ до кончины она неоднократно звала къ себѣ великаго князя, но его не пускали къ ней. «Она скончалась—записалъ Корберонъ—въ 4 часа 42 минуты, какъ сказалъ мнѣ графъ Андрей Разумовскій. Я былъ у него въ 6 часовъ; онъ только-что легъ въ постель. Лакей его сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ заснуть, но впустилъ меня. Разумовскій, какъ только увидѣлъ меня, залился слезами; я и самъ не могъ удержаться отъ слезъ, обнимая его [1]). «О, что̀ за ужасъ, что̀ за ужасъ! воскликнулъ онъ. Вы не знаете, мой другъ, что̀ мы теряемъ». Я постарался успокоить его и мы стали бесѣдовать. «Какую твердость и какую доброту она проявила! сказалъ мнѣ Разумовскій: она старалась всѣхъ утѣшить. Такъ какъ она говорила со всѣми и всегда милостиво отличала меня при своемъ дворѣ, то со мною заговорила послѣ всѣхъ. Чтобы утѣшить меня, она сказала мнѣ: Мы когда-нибудь увидимся: мы созданы для того, чтобы свидѣться вновь». Тутъ онъ опять заплакалъ».

Отчаяніе Разумовскаго не замедлило оживить ходившую въ высшемъ кругу сплетню, что въ лицѣ покойной великой княгини онъ оплакиваетъ женщину, имъ любимую.

Тѣло покойной подвергнуто было вскрытію, причемъ, по отзыву присутствовавшаго врача принца Генриха Прусскаго, найдено, что великая княгиня была беременна мальчикомъ. Что̀ касается французскаго хирурга Морò, то онъ отъ участія во вскрытіи тѣла уклонился, не желая входить въ столкновеніе съ придворными врачами и хирургами, рѣшившими, вопреки его собственному мнѣнію, что великая княгиня, по строенію своего таза, разрѣшиться не можетъ. Корберону онъ сказалъ, что мнѣніе свое онъ послалъ во Францію, а придворныхъ врачей и хирурговъ считаетъ ослами. По его мнѣнію, смерть великой княгини вполнѣ могла быть предотвращена.

Смерть эта вызвала много толковъ въ простонародьѣ, высказывавшемъ по ея поводу различныя суевѣрныя догадки, а въ придворныхъ кругахъ дала обильную пищу пересудамъ относительно графа Андрея Разумовскаго. Корберону передавали, будто великій князь заподозрѣлъ почившую въ любви къ Разумовскому, о чемъ недѣли двѣ тому назадъ говорилъ князю Гагарину: «Надѣюсь, что это безуміе пройдетъ; подожду». Андрея Разумовскаго начали отстранять отъ великокняжескаго двора; видя это, двадцатичетырехлѣтній Разумовскій и самъ началъ подумывать о своемъ удаленіи. Въ первыхъ числахъ мая, дѣлая съ Корберономъ загородную прогулку въ экипажѣ, онъ разговорился съ нимъ о своемъ положеніи.

---

[1]) Корберонъ находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

— Вы знаете — сказалъ онъ—то, о чемъ теперь толкуетъ весь городъ?

— Знаю,—отвѣчалъ Корберонъ,—но затрудняюсь вѣрить, чтобы великій князь могъ такъ быстро забыть васъ.

— Моя связь съ великимъ княземъ—продолжалъ Разумовскій—установилась издавна: мнѣ было тогда десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ я побывалъ въ Страсбургѣ, гдѣ воспитывался, въ Англіи и другихъ мѣстахъ, и, вернувшись, нашелъ въ немъ прежнее милостивое расположеніе ко мнѣ. Кончина великой княгини, о которой я скорблю и имѣю основаніе скорбѣть, потому что скорбь моя законна, измѣняетъ мое положеніе относительно великаго князя: минутою его печали и одиночества съумѣли воспользоваться, чтобы овладѣть имъ. Императрица и принцъ Генрихъ Прусскій не покидаютъ его. Въ тотъ день, когда я поѣхалъ въ Царское Село [1]), я видѣлся съ нимъ поутру; онъ обнялъ меня, и я ушелъ, видя, что къ нему идетъ императрица. Затѣмъ мнѣ передали записку отъ ея императорскаго величества, и я вернулся въ городъ. Я покажу вамъ подъ строжайшимъ секретомъ письмо, которое я, по прибытіи въ городъ, написалъ къ великому князю. Салтыковъ отвѣтилъ мнѣ въ первый разъ, что у его высочества лихорадка и что поэтому онъ не можетъ отвѣчать на мое письмо, а во второй разъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о здоровьѣ великаго князя, не упомянувъ о томъ, что касалось меня. Я рѣшилъ предпринять путешествіе во Францію, Италію и особенно въ Англію; мнѣ надо освѣжить голову.

Толки объ опалѣ Андрея Разумовскаго все усиливались и осложнялись множествомъ подробностей; пронеслись слухи о предстоящей, будто-бы, высылкѣ его въ Ригу, о существованіи какой-то таинственной переписки между нимъ и испанскимъ посланникомъ Ласси, котораго Разумовскій якобы ссужалъ для чего-то деньгами и проч. Говорили также, будто истиннымъ виновникомъ постигшей Разумовскаго немилости былъ камердинеръ великаго князя Павла Петровича, французъ Дюфуръ, а именно передавали, будто вслѣдствіе вызванныхъ или подтвержденныхъ Дюфуромъ подозрѣній поручено было князю Куракину собрать оставшіяся послѣ великой княгини бумаги, причемъ въ шкатулкѣ покойной найдены были письма Андрея Разумовскаго. Словомъ, сплетня вступила во всѣ свои права. Корберонъ, конечно, стремился провѣрить доходившіе до него слухи путемъ личнаго свиданія съ его пріятелемъ. Толки о высылкѣ его въ Ригу удивили Разумовскаго; онъ сказалъ, впрочемъ, Корберону, что молва не особенно ошиблась, такъ какъ онъ ѣдетъ въ Ревель, по повелѣнію императрицы, приказавшей

[1]) Куда, по смерти супруги, удалился Павелъ Петровичъ, вмѣстѣ съ императрицей.

ему чрезъ князя Голицына отправиться туда черезъ сутки послѣ погребенія великой княгини.

— Меня успокаивали—прибавилъ онъ—относительно послѣдствій этой высылки, и я въ самомъ дѣлѣ успокоился бы, еслибы не зналъ здѣшнихъ порядковъ. Я просилъ, однако, разрѣшенія уѣхать въ Украйну къ отцу, а потомъ отправиться за-границу.

По этому поводу Корберонъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Здѣсь всякаго, кто впадетъ въ немилость, тревожитъ мысль о переселеніи въ Сибирь, и Разумовскій сказалъ мнѣ среди разговора, что еслибы онъ подозрѣвалъ что-либо дурное для себя, то принялъ бы мѣры къ тому, чтобы бѣжать изъ Ревеля на кораблѣ. На разспросы Корберона о сношеніяхъ съ испанскимъ посланникомъ Разумовскій отвѣтилъ смѣхомъ. Затѣмъ, продолжая разговоръ, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ бумагъ, причемъ показалъ своему собесѣднику тетрадь, писанную по-французски рукою почившей великой княгини. На тетради стояла надпись: «Начата 11 мая 1775 г.»; въ ней записаны были, спеціально для Андрея Разумовскаго, мысли Сенеки. Кромѣ того, онъ показалъ ему свое письмо къ великому князю Павлу Петровичу, составленное, по отзыву Корберона, въ благородномъ, твердомъ и скорѣе дружественномъ, чѣмъ искательномъ тонѣ. Въ письмѣ этомъ онъ излагалъ, что ему неизвѣстно, по повелѣнію ли великаго князя или безъ его вѣдома его удаляютъ отъ него. Далѣе онъ упоминалъ вкратцѣ о годахъ, проведенныхъ при его высочествѣ, и о своей преданности великой княгинѣ, а въ заключеніе говорилъ, что не хочетъ унижаться до разслѣдованія о причинахъ и тайныхъ виновникахъ постигшей его немилости. Отвѣта на это письмо не послѣдовало; быть можетъ, оно даже не было передано Салтыковымъ великому князю».

IV.

Погребеніе тѣла великой княгини въ Александро-Невской лаврѣ состоялось 7-го мая (нов. ст.) 1776 г.; служба длилась два часа, послѣ чего архіепископъ Платонъ сказалъ надгробное слово, вызвавшее, по словамъ Корберона, у однихъ искреннія, у другихъ фальшивыя слезы.

Во время погребальной церемоніи около императрицы стоялъ съ бравымъ видомъ князь Орловъ. «Графъ Иванъ Чернышевъ, этотъ завзятый царедворецъ—записалъ Корберонъ—отвѣсилъ ему три низкихъ поклона, а Потемкину, который, говорятъ, вскорѣ удалится, поклонился лишь слегка».

Около этого времени число источниковъ, изъ которыхъ Корберонъ

по преимуществу черпалъ свои свѣдѣнія по части скандальной хроники Петербурга, увеличилось: онъ нашелъ новаго усерднаго разсказчика, въ лицѣ берейтора (écuyer) при дворѣ великаго князя, француза Лормуа.

Послѣ смерти великой княгини, персоналъ великокняжескаго придворнаго штата подвергся большимъ перемѣнамъ, причемъ въ числѣ уволенныхъ отъ службы оказался и Лормуа. Раздосадованный какъ отставкою, такъ и тѣмъ, что ему не додано было тысячи полторы изъ слѣдовавшаго ему содержанія, Лормуа съ величайшимъ озлобленіемъ описывалъ Корберону господствовавшіе при великокняжескомъ дворѣ порядки и отзывался съ полнымъ неодобреніемъ о самомъ Павлѣ Петровичѣ. По его словамъ, великій князь отличался крайне неустойчивымъ характеромъ, былъ грубъ и жестокъ отъ природы, а если иногда и проявлялъ доброту, то лишь вслѣдствіе чувства боязни. Пребываніе при дворѣ великаго князя, повидимому, дало Лормуа возможность проникнуть кое-какія придворныя тайны, для гласнаго историческаго разслѣдованія которыхъ еще и теперь не наступило время. Корберонъ же вносилъ всѣ разсказы своего собесѣдника въ дневникъ въ видѣ фактовъ, хотя самъ же находилъ, что Лормуа «немного болтливъ». Между прочимъ, Лормуа утверждалъ, что графъ Андрей Разумовскій былъ въ большомъ заблужденіи, полагая, будто Павелъ Петровичъ питалъ къ нему въ прежнее время особенное расположеніе. Нѣсколько времени спустя послѣ своей отставки, Лормуа уѣхалъ во Францію, такъ и не получивъ недоданнаго ему содержанія. Съ этимъ небезъинтересно сопоставить отзывъ Корберона объ отсутствіи вообще справедливости въ денежныхъ разсчетахъ среди тогдашняго петербургскаго общества. Въ подтвержденіе своего мнѣнія о свойственномъ русскимъ людямъ вѣроломствѣ, онъ ссылается на слѣдующіе случаи, о которыхъ онъ слышалъ. Одинъ изъ графовъ Салтыковыхъ былъ долженъ купцу-французу Дэмаре. Когда тотъ, послѣ неоднократныхъ просьбъ объ уплатѣ, явился къ нему съ категорическимъ требованіемъ разсчета, Салтыковъ наотрѣзъ отрекся отъ своего долга и пригрозилъ ему вышвырнуть его вонъ. «Стыдитесь, князь—сказалъ на это возмущенный французъ—такъ ли слѣдуетъ платить свои долги лицу изъ рода Салтыковыхъ?» Тогда Салтыковъ приказалъ своей прислугѣ побить Дэмаре, который и былъ избитъ такъ сильно, что слегъ въ постель. Другой Салтыковъ, Сергѣй, пользовавшійся милостью Екатерины въ бытность ея великою княгиней, тоже былъ долженъ тысячу рублей московскому купцу Годэну. Взамѣнъ уплаты, онъ предложилъ ему вексель на 10.000 руб. нѣкоей г-жи Грибоѣдовой, съ условіемъ, чтобы Годэнъ далъ ему за то 6.000 руб. товарами. Годэнъ принялъ вексель, но предложилъ за него ювелирныхъ вещей на четыре тысячи, а остальныя двѣ тысячи деньгами. Сдѣлка состоялась, а мѣсяца черезъ два послѣ того московскій полицеймейстеръ Архаровъ

вызвалъ Годэна къ себѣ, допросилъ по этому дѣлу и, безъ дальнихъ разговоровъ, посадилъ его подъ арестъ, заковавъ въ кандалы. Для освобожденія пострадавшаго потребовалось вмѣшательство французскаго посла, маркиза Жюинье.

Вообще, тогдашніе нравы русскаго высшаго общества поражали Корберона многими своими сторонами. «Русскіе—отмѣтилъ онъ, въ видѣ общаго замѣчанія—внутри сущіе мужики; правда, внѣшностью своей они заняты и снаружи стараются казаться полированными, но въ своей сущности они все одни и тѣ же: природа беретъ въ нихъ свое; когда сдѣланное ими надъ собою усиліе прекращается, маска спадаетъ, и остается налицо подлинный человѣкъ, а герой исчезаетъ». Нѣсколько ранѣе этого суроваго приговора въ дневникѣ встрѣчается слѣдующая замѣтка: «Чѣмъ болѣе я знакомлюсь съ этою націей, тѣмъ болѣе труднымъ становится для меня подыскать ей опредѣленіе. Она составляетъ смѣшеніе людей, крайне дурно подобранныхъ одинъ къ другому; среди нихъ не находишь градаціи оттѣнковъ и невозможно уловить хода ихъ мыслей, принциповъ, системъ. На первый взглядъ вы видите, съ одной стороны, народъ варваровъ, съ другой—просвѣщенную, образованную знать съ утонченными и привлекательными манерами; присмотрѣвшись же поближе, вы замѣчаете, что эта знать, въ сущности, состоитъ изъ тѣхъ же варваровъ, но хорошо одѣтыхъ, украшенныхъ орденами и отличающихся отъ грубой части націи лишь внѣшностью. Конечно, я исключаю нѣсколько счастливо уродившихся лицъ, которыя выходятъ изъ общаго правила, благодаря сношеніямъ съ иностранцами или вслѣдствіе другихъ причинъ». Господствовавшее въ высшихъ кругахъ искательство и лесть слабыхъ передъ сильными Корберонъ подтверждаетъ указаніемъ на нѣсколько примѣровъ различныхъ карьеристовъ, вышедшихъ въ люди исключительно благодаря раболѣпству передъ высокими лицами. Между прочими, онъ упоминаетъ о г-жѣ Лафонъ, изъ дочери петербургскаго виноторговца сдѣлавшейся директрисою Смольнаго института, несмотря на то, что она была совершенно необразованна и отличалась сомнительною нравственностью. Карьеру свою, давшую ей возможность обогатиться на счетъ институтскихъ суммъ, она сдѣлала благодаря умѣнію подольститься къ Бецкому. При помощи протекціи, но со стороны Алексѣя Орлова, вышелъ въ люди и итальянецъ Рибасъ (Іосифъ Бужонъ), ставшій директоромъ кадетскаго корпуса, а впослѣдствіи дослужившійся до адмиральскаго чина. Человѣкъ ловкій, онъ нашелъ случай заручиться также и покровительствомъ Бецкаго, женившись на его побочной дочери Анастасіи Соколовой, служившей камеристкою при императрицѣ Екатеринѣ. По случаю этого бракосочетанія, императрица пожаловала Рибасу 10.000 р., а женѣ его 15.000 р., да Бецкій подарилъ новобрачной тысячъ сорокъ, домъ и т. д. «Рибасъ—

пишетъ Корберонъ—пріѣхалъ въ Россію безъ гроша въ карманѣ; но при гибкой спинѣ можно достигнуть въ этой странѣ весьма многаго».

Въ смыслѣ характеристики придворныхъ нравовъ, не лишены интереса отмѣтки Корберона о взаимныхъ отношеніяхъ между тогдашними временщиками. Въ силу вещей, людямъ этимъ, при всей горечи чувствъ, которыя они должны были питать другъ къ другу, приходилось поддерживать вѣжливыя по внѣшности отношенія между собою. Въ мартѣ 1776 г. у Корберона сдѣлана слѣдующая запись: «На спектаклѣ у великаго князя, гдѣ была и императрица, я съ удовольствіемъ увидѣлъ Орлова съ Потемкинымъ вмѣстѣ; положеніе это показалось мнѣ пикантнымъ для наблюдателей, и я замѣтилъ, что нынѣшній фаворитъ держалъ себя съ меньшею увѣренностью, чѣмъ бывшій».

V.

25-го іюня (нов. ст.) 1776 г. Корберонъ отмѣтилъ состоявшійся наканунѣ отъѣздъ великаго князя Павла Петровича въ Берлинъ. По его словамъ, великій князь поѣхалъ въ коляскѣ, вдвоемъ съ фельдмаршаломъ Румянцовымъ, съ однимъ только лакеемъ назади, «на прусскій манеръ». Кортежъ его составляли Румянцовъ, Куракинъ, гофмейстеръ Салтыковъ, Нарышкинъ, псковскій губернаторъ, чтецъ великаго князя Николаи, хирургъ Беккеръ, камердинеръ Дюфуръ и нѣк. др. На слѣдующій день выѣхалъ слѣдомъ принцъ Генрихъ Прусскій, осыпанный подарками императрицы, которые молва оцѣнивала въ 60.000 руб. По возвращеніи же великаго князя (въ августѣ нов. ст.) изъ этой поѣздки, Корберонъ записалъ возникшіе по этому поводу толки. «Великій князь остался очень доволенъ Берлиномъ, гдѣ, однако, вовсе недовольны его малою щедростью. Говорятъ, что смотрителю лѣтняго дворца принца Генриха, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней, онъ подарилъ 40 червонцевъ. Это вполнѣ порядочный человѣкъ, а великій князь поступилъ съ нимъ, какъ съ лакеемъ, заплативъ ему такъ мало. Стражѣ великаго князя не было дано ничего и т. д. Не понимаю, какъ допустила это императрица, которая сама такъ любитъ щегольнуть щедростью и величіемъ».

12-го сентября (нов. ст.) Корберонъ отмѣчаетъ слухи, распространившіеся по поводу состоявшагося наканунѣ прибытія въ Царское Село невѣсты Павла Петровича, принцессы Софіи-Доротеи Виртембергской (впослѣдствіи великой княгини Маріи Ѳеодоровны). Разсказывали, будто принцесса, вошедши къ императрицѣ, упала ей въ ноги, послѣ

чего тотчасъ же были заперты двери, чтобы скрыть дальнѣйшее отъ постороннихъ зрителей. Императрица, казалось, была очень довольна поступкомъ принцессы. Общіе отзывы о будущей великой княгинѣ были очень благопріятны; ее признавали любезною, предупредительною и очень милою въ обращеніи. Всѣхъ представлявшихся ей она принимала въ высшей степени ласково и со всѣми разговаривала, причемъ оказалось, что она уже знаетъ нѣсколько русскихъ словъ. Черезъ недѣлю состоялось представленіе принцессѣ дипломатическаго корпуса, и тутъ Корберонъ впервые увидѣлъ ее. Онъ нашелъ, что она не отличается красотою, но держитъ себя просто и естественно, чѣмъ располагаетъ къ себѣ. Что касается великаго князя Павла Петровича, то онъ произвелъ на французскаго дипломата въ этотъ день непріятное впечатлѣніе. «Имъ—пишетъ Корберонъ—всѣ, кажется, недовольны. Его поѣздка въ Берлинъ, если судить по наружному виду, съ которымъ онъ вернулся оттуда, придала ему еще болѣе самодовольства, чѣмъ сколько было въ немъ до отъѣзда. Всѣ эти черты выступили въ немъ послѣ поѣздки въ Пруссію съ большею, чѣмъ прежде, рѣзкостью».

Спустя нѣсколько дней, Корберонъ, вмѣстѣ съ маркизомъ Жюинье, присутствовалъ въ дворцовой церкви при обращеніи принцессы Виртембергской въ православіе. «Въ половинѣ одиннадцатаго—записалъ онъ—въ церковь прошла императрица, въ сопровожденіи великаго князя, шедшаго подъ-руку съ принцессою. Она была въ бѣломъ платьѣ. Лицо ея было печально и, за отсутствіемъ румянъ, казалось очень блѣднымъ. Мы вошли въ церковь вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ и, такъ какъ народа было множество, то я не могъ видѣть церемоніи, которая прошла вполнѣ хорошо. Принцесса прочла по-русски Символъ вѣры и, говорятъ, хорошо произносила слова. Императрица показала ей, какъ принято поклоняться иконамъ, для чего сама нѣсколько разъ становилась передъ ними на колѣни».

Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письма В. А. Жуковскаго къ А. С. Стурдзѣ [1]).

Письма Жуковскаго къ А. С. Стурдзѣ, кромѣ напечатанныхъ нами въ предыдущей книжкѣ «Русской Старины», въ большей ихъ части уже были обнародованы: самъ Стурдза въ статьѣ своей «Дань памяти Жуковскаго и Гоголя» [2]) помѣстилъ нѣсколько выдержекъ изъ адресованныхъ ему Жуковскимъ писемъ; вскорѣ, но уже послѣ смерти Стурдзы, они были, въ болѣе полномъ видѣ, напечатаны Диктіадисомъ (Н. В. Неводчиковымъ, впослѣдствіи епископомъ кишиневскимъ Неофитомъ) въ «Одесскомъ

---

[1]) Сынъ молдавскаго выходца, впослѣдствіи правителя Бессарабіи, Стурдза началъ свою службу актуаріусомъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1809 году; въ апрѣлѣ 1812 года онъ былъ откомандированъ въ западную нашу армію, къ адмиралу Чичагову, для веденія дипломатической переписки, и здѣсь познакомился и вскорѣ сблизился съ гр. И. А. Каподистріей, коему было поручено управленіе всѣми дипломатическими сношеніями по дѣламъ Молдавіи и Валахіи; затѣмъ Стурдза сопровождалъ его въ Вѣну и Парижъ, а съ 1816 по 1822 годъ завѣдывалъ всею перепискою по дѣламъ бессарабскимъ, которыя находились въ вѣдѣніи графа Каподистріи. Въ 1818 году, кромѣ того, Стурдза, по предложенію кн. А. Н. Голицына, былъ назначенъ членомъ Ученаго комитета Главнаго училищъ правленія и въ томъ же году былъ посланъ на Ахенскій конгрессъ; пожалованный въ 1820 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ нѣкоторое время находился въ безсрочномъ отпуску, а затѣмъ, въ апрѣлѣ 1828 года, былъ командированъ въ Бухарестъ, для управленія походною канцеляріею министерства иностранныхъ дѣлъ и для содѣйствія полномочному предсѣдателю диванова Молдавіи и Валахіи въ дѣлахъ управленія и образованія этого края. 29-го апрѣля 1830 года Стурдза вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника (формул. списокъ); поселившись, съ этого времени, въ Одессѣ, онъ занимался воспитаніемъ своей единственной дочери Маріи Александровны, вышедшей въ 1838 году за князя Евгенія Григорьевича Гагарина (ум. въ 1886 г.) и умершей въ 1890 г., дѣлами благотворительности и особенно—литературными трудами по вопросамъ богословскимъ, философскимъ, публицистическимъ и историческимъ. Онъ умеръ 13-го іюня 1854 года, 63-хъ лѣтъ отъ роду.

[2]) „Москвитянинъ“ 1852 г., ч. V, № 20 кн. 2, стр. 219, 220, 221 и 222.

Вѣстникѣ» [1]), перепечатаны оттуда Погодинымъ въ «Москвитянинѣ» [2]) и затѣмъ включены въ собраніе сочиненій Жуковскаго [3]). Нынѣ, благодаря любезности А. Ѳ. Шидловскаго, предоставившаго въ наше распоряженіе подлинники этихъ писемъ Жуковскаго, переданные ему изъ архива князя Гагарина-Стурдзы, мы получили возможность провѣрить ихъ по оригиналамъ и представляемъ здѣсь, съ исправленіями и дополненіями къ извѣстному въ печати ихъ тексту.

Знакомство Жуковскаго со Стурдзою было многолѣтнее; начало его, по всей вѣроятности, относится къ половинѣ 1810 годовъ; по крайней мѣрѣ, въ дневникѣ поэта уже подъ 17-мъ октября 1817 г. мы читаемъ: «У Булгакова. Капо-д'Истрія, Стурдза...» [4]). Тотъ же дневникъ носитъ въ себѣ слѣды частыхъ свиданій и бесѣдъ со Стурдзою въ іюнѣ и іюлѣ 1826 г. въ Эмсѣ [5]). И впослѣдствіи дружескія отношенія ихъ не прерывались до конца жизни Жуковскаго. «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», писалъ Стурдза въ 1852 году [6]), «я уже зналъ и любилъ въ созвучіяхъ прекрасной души его нѣсколько лѣтъ прежде первой нашей встрѣчи. Впечатлѣніе отъ нея было прочно. Жуковскій цѣнилъ во мнѣ любителя словесности древней, а я учился изяществу русской рѣчи въ его безсмертныхъ стихахъ, въ его стройной и обдуманной прозѣ, въ неподражаемыхъ его подражаніяхъ. Однако, я полюбилъ въ Жуковскомъ человѣка едва-ли не болѣе, чѣмъ великаго писателя».

Къ названнымъ письмамъ Жуковскаго присоединяемъ два, доселѣ еще неизданныхъ письма къ Стурдзѣ племянницы Жуковскаго, извѣстной дѣтской писательницы Анны Петровны Зонтагъ, рожденной Юшковой (род. въ 1785, ум. въ 1864 г.); они касаются намѣренія П. А. Плетнева собрать и опубликовать, въ пользу семьи Жуковскаго, письма его къ разнымъ лицамъ [7]). «Слышу», писалъ по этому поводу Плетневу князь П. А. Вяземскій 19-го ноября с. с. 1852 г.: «что вы собираетесь издать письма его [Жуковскаго]. Это дѣло прекрасное. И у меня есть вкладчина въ это собраніе, но до возвращенія моего въ Россію не могу сообщить вамъ эти письма. Иныя, кажется, хранятся въ Остафьевѣ, другія перемѣшаны и уложены съ другими бумагами моими, и я одинъ могу найти нить въ этомъ бумажномъ лабиринтѣ. Пе-

[1]) 1855 г., № 1, 2 и 3: „Переписка В. А. Жуковскаго съ А. С. Стурдзою".

[2]) 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 64—80.

[3]) Изд. VII, подъ ред. П. А. Ефремова, т. VI, Спб. 1878, стр. 537—546.

[4]) Дневники В. А. Жуковскаго. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова, изд. „Русской Старины", Спб. 1901, стр. 53.

[5]) Тамъ же, стр. 184—187.

[6]) „Москвитянинъ" 1852 г., ч. V, № 20, кн. 2, статья: „Дань памяти Жуковскаго и Гоголя", стр. 216.

[7]) См. напр., письмо его по этому поводу къ М. П. Погодину (Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. XII, Спб. 1898, стр. 339—340).

чатайте, безъ зазрѣнія совѣсти и неумѣстнаго цѣломудрія, и шутливыя письма его, буфонскія, чисто Арзамасскія, гдѣ веселость его разыгрывалась во всю Ивановскую. Эта сторона не должна пропасть безъ вѣсти и дополняетъ характеръ его. Какъ я писалъ Булгакову по этому предмету, тотъ не будетъ вполнѣ знать Суворова, кто не будетъ имѣть понятія о проказахъ и причудахъ его. Къ тому же вздорнорѣчіе Жуковскаго доходило до истиннаго краснорѣчія, до высокой геніальности. Я поручилъ въ Москвѣ просить г-жу Зонтагъ собрать и записать всѣ свои воспоминанія о Жуковскомъ» [1])...

Изданіе, задуманное Плетневымъ, не состоялось; нѣкоторыя извлеченія изъ писемъ Жуковскаго къ Зонтагъ онъ напечаталъ, однако, въ изданной имъ въ концѣ того же 1852 года біографія Василія Андреевича, помѣщенной въ III томѣ «Живописнаго Сборника»; сама же Анна Петровна въ «Москвитянинѣ» 1852 года [2]) опубликовала весьма цѣнныя воспоминанія свои о Жуковскомъ.

Б. Модзалевскій.

I [3]).

29-го мая 1835 г. [С.-Петербургъ].

Душевно благодарю васъ за воспоминаніе, любезнѣйшій Александръ Скарлатовичъ, и за подарокъ. Прочиталъ ваше письмо (печатное) [4], съ большимъ удовольствіемъ и совершенно согласенъ съ вами въ главной идеѣ. Направленіе нынѣшней литературы и въ особенности французской для меня ненавистно. Дерзкій матеріализмъ въ ней царствуетъ. Читая новые французскіе романы (впрочемъ, я ихъ не читаю: прочитавъ нѣкоторые, я рѣшился не брать въ руки ничего, что является въ свѣтъ подъ фирмою Бальзаковъ, Жаненей и братіи), пугаешься не ихъ содержанія, а самихъ авторовъ. По моему мнѣнію, безнравственность книги менѣе заключается въ самой книгѣ, нежели въ томъ, какую вѣру предполагаешь въ авторѣ. Если, читая книгу, сколь бы ни было отвратительно само по себѣ ея содержаніе, чувствуешь,

---

[1]) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, т. III, Спб. 1885 г., стр. 406

[2]) № 18; статья эта представляетъ перепечатку, съ дополненіями изъ „Москвитянина“, 1849 г., № 9.

[3]) Напечатано въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1855 г., № 1 и въ „Москвитянинѣ“, 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 65—66, съ пропусками.

[4]) „Письмо опытнаго романтика къ новичку, выступающему на поприще модной словесности“, было перепечатано въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1835 г., (№ 123 и 124) изъ „Одесскаго Вѣстника“.

что авторъ ея держится противнаго, то соединяешься вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ произносишь анаѳему тому, что онъ выставилъ на позоръ перомъ своимъ. Но эти господа совершенно равнодушны къ добру и злу; они видятъ и въ томъ, и другомъ что-то случайное, равно необходимое въ машинѣ здѣшней жизни, которая для нихъ не иное что, какъ сцѣпленіе какихъ-то явленій, безъ результата, безъ цѣли, необходимыхъ и представляющихъ одинъ только матеріалъ для наблюденія; ужасы нравственные для нихъ стоятъ на одной доскѣ съ ужасами физическими. И Вальтеръ-Скоттъ изображалъ нравственное безобразіе во всѣхъ его видахъ; но, читая его, я утѣшенъ имъ самимъ; въ душѣ его идеалъ прекраснаго, любовь къ добру, вѣра въ Бога, и я охотно слѣдую за нимъ въ темный лабиринтъ жизни: въ рукѣ его Аріаднины нити, и съ ними не заблудишься. Но куда ведутъ нынѣшніе путеводители? Куда придешь вслѣдъ за ними? Къ стремнистой безднѣ, ни впередъ, ни назадъ: остается въ нее кинуться и погибнуть. Страшно подумать, что все это читается молодежью. Какія грязныя первыя впечатлѣнія жизни! и что можетъ ихъ послѣ загладить? И подобное является на сценѣ. Всѣ дрянные французскіе водевили, всѣ отвратительныя мелодрамы Дюмасовъ и Дюканжей повсюду переводятся, и все это слушаетъ наша публика, отъ ложъ до райка. Нашъ театръ, на которомъ не явились ни Шиллеры, ни Шекспиры, заваленъ соромъ нынѣшнихъ французскихъ пачкуновъ. Сколько фальшивой монеты пускается въ оборотъ! Нашъ театръ не имѣлъ періода Корнелей, Расиновъ, Шекспировъ и Шиллеровъ; онъ вдругъ попалъ въ безнравственный періодъ французскихъ водевилей, мелодрамъ. Какое гибельное вліяніе на литературу, а вмѣстѣ съ нею и на чувство изящнаго, и на нравственное чувство! Въ вашей піесѣ есть, однако, для меня недостатокъ. Правда, вы говорите въ лицѣ романтика à la Balsak, но подъ піесой вашей выставлено: «А. Стурдза». Я бы желалъ, чтобъ вы отдѣлили ясное понятіе о литературѣ и о истинномъ романтизмѣ (который не иное что, какъ историческое понятіе) отъ понятія о злоупотребленіи литературы. Общество безъ литературы такъ же существовать не можетъ, какъ человѣкъ безъ языка: народъ безъ литературы то же, что глухонѣмой, который или еще не выразилъ, или не можетъ выразить того, что въ душѣ его творится. А у насъ существуетъ какое-то предубѣжденіе вообще противъ всякой литературной дѣятельности: усиливать это предубѣжденіе, по моему мнѣнію, такъ же вредно, какъ и быть панегиристомъ нынѣшняго направленія литературы. Поэтому, я бы и желалъ, чтобы вы дополнили свою идею и, написавъ такъ сильно о томъ, чего быть не должно, написали бы столь же сильно о томъ, что быть должно, и опредѣлили въ то же время истинный характеръ романтизма. Это—задача прекрасная.

Я весьма, весьма радъ буду имѣть въ рукахъ вашъ манускриптъ: если можно, доставьте. Только смотрите, чтобы онъ какъ-нибудь не затерялся: надобно поручить доставленіе вѣрному человѣку. Безъ всякаго сомнѣнія великому князю [1]) будетъ и пріятно, и полезно прочитать ваши сказанія [2]) о бо́льшемъ дядѣ [3]).

Простите, любезный Александръ Скарлатовичъ. Скажите мой дружескій поклонъ вашимъ. Прошу васъ также оправдать меня передъ графомъ Эделингъ [4]): экземпляръ альмана[ха] одесскаго [5]) худую имѣлъ судьбу; я поручилъ распродажу Смирдину [6]); но онъ плохо за это принялся. Не знаю, что мнѣ съ ними дѣлать. Отъ всего сердца васъ обнимаю. Преданный вамъ Жуковскій.

II [7]).

4-го апрѣля 1836. С.-Петербургъ.

Я отдалъ вашъ манускриптъ [8]) Александру Ивановичу Миллеру [9]), любезнѣйшій Александръ Скарлатовичъ; отдалъ съ горемъ пополамъ,

---

[1]) Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ II.

[2]) Здѣсь говорится о рукописи: „Отрывокъ изъ исторіи XIX столѣтія. Сочиненіе Александра Стурдзы". 1833. Въ настоящее время рукопись эта находится у А. Ѳ. Шидловскаго (см. „Русск. Стар." 1902 г. № 4, стр. 184)

[3]) Императоръ Александръ I.

[4]) Графъ Альбертъ-Гаетанъ Эдлингъ (р. въ 1774 г., ум. 11-го декабря 1841 г.), министръ иностранныхъ дѣлъ и маршалъ при дворѣ великаго герцога Веймарскаго; въ 1816 г. онъ женился на родной сестрѣ А. С. Стурдзы, Роксандрѣ Скарлатовнѣ; въ 1822 г. онъ переселился въ Россію, гдѣ вмѣстѣ съ женою занялся устройствомъ высочайше пожалованнаго ей имѣнія Манзырь, близъ Одессы.

[5]) Въ 1834 г. въ Одессѣ вышли два альманаха, предпринятые съ благотворительною цѣлію: „Подарокъ бѣднымъ" (изданіе Новороссійскаго женскаго общества призрѣнія бѣдныхъ) и „La Quêteuse"; въ ихъ изданіи А. С. Стурдза принималъ дѣятельное участіе.

[6]) Александръ Филипповичъ Смирдинъ (р. въ 1795, ум. въ 1857 г.), извѣстный петербургскій книгопродавецъ и издатель.

[7]) Напечатано, съ пропусками, въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" 1855 г., № 1 и въ „Москвитянинѣ" 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 67.

[8]) См. предыдущее письмо.

[9]) А. И. Миллеръ, сослуживецъ и одинъ изъ друзей Стурдзы (который былъ крестнымъ отцомъ его сына Бориса Александровича, бывшаго члена Московской судебной палаты нынѣ т. сов. въ отставкѣ), род. 19-го августа 1783 г., въ 1800 г. поступилъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ и съ этого времени служилъ въ вѣдомствѣ этого министерства, находясь вмѣстѣ со Стурдзою при гр. Каподистріи съ 1816 по 1821 годъ, затѣмъ—при гр. Нессельроде и въ походной канцеляріи министерства въ Молдавіи и Вала-

ибо частица его еще не была дочтена великимъ княземъ, которому я читалъ самъ, но не могъ читать сряду, а въ разное время, раздѣленное долгими промежутками; онъ слушалъ съ живѣйшимъ интересомъ то, что мнѣ было весьма пріятно читать ему. Про себя же, разумѣется, прочиталъ я все отъ доски до доски. Вы возбудили въ душѣ моей трогательное воспоминаніе о нашемъ христіанскомъ Аристидѣ [1]), и я сожалѣю, что не всѣ могутъ раздѣлить съ нами это чувство удивленія къ нему, которое пробуждаетъ ваше описаніе дѣлъ его и мыслей. Весь вашъ манускриптъ, по разнымъ отношеніямъ, не можетъ быть еще отданъ въ печать; но все то, что заключается въ немъ, начиная съ описанія возстанія Греціи, все, что касается до одной Греціи и президента ея, то, кажется, можетъ быть издано отдѣльно и составить прекрасное цѣлое. Мое мнѣніе, что этотъ отрывокъ долженъ быть напечатанъ непремѣнно: это нѣкоторымъ образомъ ваша обязанность. Имя Каподистріи было поругано недостойнымъ образомъ: должно вступиться за его святую память. Вы это сдѣлали прекрасно: для чего же скрывать отъ свѣта сдѣланное вами? И что препятствуетъ напечатанію? [2]) Я очень сожалѣю, что не сдѣлалъ списка съ вашего манускрипта; разумѣется, я объ этомъ бы къ вамъ написалъ, возвратилъ бы вамъ списокъ, если бы вы не захотѣли его у меня оставить, въ противномъ случаѣ имѣлъ

хіи (1828 г.). Въ 1835 г. Миллеръ занялъ мѣсто управляющаго 3-ею Особою Экспедиціею Департамента внѣшнихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, въ 1837—чиновника особыхъ порученій V кл. при вице-канцлерѣ, въ 1838 г. пожалованъ въ д. с. совѣтники и назначенъ управляющимъ 1-ю экспедиціею Департамента внѣшнихъ сношеній (формуляръ), въ каковомъ званіи и скончался въ Петербургѣ 4-го февраля 1852 года. Это былъ человѣкъ высокихъ душевныхъ качествъ; Жуковскій очень уважалъ и любилъ его.

[1]) Такъ Жуковскій называлъ графа Іоанна Антоновича Каподистрію.

[2]) Желаніе В. А. Жуковскаго осуществилось, но уже послѣ смерти А. С. Стурдзы: „Воспоминанія“ его о жизни и дѣяніяхъ гр. И. А. Кападистріи—президента Греціи (часть „Отрывка изъ исторіи XIX столѣтія“, находившагося въ рукахъ Жуковскаго), были напечатаны въ „Чтеніяхъ въ Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1864 г., II, 1—205 (были изданы и отдѣльные оттиски. М. 1864). Въ бумагахъ Стурдзы имѣется французскій переводъ этого сочиненія въ двухъ спискахъ: черновой — писанный рукою автора, исправленный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ графиней Эдлингъ, и перебѣленный; извлеченіе изъ него, подъ заглавіемъ „Notice biographique“, было напечатано при изданіи политической переписки графа Каподистріи, вышедшей въ Женевѣ въ 1839 году („Correspondance du comte Capodistria“). Въ тѣхъ же бумагахъ сохранилось много другихъ матеріаловъ для жизнеописанія гр. И. А. Каподистріи; въ числѣ ихъ особенную цѣнность представляетъ черновая рукопись: „Aperçu de ma carrière publique“, писанная рукою гр. И. А. Каподистріи. Записка эта была напечатана въ III т. „Сборника Русскаго Историческаго Общества“, гдѣ сказано, что подлинникъ ея хранится въ Государственномъ Архивѣ.

бы его уже теперь наготовѣ, и еслибъ вы согласились на мое предложеніе, то былъ бы издателемъ его самъ, то-есть, смотрѣлъ бы за печатію и корректурою. Это, впрочемъ, не ушло еще и теперь. Если моя мысль вамъ понравится, то отдѣлите изъ своей рукописи то, что назначите для печати, велите этотъ отрывокъ переписать и пришлите мнѣ [1]); я готовъ быть его издателемъ. Но здѣсь долженъ сдѣлать и нѣкоторыя критическія замѣчанія: я на многія выраженія ваши досадовалъ при чтеніи; на одни за ихъ излишнюю пышность; на другія—за ихъ часто несправедливую, по крайней [мѣрѣ] неисторическую рѣзкость; вездѣ, гдѣ касается до политики нашихъ противниковъ, вы говорите о злобѣ и злодѣйствѣ; мнѣ кажется, что это не только излишество, но и пристрастіе: всѣ такія мѣста производили на меня дѣйствіе противное тому, какое вы произвести хотѣли: они меня охлаждали. Всѣ сіи мѣста поправлены быть могутъ весьма легко, и ваше сочиненіе выиграетъ двадцатью процентами. Я говорю то, что думаю и увѣренъ, что вы не будете недовольны моей искренностью, согласитесь ли или не согласитесь съ моимъ мнѣніемъ. Увѣдомьте, на что рѣшитесь вы относительно изданія манускрипта.

Александръ Ивановичъ [2]) сказывалъ мнѣ, что вы собираетесь заграницу. Куда и на долго ли? [3]).

Простите, любезнѣйшій Александръ Скарлатовичъ, скажите мое душевное почтеніе вашей супругѣ [4]) и если увидите нашего старца Гуфланда [5]), то напомните ему обо мнѣ и о моей глубокой къ нему при-

---

[1]) Вмѣсто этого, Стурдза вторично переслалъ Жуковскому весь свой манускриптъ, для исправленія; отрывокъ изъ него, касающійся собственно гр. И. А. Каподистріи, Стурдза, по предложенію Жуковскаго (см. слѣдующее письмо), намѣренъ былъ напечатать въ Пушкинскомъ „Современникѣ“.

[2]) Миллеръ (см. выше).

[3]) Стурдза въ началѣ мая отправился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Берлинъ, для поправленія здоровья и для свиданія съ тестемъ—знаменитымъ Гуфеландомъ, вскорѣ же и умершимъ. Стурдза написалъ его біографію (см. „Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alex. Stourdza. Souvenirs et portraits“, Paris. 1859, pp. 225—265).

[4]) Елизавета Ѳедоровна, рожд. Гуфеландъ, вторая жена А. С. Стурдзы (первая жена его, Марья Васильевна, рожд. Чичерина, умерла отъ родовъ, 18-го марта 1817 г. въ Петербургѣ); по свидѣтельству Вигеля („Записки“, ч. VI, стр. 129), она „принадлежала къ числу тѣхъ прежнихъ нѣмокъ, кои, будучи домашнимъ сокровищемъ, единственно супругами и матерями, не имѣли никакой наружной цѣны и не искали ея“.

[5]) Христоферъ-Вильгельмъ Гуфеландъ (Hufeland, р. въ 1762, ум. въ 1836 г.), лейбъ-медикъ прусскаго короля, извѣстный врачъ, авторъ не менѣе извѣстной „Макробіотики“, зять А. С. Стурды. Жуковскій познакомился съ Гуфеландомъ еще 31-го октября 1820 г. въ Берлинѣ (см. Дневники В. А. Жуковскаго. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова, Спб. 1901, стр. 87—90).

вязанности. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Сердечно преданный вамъ Жуковскій.

III [1]).

13-го апрѣля 1836 г.

Вашъ манускриптъ былъ уже къ вамъ отправленъ, когда я получилъ ваше послѣднее письмо, почтеннѣйшій Александръ Скарлатовичъ. При немъ получили вы и письмо мое. Прикажите сдѣлать списокъ по тому плану, который мной вамъ предложенъ, если его найдете годнымъ. Чтобы сдѣлать отрывокъ, въ которомъ будетъ заключаться повѣсть о возстаніи Греціи до убійства ея президента, приложите къ началу, или гдѣ разсудите, быстрый взглядъ на жизнь Каподистріи до той минуты, въ которую онъ предпринялъ послѣдній путь свой, приведшій его къ славному гробу мученика. Эти немногія быстрыя страницы могутъ быть прекрасны, а вашъ отрывокъ сдѣлается отдѣльною историческою картиною. Въ такомъ видѣ (сдѣлавъ, если разсудите, нѣкоторыя поправки по моимъ общимъ замѣчаніямъ) доставьте мнѣ списокъ: я его напечатаю, если окажется нужнымъ—иное выраженіе перемѣню, хотя мнѣ страшно прикасаться къ тому, что написано вами: вы мастеръ, а не ученикъ. Вотъ еще предложеніе. Пушкинъ выдаетъ журналъ подъ названіемъ «Современникъ»: не согласитесь ли, чтобы я напечаталъ вашъ отрывокъ въ немъ? Такимъ образомъ онъ можетъ разомъ быть прочитанъ многими. Послѣ издадимъ его и особенно. Можно будетъ издать почти въ одно время. Отвѣчайте на этотъ послѣдній вопросъ.

Увѣдомьте также о своей поѣздкѣ, когда, куда, на долго ли? Обнимаю васъ искренно. Вотъ вамъ пріятная новость: Сѣверинъ [2])—министръ и тайный совѣтникъ; но еще безъ жалованія, то есть, безъ прибавки жалованія по Министерству; ему дана прежде аренда, но графъ Нессельродъ [3]) сказалъ мнѣ, что онъ скоро будетъ переведенъ, ибо въ Швейцаріи не полагается быть министру. Вашъ Жуковскій.

---

[1]) Напечатано въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1855 г., № 1 и въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 68, съ пропусками.

[2]) Дмитрій Петровичъ, зять Стурдзы (род. въ 1792 г., ум. въ 1865 г.) 7-го апрѣля 1836 г. онъ занялъ постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Швейцаріи будучи пропзведенъ въ тайные совѣтники. Въ слѣдующемъ году (16-го марта 1837 г.) былъ переведенъ въ Баварію, гдѣ и оставался до выхода своего въ отставку, съ чиномъ д. т. совѣтника. Въ первомъ бракѣ Северинъ былъ женатъ на родной сестрѣ Стурдзы — Еленѣ Скарлатовнѣ, но она черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ свадьбы умерла (20-го іюня 1818 г.) 24 лѣтъ отъ роду. Вторично Северинъ женился въ 1825 году на фрейлинѣ бар. Софьѣ Ѳедоровнѣ Мольтке, умершей въ Мюнхенѣ 26-го апрѣля 1882 года.

[3]) Графъ Карлъ Васильевичъ, бывшій въ то время вице-канцлеромъ.

IV [1]).

10-го марта н. с. 1849. Bade-Bade, Maison Kleinmann.

Не всегда исполняется то, чего мы наиболѣе желаемъ, то-есть, сказать точнѣе, почти никогда не исполняется. Для меня же одно изъ живѣйшихъ желаній моихъ вполнѣ совершилось: желаніе знать ваше мнѣніе о моей Одиссеѣ, мой любезный Александръ Скарлатовичъ, и при оном желаніе, чтобы трудъ мой былъ вами одобренъ. Я прочиталъ это драгоцѣнное для меня одобреніе въ вашемъ письмѣ къ Сѣверину и былъ имъ несказанно обрадованъ [2]). Здѣсь дѣло идетъ не о самолюбіи: въ шестьдесятъ шесть лѣтъ не до игрушекъ самолюбія. Но душа любитъ во всякое время дѣлиться тѣмъ, что̀ ей дорого: послѣдніе годы, мною проведенные вмѣстѣ съ Гомеромъ, въ тишинѣ моей семейной жизни, были счастливы. Передавая моему языку его дѣвственную поэзію (которой гармонія доходила до моего слуха посредствомъ визговъ подсрочнаго нѣмецкаго перевода), я нѣкоторымъ образомъ принужденъ былъ спрашиваться съ самымъ геніемъ Гомера, не имѣя матеріальнаго посредничества и въ языкѣ его, и эта духовная бесѣда съ тѣнію имѣла для меня чудную прелесть. Само по себѣ разумѣется, что я не имѣлъ въ виду похвастать передъ публикой знаніемъ языка, мнѣ чужаго и теперь еще совершенно неизвѣстнаго. Мнѣ просто хотѣлось пожить поэтическимъ счастіемъ, пожить наслажденіемъ творчества: оно такъ и было; эта главная цѣль достигнута. Но великое наслажденіе заключается и въ томъ, когда въ придачу этому л и ч н о м у наслажденію, скажетъ тебѣ голосъ, которому вѣришь, который для тебя имѣетъ въ себѣ пророческую гармонію Пиѳіи, что та прелесть, которую ты находилъ въ трудѣ твоемъ, не есть о б м а н ъ, что есть въ твоемъ трудѣ с у щ е с т в е н н о е и с п о л н е н і е. Этотъ пиѳійскій одобрительный листъ теперь я имѣю,

[1]) Напечатано въ „Одесск. Вѣстн.“ 1855 г., № 2 и въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 69—71, съ пропусками.

[2]) Въ письмѣ къ Д. П. Северину отъ 17-го ноября 1848 г. Жуковскій просилъ своего пріятеля „увѣдомить Стурдзу о томъ, что ему доставленъ будетъ изъ Петербурга экземпляръ „Одиссеи“ и передать ему желаніе переводчика знать его мнѣніе объ этомъ трудѣ“ („Русск. Архивъ“ 1900 г., кн. Ш, стр. 43). Грекъ по матери (княжнѣ Мурузи), Стурдза въ совершенствѣ владѣлъ греческимъ языкомъ и новымъ, и древнимъ. По свидѣтельству Діктіадиса, „еще въ юности онъ изучилъ древнихъ поэтовъ Греціи, изъ коихъ особенно любилъ Гомера, и даже въ старости читалъ наизусть довольно длинные отрывки изъ его поэмъ“ („Москвит.“ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 69). Понятна, поэтому, была радость Жуковскаго, когда онъ получилъ отзывъ Стурдзы о переводѣ „Одиссеи“, сообщенный ему Северинымъ (См. „Русскій Архивъ“ 1900 г., кн. Ш, стр. 44—45).

благодаря Сѣверину, который прислалъ мнѣ письмо ваше въ оригиналѣ. Скажу вамъ, что вашъ приговоръ для меня рѣшительнѣе всѣхъ прочихъ, и я очень радъ, что вы не приговорили моей Музы къ отсѣченію буйной головы, а, напротивъ, дали ей свое благословеніе; я бы долженъ былъ съ смиреніемъ согласиться самъ повести подъ топоръ свою старушку.

Изъ Россіи я еще ни отъ кого не получилъ никакого отзыва, кромѣ одного—великаго князя Константина Николаевича, которому я посвятилъ переводъ мой (давъ ему давно обѣщаніе приняться за «Одиссею», и, если удастся перевесть, ему посвятить ее); его письмо [1]) меня порадовало не похвалами (которыя здѣсь были неизбѣжною учтивостію), а умною, поэтическою оцѣнкою самой поэмы Гомера. Еще одинъ былъ весьма для меня пріятный отзывъ—отъ Фарнгагена [2]) (который играетъ теперь значительную роль между Лагарпами Германіи): бывши въ 43 году въ Берлинѣ, я читалъ Ф. Г. начало моего перевода (тогда была только половина первой пѣсни готова); Ф. Г., который хорошо знаетъ по-русски, хорошій эллинистъ, нашелъ переводъ близкимъ; теперь я послалъ ему первый томъ русской «Одиссеи», и онъ отозвался слишкомъ одобрительно о моей работѣ. Но опять, повторяю, всего болѣе радуетъ меня вашъ отзывъ.

Вы говорите въ письмѣ къ Сѣверину объ очной ставкѣ, о публичной очной ставкѣ на подмосткахъ «Москвитяина»: убѣждаю васъ не оставлять этого намѣренія [3]). Такого рода сравненіе, сдѣланное вами, хотя бы оно было и осужденіемъ моего труда, будетъ имѣть дѣйствіе рѣшительное на общій вкусъ: у насъ классическая поэзія, эта первобытная, дѣвственная поэзія—еще небывалый гость. Если подлинно мой переводъ удаченъ, то надобно, чтобъ краснорѣчивый, поэтическій голосъ растолковалъ его достоинство Русскому свѣту; будетъ значительною эпохою въ нашей поэзіи это позднее появленіе простоты древняго міра посреди конвульзій міра современнаго. Надѣюсь, что вы мнѣ повѣрите, если скажу вамъ, что я не о похвалахъ вашихъ думаю;

---

[1]) Оно въ печати не появлялось.

[2]) Carl-August Vanrhagen von Ense (род. въ 1785 ум. въ 1858 г.), извѣстный нѣмецкій писатель, поэтъ, историкъ, критикъ и лингвистъ, авторъ весьма цѣнныхъ воспоминаній, дневниковъ (14 томовъ), біографическихъ и историко-литературныхъ опытовъ. Онъ проживалъ въ Берлинѣ, неся чинъ тайнаго посольскаго совѣтника. Въ письмѣ отъ 11-го октября с. с. 1849 г. Жуковскій писалъ: „Я сообщу вамъ послѣ то, что пишетъ о моей Одиссеѣ Фарнгагенъ фонъ Энзе (теперь одинъ изъ передовыхъ критиковъ въ Германіи). Онъ знаетъ прекрасно и греческій, и русскій языкъ. Если онъ мнѣ не льститъ, то могу считать мою работу удачною".

[3]) Оно не было приведено въ исполненіе.

нѣтъ: желаю вашего суда и суда строгаго; все, что вы замѣтите ошибочнаго, какъ судья, болѣе нежели кто посвященный въ тайны поэзіи, напередъ принимаю, и все будетъ (если еще самъ я буду на-лицо) совѣстливо исправлено. Единственною внѣшнею наградою моего труда будетъ тогда сладостная мысль, что я (во время оно родитель на Русси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ) подъ старость загладилъ свой грѣхъ и отворилъ для отечественной поэзіи дверь Эдема, не утраченнаго ею, но до сихъ поръ для нея запертаго. Если бы не лежало на плечахъ моихъ шестидесяти шести лѣтъ, я бы не остановился на этой дорогѣ, но теперь уже нельзя и не должно терять времени въ болтовнѣ съ созданіями языческаго свѣтлаго міра. Спѣшу докончить свою сладостную бесѣду съ моимъ 300-лѣтнимъ старикомъ: потомъ за другое дѣло; объ этомъ другомъ еще надѣюсь съ вами перемолвить послѣ. Теперь надо кончить одно. И работа кипитъ. Обстоятельства загнали меня въ Баденъ-Баденъ [1]). Здѣсь, пользуясь уединеніемъ и стараясь заткнуть уши отъ сатанинскаго визга нашего времени, я снова принялся за переводъ Одиссеи, болѣе двухъ лѣтъ неподвижный. Перевожу и въ то же время печатаю. Съ октября мѣсяца по мартъ я перевелъ XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII и половину XIX пѣсни. Если такъ пойдетъ работа и никакой бѣды со мной не случится, то, съ помощію Божіею, надѣюсь кончить мой трудъ къ половинѣ апрѣля. XIII—XVI пѣсни отдѣланы на-чисто и уже напечатаны. Благословите, а если не полѣнитесь, то и отвѣчайте на письмо мое. Обнимаю васъ.

Сердечный поклонъ отъ меня милой вашей женѣ, вашей дочери и (?) [2]) ваш { ему—внуку, ей—внучкѣ, имъ—внучатамъ [3]).

Вашъ Жуковскій.

Я не понимаю 97 и 98 стиховъ XVI пѣсни; не понимаю ихъ ни въ подстрочномъ переводѣ, ни въ переводѣ Фосса, ни въ другихъ переводахъ. Я перевелъ такъ, держась одного буквальнаго смысла:

Или, быть можетъ, ты братьевъ винишь, на которыхъ отважность
Мужъ полагается каждый при общемъ, великомъ раздорѣ? [4])

---

[1]) Въ концѣ 1848 г. Жуковскій предполагалъ ѣхать въ Россію, но былъ задержанъ холерою и поселился въ Баденѣ, гдѣ жена его, хворавшая уже третій годъ, начала лѣчиться у доктора Гугерта. Въ маѣ 1849 г. Жуковскій долженъ былъ покинуть и Баденъ, такъ какъ тамъ также вспыхнула революція.

[2]) Такъ въ подлинникѣ.

[3]) У Стурдзы въ это время было три внука, дѣти его дочери княгини Маріи Александровны Гагариной: князья Григорій (впослѣдствіи кн. Гагаринъ-Стурдза), Анатолій и Юрій Евгеньевичи Гагарины.

[4]) Эти стихи остались безъ передѣлки.

Но и тутъ нѣтъ яснаго смысла. Какъ понимаете вы эти два стиха? Переведите ихъ перифразою.

Одно общее замѣчаніе на мой переводъ: я старался переводить цѣлое, желая сохранить весь общій эффектъ Гомерова слога, котораго отличительный характеръ: не отдѣльные разительные стихи, а богатый потокъ цѣлаго. Поэтому въ иныхъ, немногихъ мѣстахъ, я предпочиталъ цѣлое отдѣльному и жертвовалъ отдѣльными стихами совокупному эффекту. Согласны ли вы на это? Во всякомъ случаѣ, критикуйте безпощадно. Въ томъ будетъ польза общая.

Адресъ: Его превосходительству Александру Скарлатовичу Стурдзѣ etc. etc. Другою рукою (Д. П. Северина): Въ Одессѣ.

Почтовый штемпель: С.-Петербургъ. 1849. Марта 15 [1]).

V [2]).

3-го (15) ноября 1849. Баденъ-Баденъ.

Любезнѣйшій Александръ Скарлатовичь, полагаясь на вашу старинную и до сихъ поръ неизмѣнившуюся ко мнѣ дружбу, позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ просьбою, которой исполненія, слишкомъ для меня важнаго, ожидаю отъ васъ навѣрное. Напишите мнѣ вашимъ перомъ нѣсколько страницъ о нашей православной церкви въ сравненіи съ исповѣданіемъ лютеранской, выставивъ съ одной стороны твердость основаній первой и ничтожность основаній послѣдней; и прошу васъ написать это по-французски. Вы спросите: для чего и для кого? Позвольте объ этомъ пока умолчать [3]). Самъ же я не могу надлежащимъ образомъ исполнить этой задачи, ибо, при убѣжденіи и вѣрѣ, не имѣю необходимыхъ теологическихъ знаній. Но увѣряю васъ, что вы окажете мнѣ истинное благодѣяніе, удѣливъ нѣсколько вашего времени на написаніе немногихъ страницъ, въ которыя вамъ не трудно будетъ включить всѣ главные доводы. Прошу васъ, чтобы это осталось совершенно между нами. Что изъ этого по волѣ Божіей выйдетъ, о томъ я васъ увѣдомлю въ свое время. Такъ же прошу васъ указать мнѣ на нѣкоторыя книги, въ которыхъ бы можно было почерпнуть добрыя

---

[1]) Это письмо было переслано къ Стурдзѣ черезъ Д. П. Северина („Русскій Архивъ“ 1900 г., кн. III, стр. 46).

[2]) Напечатано, съ большими пропусками, въ „Одесск. Вѣстн.“ 1855 года, № 3 и въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 74.

[3]) Вѣроятно, В. А. Жуковскій имѣетъ здѣсь въ виду свою жену Елизавету Алексѣевну, рожденную Рейтернъ; послѣ смерти мужа она 16-го сентября 1852 г. перешла въ православіе (см. въ слѣд. № письмо А. П. Зонтагъ).

свѣдѣнія о томъ предметѣ, о которомъ желаю имѣть ваше просвѣтительное слово [1]).

Я опять въ Баденъ-Баденѣ, который долженъ былъ на время покинуть, дабы спастись отъ бунта, вокругъ насъ вспыхнувшаго. Этотъ бунтъ затушили пушки; но, по несчастію, той цитадели, въ которой гнѣздится чудовище, посылающее на наше время свои разрушительныя силы, пушками не разобьешь. Но бунтъ не помѣшалъ мнѣ кончить и даже напечатать вторую часть «Одиссеи». Она отправлена давно въ Россію, и я полагаю, что экземпляръ, вамъ назначенный, находится теперь въ рукахъ вашихъ. Эту вторую часть я переводилъ con amore; она привлекательнѣе первой. И переводъ мой былъ конченъ неимовѣрно скоро: менѣе, нежели въ сто дней, переведены всѣ XII пѣсней; возможность этого изъясняется тою совершенною независимостью и тишиною, которыми я пользовался прошлою зимою. Замѣчательно то, что эта тишина нарушилась не прежде, какъ наканунѣ отпечатанія послѣдняго листа «Одиссеи»: послѣднюю корректуру этого листа я послалъ въ Карлсру уже изъ Страсбурга, куда долженъ былъ убраться изъ Бадена [2]). Прошу васъ сказать мнѣ слово о моей работѣ. Всю нынѣшнюю зиму я проведу въ Баденѣ. Помоги Богъ моей женѣ. Помоги Богъ намъ будущимъ лѣтомъ воротиться на родину и вырваться изъ этого омута, который называется просвѣщенною Германіею. Простите Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ Жуковскій.

Мой адресъ: A Bade-Bade. Maison Kleinmann.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ письмѣ своемъ къ Д. П. Северину отъ того же 3-го (15-го) ноября Жуковскій просилъ выслать ему немедленно „книгу Стурды о православной церкви“, т. е. „Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe“, изд. въ 1817 г.; по прочтеніи ея онъ писалъ ему же 3-го декабря: „Книга Стурдзы о нашей церкви прочтена и съ великимъ наслажденіемъ: есть чудныя страницы. Что, если бы къ этому благоуханному букету цвѣтовъ, собранныхъ на лугѣ молодости, нашъ Платонъ христіанскій присоединилъ нѣсколько лавровыхъ вѣтокъ съ древа, осѣняющаго его старость? Вышла бы чудная книга, книга необходимая нашему вѣку“ („Русскій Архивъ“ 1900 г. кн. III, стр. 52 и 53). Желаніе Жуковскаго уже въ это время было исполнено, такъ какъ Стурдза только-что отпечаталъ въ Аѳинахъ книгу „Le double parallèle, ou l'église en présence de la papauté et de la réforme du XVI siècle“ (перепечатана въ его „Oeuvres posthumes.....“ Paris. 1858).

[2]) Подробности объ этомъ времени см. въ письмѣ Жуковскаго отъ 11-го октября 1849 г.

Письмо А. С. Стурдзы — Жуковскому о М. П. Розбергѣ, не дошедшее по назначенію.

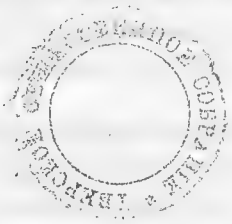
30-го апрѣля 1836 г. Одесса.

Въ 1836 г., когда М. П. Розбергъ собирался выѣхать изъ Одессы въ Дерптъ (нынѣ Юрьевъ), куда былъ приглашенъ въ университетъ для занятія каѳедры русскаго языка и литературы, А. С. Стурдза передалъ Розбергу слѣдующее письмо къ В. А. Жуковскому:

«Почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, при самомъ отъѣздѣ берусь еще разъ за перо, чтобы познакомить васъ съ отличнымъ нашимъ литераторомъ Михаиломъ Петровичемъ Розбергомъ. Это человѣкъ достойный вашего особеннаго вниманія и пріязни, не только по уму, просвѣщенію, дару писать, но и по сердцу. Въ немъ душа прекрасная, наполненная правоты. Онъ назначенъ въ Дерптъ профессоромъ русской словесности, намѣренъ побывать въ Петербургѣ и желаетъ лично узнать Жуковскаго. Примите ласково Розберга и меня не забывайте».

Письмо это не было передано по назначенію, потому что Розбергъ не засталъ Жуковскаго, и распечатано лишь въ 1899 г. дочерью Розберга (М. М. Розбергъ).

Сообщилъ Г. А. Тройницкій.



Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская.

(По подлиннымъ неизданнымъ письмамъ).

VII [1]).

О заграничномъ путешествіи графиня спрашивала совѣта у Фотія. Въ этомъ отношеніи Фотій на насиловалъ желанія своей послушной овцы и предоставлялъ ей самой распорядиться собою и дѣлать такъ, какъ подскажетъ ея сердце. «Ты меня вопрошаешь, ѣхать ли въ путь съ Ангеломъ Кротости [2]). Ты мнѣ рцы слово сердца твоего, какъ твое сердце къ сему лежитъ. Если хотя тѣнь желанія и внутренняго согласія—ѣхать Бога ради и спасенія души А. К. [3]). Этотъ случай есть тебѣ тоже, какъ бы ты на проповѣдь Евангелія Христова была послана. Аще спасеши души ты великая въ мірѣ—ты яко Ѳекла Равноапостольная почтешися у Бога. Ты мнѣ напиши о чувствахъ твоихъ сердца». (20-го марта 1829 г.).

Графиня согласилась ѣхать за границу съ государыней и сообщила объ этомъ Фотію. Онъ начинаетъ справлять графиню въ путь, какъ наставникъ и духовный отецъ ея. «У насъ два освященныхъ Артоса, то я одинъ оставилъ тебѣ весь, дабы вручить; хотѣлъ бы я послать тебѣ нарочнаго, но можетъ быть отъ тебя не пріидетъ ли кто-нибудь, то я успѣю тебѣ послать оный съ тѣмъ во благословеніе на путь. А иначе я хранить буду до врученія тебѣ лично». (20-го апрѣля 1829 г.).

«Конечно, ты уже въ путь должна пуститься съ царицею днесь или вскорѣ, то я тебѣ и посылаю Божеское благословеніе». (23-го апрѣля 1829 г.).

---

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1902 г.

[2]) Императрица Александра Ѳеодоровна.

[3]) Буквы обозначаютъ слова Ангелъ Кротости.

Въ этотъ день Фотій получилъ отъ графини письмо, въ которомъ обозначался день, когда она выѣдетъ съ государыней изъ Петербурга. Фотій сейчасъ же пишетъ въ отвѣтъ: «Итакъ выѣздъ вашъ въ четвертокъ будетъ, посылаю паки тебѣ Божеское благословеніе въ путь, да пошлетъ тебѣ Господь Ангела своего во храненіе. Ты ежели можно и будешь съ дороги писать, то записочку маленькую пошлешь» (24-го апрѣля 1829 г.).

«Я увѣренъ, что ты мнѣ маршрутъ пришлешь. Какъ прошедшее лѣто 1828 г., такъ и нынѣ я приказываю молебны о тебѣ править каждодневно отъ выѣзда до пріѣзда восвояси» (26-го апрѣля 1829 г.). Графиня выѣхала съ государыней 25-го апрѣля и написала Фотію письмо, на которое онъ отвѣчалъ: «Письмо твое отъ 26-го съ перваго ночлега изъ Городца мною получено» (29-го апрѣля 1829 г.). Вслѣдъ за этимъ письмомъ Фотій посылаетъ графинѣ другое, самостоятельное: «Завтра, 2-е мая, день твоего рожденія, то поздравляю тебя съ онымъ отъ всея души моей. Дай Господь тебѣ здравіе, спасеніе и радость и благополучный возвратъ восвояси» (1-го мая 1829 г.).

Молчаніе графини безпокоитъ Фотія; онъ пишетъ о томъ, и приводитъ видѣнный имъ сонъ. «Вотъ уже 12-й день, какъ я не получалъ письма твоего съ 1-го до 12-го мая. Какой я чудный сонъ видѣлъ. Я видѣлъ мощи Александра [1]) раскрытыя и оныя нечаянно какъ-то раскрылись, якобы въ ризницѣ Невской [2]), подлѣ церкви хранимыя, и я служилъ молебенъ съ кѣмъ-то изъ братіи моей, да и мысль была частицу сихъ мощей взять къ себѣ». (13-го мая 1829 г.). Фотій жалуется, что не получаетъ долго писемъ, а самъ пишетъ каждый день. Но, вотъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ писемъ графини, изъ которыхъ видно, почему она не получала ежедневно писемъ Фотія. Причиною тому были тогдашніе пути сообщенія. Между иными городами почта ходила не каждый день, поэтому ежедневныя письма копились въ тѣхъ городахъ, гдѣ отправленіе почты было установлено два-три раза въ недѣлю. «Письма твои отъ 13-го, 15-го и 16-го чиселъ мая получилъ; отъ 25-го мая получилъ; отъ 25-го мая я къ тебѣ не писалъ, потому что, какъ я замѣтилъ, тебѣ кучею приходятъ мои письма, вдругъ, то дабы изъ числа моихъ писемъ кое-либо не затерялось я и не писалъ, а при томъ же и худая погода мѣшала отвезти на почту» (27-го мая 1829 г.) «Отъ 17-го мая я получилъ твое письмо. Спаси Господи люди твоя и даруй Царю нашему побѣды на враги» (29-го мая 1829 г.). «Теперь чаю, что авось либо дастъ Господь скоро будетъ ваше возвращеніе» (30-го мая 1829 г.). Въ это время графиня была уже въ Берлинѣ и оттуда писала Фотію, но отвѣтомъ онъ за-

---

[1]) Александра Невскаго.

[2]) Невской лавры.

медлилъ, по случаю дня своего рожденія. «Нынѣ мнѣ минуло 37 лѣтъ житія моего на свѣтѣ» (7-го мая 1829 г.). «Письмо твое я получилъ изъ Берлина отъ 27-го числа. Прости меня, что отъ 8 числа не писалъ, со днемъ рожденія пріѣзжалъ меня поздравить сосѣдъ дорогой, и, пріѣхавъ послѣ обѣда, послѣ вечерни 7-го іюня и уѣхалъ. Аще живы и здравы будемъ и Богъ восхощетъ, то чаемъ вскорѣ тебя видѣть» (19-го іюня 1829 г.).

Графиня дѣйствительно скоро пріѣхала въ Юрьевъ и уѣхала 19-го сентября.

VIII.

Княжій дворъ—деревня графини Орловой, стояла неподалеку отъ села Коростыни, гдѣ проживала часть поселенныхъ войскъ. По мнѣнію военнаго вѣдомства, Коростыня во многомъ не отвѣчала военнымъ цѣлямъ, и для перевода поселянъ былъ намѣченъ Княжій дворъ. Пріобрѣтеніе этой деревни въ собственность казны было особенно желательно государю. Фотій, узнавъ объ этомъ, старался доказать графинѣ, что надо пользоваться случаемъ и назначить высокую цѣну. «Твой Княжій дворъ хотятъ купить непремѣнно»—писалъ Фотій (28-го октября 1829 г.).

«Скажу тебѣ вотъ что: межевая коммиссія пишетъ и свое мнѣніе, что дабы исполнить волю государя и поселить столько-то баталіоновъ, то нѣтъ никакой возможности обойтись безъ Княжева двора: нужно скупить оный, ибо мѣста мало и окружающіе плохи и поселенные баталіоны должны пить воду изъ озера (Корыстыни)—это будетъ вредно, а имъ должна быть рѣка близъ, а Княжій дворъ на рѣкѣ, то оное мѣсто все скупить должно по необходимости и по всѣмъ выгодамъ». (31-го октября 1829г.).

Дальше о Княжемъ дворѣ Фотій пишетъ: «Ежели дѣло пойдетъ о семъ, т. е. о Княжемъ дворѣ, ты не устрашай, а говори, какъ сходнѣе будетъ и смотри, чего Богъ чрезъ нихъ желаетъ послать, и соображая все разумно дѣлай. Истинно тебѣ нѣтъ надобности въ сей малой частицѣ и тебѣ хорошо бъ за домъ зачесть, дабы поскорѣе развязаться и свободной быть о Господѣ» (22-го января 1830 г.)

Но когда вопросъ о переходѣ Княжаго двора отъ покупки сводится на почву дарственности, то Фотій восклицаетъ: «Ужели имѣніе твое Богъ изъ твоихъ рукъ беретъ и въ руки царевы и воинскія пріемлетъ. Чудо сіе есть» (31-го января 1830 г.)

Однако, Княжій дворъ былъ оставленъ въ покоѣ. Никакихъ туда войскъ переведено не было; онъ и теперь стоитъ, какъ прежняя де-

ревня, входящая въ составъ Шинской волости. Въ Коростынѣ же до упраздненія военныхъ поселеній жили пахотные солдаты, и помѣщался полковой штабъ.

IX.

Неудовольствіе противъ государя за неразрѣшеніе пріѣзжать самовольно въ Петербургъ Фотій хранилъ въ глубокой тайнѣ и только предъ графиней иногда выражалъ его. Впрочемъ, онъ восхвалялъ государя и графинѣ. Это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ получалъ сообщеніе, что государь сказалъ о немъ доброе слово или одобрилъ какія-нибудь его дѣйствія. Тогда Фотій писалъ графинѣ о долгоденствіи царя, о любви своей къ нему, о чувствахъ преданности и проч.

Когда же узналъ, что скоро въ Новгородъ прибудетъ императоръ Николай и, быть можетъ, заѣдетъ въ Юрьевъ монастырь, Фотій былъ насторожѣ и готовился къ его пріему. «Мы съ часу на часъ ожидаемъ царя въ Новгородъ и кто говоритъ, что на пароходѣ онъ будетъ, кто говоритъ, что сухимъ путемъ» (3-го іюля 1829 г.).

Въ этотъ разъ государь, вѣроятно, не былъ въ Новгородѣ, потому что о пріѣздѣ его Фотій умалчиваетъ, иначе онъ непремѣнно сообщилъ бы графинѣ, какъ сообщалъ о пріѣздѣ его въ слѣдующемъ 1830 году.

Въ концѣ 1829 г. государь заболѣлъ. Увѣдомляя о семъ горестномъ событіи своего духовнаго отца, графиня просила его помолиться о здравіи царя и приписала, что августѣйшій больной вспоминалъ объ архимандритѣ Фотіи. Поэтому, когда государю стало лучше, Фотій излилъ всѣ радости въ письмѣ къ графинѣ. «Буди милость Господня на св. церкви, на царѣ, на отечествѣ, на тебѣ, чадо Господа, и на всѣхъ. Миръ тебѣ, радуйся, радуйся, радуйся, и я сорадуюсь твоей радости о здравіи Ангела правды—царя нашего Николая Павловича, съ полученіемъ здравія и днемъ Ангела—его отца нашего—и отъ меня вселюбезно поздравь. Такъ я жалѣлъ объ государѣ императорѣ Александрѣ Павловичѣ, что тебѣ теперь открою мой обѣтъ, данный Богу, ежели онъ (императоръ Николай) будетъ здравъ. 1-й по всѣмъ церквамъ на мой счетъ въ Новгородѣ молебны отслужить и литургіи, а 2-й и 3-й обѣты тебѣ лично скажу: и такъ какъ ему будетъ совершенно хорошо, увѣдомь меня, и я исполню 1-й пунктъ, ибо обѣтъ, Богу данный, исполнить должно» (16-го ноября 1829 г.).

Какіе были два послѣдніе обѣта—не извѣстно. Выше сказано, что Николай Павловичъ былъ въ Новгородѣ въ 1830 г. Фотій хотя и приготовился къ встрѣчѣ государя, но не питалъ особой надежды, что императоръ побываетъ въ Юрьевской обители. «Вчера въ 3 ч. пріѣхалъ въ

Новгородъ царь и что дѣлалъ, не извѣстно, а я слышалъ, что гр. Толстой П. Алек. былъ въ Старой Руссѣ, весьма хвалилъ Ю. монастырь и настоятеля и сказывалъ, что онъ весьма доволенъ и прочее доброе говорилъ. Мы не ожидаемъ въ обитель А. П.[1]), но стоимъ на стражѣ, да не пріѣдетъ къ намъ кто-либо царевъ человѣкъ нечаянно» (5-го марта 1830 г.)

Въ слѣдующемъ письмѣ тоже говорится о пріѣздѣ государя. «А. П. какъ у насъ слышно, 4-го числа пріѣхалъ, вмѣсто того, чтобы по вечеру, въ часъ по полудни, такъ что губернаторъ и полиціймейстеръ не успѣли и срѣтить его, а дѣлалъ подъ видомъ досмотрѣнія одного баталіона, находящагося будто бы въ поселеніи, а очутился, какъ говорятъ, уже за Бронницкимъ ямомъ, какъ орелъ летяй въ Москву. Такъ мнѣ многіе говорили» (7-го марта 1830 г.).

Затѣмъ Фотій сообщаетъ графинѣ, конечно, по слухамъ, насколько быстро Николай Павловичъ дѣлалъ осмотры, при чемъ присовокупляетъ, что государь справлялся у новгородскаго губернатора о Юрьевской обители и ея настоятелѣ. «Скажу тебѣ то, что А. П. былъ доволенъ вездѣ, но такъ быстро и поспѣшно обзиралъ, какъ будто-бъ не для того пріѣхалъ, но что-то другое имѣлъ въ душѣ» (8-го марта 1830 г.). «А. П. былъ въ Новгородѣ, звалъ къ себѣ кушать гг. военныхъ, изъ нихъ одинъ вчера былъ, бывшій на обѣдѣ у меня и между прочимъ говорилъ, что А. П. спрашивалъ у Денфера, знаетъ ли меня, и тотъ сказалъ, что знаетъ и бывалъ у меня, а прочаго не слыхалъ, а слышалъ еще, что ему А. П. Софійскій соборъ паче всѣхъ на свѣтѣ одинъ нравится и такое благоговѣніе внушаетъ, что онъ и сказать не можетъ» (11-го марта 1830 г.).

Дальше, какъ видно изъ отвѣта Фотія къ графинѣ, государь остался доволенъ Юрьевымъ монастыремъ. «Изъ письма твоего 17-го апрѣля вижу, что А. П. доволенъ св. нашею обителію, мнѣ сіе пріятно» (19-го апрѣля 1830 г.).

При каждомъ посѣщеніи императора Николая Новгорода Фотій ожидалъ къ себѣ государя и каждый разъ готовился къ встрѣчѣ царя. Однако, государь не заглядывалъ въ монастырь, и архимандритъ потерялъ надежду видѣть его въ стѣнахъ своей обители.

Весною 1835 г. императоръ Николай совершенно неожиданно, и для Фотія, и для братіи, пріѣхалъ со свитою въ Юрьевъ монастырь и прошелъ чрезъ скотныя ворота. Фотій встрѣтилъ государя безъ креста и протянулъ ему для цѣлованія свою руку. За это Фотія вызвали въ Петербургъ и отдали подъ началъ Палладію въ Невскую лавру. Это былъ неизгладимый случай въ жизни честолюбиваго монаха.

---

[1]) Ангела Правды.

X.

Въ 1837 году Фотій ожидалъ въ Юрьевъ наслѣдника Александра Николаевича и, какъ наученный уже опытомъ по случаю встрѣчи августѣйшихъ особъ, принялъ всѣ мѣры, дабы не проглядѣть новаго высокаго гостя. «Сейчасъ меня извѣстили, что наслѣдникъ чрезъ Новгородъ поѣдетъ и, будто бы, въ субботу выѣдетъ онъ и не долѣ вторника продолжится медленность. Набоковъ [1]) мнѣ сказывалъ, будучи сейчасъ у меня. Вотъ какой случай неожиданный» (29-го апрѣля 1837 г.).

Затѣмъ письмо объ ожиданія наслѣдника: «теперь ждемъ мы наслѣдника. Четыре часа утра уже все разослано и готово. Будетъ ли или не будетъ, но ждать его надобно. Лишь кончится все, о всемъ извѣщу» (3-го мая 1837 г.).

Дѣйствительно наслѣдникъ былъ въ Юрьевомъ монастырѣ. Фотій встрѣтилъ его торжественно и такъ удачно, что былъ въ большомъ восторгѣ. «Радуйся, чадо въ дусѣ святѣ возлюбленное! твое сердце предчувствовало, что радость мнѣ будетъ и всѣмъ въ обители отъ посѣщенія наслѣдника. Ты расположила меня своею сладкою рѣчію объ немъ ко срѣтенію его болѣе, нежели какъ я чаялъ. Ты дала средство къ тому отъ премногія любви къ нему, яко къ наслѣднику престола. Ты мнѣ говорила о немъ, какъ объ Ангелѣ Божіемъ по всему. Я вѣрилъ тебѣ, не зная его ангельскую душу. Братъ твой Алексѣй до небесъ его восхвалялъ, многіе мнѣ о немъ говорили многое человѣческое прекрасное по свѣту сему. И что я слышалъ, все правда. Но послушай, Ангелъ ты Божій, святая душа дѣвственная, что я видѣлъ самъ душевными и тѣлесными очами моими въ наслѣдникѣ. Какъ ты думаешь, кого и что я въ немъ обрѣлъ? Я нашелъ въ наслѣдникѣ воистину истиннаго во плоти Ангела Господня. Можно сказать, я въ первый разъ его видѣлъ и слышалъ и позналъ. Видъ его, стуанiе, хожденіе, стоянiе, благоговѣніе, невинность, кротость, видимое усердіе къ Богу, вѣрѣ его святой и церкви и къ людямъ. Благонравіе, все наружное и внутреннее дарованіе Божіе въ немъ меня восхитило премного и порадовало. Слава и Богу благодареніе, что Господь, премудрый и святый, толико милость свою являетъ къ народу своему, что не токмо царя далъ Ангела Правды, но и наслѣдника даетъ и являетъ всему избранному своему народу во вселенной, не просто человѣка, сына царева, но Ангела Утѣшителя. Желая восхвалить его, какъ онъ мнѣ показался, полюбился о Господѣ, я кратко о немъ скажу сіе: Богъ даровалъ въ немъ надежду, залогъ Ангела Утѣшителя. Благо-

[1]) Начальникъ военныхъ поселеній.

дать Господня, на немъ почивающая, возвеселила печальную мою душу и отъ премногія радости, благословляя его, не могу не сказать,— ежели онъ когда будетъ самъ все, онъ утѣшитель будетъ во плоти на земли людямъ. Я смотрѣлъ на него въ лице, и онъ смотрѣлъ на меня, особенно при срѣтеніи и въ соборѣ при многолѣтіи, и видѣлъ на немъ благодать Божію! Какое доброе рожденіе, но видно есть и приставники при немъ истинно люди благочестивые. Я всѣхъ видѣлъ въ первый разъ. Два особенно военные мнѣ замѣчательны: первый мнѣ весьма по сердцу былъ, а вторый Юркевичъ, точно какъ Ангелъ хранитель Господень въ тѣлѣ ему данный показался мнѣ. Арсеньева я давно за прекраснѣйшаго человѣка знаю. Вообрази мое удивленіе, что и г. Жуковскій, котораго я въ первый также разъ видѣлъ, мнѣ въ стократъ лучше показался, нежели что я отъ другихъ слышалъ: я сужу о немъ по его словамъ и дѣйствіямъ. Я такъ нашелъ его. Послѣ кончины Александра Павловича я въ первый разъ былъ обрадованъ наслѣдникомъ, ибо я видѣлъ Ангело-подобное обращеніе и благонравіе и смиреніе: я думаю, что наслѣдникъ враговъ имѣть никого николи не будетъ, ибо злыя сердца и нравы, люди, звѣри лукавые и кровожадные, видѣвше такого Ангела Божія, безъ брани побѣждены будутъ. Совѣсть ихъ собственная побѣдитъ: могу сказать теперь, что я болѣе еще съ миромъ и радостію отъиду отъ сія жизни въ будущую, что наслѣдникъ таковый есть на земли, утѣшитель человѣчества. Прошу и молю Господа, дабы Онъ не однимъ Ангеломъ хранителемъ, но и ополченіемъ святыхъ Ангелъ своихъ его соблюдалъ и наставлялъ во всю жизнь. Видно по всему, что царь-отецъ любитъ сына своего наслѣдника, когда сколько можно лучше къ нему избралъ людей. Уже теперь ясно видны плоды добраго воспитанія. Прекрасный наслѣдникъ по тѣлу и душѣ, по вѣрѣ святой и воспитанію.

«Самъ Господь мнѣ внушилъ и далъ силы уготовить срѣтеніе таковому Ангелу человѣку въ обители. Онъ 3-го мая, по полудни въ 5 часовъ, изволилъ на пароходѣ прибыть въ Юрьевъ монастырь и былъ мною со всею братію срѣтаемъ. Все было достойно и праведно сдѣлано. Отъ св. вратъ до собора и отъ собора до келій настоятельскихъ было постлано по доскамъ красное сукно: таковъ былъ ему путь уготованъ. Іеромонахи-же, іеродіаконы и монахи и послушники всѣ были въ новыхъ наилучшихъ крестовыхъ ризахъ, стихаряхъ и рядъ былъ отъ св. вратъ до собора на 607 саженяхъ протянутъ и въ соборѣ до амвона. Все было ему сдѣлано такъ достойно прекрасно, какъ намъ Богъ далъ средства то все сдѣлать. Въ первое посѣщеніе свое наслѣдникъ въ первый монастырь Юрьевъ сдѣлалъ шагъ, то нужно было, яко наслѣднику и цесаревичу, все сдѣлать такъ, какъ лучше уже не можно было сдѣлать намъ по человѣчеству. Сіе вѣрно на вѣкъ сдѣлаетъ въ немъ

святое, благое, полезное вліяніе и все сіе не есть ему выдумка сдѣланная отъ насъ: явленіе въ томъ свыше явнаго къ нему Божія благоволенія и благословеніе. Былъ онъ въ соборѣ св. Георгія древнемъ, основанномъ въ 1119 лѣтѣ и въ алтарь самъ изволилъ со мною войти и видѣлъ престолъ Святый Божій: все на него, яко на невиннаго, мягкаго яко воскъ, святое сдѣлало дѣйствіе, и онъ вездѣ, какъ Ангелъ Божій, показался милъ и премудръ. Такъ благочестно, свято и премудро я еще не слыхалъ отъ другихъ рѣчей и словъ сказанныхъ. Всю же благость онъ болѣе дѣломъ показалъ, нежели словомъ; какъ Ангелъ невинный, ангельски онъ и прощался со мною, просилъ самъ благословеніе у меня при провожаніи трижды, и я, перекрестивъ его, цѣловался рука въ руку. Такъ всѣмъ онъ премудръ благъ показался и любезенъ, что всѣ въ радости отъ посѣщенія его остались. Полезно будетъ таковое его путешествіе по Россіи для него и особенно для народа. Несравненно болѣе весь народъ сбѣгается и желаетъ видѣть наслѣдника, нежели кого другаго изъ царской фамиліи, ибо слышавъ, что онъ по всему какъ Ангелъ Божій, спѣшитъ всякъ видѣть его отъ любви усердія. Бывъ наслѣдникъ въ соборѣ Георгія, во св. алтарѣ и ризницѣ, былъ въ кельяхъ настоятеля проходя, въ соборъ Спаса Всемилостиваго, былъ въ общей трапезѣ и былъ въ соборѣ Креста. Болѣе я его никуда не водилъ, ибо зналъ, что усталъ наслѣдникъ. Выѣхалъ онъ въ 6-мъ часу въ исходѣ. Народу со всѣхъ мѣстъ и съ города много было на коняхъ, а особенно въ судахъ, кои за нимъ до города вслѣдъ плыли и провождали. Не могу всего описать тебѣ. На словахъ перескажу.

«Въ благословеніе ему, какъ въ первомъ монастырѣ, первое благословеніе на все было дано, образъ Всемилостиваго Спаса, нерукотворенный, списанный съ чудотворнаго, и свиты его нѣкто Юркевичъ съ прочими говорилъ мнѣ, что первое благословеніе на путь отъ меня въ монастырѣ Юрьевѣ дано. Послѣ все скажу и опишу болѣе. Миръ тебѣ чадо, порадуйся съ нами, что мы видѣли и благословили отъ Бога божіимъ благословеніемъ наслѣдника. Онъ объ тебѣ со всею любовію спрашивалъ. Благословляю тебя и паки реку: радуйся, Господь съ тобою» (4-го мая 1837 года).

Пріѣздъ наслѣдника принесъ обители много хлопотъ. Усталъ и самъ Фотій и братія, но эта усталость искупалась вѣстью о томъ, что пріемъ въ Юрьевѣ наслѣднику понравился. «Что знаешь, перескажи владыкѣ, не успѣлъ я ему написать: до смерти измучился я самъ. 3-го мая, какъ мнѣ сказывали, въ 4-мъ часу утра наслѣдникъ въ Новгородъ пріѣхалъ и отъ 6-ти часовъ утра въ Юрьевѣ монастырѣ всѣ лампадки были во всѣхъ трехъ соборахъ вожжены, а съ 11-го часа въ облаченіи всѣ были до 6—7-ми часовъ, пока уѣхалъ наслѣдникъ изъ Юрьева: всѣ

до крайности устали, ибо кушали, обѣдали въ 7 часу вечера, ожидая его, не смѣли отлучиться въ трапезу. Жуковскій уже снялъ, ѣдучи на пароходѣ, видъ монастыря и ежели кто по наружности, то особенно любезенъ показался мнѣ и расположенъ г-нъ Жуковскій и прислалъ 4-го мая отъ себя губернскаго предводителя мнѣ сказать, что наслѣдникъ чрезвычайно доволенъ всѣмъ въ монастырѣ. Наслѣдникъ сказалъ о мнѣ Набокову, что удивительно, какіе у о. Фотія быстрые и свѣтлые глаза» (5-го мая 1837 года).

Въ слѣдующемъ письмѣ Фотій упоминаетъ о той блестящей картинѣ, которую представлялъ наслѣдникъ со свитой, монахи, свѣтильники и служеніе: «Былъ у насъ въ Новгородѣ Ангелъ Небесный и, посѣтивъ соборъ св. Софіи, соборъ Знаменія Богородицы, соборъ Николы Чудотворца, Свято-духовъ и нѣкія мѣста въ городѣ, прилетѣлъ наслѣдникъ, Ангелъ Утѣшитель какъ съ неба въ святую обитель нашу, въ нашъ земный рай... Какъ должно быть пріятно отцу и матери имѣть сына такого Ангела Утѣшителя.

«Чудесный видъ былъ, день былъ прекрасный, и всѣ стоящіе отъ солнца были свѣтлы, какъ въ солнце облеченные» (май 1837 г.).

XI.

Ранѣе, въ 1836 году, въ Юрьевомъ монастырѣ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Фотій готовился къ встрѣчѣ его, хотя подалъ видъ, что пріѣздъ этотъ былъ неожиданнымъ для обители. «Нынѣ почиваетъ въ Новгородѣ великій князь, то спѣшу готовиться въ соборѣ на случай пріѣзда и писать некогда» (8-го мая 1836 г.).

По мнѣнію Фотія, онъ встрѣтилъ Михаила Павловича, какъ подобаетъ, учтиво, благопристойно, но графиня сообщила ему о нѣкоторыхъ неудовольствіяхъ, которыя будто-бы князь испыталъ при пріемѣ его въ монастырѣ. Тогда Фотій пишетъ графинѣ въ свое оправданіе подробно о встрѣчѣ князя. «Кажется, по мнѣ нельзя было сдѣлать лучше, аккуратнѣе, скрытнѣе, доброй встрѣчи, какъ была сдѣлана великому князю Михаилу. Мнѣ казалося, онъ былъ въ удовольствіи отъ всего и милостивъ очень ко мнѣ. Я же былъ радъ видѣть его высочество. Великій князь и всѣ бывшіе съ нимъ знаютъ сами, что мы не знали о его пріѣздѣ, а такъ были осторожны и готовы, что духомъ собрался и всѣ были готовы на своемъ мѣстѣ и у дѣла.

«Скажу откровенно: великій князь отъ нечаянныя священныя встрѣчи былъ внѣ себя, такъ что не зналъ, какъ ему что сдѣлать, и цѣловавъ крестъ и не принималъ благословенія отъ удивленія священнаго, то я, знаменавъ мало, самъ простеръ мою руку взять его и взялъ и онъ мою

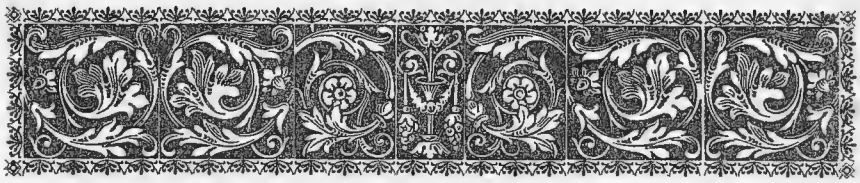
и очень кажется пріятно цѣловали другъ у друга, и онъ тогда уже былъ посмѣлѣе и веселѣе; и вшелъ по порядку позади меня въ соборъ.

«Корнилій мой любезный былъ у колонны на паперти и на крыльцахъ на дозорѣ одинъ смотря ко св. вратамъ, ибо какъ онъ знаетъ его въ лицо, то и велѣно было сказать мнѣ, точно ли великій князь ѣдетъ, а не другой кто, ибо ни я, ни изъ братіи никто не зналъ его въ лице и вотъ по словамъ Корнилія какъ орелъ (скакалъ въ колескѣ) летѣлъ во св. врата и къ собору ко крыльцу прямо и смотрѣлъ орломъ на всѣ стороны. А какъ соскочилъ съ коляски и увидѣлъ меня въ паперти съ крестомъ и все срѣтеніе священное великій князь, какъ говоритъ Корнилій,—взглянулъ на меня и лице мое сдѣлалося совсѣмъ иное, какъ снѣгъ бѣлое (испугался), нѣсколько оробѣлъ и смиренъ и кротокъ и благоговѣенъ какъ Ангелъ Божій явился вдругъ, и подошелъ ко кресту и удивленъ былъ отъ вида моего и отъ всего, не зная кто я (видно иначе онъ воображалъ, спросилъ тихо, кто я), всеблагоговѣйно подошелъ ко мнѣ и ко кресту и вшелъ во св. храмъ. Думаю, что сія встрѣча на него благодатію Христовою весьма сдѣлаетъ вліяніе. Онъ былъ удивленъ отъ алтаря и отъ сѣни надъ св. престоломъ и ото всего и очень, очень милъ мнѣ показался и всѣмъ, а впрочемъ я не знаю. А по всему было видно, что онъ былъ доволенъ и таковой встрѣчи во всю жизнь не имѣлъ. Миръ тебѣ, радуйся» (9-го мая 1836 г.).

Послѣ того какъ Фотій побывалъ подъ началомъ въ Невской лаврѣ за пріемъ императора Николая, пріемъ наслѣднику и великому князю былъ оказанъ свойственный во всѣхъ отношеніяхъ августѣйшимъ особамъ. Въ этомъ признавался даже самъ Фотій, сообщая графинѣ, что онъ, послѣ государя, научился уже встрѣчать высокихъ гостей изъ царской семьи.

А. Слезскинскій.

(Продолженіе будетъ).



Польша въ 1814 — 1831 гг.

(Изъ воспоминаній генерала Клементія Колачковскаго) [1]).

III.

Смотръ и маневры, произведенные Александромъ I польскимъ и литовскимъ войскамъ подъ Брестомъ въ 1823 году.—Графъ Ржевусскій.—Эмпиръ.—Вечера у великаго князя Константина Павловича въ Бельведерѣ.—Сенаторъ Илинскій.—Бельведерскій дворъ и его обычаи.—Генералы: Курута, Жандръ Дженшовъ, графъ Нессельроде и Дьяковъ.—Тайный совѣтникъ Моренгеймъ.—Князь Иванъ Голицынъ.—Адъютанты великаго князя.—День великаго князя Константина Павловича.—Родители княгини Ловичъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ (1823 г.) въ то время, когда я находился съ молодежью на практическихъ работахъ въ окрестностяхъ Келецъ, я получилъ письмо отъ генерала Гауке, который приглашалъ меня отъ имени великаго князя въ Брестъ-Литовскъ на большіе маневры соединенныхъ корпусовъ: польскаго и литовскаго. Тронутый памятью великаго князя, я поспѣшилъ сдать команду подполковнику Россману и, побывавъ въ концѣ сентября въ Варшавѣ, купилъ верховую лошадь и отправился вмѣстѣ съ флигель-адютантомъ Соболевскимъ на почтовыхъ въ Брестъ, гдѣ находилась главная квартира. Польскій корпусъ расположился на лѣвомъ берегу Буга въ окрестностяхъ Терасполя; а литовскій,—на правомъ берегу рѣки, въ двухъ миляхъ отъ Бреста.

Польскимъ корпусомъ командовалъ Станиславъ Потоцкій, а литовскимъ генералъ Д'Оврэ. Резервъ обоихъ корпусовъ составляла русская

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ № 3, стр. 623.

и польская гвардія, стоявшая въ Варшавѣ подъ начальствомъ генерала графа Красинскаго.

Подъ Брестомъ было всего 67 баталіоновъ, 72 эскадрона, 228 орудій и 10 ракетныхъ станковъ, т. е. (считая въ каждомъ баталіонѣ по 800 человѣкъ, въ эскадронѣ 180 человѣкъ и при каждомъ орудіи 12 человѣкъ) тутъ сосредоточено было всего 53.000 пѣхоты, 12.960 кавалеріи и 2.836 артиллеріи, а всего было подъ ружьемъ 68.796 чел.

Это было превосходно обученное и обмундированное войско; кавалерійскія и артиллерійскія лошади были прекрасно подобраны подъ масть. У литовскаго войска были зеленые мундиры съ желтыми обшлагами и отворотами, польскіе мундиры были гранатоваго цвѣта съ желтыми обшлагами и отворотами. На польскихъ шапкахъ блестѣлъ польскій орелъ, а на литовскихъ гербъ бывшаго Литовскаго княжества (всадникъ съ мечемъ на конѣ). Въ штабѣ великаго князя шутили, говоря, что императоръ измѣняетъ въ честь поляковъ цвѣтъ старыхъ русскихъ полковъ на польскіе цвѣта. Но измѣнены были не одни мундиры; всѣ солдаты литовскаго корпуса были дѣйствительно уроженцы присоединенныхъ провинцій и почти всѣ субалтернъ-офицеры были литовцы. Это послѣднее обстоятельство было чрезвычайно важно, ибо это подало поводъ говорить, что императоръ былъ твердо намѣренъ отдѣлить литовскія губерніи отъ Россіи, присоединить ихъ къ Польшѣ и дать имъ такія же привилегіи. Чѣмъ бы ни руководился императоръ, сосредоточивая столь значительныя силы, хотѣлъ ли онъ сдѣлать этимъ демонстрацію со стороны Турціи или же сдѣлать этимъ удовольствіе брату, который былъ не прочь похвастать передъ императоромъ организаціей и муштровкой своихъ солдатъ: какъ бы то ни было, извѣстіе о собраніи многочисленнаго войска привлекло не мало военныхъ изъ сосѣднихъ государствъ. Взглянуть на это зрѣлище съѣхались: принцъ прусскій Вильгельмъ со штабомъ, австрійскіе, англійскіе и ганноверскіе офицеры.

Пріѣхавъ въ Брестъ, я явился на другой же день великому князю, который представилъ меня императору. Его величество страдалъ въ то время рожею на ногѣ. Но, не смотря на болѣзнь государя, смотръ войску былъ произведенъ въ назначенный день на равнинѣ къ югу отъ Бреста и прошелъ блестящимъ образомъ. Пѣхота была разставлена колоннами въ двѣ линіи; третью линію занимала кавалерія, четвертую—артиллерія. Императоръ объѣхалъ всѣ линіи, привѣтствуемый громкими криками «ура», и казалось, былъ веселъ; затѣмъ войско прошло церемоніальнымъ маршемъ.

Въ то время когда проходила кавалерія, одинъ эскадронный командиръ литовскаго корпуса, заѣхавъ съ боку, чтобы привѣтствовать императора, дотронулся до его больной ноги. Но государь, не смотря

на причиненную этимъ боль, не выразилъ неудовольствія на своемъ лицѣ, просилъ великаго князя не взыскивать съ офицера и присутствовалъ на смотру до конца.

Въ свитѣ императора появился въ тотъ день извѣстный своей оригинальностью графъ Вацлавъ Ржевусскій, прозванный эмиромъ; онъ былъ одѣтъ по-восточному, ѣхалъ на прекрасной лошади чистой арабской крови. Императоръ ласково принялъ его и разрѣшилъ ему красоваться въ арабскихъ костюмахъ. Въ тотъ день на эмирѣ было что-то въ родѣ кафтана или куртки темнаго цвѣта съ розовыми разводами, безъ рукавовъ и турецкія шаровары; волосы его были коротко обстрижены. Выраженіе лица у Ржевусскаго было умное съ правильнымъ римскимъ профилемъ и красивыми глазами. Ему было въ то время лѣтъ 40, но никто не далъ бы ему болѣе 35. Вацлавъ Ржевусскій получилъ прекрасное воспитаніе и служилъ много лѣтъ гусаромъ въ австрійскомъ войскѣ и рано женился на княжнѣ Розаліи Любомірской. Вначалѣ они жили дружно; но двѣ столь различныя натуры не могли долго жить въ согласіи. Онъ былъ человѣкъ горячій, фантазеръ, страстно желалъ отличиться на какомъ-либо поприщѣ, она же была холодна, разсудительна, относилась съ насмѣшкой къ фантазіямъ своего мужа и смотрѣла на него какъ на человѣка невмѣняемаго. Не находя отрады въ семьѣ, онъ сталъ мало-по-малу отдаляться отъ жены и отправился путешествовать на востокъ и въ нѣсколько лѣтъ растратилъ почти все отцовское состояніе.

Ржевусскій провелъ нѣсколько лѣтъ на востокѣ, кочуя съ бедуинами, и такъ съ ними сроднился, что его легко можно было самого принять за бедуина. Онъ прекрасно говорилъ по-арабски и подписывался даннымъ ему именемъ: Якъ-ель-Шахеръ, арабскій эмиръ.

Два дня спустя послѣ смотра происходили маневры, во время которыхъ войско было раздѣлено на два корпуса. Первымъ корпусомъ командовалъ великій князь, вторымъ генералъ д'Оврэ.

Хотя роль каждаго отряда была опредѣлена *заранѣе* и въ инструкціяхъ была предусмотрѣна малѣйшая случайность, но все же я сомнѣваюсь, чтобы эти маневры могли дать иностраннымъ офицерамъ выгодное понятіе о тактическихъ способностяхъ нашего войска. Начальники, привыкшіе маневрировать на ровномъ плацпарадѣ, не смотря на подробно выработанную программу, потеряли голову, очутившись среди лѣса, зарослей, болотъ и холмовъ.

Колонны разстроились, линія поколебалась, артиллерія стала подъ горою какъ было указано въ инструкціи, и стрѣляла снизу вверхъ. Кавалерія стала на трясинѣ, откуда она не могла выбраться. Стрѣлки, не обращая вниманія на особенныя свойства мѣстности, растянулись по прямой линіи, какъ на Саксонской площади. Однимъ словомъ всѣ, въ

особенности же посторонніе наблюдатели могли убѣдиться въ томъ, что великій князь Константинъ Павловичъ былъ весьма посредственный полководецъ и генералъ, а войско было игрушкою въ его рукахъ, предназначенною скорѣе для парадовъ, нежели для войны.

На слѣдующій день, простившись съ братомъ, государь уѣхалъ на югъ, а войска возвратились въ свои квартиры.

Я уѣхалъ въ Варшаву.

Въ 1824 г. въ свободное отъ службы время я часто бывалъ въ Бельведерѣ, въ особенности вечеромъ по четвергамъ или субботамъ; это вошло въ обыкновеніе, такъ что если я не появлялся въ эти дни, то великій князь справлялся обо мнѣ и на другой день нерѣдко посылалъ за мною. Общество, которое собиралось по вечерамъ въ Бельведерѣ, состояло изъ великаго князя, княгини Ловичъ, дежурнаго адъютанта, молодаго Павла Александрова и его гувернера Явицкаго, человѣка почтеннаго и весьма образованнаго; иной разъ присутствовалъ также графъ Моріоллэ, французскій эмигрантъ, исполнявшій обязанность старшаго гувернера. Вечеръ начинался обыкновенно въ шестомъ часу. Великій князь въ вицъ-мундирѣ, не застегнутомъ на одну пуговицу (это былъ признакъ, что онъ подомашнему, не на службѣ), спускался изъ верхнихъ покоевъ и, поздоровавшись со мною, начиналъ бесѣду; говорилъ по большей части самъ, занимая насъ различными анекдотами о потербургскомъ и иныхъ дворахъ. Иногда, занятый политикой, онъ высказывалъ свое мнѣніе о заграничныхъ дѣлахъ, громилъ журналистовъ, разбиралъ ихъ статьи, хвалилъ, либо порицалъ; говорилъ о вновь вышедшихъ военныхъ сочиненіяхъ, которыя иной разъ дарилъ мнѣ, или приказывалъ мнѣ или адъютанту прочесть вслухъ интересовавшія его мѣста. Ежели на другой день было назначено ученье или смотръ, то, тревожась на счетъ погоды, онъ ежеминутно посылалъ камердинера посмотрѣть, какъ стоитъ барометръ, или что дѣлаютъ въ банкѣ зеленыя жабы: выходятъ онѣ на верхъ или опускаются на дно? Наконецъ, подавали превосходный чай, который княгиня Ловичъ разливала всѣмъ сама. Въ девятомъ часу Павликъ уходилъ съ гувернеромъ, а въ десятомъ поднимался съ мѣста великій князь и, пожелавъ всѣмъ покойной ночи, уходилъ. Впрочемъ, мы не всегда были одни; иногда въ шестомъ часу вечера къ княгинѣ Ловичъ пріѣзжалъ съ визитомъ кто-нибудь изъ варшавскаго общества: министръ Станиславъ Грабовскій, г-жа Замойская, Соболевская, княгиня Тереза Яблоновская и многія другія. Нѣкоторыя лица, къ коимъ великій князь особенно благоволилъ, оставались вечеромъ, другіе уѣзжали до его появленія. Я помню, какъ однажды наканунѣ новаго года г-жа Мокроновская гадала великому князю по свѣчкамъ, которыя плавали въ чашѣ, наполненной водою, что̀ вызвало со стороны великаго князя не мало шутокъ и смѣха.

Г-жа Мокроновская, походившая на Сибиллу, слѣдила съ большимъ вниманіемъ за тѣмъ, какія фигуры описывали зажженныя свѣчи, и пресерьезно дѣлала предсказанія.

Помню также сенатора Илинскаго, котораго великій князь считалъ своимъ человѣкомъ. Илинскій, богатый волынскій магнатъ, находился при дворѣ Екатерины II за нѣсколько лѣтъ до ея кончины. Пріятная наружность и симпатичныя черты характера обратили на него вниманіе великаго князя Павла Петровича, къ которому онъ съ теченіемъ времени привязался, и считалъ его своимъ лучшимъ другомъ. Его заступничеству и ходатайству былъ обязанъ своей свободою Костюшко; это было поставлено ему поляками въ особую заслугу; но онъ этимъ не удовольствовался; пользуясь расположеніемъ Павла, онъ спасъ многихъ несчастныхъ отъ гнѣва монарха.

Послѣ кончины Павла Илинскій удалился изъ Петербурга въ свое имѣніе Романово, гдѣ онъ велъ жизнь богатаго магната. У него былъ свой дворъ, театръ, оркестръ и балетъ изъ дворовыхъ, которые помимо сцены ходили всегда босикомъ. Впрочемъ, это былъ человѣкъ весьма гордый и тщеславный. Императоръ Александръ и великій князь Константинъ Павловичъ, помня расположеніе къ нему своего отца, перенесли на него уваженіе, которое оказывалъ ему Павелъ I. Онъ былъ пожалованъ сенаторомъ и кавалеромъ многихъ россійскихъ орденовъ. Когда я познакомился съ нимъ, онъ только-что вернулся изъ Рима и привезъ княгинѣ Ловичъ много разныхъ вещичекъ изъ Рима и благословеніе святаго отца. Разговоръ съ Илинскимъ вертѣлся исключительно около предметовъ религіи, и я подмѣтилъ, что великій князь слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и почтеніемъ. Впослѣдствіи я видѣлъ сенатора Илинскаго въ монастырѣ капуциновъ, гдѣ онъ слушалъ обѣдню, преклонивъ колѣно на бархатной подушкѣ, обшитой золотымъ галуномъ, съ напудренной головою, изукрашенный русскими звѣздами Нѣсколько шаговъ позади его стояла его супруга, также на колѣняхъ, но болѣе скромно, на кожаной подушкѣ. Еще далѣе стояли его дворовые и наконецъ челядь. Вотъ при какой тщеславной обстановкѣ Илинскій бесѣдовалъ съ Богомъ!

Я только однажды былъ на обѣдѣ въ Бельведерѣ да одинъ разъ былъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ во французскомъ театрѣ. Вообще, его императорское высочество избѣгалъ всего, что могло подать мысль, будто я пользуюсь его особой протекціей; въ этомъ отношеніи я былъ всегда ему признателенъ. Всякое повышеніе или награда были мною заслужены, а не были получены путемъ протекціи и близкаго родства съ княгиней Ловичъ. Впрочемъ, великій князь обходился со мною вѣжливо и никогда не позволялъ себѣ той фамильярности, которая считалась иными признакомъ особаго благоволенія, но вслѣдъ за которой не-

рѣдко разражалась буря. Подобныхъ бурь мнѣ также не пришлось испытывать, и я со своей стороны никогда не выходилъ изъ границъ почтительности и никогда не былъ предметомъ особаго благоволенія, вслѣдствіе чего я не потерялъ въ глазахъ своихъ собственныхъ и другихъ лицъ.

Чтобы дать понятіе о моихъ отношеніяхъ къ княгинѣ Ловичъ и къ великому князю, разскажу одинъ анекдотъ, относящійся къ 1824 г. Однажды вечеромъ, бесѣдуя съ великимъ княземъ, я обратилъ вниманіе на лежавшій на столѣ печатный пригласительный билетъ съ подписью ксендза князя Гогенлоэ, молодаго піетиста, молитвы котораго, по словамъ «девотокъ» (ханжей), творили чудеса.

На этомъ билетѣ было написано: «Ксендзъ Гогенлоэ такого-то и такого-то числа отслужитъ обѣдню за здравіе N. N.».

Въ то время я относился къ подобнымъ чудесамъ довольно скептически и имѣлъ неосторожность сказать: «этотъ билетъ походитъ на театральную офишу». Услыхавъ эти слова, княгиня Ловичъ накинулась на меня:

— Я давно уже замѣчаю — сказала она,—что ты принадлежишь къ числу современныхъ философовъ, которые смѣются надъ всѣмъ, что есть святаго; твои религіозные взгляды должно быть очень неустойчивы, если ты осмѣливаешься говорить подобныя вещи.

Я защищался какъ умѣлъ и сказалъ самымъ почтительнымъ образомъ, что я не менѣе религіозенъ, нежели многіе добрые католики, но что я вижу въ этомъ приглашеніи злоупотребленіе благочестіемъ, которое можетъ подать поводъ къ насмѣшкамъ надъ религіей, и нахожу, что молодой ксендзъ страдаетъ гордостью, если онъ приписываетъ чудесную силу своей молитвѣ о здравіи людей, въ чемъ воленъ только одинъ Богъ. Но никакіе доводы съ моей стороны не помогали; княгиня нападала на меня все болѣе и болѣе яростно; наконецъ, боясь разсердить ее окончательно, я замолчалъ и спокойно выслушивалъ ея нападки. Мало-по-малу княгиня Ловичъ успокоилась и подала намъ чай. Я принялъ изъ ея рукъ стаканъ, какъ оливковую вѣтвь мира, и остальной вечеръ былъ спокоенъ, но грустенъ. Великій князь не мѣшался въ нашъ разговоръ, но съ улыбкой искоса посматривалъ на насъ; только при прощаніи онъ сказалъ: «Жансю, я не хочу, чтобы солнце зашло и вы остались въ ссорѣ, помиритесь скорѣе». Княгиня улыбнулась и подала мнѣ руку. Я поцѣловалъ ее и простился.

Дня черезъ два послѣ этого столкновенія, княгиня Ловичъ пригласила меня къ себѣ; я засталъ у нея г-жу Замойскую и двухъ другихъ дамъ; она тотчасъ отошла со мною въ сторону и сказала:

— Ты не повѣришь, Клементій, какъ ты огорчилъ меня своимъ замѣчаніемъ. Я давно уже старалась примирить мужа съ нашей религіей

и много надъ этимъ потрудилась. Великій князь уже былъ на истинномъ пути, а ты все испортилъ своими словами; сколько мнѣ придется снова употребить стараній, чтобы наставить его на путь спасенія?

Смягченный этой откровенностью, я сознался въ своей винѣ, обѣщалъ исправить ее и даже помогать ей въ столь похвальномъ намѣреніи, и мы простились съ княгиней вполнѣ примиренные.

Опишу Бельведерскій дворъ и его обычаи. Начальникомъ штаба великаго князя былъ генералъ-лейтенантъ Курута, по происхожденію грекъ; онъ воспитывался вмѣстѣ съ великимъ княземъ въ то время, когда императрица Екатерина составляла свои обширные планы,—мечтала о завоеваніи Константинополя, объ изгнаніи изъ Европы турокъ и утвержденіи короны Константина Великаго на челѣ ея любимаго внука, соименнаго византійскому императору. Курута былъ небольшаго роста, нѣсколько тучный, смуглолицый съ выразительными глазами; ему было въ то время подъ 50 лѣтъ; его нетвердая походка изобличала человѣка, привыкшаго ходить по палубѣ судна; онъ служилъ въ молодости во флотѣ. Онъ получилъ довольно тщательное воспитаніе, былъ весьма свѣдущъ въ наукахъ необходимыхъ для капитана судна и кромѣ того былъ прекрасно знакомъ съ фронтовою службою всѣхъ родовъ оружія и въ особенности съ обязанностями унтеръ-офицера. Воспитанный вмѣстѣ съ великимъ княземъ и непремѣнный его товарищъ въ походахъ, онъ изучилъ какъ нельзя лучше всѣ его слабыя стороны; никто не умѣлъ лучше и терпѣливѣе его переносить вспышки гнѣва великаго князя. Бывъ много лѣтъ его довѣреннымъ лицомъ, онъ одинъ умѣлъ успокоить тѣхъ лицъ, кои были обижены великимъ княземъ и обращались къ нему со своими жалобами. Онъ былъ всегда спокоенъ, скрытенъ и выслушивалъ всѣ жалобы не показывая, что дѣлалось у него въ душѣ. Если онъ могъ замолвить за кого-нибудь слово, не подвергая себя непріятностямъ, то онъ дѣлалъ это охотно. Ему не разъ приходилось выслушивать рѣзкіе выговоры отъ великаго князя, но онъ никогда не жаловался, а смѣшилъ всѣхъ, говоря:—«Дорогой мой! когда великій князь сердитъ, то онъ говоритъ мнѣ иной разъ: Курута ты волъ,—но я не обижаюсь, ибо всѣмъ извѣстно, что я не волъ, а генералъ Курута—начальникъ штаба его императорскаго высочества великаго князя цесаревича». Его преданность великому князю доходила до того, что по приказанію великаго князя онъ могъ сдѣлать всякую жестокость.

Курута дѣлалъ много добра и былъ извѣстенъ всѣмъ нищимъ г. Варшавы, коимъ онъ много помогалъ.

Онъ страстно любилъ играть въ карты и проигрывалъ большую часть своихъ весьма значительныхъ доходовъ русскимъ генераламъ и въ особенности генералу Альбрехту. Великій князь зналъ эту слабость и неоднократно бранилъ его за это. Курута занималъ въ лѣвомъ фли-

гелѣ Бельведерскаго дворца двѣ комнаты, отдѣланныя на подобіе судовой каюты. Узкая лѣстница вела во второй этажъ, гдѣ помѣщался его другъ и пріятель, также грекъ родомъ, бывшій капитанъ судна, который занимался морскимъ разбоемъ, но съумѣлъ спасти свою голову отъ турецкаго кинжала. Курута всѣмъ дѣлился съ этимъ грекомъ по-братски, дѣлалъ также много добра и другимъ выходцамъ изъ Греціи и всегда относился сочувственно къ ихъ народному дѣлу. Съ великимъ княземъ онъ говорилъ обыкновенно по-гречески.

Генералъ Курута принималъ зимою и лѣтомъ въ 3 часа утра рапорты отъ полиціи и ординарцевъ изъ разныхъ полковъ варшавскаго гарнизона; въ 5 часовъ онъ являлся съ докладомъ уже къ великому князю. Вѣчно дѣятельный, хладнокровный, добрый, онъ былъ дѣйствительно правою рукою великаго князя и громоотводомъ во время гнѣвныхъ вспышекъ, которыми его начальникъ разражался иногда съ ранняго утра.

Вторымъ лицомъ послѣ него былъ генералъ Жандръ, человѣкъ испорченный до мозга костей, къ которому великій князь, не смотря на всѣ недостатки, питалъ издавна особенную пріязнь. Генералъ Жандръ не занималъ опредѣленнаго мѣста, но числился только въ свитѣ, состоялъ въ его распоряженіи.

Третій приближенный къ великому князю человѣкъ, генералъ Дженшовъ (Jenszow) по происхожденію англичанинъ, предки котораго издавна находились въ русской службѣ, состоялъ адъютантомъ при великомъ князѣ во время походовъ 1812, 1813 и 1814 гг. У него была самая привлекательная наружность, красивое открытое лицо, а между тѣмъ онъ исполнялъ самыя щекотливыя обязанности. Въ его вѣдомствѣ состояла тайная полиція намѣстника, которой въ Варшавѣ было много разныхъ сортовъ: полиція Рожнецкаго, Любовицкаго, полковника Засса и наконецъ уличная полиція парикмахера Макрота. Но объ этомъ еще буду говорить далѣе. Я познакомился съ Дженшовымъ въ 1815 г. въ домѣ Бронцовъ. Кажется, великій князь ему первому открылъ свои чувства (къ Жанетѣ Грудзинской), и поэтому княгиня Ловичъ любила его.

Генералъ графъ Нессельроде и генералъ Дьяковъ, адъютанты великаго князя, состоявшіе въ его свитѣ, употреблялись имъ для личныхъ услугъ. Они славились безупречной честностью, были прекрасно образованы, чужды всякой подлости и весьма пріятные собесѣдники въ обществѣ.

Первый изъ нихъ, родственникъ министра иностранныхъ дѣлъ, по своему положенію былъ менѣе зависимъ, нежели второй, считался человѣкомъ весьма просвѣщеннымъ, прекрасно образованнымъ и остроумнымъ, но чрезвычайно страннымъ; онъ былъ страстный игрокъ. Онъ женился на полькѣ, паннѣ Горской изъ Литвы, сестрѣ генеральши Ле-

духовской и воспитанницѣ дѣвицъ Грудзинскихъ и моей сестры Альберты, но прожилъ съ нею недолго. И мужъ и жена были, каждый въ своемъ родѣ, такіе удивительные чудаки, что они никакъ не могли ужиться вмѣстѣ.

Генералъ Дьяковъ человѣкъ любезный, свѣтскій, бывалъ въ польскомъ обществѣ со своею женою, прелестной женщиной, русской. Оба были хорошіе музыканты. Нессельроде отлично игралъ на фортепіано, Дьяковъ очень мило пѣлъ французскіе романсы и русскія пѣсни.

Директоромъ собственной канцеляріи великаго князя былъ тайный совѣтникъ Моренгеймъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву въ 1815 г. Это былъ человѣкъ прекрасно образованный, изысканно вѣжливый, но до смѣшнаго напыщенный. О немъ разсказывали самыя удивительныя вещи, точно такъ же, какъ о причинахъ особаго благоволенія и довѣрія къ нему со стороны великаго князя. Моренгеймъ былъ принятъ въ самыхъ первыхъ варшавскихъ домахъ и женился вскорѣ на дочери министра Мостовскаго. Во время возстанія 1830 г. я видѣлъ Моренгейма вмѣстѣ съ его женою на улицахъ Варшавы, съ бѣлой кокардою на шляпѣ. Это было первое проявленіе помѣшательства, которое постигло его въ Вѣнѣ въ 1831 г., гдѣ онъ и скончался въ припадкѣ сумасшествія.

Князь Иванъ Голицынъ, котораго называли въ Бельведерѣ Jean de Paris, былъ типъ разорившагося русскаго барина, который любилъ широко пожить, промоталъ нѣсколько состояній и сдѣлался наконецъ камеръ-юнкеромъ, но въ сущности игралъ въ Бельведерскомъ дворцѣ роль шута. Его конькомъ были театральныя сплетни, которыя онъ передавалъ великому князю и тѣмъ забавлялъ его.

Адъютантами великаго князя были: Киль, Безобразовъ, Грессеръ старшій и Оливъ-де-Кюбьеренъ (Olive de Cubièren).

Полковникъ Киль, лифляндецъ, былъ веселый, пріятный сотоварищъ, котораго въ мужскихъ кружкахъ всѣ любили за его веселый нравъ и замѣчательную способность къ каррикатурамъ, въ которыхъ онъ былъ дѣйствительно большой мастеръ.

Капитанъ гвардіи Безобразовъ, прозванный за свою красоту Аполлономъ Бельведерскимъ, извѣстный танцоръ, имѣлъ большой успѣхъ среди варшавскихъ дамъ.

Капитанъ гвардіи Грессеръ ничѣмъ особеннымъ не отличался.

Оливъ-де-Кюбьеренъ (Olive de Cubièren), происходившій изъ знатной французской фамиліи, служилъ сперва въ отрядѣ тѣлохранителей Людовика XVIII и обратилъ на себя вниманіе великаго князя въ то время, когда послѣдній гостилъ въ домѣ его матери, которая, уступивъ настоятельнымъ его просьбамъ, довѣрила ему своего сына, и онъ относился къ нему съ чисто отеческой заботливостью и обращался

съ нимъ какъ съ другомъ. Оливъ, будучи весьма преданъ и признателенъ великому князю, держалъ себя благородно и независимо и никогда не принималъ участія въ бельведерскихъ сплетняхъ. Познакомившись въ Варшавѣ съ Щербининой, рожденной Сухаржевской, дочерью прославившагося въ дѣлѣ 3-го мая 1791 г. посла на четырехлѣтнемъ сеймѣ и приверженца Россіи, онъ влюбился въ ея дочь и съ согласія великаго князя женился на ней, получивъ въ приданое прекрасное имѣніе подъ Саратовомъ.

Адъютантовъ поляковъ было четверо: гвардіи полковникъ Тренбицкій (Trenbicki), его младшій братъ Тренбицкій, гвардіи полковникъ Турно и гвардіи капитанъ Михаилъ Мицельскій (Mycielski).

Полковникъ Станиславъ Тренбицкій, сынъ извѣстнаго агронома Тренбицкаго, принадлежалъ къ числу наиболѣе образованныхъ офицеровъ польской арміи; онъ былъ характера твердаго, энергичнаго, что̀ и доказалъ въ ночь на 29-е ноября, когда онъ не колеблясь предпочелъ смерть измѣнѣ. Великій князь особенно цѣнилъ его строгую исполнительность по службѣ и поэтому приблизилъ его къ своей особѣ. Но кромѣ строгой исполнительности, которой онъ многихъ возстановилъ противъ себя, это былъ человѣкъ вполнѣ самостоятельный въ своихъ поступкахъ и достойный во всѣхъ отношеніяхъ; онъ даже не скрывалъ своего негодованія въ тѣхъ случаяхъ, когда великій князь позволялъ себѣ слишкомъ грозныя вспышки гнѣва.

Его братъ, Казиміръ, не имѣлъ тѣхъ качествъ, коими отличался Станиславъ Тренбицкій, и принадлежалъ къ числу самыхъ заурядныхъ личностей, окружавшихъ великаго князя. Онъ одинъ сопровождалъ Константина Павловича въ Бѣлостокъ и Витебскъ, присутствовалъ при его кончинѣ и сопровождалъ княгиню Ловичъ въ Петербургъ, куда она поѣхала проводить тѣло своего супруга.

Полковникъ Карлъ Турно, окончившій курсъ въ инженерной академіи въ Вѣнѣ, изъ которой вышло такъ много достойныхъ офицеровъ, служилъ въ австрійскомъ войскѣ; когда окончилась кампанія 1809 г. онъ поступилъ на русскую службу, участвовалъ въ славной войнѣ 1812 и 1813 гг. Принявъ затѣмъ участіе въ новой организаціи войска, онъ снискалъ расположеніе великаго князя своими познаніями, остроуміемъ и веселымъ характеромъ, такъ что его высочество не могъ обходиться безъ него и всегда бралъ его съ собою въ поѣздки. Чѣмъ Тренбицкій былъ для пѣхоты, тѣмъ былъ Турно для кавалеріи; это былъ такой же требовательный, исполнительный служака, хотя не столь строгій формалистъ; при этомъ онъ любилъ поиграть въ карты, хорошо поѣсть и провести время въ веселой товарищеской компаніи. Турно былъ не столь твердаго характера, какъ Тренбицкій, и любилъ задѣть и обрѣзать собесѣдника; но никто не сомнѣвался въ его безупречномъ поведеніи, только

немногіе завистники приписывали расположеніе и довѣріе великаго князя къ Турно его угодливости и лести, но изъ людей, знавшихъ его ближе, никто не могъ поставить этого ему въ вину.

Особымъ расположеніемъ великаго князя пользовался также графъ Михаилъ Мицельскій, но Константинъ Павловичъ любилъ его не за исполнительность по службѣ, которую тотъ ненавидѣлъ, а какъ пріятнаго собесѣдника. Мицельскій былъ человѣкъ свѣтскій, остроумный до геніальности. Кто не помнитъ его тощей, длинной, блѣдной фигуры съ очками на носу, съ насмѣшливой улыбкой на устахъ и тѣхъ язвительныхъ замѣчаній, шутокъ и французскихъ каламбуровъ, которые, какъ градъ, сыпались изъ его устъ на несчастныхъ жертвъ, попадавшихся ему подъ-руку.

Впрочемъ, Мицельскаго отнюдь нельзя было назвать человѣкомъ пустымъ, онъ былъ смѣлъ и отваженъ на полѣ битвы, а въ гостиной это былъ веселый и забавный собесѣдникъ, не дававшій спуску никому, даже великому князю, который хотя и шутилъ съ нимъ, но побаивался его. Для своихъ пріятелей Мицельскій былъ самый надежный другъ, на котораго можно было вполнѣ положиться и который всегда былъ готовъ оказать услугу. Мы были съ нимъ издавна, съ самаго пребыванія въ Парижѣ, въ весьма дружескихъ отношеніяхъ. Варшавскія дамы, даже сама Вонсовичъ, рожденная Тышкевичъ, боялись его какъ огня и старательно избѣгали его въ гостиной, не рѣшаясь сказать въ его присутствіи лишняго слова или противорѣчить ему изъ боязни, чтобы онъ имъ не отомстилъ какимъ-нибудь язвительнымъ замѣчаніемъ, которымъ онъ заклеймилъ бы ихъ на всегда. Очень жаль, что этотъ выдающійся человѣкъ былъ такъ страстно преданъ игрѣ и смотрѣлъ на нее не какъ на забаву, а какъ на средство жить широко. Быть можетъ, игра была для него тѣмъ, чѣмъ служитъ опіумъ на востокѣ—средствомъ притупить страшныя боли, которыми онъ страдалъ.

Упомяну также о достойномъ Колзаковѣ, типѣ добродушнаго моряка, и о генералѣ Кривцовѣ, которые много лѣтъ состояли при великомъ князѣ; для полноты картины надобно сказать также нѣсколько словъ о старикѣ Пастерниковѣ, камердинерѣ княгини Ловичъ, росломъ молодцѣ, котораго великій князь поставилъ во главѣ слугъ своей жены, и о Кохановскомъ, камердинерѣ великаго князя, хладнокровію котораго онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ во время нападенія на Бельведеръ. Назову еще пана Митчеля (Mitchel), человѣка образованнаго, и подконюшаго Гаврилу, имѣвшаго не малое значеніе по слѣдующей причинѣ. Передъ каждымъ ученіемъ и смотромъ, начальники отдѣльныхъ частей подходили съ тревогою къ Кохановскому и Гаврилѣ и спрашивали у перваго, какъ провелъ великій князь ночь, въ какомъ настроеніи онъ всталъ, а втораго—какую лошадь онъ приказалъ по-

дать, спокойная ли она и, главное, не боится ли мухъ. За благопріятный отвѣтъ они получали рублевки, и тогда всѣ приступали къ великому дѣлу—смотру или ученью съ веселыми лицами.

Но когда отвѣтъ былъ неблагопріятный, то лица генераловъ вытягивались, и всѣ предсказывали печальный конецъ смотра.

Препровожденіе дня въ Бельведерѣ, во всякое время года, неизмѣнно было слѣдующее:

Великій князь вставалъ въ пятомъ часу утра и еще не одѣтый принималъ первый рапортъ отъ генерала Куруты и начальниковъ полиціи; затѣмъ ему убиралъ голову парикмахеръ Макротовъ, который въ это время нашептывалъ ему все, что ему успѣли донести наканунѣ его тайные агенты. Потомъ великій князь пилъ чай и одѣвался; это называли le petit lever. Тогда входили адъютанты и дежурные генералы и первые ординарцы; онъ подписывалъ подносимые ему Моренгеймомъ важнѣйшія бумаги и заходилъ на минутку къ княгинѣ Ловичъ. Потомъ онъ отправлялся въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ рѣшалъ передъ смотромъ важнѣйшія дѣла и принималъ должностныхъ лицъ и офицеровъ; тутъ же являлись ему адъютанты. Въ это время представлялись намѣстнику офицеры разнаго рода оружія, пріѣзжавшіе или уѣзжавшіе изъ Варшавы. Наконецъ, въ одиннадцатомъ часу происходилъ смотръ въ указанномъ порядкѣ со всѣми актами и антрактами, обычными для этого зрѣлища. Послѣ смотра великій князь либо возвращался въ Брюлевскій дворецъ для окончанія служебныхъ дѣлъ, либо объѣзжалъ казармы, гауптвахты, военно-учебныя заведенія или другія учрежденія. Въ казармахъ онъ обходилъ спальни, солдатскія кухни и, приказавъ подать себѣ солдатскія щи, пробовалъ ихъ, хвалилъ или порицалъ. Въ госпиталяхъ разспрашивалъ больныхъ, чѣмъ они страдаютъ, рѣшалъ, подобно Суворову, какая у нихъ болѣзнь, и предписывалъ докторамъ рецепты. Во второмъ часу великій князь обѣдалъ съ княгиней Ловичъ, Павликомъ и гувернеромъ; къ столу приглашались дежурный адъютантъ и очень часто артиллерійскій генералъ Бонганъ, котораго Константинъ Павловичъ очень любилъ. Обѣдъ былъ всегда изысканный, но состоялъ изъ немногихъ перемѣнъ; великій князь не пилъ никакого вина кромѣ шампанскаго и то не болѣе двухъ рюмокъ. Послѣ обѣда онъ приглашалъ къ женѣ выпить чашку кофе и бесѣдовалъ еще съ присутствующими съ полъ-часа. Затѣмъ, простясь со всѣми, онъ уходилъ на верхъ, гдѣ, поигравъ немного со своими любимыми бульдогами и обезьянами, ложился спать, приказавъ камердинеру разбудить его въ извѣстный часъ, обыкновенно часу въ шестомъ. Но потомъ выторговывалъ у камердинера еще часокъ и, наконецъ, еще четверть часика.

Если погода была хороша, то онъ снова одѣвался и ѣхалъ въ лагерь на вечернюю зарю или объѣзжалъ снова гауптвахты. Бѣда была молодымъ

офицерамъ, которые чаще всего попадались по своему легкомыслію. Болѣе пожилые и опытные никогда не раздѣвались, а сидѣли въ каскѣ, съ офицерскимъ знакомъ на груди, по уши застегнутые, въ кожаномъ креслѣ, готовые по первому звонку принять его. Если погода была худая, то онъ сходилъ къ княгинѣ Ловичъ пить чай.

Стѣны его верхнихъ комнатъ были увѣшаны разнаго рода оружіемъ и изображеніями офицеровъ и солдатъ польскаго и литовскаго войска. Были тутъ и портреты, въ числѣ ихъ находился и мой портретъ.

Высшіе военные и гражданскіе русскіе сановники, генералы, иностранные дипломаты, проѣзжавшіе черезъ Варшаву, и офицеры высшихъ чиновъ принимались великимъ княземъ въ Бельведерѣ и послѣ представленія княгинѣ Ловичъ обыкновенно приглашались къ обѣду. Княгиня принимала гостей со свойственной ей любезностью и привѣтливостью, плѣняла иностранцевъ, которые пріѣзжали предубѣжденные, и умѣла выставить великаго князя въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ. Иностранцы, бывавшіе въ Бельведерѣ, уѣзжали очарованные ея любезностью, остроуміемъ, умѣніемъ заинтересовать собесѣдника пріятнымъ разговоромъ. Въ Европѣ стали говорить объ удачномъ выборѣ великаго князя и о необыкновенной перемѣнѣ, происшедшей въ его характерѣ.

Панъ Грудзинскій, отецъ княгини Ловичъ, пріѣхалъ, по приглашенію великаго князя, въ Варшаву впервые въ 1822 году. Великій князь съ княгинею Ловичъ выѣхали ему на встрѣчу въ Олтаржевъ.

Константинъ Павловичъ почтительно привѣтствовалъ его, оказалъ ему всевозможные знаки вниманія и уваженія, посадилъ его въ экипажѣ рядомъ съ женою, а самъ сѣлъ на переднюю скамейку и такъ ѣхалъ до Бельведерскаго дворца. Грудзинскій остановился въ Виленскомъ отелѣ, но проводилъ все время у дочери; только во вторичный свой пріѣздъ онъ остановился по желанію великаго князя въ Бельведерѣ.

Положеніе Грудзинскаго по отношенію къ великому князю было весьма щекотливо вслѣдствіе того, что его дѣла были очень разстроены, и ему постоянно угрожало преслѣдованіе со стороны кредиторовъ и даже арестъ за неуплату по отцовскимъ векселямъ. Великому князю было это извѣстно, но онъ, изъ деликатности, не показывалъ этого; съ другой стороны и Грудзинскій отнюдь не держалъ себя въ Бельведерѣ, какъ проситель или человѣкъ, ищущій покровителя, но держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, какъ отецъ его жены. Великій князь до самаго его отъѣзда изъ Варшавы относился къ нему самымъ почтительнымъ и деликатнымъ образомъ.

Въ молодости Грудзинскій былъ очень живаго, веселаго характера и имѣлъ прекрасные живые глаза, въ которыхъ отражался его природный умъ; онъ получилъ подъ надзоромъ отца тщательное образо-

ваніе въ Берлинѣ и въ дворянской академіи въ Штутгардтѣ. Какъ человѣкъ веселый и большой шутникъ, онъ могъ бы очень понравиться, но онъ былъ весьма разсѣянъ и на его лицѣ постоянно отражалось какое-то безпокойство, выдававшее его затаенныя чувства; при этомъ онъ всегда говорилъ какъ-то особенно таинственно. По отношенію къ великому князю онъ держалъ себя чрезвычайно осторожно, никогда не противорѣчилъ ему, но когда великій князь спрашивалъ его мнѣніе, то онъ отвѣчалъ обыкновенно иносказательно, облекая свой отвѣтъ въ форму басни, какъ будто онъ говорилъ съ восточнымъ властителемъ временъ Гарунъ-Аль-Рашида. Великому князю не нравилась эта скрытность, и онъ часто жаловался женѣ на притворство ея отца.

Мать княгини Ловичъ, пани Бронецъ, первая супруга Грудзинскаго, рожденная Дерповска, по своимъ нравственнымъ качествамъ стояла гораздо ниже Грудзинскаго. Получивъ домашнее воспитаніе, она рано лишилась матери, и было замѣтно, что она не видала въ дѣтствѣ хорошихъ примѣровъ. Молоденькая, хорошенькая, легкомысленная панна вышла шестнадцати лѣтъ замужъ за своего дядю (по матери). Они прожили десять лѣтъ, повидимому, въ полномъ согласіи, но затѣмъ неожиданно разошлись. Въ это время на ихъ горизонтѣ появился красивый, молодой, разоренный литовецъ, Бронецъ, мастеръ побѣждать сердца молодыхъ женщинъ; онъ вскорѣ завладѣлъ ею всецѣло, убѣдилъ ее развестись съ мужемъ и выйти замужъ за него. Они зажили въ Варшавѣ на широкую ногу и вскорѣ спустили большую часть ея имѣнія. Вступленіе въ Варшаву французовъ въ 1806 г. было для Бронца причиною новыхъ расходовъ; назначенный гофмаршаломъ, онъ долженъ былъ принимать въ королевскомъ замкѣ свиту Наполеона. Эта должность дала Бронцу полную возможность выказать свои способности къ представительству, свое умѣніе устраивать съ большимъ вкусомъ всевозможныя увеселенія. Даваемые балы, обѣды, вечера, концерты привлекали лицъ императорской свиты и лучшее варшавское общество. Госпожа Бронецъ была еще хороша собою, а ея дочери отъ перваго брака были красавицы, хорошо воспитанныя и образованныя; это было не малой приманкой для гостей. Рядъ увеселеній продолжался все время пребыванія французовъ въ Варшавѣ. Когда возникло Варшавское герцогство, Бронецъ остался гофмаршаломъ короля саксонскаго, монарха набожнаго и бережливаго, которому расточительность его маршала очень не нравилась. По вступленіи въ Варшаву русскихъ, Бронецъ сохранилъ свое мѣсто и въ 1815 г. былъ назначенъ маршаломъ императорско-королевскаго двора. Перемѣна правительства не сократила его расходовъ и долговъ; имѣніе г-жи Бронецъ было оцѣнено за долги ниже его стоимости, кредитъ самого Бронца въ Варшавѣ совершенно упалъ. Однако, въ ихъ домѣ не было замѣтно никакой пере-

мѣны; у нихъ была все та же роскошь, давались тѣ же вечера, обѣды, ужины. Кто ихъ не помнитъ?! На столѣ польскаго Лукулла появлялось все, что было наилучшаго въ Варшавѣ, Парижѣ и въ Вѣнѣ; страсбургскіе паштеты, трюфели, морскія рыбы, стерляди, остендскія устрицы, верденскія конфекты, вѣнскіе торты и т. д. и т. д., выписывались самыя дорогія вина; но всѣ эти изысканныя вещи покупались большею частью въ долгъ, а купцы ожидали въ пріемной уплаты по счетамъ и часто уходили ни съ чѣмъ въ то время, какъ веселая компанія съ аппетитомъ ужинала подъ звонъ пѣнящихся бокаловъ.

Бронецъ былъ не только въ полномъ смыслѣ расточитель, но онъ былъ въ то же время большимъ знатокомъ кулинарнаго искусства, обжорой или, лучше сказать, гастрономомъ. Во времена упадка Римской имперіи онъ былъ бы навѣрно консуломъ, исполнявшимъ обязанности гофмаршала императора Геліогабала. Такой домъ, по выходѣ замужъ моихъ кузинъ Грудзинскихъ, уже не представлялъ для меня ничего привлекательнаго. Но, въ виду моихъ давнишнихъ отношеній къ ихъ семьѣ, я продолжалъ бывать у нихъ на малыхъ обѣдахъ и вечерахъ.

Великій князь относился къ г-жѣ Бронецъ съ должнымъ почтеніемъ, какъ къ матери своей жены, но въ душѣ не уважалъ ее. Хотя она его очень боялась, но нерѣдко все же обращалась къ нему съ разными просьбами. Впрочемъ, она искала не одного его покровительства, но осаждала также варшавскіе суды и присутственныя мѣста и мучила прусскаго консуса нескончаемыми дѣлами по обмѣну и покупкѣ имѣнія Попово; у императора она то просила увеличить жалованье мужу, то просила пожаловать ему казенныя земли. Все это чрезвычайно огорчало княгиню Ловичъ и великаго князя.

Обычными посѣтителями Бронца были: его домашній докторъ Кинцелъ, замковый архитекторъ Кубицкій и церемоніймейстеръ двора кавалеръ Забоклицкій, да еще нѣсколько человѣкъ, которые славились, какъ тонкіе гастрономы, любители поиграть въ карты и провести время въ веселой компаніи.

IV.

Сеймъ 1825 года.—Императоръ Александръ I въ Варшавѣ.—Его мистицизмъ и желаніе отречься отъ престола.—Варшава при полученіи извѣстія о кончинѣ Александра I и вступленіи на престолъ императора Николая I.—Открытіе тайныхъ обществъ.—Аресты.—Образованіе слѣдственной коммиссіи.—Допросы.—Герцогъ Веллингтонъ и принцъ Фердинандъ д'Эсте въ Варшавѣ.—Варшава въ день похоронъ Александра I и коронаціи императора Николая I.—Судъ и приговоръ надъ участниками тайныхъ обществъ.

Въ маѣ 1825 г. послѣ долгаго перерыва въ Варшавѣ былъ созванъ сеймъ. Императоръ пріѣхалъ на его открытіе и посвятилъ дѣламъ цар-

ства Польскаго цѣлый мѣсяцъ. Дополнительныя статьи конституціи, принятыя по предложенію князя Любецкаго, привели въ негодованіе всѣхъ тѣхъ, кои придавали серьезное значеніе парламентарному управленію страны, не обращая вниманія на препятствія, которыя должны были возникнуть съ самаго начала въ ея сношеніяхъ съ Россійской имперіей. Этой статьею была отмѣнена гласность преній на сеймѣ, и постороннимъ зрителямъ разрѣшалось присутствовать только на его открытіи и на закрытіи. Я также былъ возмущенъ этимъ повелѣніемъ, считая его нарушеніемъ важнѣйшихъ правъ, даруемыхъ конституціей; нынѣ, ближе узнавъ истинное положеніе дѣлъ и характеръ нашего народа, я нахожу, что оно было спасеніемъ, что оно даже было необходимо, если императоръ хотѣлъ избѣгнуть оппозиціи, которая, не смотря на зависимость царства Польскаго отъ Россіи и на то, что они были подчинены одному и тому же неограниченному монарху, хотѣла во что бы то ни стало играть роль, какую играетъ оппозиція въ англійскомъ парламентѣ. То, что у насъ было простой парламентской оппозиціей, называлось въ Россіи rokosz'емъ (мятежомъ). Поэтому не удивительно, что императоръ, принимая во вниманіе Россію и Европу, хотѣлъ во что бы то ни стало избѣжать слишкомъ явной оппозиціи во время публичныхъ преній и опасался, чтобы она не вызвала со стороны русскихъ желанія дѣйствовать точно также у себя дома. Всему этому была виною та двойственная роль, которую императору приходилось играть; легко можно было предвидѣть, что мы будемъ принесены со временемъ въ жертву.

На этомъ же сеймѣ были единодушно приняты нѣкоторыя правительственныя мѣры, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимало учрежденіе кредитнаго общества. Императоръ, довольный благополучнымъ исходомъ дѣлъ, отечески благодарилъ сеймъ и осыпалъ нѣкоторыхъ лицъ милостями. Обѣды, данные императоромъ въ замкѣ, большой балъ, данный его величеству въ театральномъ залѣ членами сейма, смотры, парады, визиты, пріемъ разныхъ лицъ наполнили все свободное отъ засѣданій время.

Въ это же время въ Варшаву пріѣхала г-жа Косцельская съ дочерью Михалиной, чтобы подать императору просьбу своего отца, отставнаго генерала Рокетницкаго, который былъ арестованъ во время возстанія 1794 г. и высланъ въ Кіевъ, гдѣ онъ прожилъ два года въ заточеніи. Теперь же онъ обращался къ милосердію царя, прося о назначеніи ему пожизненной пенсіи, въ которой онъ очень нуждался, потерявъ вслѣдствіе политическихъ событій и отчасти по своей собственной расточительности почти все свое имущество.

Съ прошеніемъ, написаннымъ рукою панны Михалины и завернутымъ въ кружевной платокъ, г-жа Косцельская отправилась въ за-

мокъ; но она опоздала на четверть часа къ назначенной аудіенціи. Когда о ней доложили, то она уже въ дверяхъ царскаго кабинета замѣтила, что прошеніе было ею забыто въ экипажѣ; обернувшись въ вводившему ее камергеру, она сообщила ему объ этомъ непріятномъ случаѣ, и онъ поспѣшилъ за прошеніемъ. Императоръ принялъ ее съ улыбкой на устахъ и пригласилъ сѣсть на диванъ, самъ сѣлъ противъ нея въ кресло и, чтобы дать ей возможность оправиться отъ замѣшательства, причиненнаго ея забывчивостью, онъ началъ, со свойственной ему любезностью и деликатностью, разспрашивать объ ея семействѣ, о варшавскихъ вечерахъ и т. п., и только когда прошла первая неловкость, онъ привѣтливо спросилъ ее о цѣли ея посѣщенія и внимательно выслушалъ всѣ подробности дѣла. Обѣщавъ исполнить все, чего просила г-жа Косцельская, императоръ взялъ у нея изъ рукъ прошеніе. По какой-то несчастной случайности, перчатки у г-жи Косцельской были пришиты къ платью; она позабыла объ этомъ и когда императоръ по своему обыкновенію хотѣлъ, прощаясь, поцѣловать у нея руку, то она изо всѣхъ силъ стала тащить перчатку, чтобы снять ее, но это ей не удавалось; императоръ со своей стороны старался помочь ей. Во время этой борьбы у перчатки оторвался палецъ, который императоръ въ знакъ побѣды обернулъ около своего пальца и оставилъ у себя. Любезно простясь съ г-жею Косцельской, его величество проводилъ ее до дверей.

По отъѣздѣ императора изъ Варшавы прекратились увеселенія, и всѣ принялись за обычныя занятія.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1825 г. на обратномъ пути изъ Германіи императоръ послѣдній разъ посѣтилъ Варшаву. Пробывъ короткое время, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда вскорѣ отправился въ Таганрогъ. На его всегда спокойномъ лицѣ не было видно слѣда той душевной тревоги, которую онъ переживалъ въ то время, но все же было замѣтно, что онъ очень озабоченъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и судьбою угнетеннаго греческаго народа. Что касается перваго, то можно предполагать, что онъ зналъ о тайныхъ обществахъ, образовавшихся въ то время въ Россіи, ибо однажды на смотру онъ сказалъ генералу Гауке: «я знаю, что я окруженъ убійцами, и что на мою жизнь злоумышляютъ».

Зловредный мистицизмъ, вселенный въ душу этого слабохарактернаго монарха г-жею Криднеръ, еще болѣе усилился подъ вліяніемъ его бесѣдъ съ княгинею Ловичъ.

Недовѣріе къ людямъ, отвращеніе къ власти, сознаніе своего безсилія поднять упавшую нравственность народа, предчувствіе подготовлявшихся въ Россіи смутъ вызвало въ немъ желаніе отказаться отъ престола; онъ мечталъ удалиться на покой, уѣхать въ Римъ, гдѣ, предавшись всецѣло религіи, надѣялся обрѣсти утраченное спокойствіе духа и убѣждалъ великаго князя Константина Павловича и княгиню Ловичъ

отказаться отъ суеты міра и отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Онъ рисовалъ имъ въ самыхъ яркихъ краскахъ счастье, которое ихъ тамъ ожидаетъ. Княгиня Ловичъ, давно уже мечтавшая о томъ же, видѣла въ этомъ намѣреніи перстъ Божій, волю Провидѣнія, которое могло привести императора въ лоно католической церкви. Великій князь изъ любви къ брату исполнилъ бы пожалуй его желаніе, но отказаться отъ парадовъ, смотровъ, отъ всѣхъ своихъ любимыхъ забавъ было свыше его силъ!

7-го декабря того же года прискакалъ въ Варшаву посланный генераломъ Дибичемъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о кончинѣ императора Александра I. Войдя въ спальню великаго князя въ Бельведерѣ, онъ бросился ему въ ноги, называя его своимъ государемъ. Великій князь, только-что возвратившійся передъ тѣмъ съ супругою изъ Дрездена, былъ далекъ отъ мысли о подобномъ несчастіи. Первое впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, было потрясающее. Великій князь, какъ громомъ пораженный, упалъ въ объятія адъютанта. Онъ ни минуты не колебался въ своемъ намѣреніи отречься отъ престола и сказалъ, какъ мнѣ передавали, подошедшей къ нему съ встревоженнымъ лицомъ княгинѣ Ловичъ: «успокойся, ты не будешь царствовать».

Обстоятельства, сопровождавшія вступленіе на престолъ императора Николая, настолько извѣстны, что на нихъ нѣтъ надобности останавливаться, тѣмъ болѣе, что авторъ настоящихъ записокъ не прибавляетъ къ извѣстнымъ уже фактамъ никакихъ новыхъ подробностей; для насъ болѣе интересно, что авторъ, какъ очевидецъ и человѣкъ, стоявшій близко къ Бельведерскому дворцу, говоритъ о состояніи умовъ въ польской столицѣ.

«8-го декабря вся Варшава знала уже о случившейся катастрофѣ (кончинѣ Александра I). Всѣ задавали себѣ вопросъ: кто будетъ царствовать? Константинъ или Николай? Но спокойствіе въ городѣ на взглядъ ни на минуту не было нарушено. Это извѣстіе застало нашихъ заговорщиковъ, пораженныхъ участью Лукасинскаго и его товарищей, совершенно врасплохъ. Они не могли сговориться на счетъ тѣхъ мѣръ, какія слѣдовало принять, и рѣшили выждать болѣе удобнаго времени. Варшава оффиціально предалась скорби. Великій князь Константинъ Павловичъ заперся въ Бельведерѣ, никого не принимая кромѣ самыхъ близкихъ и довѣренныхъ лицъ. Всѣ увеселенія прекратились, театры были закрыты, военные и гражданскіе чины облеклись въ трауръ. Общество также надѣло трауръ. Въ публикѣ еще ничего не знали о начавшейся великодушной борьбѣ между царственными братьями. Константинъ Павловичъ не былъ провозглашенъ императоромъ въ одной только Варшавѣ: догадокъ и предположеній высказывалось бездна, сказокъ передавалось еще больше, но достовѣрно ничего не было извѣстно;

истиннаго положенія дѣлъ никто не зналъ. Только 1-го января 1826 г. былъ обнародованъ манифестъ, данный 13-го (25-го) декабря 1825 г. Онъ прекратилъ всѣ сомнѣнія. На слѣдующій день, т. е. 2-го января, войско и администрація присягали Николаю I. Въ тотъ же день въ обществѣ начали ходить слухи о бывшемъ въ Петербургѣ возмущеніи.

Въ состояніи умовъ въ Варшавѣ не было замѣтно, на первый взглядъ, никакой перемѣны; хотя всѣ отдавали справедливость прекраснымъ качествамъ покойнаго императора, но вѣра въ искренность его обѣщаній давно была утрачена. О немъ сожалѣли преимущественно женщины, какъ о человѣкѣ обворожительномъ и пріятномъ, но о достоинствахъ его, какъ монарха, умалчивали. Зато дѣлались всевозможныя предположенія относительно наступавшаго царствованія. Одни высказывали сомнѣніе въ томъ, что императоръ Николай захочетъ исполнить обѣщанія, данныя его покойнымъ братомъ, и сохранить то подобіе конституціи, которое такъ поражало его русскихъ подданныхъ; другіе, зная огромную разницу въ характерѣ Николая и Константина, предвидѣли грозу и думали, что первый не захочетъ въ такой степени поблажать фантазіямъ брата, какъ это дѣлалъ Александръ, ради своего собственнаго спокойствія, и обращали свои взоры на молодаго монарха, въ надеждѣ, что онъ устранитъ многія злоупотребленія и обратитъ вниманіе на наши жалобы. Но и тѣ и другіе ошиблись. По вступленіи на престолъ, императоръ Николай I успокоилъ насъ обѣщаніемъ, что онъ намѣренъ во всемъ слѣдовать правительственной системѣ покойнаго императора, что дарованныя намъ учрежденія будутъ неприкосновенны и что онъ всѣми силами постарается выполнить данную имъ конституціонную хартію.

Еще до коронаціи, императоръ присягнулъ въ вѣрности конституціи и былъ безпрекословно признанъ королемъ, а великій князь Александръ Николаевичъ его законнымъ наслѣдникомъ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ были арестованы Кюхельбекеръ и подполковникъ гродненскихъ гусаръ Лунинъ, участвовавшіе въ заговорѣ 14-го декабря, а изъ показаній арестованныхъ по этому дѣлу лицъ выяснилась ихъ связь съ польскими тайными обществами. Князь Антонъ Яблоновскій, человѣкъ весьма мягкосердечный, былъ арестованъ однимъ изъ первыхъ; какъ говорятъ, онъ открылъ императору всѣ планы тайныхъ польскихъ обществъ, все, что дѣлалось въ Варшавѣ и въ присоединенныхъ къ Россіи губерніяхъ царства Польскаго.

Въ Варшавѣ сразу все измѣнилось: тайная полиція была увеличена, начали принимать всевозможныя мѣры предосторожности; надъ нѣкоторыми лицами былъ учрежденъ тайный надзоръ. Подполковнику Пронзинскому, завѣдывавшему работами по устройству Августовскаго канала, было приказано явиться въ Варшаву. Онъ пріѣхалъ прямо ко мнѣ въ мою квартиру на Медовой улицѣ и провелъ у меня нѣсколько часовъ.

По тревогѣ, отражавшейся на его лицѣ, я сразу понялъ, что онъ находился въ опасности. Я рѣшилъ не покидать своего пріятеля и заступиться за него по мѣрѣ возможности. На другой же день по пріѣздѣ Прондзинскому было приказано явиться въ великому князю; тутъ онъ впервые подвергся допросу. Хотя онъ не передалъ мнѣ подробностей своего разговора съ великимъ княземъ, но по его смущенію можно было догадаться, что разговоръ былъ бурный. Послѣ этого его вызывали чуть не каждый день къ великому князю и русскому коммиссару Новосильцеву и допрашивали объ его отношеніяхъ съ княземъ Яблоновскимъ и съ тайными обществами. Въ началѣ онъ отрицалъ какое бы то ни было участіе въ нихъ, но когда великій князь далъ ему честное слово, что ему уже извѣстны всѣ дѣйствія нашихъ тайныхъ обществъ изъ показаній князя Яблоновскаго, то Прондзинскій сдался и разсказалъ нѣкоторыя, впрочемъ неважныя, подробности, умолчавъ о главномъ.

Въ то время, какъ шли эти допросы, мы были постоянно окружены шпіонами и тайной полиціей. Прондзинскій не могъ сдѣлать ни шагу на улицѣ, чтобы за нимъ не слѣдилъ издали шпіонъ. Когда онъ нанималъ извозчика, шпіонъ также бралъ извозчика и ѣхалъ за нимъ слѣдомъ. Трое агентовъ тайной полиціи день и ночь находились въ шинкѣ противъ воротъ аппликаціонной школы, откуда они слѣдили за каждымъ его шагомъ. Они осмѣлились даже заглядывать въ мою квартиру и разспрашивать прислугу о Прондзинскомъ. Одного изъ нихъ, черезчуръ нахальнаго, я спустилъ довольно неделикатно съ лѣстницы; другому, который вздумалъ однажды вечеромъ сопровождать насъ по Красинской площади, я порядкомъ далъ въ шею. Между тѣмъ, я старался по мѣрѣ возможности развлекать своего пріятеля и вселить въ него увѣренность, которой у меня самого не было. Недѣли двѣ спустя пріѣхала изъ Августова его жена, рожденная Рудковская, вышедшая за него замужъ всего нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Тогда Прондзинскій переѣхалъ отъ меня и поселился вмѣстѣ съ нею въ Виленскомъ отелѣ, гдѣ онъ и былъ арестованъ ночью нѣсколько дней спустя, и заключенъ въ монастырѣ кармелитовъ, гдѣ онъ выстрадалъ три года и три мѣсяца, пока не былъ выпущенъ на свободу. Въ ту же ночь были арестованы, подполковникъ л.-гв. конныхъ стрѣлковъ Северинъ Крыжановскій, каштелянъ Станиславъ Солтыкъ, Романъ Залусскій, бывшій адъютантъ великаго князя, референдарій Войцехъ Гржимайло, Плихта, Цихоцкій, саперный поручикъ Собанскій и многіе другіе.

Въ Волынской и Подольской губерніяхъ и на Украйнѣ было произведено еще больше арестовъ. На основаніи сознаній, сдѣланныхъ княземъ Яблоновскимъ, были арестованы: Собанскій, Мартинъ Тарновскій, Петръ Можинскій, Ворцель, Александръ Ходкевичъ, Викторъ Оссолинскій, принадлежавшіе къ самыхъ знатнымъ польскимъ фамиліямъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1826 г. по требованію польскаго правительства арестованы въ Парижѣ генералъ Уминскій, Матвѣй Мелжинскій и мой зять, Іосифъ Крыжановскій. Всѣ трое были отвезены подъ стражей въ Торнъ.

Для допроса арестованныхъ, великій князь приказалъ назначить слѣдственную коммиссію, въ составъ которой вошли слѣдующія лица: предсѣдатель, первоприсутствующій сенаторъ, графъ Станиславъ Замойскій, императорскій коммиссаръ Новосильцевъ, военный министръ, генералъ Гауке, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Станиславъ Грабовскій, Моренгеймъ, генералъ Колзаковъ и генералъ Раутенштраухъ—исполнявшій должность секретаря.

Слѣдственной коммиссіи было поручено раскрыть тайные замыслы обществъ какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ присоединенныхъ губерніяхъ, коими управлялъ великій князь, и открыть связь, существовавшую между тайными польскими и русскими обществами.

Всѣхъ лицъ, арестованныхъ въ провинціи и въ Познани, привезли въ скоромъ времени въ Варшаву.

Мой зять Крыжановскій также былъ привезенъ въ Варшаву подъ надзоромъ прусскаго полицейскаго коммиссара Крюгера и нѣсколькихъ жандармовъ и былъ допрошенъ въ коммиссіи.

Это дало великому князю возможность проявить свои способности, въ чемъ дѣятельно помогалъ ему генералъ Рожнецкій. Засѣданія коммиссіи происходили при довольно торжественной обстановкѣ въ Брюлевскомъ дворцѣ. Въ одной изъ ярко-освѣщенныхъ залъ, за продолговатымъ зеленымъ столомъ, засѣдали члены коммиссіи въ своихъ орденахъ. По вечерамъ тайно привозили обвиняемыхъ, которые садились за тотъ же столъ; подавали чай, и между членами коммиссіи и обвиняемыми начинался разговоръ о постороннихъ предметахъ, какъ будто тутъ дѣло шло не о жизни этихъ послѣднихъ. Нѣсколько времени спустя предсѣдатель приступалъ къ допросу. На одномъ изъ этихъ засѣданій, саперный поручикъ Собанскій, на очной ставкѣ съ княземъ Яблоновскимъ, назвалъ его гнуснымъ предателемъ.

Настала очередь Прондзинскаго. Ему было предъявлено показаніе, сдѣланное въ минуту слабости великому князю. Бѣдняжка не ожидалъ, чтобы его довѣріемъ такъ злоупотребили. Тутъ онъ впервые понялъ сдѣланную имъ ошибку. Вернувшись въ свою арестантскую камеру, онъ сталъ жестоко упрекать себя за свою неосторожность; терзаемый своимъ положеніемъ, угнетенный одиночнымъ заключеніемъ и неизвѣстностью за будущее, онъ все болѣе и болѣе падалъ духомъ и предавался отчаянію. Опасаясь, чтобы данныя имъ показанія не повредили кому-либо изъ товарищей, онъ отрекся отъ всего, и не довѣряя самому себѣ, опасаясь своей слабости, рѣшилъ покончить съ собою и три дня не

принималъ никакой пищи. На третій день караульные нашли его безъ чувствъ. Былъ приглашенъ докторъ, и къ нему пріѣхалъ, по порученію великаго князя, самъ генералъ Курута, обѣщая ему помилованіе; только увѣщанія священника и воспоминаніе о любимой имъ женѣ заставили его принять пищу. Съ этой минуты онъ покорился своей судьбѣ и старался наполнить тоску одиночества при помощи книгъ, которыя доставлялись ему впослѣдствіи. Во время своего одиночнаго заключенія, онъ рѣшилъ оставить военную службу и заняться сельскимъ хозяйствомъ, но это счастіе, о которомъ онъ мечталъ, не сбылось. Во время своего ареста онъ занялся также по приказанію великаго князя разработкою проекта о войнѣ съ Австріей. Здоровье Прондзинскаго, давно уже подорванное, было за это время совершенно расшатано, и у него возникли тѣ болѣзни, которыми онъ страдалъ съ тѣхъ поръ въ теченіе 25-ти лѣтъ.

Генералъ Уминскій, М. Мельжинскій и Іосифъ Крыжановскій выказали болѣе твердости и не дались въ обманъ. Послѣдній своими смѣлыми и остроумными отвѣтами не разъ приводилъ коммиссію въ замѣшательство и умѣлъ разгладить суровое чело коммиссара.

Вначалѣ арестованныхъ содержали каждаго въ отдѣльной комнатѣ, въ которой окно было закрыто картонной ставней,—изобрѣтенія Рожнецкаго,—которая пропускала свѣтъ только сверху; имъ не позволяли сообщаться между собою; но мало-по-малу заинтересованныя въ нихъ лица, въ особенности варшавскія дамы и главнымъ образомъ Любинская, рожденная Оссолинская, и княгиня Заіончекъ съумѣли умилостивить караульныхъ, солдатъ и офицеровъ, такъ что со временемъ, кромѣ лишенія свободы, они болѣе ни въ чемъ не нуждались. Они могли сообщаться между собою, получали книги, газеты, письма и совѣты отъ своихъ друзей, собирались по вечерамъ на партію виста, принимали по секрету женъ, сестеръ и пріятелей.

При этомъ всѣмъ было хорошо, въ особенности же русскимъ караульнымъ солдатамъ и инвалидамъ, которые усердно служили арестованнымъ. Когда же у воротъ раздавался звонокъ, возвѣщая о какомъ-нибудь неожиданномъ посѣтителѣ, то по знаку, данному караульными, все приходило въ порядокъ, и арестованные оказывались каждый въ своей камерѣ запертые на ключъ и готовые принять посѣтителя. Такъ продолжалось все время, пока шло слѣдствіе.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года въ Варшаву пріѣхалъ изъ Петербурга герцогъ Веллингтонъ. Весь гарнизонъ вышелъ ему на встрѣчу. Въ замкѣ ему представлялись офицеры всѣхъ родовъ оружія. Онъ принялъ насъ въ мундирѣ русскаго фельдмаршала, подаренномъ ему покойнымъ императоромъ. Такъ какъ мундиръ былъ сшитъ по мѣркѣ императора, а фельдмаршалъ былъ сухопаръ, какъ индійскій набобъ, то онъ

сидѣлъ на немъ мѣшкомъ. Въ наружности Веллингтона не было впрочемъ ничего замѣчательнаго или привлекательнаго. Трудно было узнать въ немъ побѣдителя при Саламанкѣ и Ватерлоо. Я запомнилъ одно, что черты его лица напоминали китайскаго божка, дѣлающаго безконечные поклоны.

Вслѣдъ за Веллингтономъ пріѣхалъ изъ Петербурга принцъ Фердинандъ д'Эсте. Я встрѣтился съ нимъ въ салонѣ г-жи Потоцкой. Его сопровождалъ полковникъ Кламъ, извѣстный впослѣдствіи своей дипломатической миссіей. Принцу, вѣроятно, было непріятно воспоминаніе о Варшавѣ 1809 г., хотя городъ былъ много ему обязанъ за строгость, какую онъ соблюдалъ въ австрійскомъ войскѣ.

Послѣ смерти императора Александра, я пересталъ бывать въ Бельведерѣ. Когда Прондзинскій поселился у меня, я почувствовалъ всю щекотливость моего положенія по отношенію къ великому князю и не являлся во дворецъ подъ предлогомъ траура. Вскорѣ послѣ арестованія Прондзинскаго, я получилъ отъ своего начальника, генерала Гауке, приказаніе представить заявленіе о томъ, что я не принадлежу ни къ какому тайному обществу; такое же предписаніе было получено полковникомъ Скржинецкимъ и нѣсколькими другими офицерами, которыхъ великій князь наиболѣе подозрѣвалъ. Я написалъ заявленіе съ свойственною мнѣ откровенностью, зная отлично, что этимъ поступкомъ я разсѣю сомнѣнія великаго князя относительно меня и никому не причиню вреда, сдѣлавъ признаніе весьма ничтожное по сравненію съ тѣмъ, въ чемъ мы обвинялись.

Я сознался въ томъ, что въ 1816 г. мы составили съ Густавомъ Малаховскимъ и Прондзинскимъ тайное общество подъ названіемъ «Польскихъ друзей» и сказалъ, что цѣлью этого общества были заботы о нашей народности, и что другихъ противоправительственныхъ цѣлей у насъ не было. Въ общемъ показаніе мое было написано въ довольно шутливомъ тонѣ, такъ какъ мнѣ не хотѣлось, чтобы было придано особенное значеніе тому, къ чему мы сами относились довольно легко; въ заключеніе я упомянулъ даже о носилкахъ г-жи Вобанъ и т. д. Заявленіе мое было отдано на слѣдующій день великому князю, который, прочитавъ его, сказалъ княгинѣ Ловичъ: «твой кузенъ также принадлежитъ къ тайному обществу, онъ былъ его основателемъ». Болѣе объ этомъ не было рѣчи, хотя великій князь долго послѣ этого косился на меня.

Но признаться, я опасался нѣкоторое время, что меня постигнетъ участь Прондзинскаго и что за сочувствіе, оказанное мною пріятелю, великій князь накажетъ меня нѣсколькими мѣсяцами заточенія у кармелитовъ.

Великій князь, присутствіе котораго въ Варшавѣ было необходимо,

не могъ быть въ Петербургѣ на похоронахъ императора Александра I; но, не желая пропустить церемоніалъ, онъ вздумалъ совершить обрядъ погребенія въ Варшавѣ. По этому поводу весь городъ одѣлся въ трауръ. Католическое духовенство, монашескіе ордена, братства, цехи, сенатъ, чиновники, войско шло въ погребальномъ шествіи впереди пышнаго гроба, поставленнаго на парадной колесницѣ, въ которомъ лежало полное генеральское облаченіе покойнаго царя. При колокольномъ звонѣ, военной музыкѣ и пальбѣ орудій пустой гробъ былъ привезенъ въ каѳедральный соборъ св. Яна. Архіепископъ Вороничъ вышелъ, въ главѣ каѳедральнаго духовенства, на встрѣчу гроба съ кадиломъ и святой водою и поклонился якобы праху; тогда гробъ былъ поставленъ на пышномъ катафалкѣ, украшенномъ императорской короной. На слѣдующій день была отслужена заупокойная обѣдня съ панихидой и совершено погребальное шествіе въ присутствіи великаго князя. До 200 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были многіе любители, пропѣли «Реквіемъ» Моцарта подъ управленіемъ Курпинскаго. Архіепископъ сказалъ съ амвона подходящее къ случаю выспренное и трогательное слово, превознеся качества покойнаго императора.

Великому князю такъ понравилось это зрѣлище, что по его желанію оно было повторено на слѣдующій день. На этотъ разъ подъ управленіемъ Соливы исполнили «Реквіемъ» извѣстнаго композитора Козловскаго, который произвелъ на присутствующихъ болѣе сильное впечатлѣніе, нежели «Реквіемъ» Моцарта.

3-го октября совершилось торжество коронованія императора Николая I. Великій князь Константинъ Павловичъ своимъ присутствіемъ на коронаціи хотѣлъ доказать всему свѣту искренность своихъ намѣреній.

Его поведеніе было отмѣчено достоинствомъ и преданностью новому монарху, чѣмъ онъ снискалъ всеобщее уваженіе и одобреніе. Присутствовавшій на коронаціи маршалъ Мармонтъ со всѣмъ своимъ штабомъ и многіе другіе чрезвычайные послы заграничныхъ державъ пріѣхали въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Варшаву, чтобы изъявить свое почтеніе великому князю. За эту любезность онъ отплатилъ имъ, въ особенности французскимъ офицерамъ, окруживъ ихъ шпіонами, которымъ было приказано слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ. У маршала Мармонта по приказу великаго князя отрѣзали между Варшавой и Ражиномъ сундукъ, въ которомъ надѣялись найти какую-то переписку. Мармонтъ, чрезвычайно раздраженный, жаловался на нарушеніе всякаго уваженія по отношенію къ послу; однако забранныя у него бумаги не были возвращены.

Между тѣмъ слѣдственная коммиссія продолжала свою работу. Число арестованныхъ росло съ каждымъ днемъ. И тюрьмы начали

переполняться. Генерала Уминскаго, Матвѣя Мельжинскаго и Іосифа Крыжановскаго отвезли обратно въ Торнъ, такъ какъ они подлежали суду прусскаго правительства. О Пронзбинскомъ я узналъ только, что онъ менѣе скомпрометтированъ, нежели можно было думать вначалѣ, и что жена получаетъ отъ него извѣстія. Надъ Варшавой нависла печаль.

Закончивъ слѣдствіе въ концѣ 1826 г., коммиссія представила свой докладъ 3-го января 1827 г. На основаніи его было повелѣно судить всѣхъ лицъ, привезенныхъ изъ присоединенныхъ губерній, обыкновеннымъ судомъ въ Россіи, польскихъ же подданныхъ судить въ Варшавѣ. Согласно конституціи, всѣ государственныя преступленія подлежали суду сената. Этому-то важному присутственному мѣсту и было повелѣно разсмотрѣть настоящее дѣло; этимъ государь выказалъ себя болѣе умѣреннымъ и снисходительнымъ, нежели великій князь, который настаивалъ на томъ, чтобы всѣхъ виновныхъ предали военному суду. Предсѣдателемъ Сеймоваго суда былъ назначенъ старшій воевода, Петръ Бѣлинскій, всѣми уважаемый старецъ.

Судъ началъ свои засѣданія въ октябрѣ мѣсяцѣ 1827 г. Онъ долженъ былъ происходить публично, со всѣми формальностями, обезпечивавшими свободу преній и защиты. Варшава живо интересовалась этимъ дѣломъ, ибо въ душѣ каждый сознавалъ, что осужденіе виновныхъ будетъ равносильно приговору его собственныхъ взглядовъ, его собственныхъ желаній.

Но и тутъ рука великаго князя дала себя почувствовать. Не желая, чтобы публика присутствовала въ залѣ суда, который происходилъ въ домѣ Красинскаго, онъ наполнилъ мѣста, предназначенныя для публики, нанятыми шпіонами, такъ что не только родные и друзья обвиненныхъ, но даже защитники и адвокаты не могли найти себѣ мѣста.

Но, не смотря на всѣ эти препоны, сенаторы собрались въ полномъ составѣ съ епископомъ во главѣ. Князь Адамъ Чарторыйскій пріѣхалъ на засѣданіе изъ Италіи. Прежде всего былъ прочитанъ обвинительный актъ и заключеніе оберъ-прокурора Вычаховскаго. Затѣмъ начался допросъ обвиняемыхъ, и защитники, избранные изъ числа извѣстнѣйшихъ варшавскихъ адвокатовъ, произнесли свои рѣчи, послѣ чего было приступлено къ подачѣ голосовъ. Ксендзъ Бержинскій, епископъ сендомірскій, первый подалъ голосъ: снявъ съ груди наперсный крестъ и высоко поднявъ его, онъ произнесъ громкимъ голосомъ, который гулко раздался въ залѣ: «клянусь именемъ распятаго Бога: они невинны». Къ его словамъ единогласно присоединились всѣ прочіе сенаторы, за исключеніемъ только одного Викентія Красинскаго, который произнесъ: «виновны». Можно себѣ представить, до какой степени вся Варшава была поражена этимъ приговоромъ. Всѣ, даже незнакомые

обнимали, поздравляли другъ друга, какъ будто избавились отъ большой опасности; не находили достаточно похвалъ для сенаторовъ, Красинскаго же всѣ поносили.

Великій князь мрачно взиралъ на эти изъявленія радости и видѣлъ въ нихъ только оскорбленіе величества и поруганіе его собственной власти. За то же самое дѣло, за тотъ же проступокъ виновные были наказаны въ Россіи смертью и ссылкою въ Сибирь, а тутъ, въ Польшѣ, на его глазахъ, они оставались безнаказаны; онъ не могъ этого допустить. Онъ позабылъ, что у насъ до тѣхъ поръ не существовало закона, каравшаго за намѣреніе, за мысль, а не за преступное дѣйствіе. Онъ позабылъ, что стремленія нашихъ тайныхъ обществъ были возбуждены либеральными планами его брата Александра и его обѣщаніемъ присоединить къ царству забранныя губерніи. Могли ли судьи осудить мысли и надежды, возбужденныя самимъ монархомъ?

Законъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ смолкнуть; судьи были вынуждены оправдать виновныхъ. Этотъ достопамятный приговоръ, имѣвшій такое важное вліяніе на дальнѣйшія событія и въ особенности на ноябрьское возстаніе, былъ произнесенъ 17-го октября 1827 года.

Въ томъ же году наша аппликаціонная школа подверглась преслѣдованію. Въ началѣ іюня, когда занятія у насъ еще не были окончены, неожиданно былъ полученъ приказъ великаго князя, повелѣвавшій закрыть школу и послать учениковъ въ лагерь подъ Повонзками, распредѣливъ ихъ по разнымъ полкамъ, гдѣ они должны были нести службу наравнѣ съ простыми солдатами. Мы долго не могли понять, чѣмъ былъ вызванъ столь удивительный приказъ; только позднѣе мы узнали, что одинъ изъ служащихъ въ школѣ, подслушавъ какой-то разговоръ между учениками, донесъ о томъ, что они легкомысленно говорили между собою. Нѣкоторые приписывали все случившееся доносу, сдѣланному бывшимъ воспитанникомъ школы, княземъ Маврокордато, который служилъ въ русской артиллеріи и своимъ мрачнымъ и скрытнымъ характеромъ напоминалъ собою греческаго заговорщика.

Генералъ Гауке, огорченный этимъ приказомъ, предвидя вредныя послѣдствія, какія это могло имѣть для учениковъ, въ числѣ которыхъ находился и его собственный сынъ, рѣшилъ представить великому князю, какое вредное вліяніе могла имѣть эта мѣра на нравственность молодыхъ людей.

— Я знаю, что это варварство,—сказалъ великій князь,—но я не отмѣню своего приказа!—и Гауке долженъ былъ замолчать.

Ученики, распредѣленные по полкамъ, пробыли въ лагерѣ до окончанія осеннихъ маневровъ. Легко себѣ представить, какъ вредно было

для нихъ пребываніе среди необразованныхъ грубыхъ солдатъ. Многіе поплатились за это здоровьемъ. Особенно горевали бѣдныя матери. Замойская, Ржевусская, Потоцкая, Чертвертинская ѣздили съ жалобою и просьбою къ княгинѣ Ловичъ, но ничто не помогло. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, ученикамъ также пришлось отбывать лагерный сборъ, съ тою лишь разницею, что имъ были сдѣланы нѣкоторыя послабленія.

Возвратимся, однако, къ сеймовому суду, происходившему въ Варшавѣ. Первымъ дѣломъ великаго князя было, что онъ не привелъ приговора сената въ исполненіе, запретилъ опубликовать его и приказалъ не освобождать никого изъ арестованныхъ впредь до утвержденія приговора императоромъ. Императоръ, настроенный братомъ, повелѣлъ коронным судьямъ вторично разсмотрѣть дѣло и разъяснить, согласовался ли приговоръ сената съ буквою закона; сенаторамъ же выразилъ свое высочайшее неодобреніе.

Послѣ продолжительныхъ совѣщаній и многихъ проволочекъ, судъ, на основаніи заключенія, даннаго княземъ Любецкимъ, и вопреки всѣмъ возраженіямъ великаго князя и Новосильцова, разсмотрѣвъ дѣло, пришелъ къ заключенію, что сенатъ не могъ произнести инаго приговора, и онъ былъ обнародованъ 18-го марта 1829 г. Арестованные были наконецъ освобождены, за исключеніемъ подполковника Северина Крыжановскаго, который былъ увезенъ изъ Варшавы и, какъ русскій подданный, отданъ подъ судъ въ Россіи. Крыжановскій былъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь. Онъ скончался въ 1839 г. въ Тобольскѣ.

Настроеніе варшавскаго общества выразилось съ особенной силою осенью 1827 года, во время похоронъ воеводы Бѣлинскаго.

По этому поводу князь Адамъ Чарторыйскій впервые выступилъ публично въ надгробномъ словѣ, сказанномъ экспромтомъ. Никто не ожидалъ отъ него такой смѣлости. Съ тѣхъ поръ Варшава стала относиться съ большимъ уваженіемъ къ патріотическимъ чувствамъ князя Адама и восторгалась его краснорѣчіемъ.

Осенью того же года, я былъ взволнованъ слѣдующимъ случаемъ.

Князь Маврокордато, довольный познаніями, пріобрѣтенными его старшимъ сыномъ въ аппликаціонной школѣ, и его быстрымъ повышеніемъ по службѣ, вздумалъ подарить насъ своими двумя младшими сыновьями. Онъ отправился съ этой цѣлью къ генералу Курутѣ и добился чрезъ него, что великій князь приказалъ принять ихъ въ нашу школу.

По правиламъ, кои до тѣхъ поръ строго соблюдались, предписывалось принимать въ школу только воспитанниковъ, окончившихъ кадетскій корпусъ въ Калишѣ; въ противномъ случаѣ требовалось, чтобы молодые люди сдали вступительный экзаменъ. Сыновьямъ князя Мавро-

кордато было одному 10, а другому 12 лѣтъ; они владѣли только греческимъ языкомъ, не знали первыхъ правилъ ариѳметики, о другихъ наукахъ нечего было и говорить.

Только пробывъ 3 или 4 года въ средней школѣ и научившись языкамъ, они могли быть подготовлены на столько, чтобы сдать экзаменъ. Аппликаціонная школа отнюдь не была элементарной школой для малолѣтнихъ, но высшимъ военно-учебнымъ заведеніемъ для взрослой молодежи. Ея значеніе и цѣль были бы совершенно извращены, если бы въ ней стали преподавать то, что проходится въ первомъ классѣ кадетскаго корпуса. Я высказалъ все это отцу мальчиковъ и генералу Гауке. Первый отвѣчалъ равнодушно:

— Это сдѣлано по приказанію великаго князя!

А второй, раздраженный непріятностями, какія ему пришлось имѣть по поводу школы и въ особенности посылкою учениковъ въ предыдущемъ году въ лагерь, только пожалъ плечами. Я былъ чрезвычайно встревоженъ всѣмъ этимъ и, встрѣтившись со старшимъ сыномъ князя Маврокордато, артиллерійскимъ офицеромъ, Карломъ Маврокордато, служившимъ въ русской арміи, высказалъ ему свое удивленіе по поводу того, что будучи хорошо знакомъ съ программой нашей школы и съ тѣми трудностями, какія ему самому пришлось преодолѣть, пока онъ не усвоилъ самыя элементарныя свѣдѣнія, онъ могъ дать отцу подобный совѣтъ. Не обращая вниманія на наши четырехлѣтнія добрыя отношенія, онъ отвѣчалъ мнѣ еще холоднѣе отца: «это сдѣлано по приказанію великаго князя!» Протекція генерала Куруты сдѣлала его заносчивымъ.

Подобный отвѣтъ, не допускавшій никакихъ возраженій, былъ не что иное, какъ насмѣшка надъ нашими правилами. Между тѣмъ греческіе мальчишки поступили къ намъ въ школу. Савинскому пришлось устроить для нихъ отдѣльный элементарный курсъ и платить приглашеннымъ спеціально для нихъ учителямъ чистописанія, ариѳметики и языковъ изъ суммъ, отпущенныхъ на книги и модели.

Нѣсколько дней спустя Карлъ Маврокордато пріѣхалъ въ школу навѣстить мальчиковъ. Узнавъ объ его пріѣздѣ, я велѣлъ попросить его къ себѣ, чтобы съ глаза на глазъ еще разъ переговорить съ нимъ и высказать ему всѣ неудобства, какія причиняла намъ недостаточная подготовка его братьевъ.

Но едва я началъ говорить объ этомъ, какъ Маврокордато крикнулъ совершенно неприличнымъ тономъ: «великій князь такъ приказалъ».

— Да, конечно, это сдѣлано по приказанію великаго князя,—отвѣчалъ я,—но по особенной просьбѣ вашего отца, который не принялъ во вниманіе, что наша школа существуетъ вовсе не для того, чтобы обу-

чать грамотѣ такихъ маленькихъ дѣтей, какъ ваши братья. Аппликаціонная школа основана для лицъ, прошедшихъ среднюю школу! Со стороны вашего отца было бы благоразумнѣе, если бы онъ попросилъ опредѣлить ихъ на три или на четыре года въ Калишъ; да и для нихъ это было бы несравненно полезнѣе.

Возвышая голосъ, Маврокордато повторилъ на это самымъ нахальнымъ образомъ, нѣсколько разъ: «таково было желаніе великаго князя».

— Вы забываетесь, милостивый государь, прошу васъ успокойтесь и прежде всего не возвышайте голоса!

Но грекъ, раздражаясь все болѣе и болѣе, уже не владѣлъ собою. Опасаясь, чтобы нашъ крупный разговоръ не услыхали на крыльцѣ, и чтобы ко мнѣ кто-либо не вошелъ, я заперъ дверь на ключъ и сказалъ ему строго:

— Послѣдній разъ прошу васъ замолчать, ибо въ противномъ случаѣ я позову дежурнаго офицера и прикажу арестовать васъ.

Услыхавъ это, онъ поблѣднѣлъ и хотѣлъ выйти изъ комнаты, но ключъ былъ у меня въ рукахъ.

— Развѣ вы боитесь меня?—сказалъ я,—развѣ вы меня не знаете; вы забыли, чѣмъ я былъ для васъ?

Видя однако же, что онъ страшно перепугался, я отперъ дверь и выпустилъ струсившаго грека.

Эта сцена привела меня въ негодованіе. Я не считалъ возможнымъ умолчать о проступкѣ молодаго человѣка, только потому, что онъ пользовался протекціей великаго князя и служилъ въ русскомъ войскѣ.

Я былъ оскорбленъ лично и какъ старшій въ чинѣ. Поэтому я рѣшилъ донести обо всемъ полковнику Савинскому, какъ моему ближайшему начальнику, а онъ донесъ объ этомъ въ свою очередь генералу Гауке, который, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, написалъ генералу Курутѣ, прося его наказать князя Маврокордато.

Между тѣмъ на слѣдующій день вечеромъ явились ко мнѣ два русскихъ офицера, товарищи Карла Маврокордато, съ вызовомъ на дуэль за оскорбленіе его въ моей собственной квартирѣ. Я отвѣчалъ этимъ господамъ, что князь вовсе не былъ оскорбленъ мною, что, напротивъ, онъ велъ себя по отношенію меня самымъ недостойнымъ образомъ и что такъ какъ онъ оскорбилъ меня, какъ старшаго въ чинѣ, то я былъ вынужденъ донести о случившемся начальству.

— Что касается дуэли, то мы поговоримъ о ней послѣ того, какъ вашъ товарищъ будетъ наказанъ, — сказалъ я,—пока о ней нечего и думать, такъ какъ либо онъ, либо я должны сперва выйти въ отставку; а тогда я не откажусь драться съ нимъ.

Товарищи Маврокордато разсказали вездѣ о своемъ свиданіи со мною и о предстоящей дуэли. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія генерала Куруты.

Великій князь былъ чрезвычайно разсерженъ и сказалъ, какъ мнѣ передавали:

— Это было бы отцеубійство; Колачковскій вѣдь заботился о немъ четыре года, какъ родной отецъ.

По приказанію великаго князя былъ назначенъ военный судъ, который приговорилъ князя Маврокордато и его секундантовъ къ исключенію изъ службы; приговоръ этотъ по моей просьбѣ былъ смягченъ великимъ княземъ, и они были переведены изъ гвардейской въ полевую пѣшую артиллерію.

Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о послѣднихъ дняхъ и смерти Н. В. Гоголя.

Предлагаемое письмо С. П. Шевырева къ М. Н. Синельниковой, двоюродной сестрѣ Н. В. Гоголя (дочери его родной тетки по матери, Екатерины Ивановны Ходаревской) о послѣднихъ дняхъ жизни знаменитаго писателя, хотя почти не заключаетъ въ себѣ новыхъ свѣдѣній, въ высокой степени интересно особенно въ настоящее время, когда вспоминается его кончина. Копія его находится въ бумагахъ покойнаго Н. Д. Мизко и хранится въ Обществѣ любителей Россійской Словесности. Бумаги эти въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ были пересмотрѣны и разобраны Е. С. Некрасовой, которая и указала намъ мѣстонахожденіе этого чрезвычайно любопытнаго письма.

Какъ видно изъ этого письма, С. П. Шевыревъ обращался къ своей корреспонденткѣ, какъ къ лично знакомой ему особѣ, но близко знать онъ ее не могъ, такъ какъ и самъ Гоголь, жившій большею частью за границей, очень мало зналъ ее. Въ 1842 г. 16-го іюня Гоголь спрашивалъ о ней свою сестру Анну Васильевну: «Оленькѣ» (сестрѣ ихъ Ольгѣ Васильевнѣ, здравствующей понынѣ) «скажи, чтобъ она написала мнѣ, что̀ такое есть въ самомъ дѣлѣ дочь Катерины Ивановны, Марья Николаевна—какихъ качествъ?» [1]). Но во время своего пребыванія въ Васильевкѣ, по возвращеніи въ Россію лѣтомъ 1848 г., Гоголь имѣлъ случай лично узнать М. Н. Синельникову, которую раньше могъ видѣть только дѣвочкой. Съ М. Н. Синельниковой у него была даже потомъ небольшая переписка, на что̀ указываютъ слова его въ письмѣ къ матери отъ 10-го декабря 1848 г., гдѣ читаемъ: «Я къ Марьѣ

[1]) „Письма Н. В. Гоголя“, т. II, стр. 183.

Николаевнѣ Синельниковой писалъ и хотѣлъ бы знать, получила ли она письмо» [1]).

И еще разъ встрѣчаемъ въ его перепискѣ упоминаніе о М. Н. Синельниковой: «Совѣтую тебѣ»—говоритъ онъ своей сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ въ письмѣ отъ 3-го октября 1851 (это было собственно письмо къ матери): «если тебѣ ужъ очень соскучится зимой, то совѣтую тебѣ отправиться къ Маріѣ Николаевнѣ» [2]).

С. П. Шевыревъ—М. Н. Синельниковой.

Милостивая государыня Марья Николаевна!

Извините меня великодушно, что не отвѣчалъ немедленно на письмо ваше: заботы семейныя, болѣзни дѣтей отвлекли меня. Горестная утрата для всѣхъ насъ, любившихъ Николая Васильевича, была такъ внезапна, что до сихъ поръ намъ трудно опомниться. Считаю святымъ долгомъ исполнить желаніе ваше и передать вамъ все то, что самъ знаю и что узналъ отъ другихъ объ его болѣзни и кончинѣ.

За недѣлю до масленицы Николай Васильевичъ казался совершенно здоровымъ и бодрымъ. Въ теченіе всей зимы я радовался за него, что онъ хорошо выноситъ московскую зиму [3]), которой боялся. Нерѣдко обѣдалъ онъ у насъ, послѣ обѣда занимался со мною чтеніемъ корректуръ перваго и втораго тома своихъ сочиненій [4]), въ которыхъ онъ выправлялъ слогъ, а я правилъ подъ диктовку его. Другіе два тома печатались въ то же время. Въ послѣдній разъ занимались мы съ нимъ этимъ дѣломъ въ четвергъ передъ масленицей. Въ понедѣльникъ на масленицѣ пріѣхалъ онъ ко мнѣ въ пять часовъ вечера, чтобы сказать, что некогда ему теперь заниматься корректурами. Я и жена [5]) замѣтили пе-

---

[1]) „Письма“, т. IV, стр. 233.

[2]) Тамъ же, стр. 405.

[3]) Гоголь былъ глубоко убѣжденъ и говорилъ всѣмъ роднымъ и друзьямъ, что онъ съ трудомъ можетъ переносить сѣверную зиму, вслѣдствіе чего не разъ обращался съ просьбой къ правительству доставить ему возможность „проводить три зимніе мѣсяца въ году въ Греціи или на островахъ Средиземнаго моря“. („Письма Н. В. Гоголя“, т. IV, стр. 341). Зима 1849 — 1850, проведенная имъ съ Москвѣ, была для него очень тяжела (тамъ же, стр. 350). И въ послѣднюю зиму Гоголь поневолѣ былъ вынужденъ остаться въ Москвѣ: онъ строилъ планъ поѣздки въ Крымъ, но это не удалось (тамъ же, стр. 399). Покойная сестра его Анна Васильевна съ грустью сообщала намъ, что, послѣ тяжелой для ея брата зимы 1849 г., онъ не разъ говаривалъ, что, если ему придется еще зимовать на сѣверѣ, то онъ боится не пережить зимы. „Такъ и случилось!“ прибавляла Анна Васильевна.

[4]) См. соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 11 и слѣд.

[5]) Софья Борисовна Шевырева.

ремѣну въ лицѣ его и спросили, что̀ съ нимъ. Онъ отвѣчалъ, что дурно себя чувствовалъ, и кстати рѣшился попоститься и поговѣть. Я спросилъ его: «зачѣмъ же на масленой?» «Такъ случилось», говоритъ онъ: «вѣдь и теперь Церковь читаетъ уже: «Господи, владыко живота моего!» и поклоны творятся». На другой день, послѣ лекцій моихъ, я поѣхалъ къ нему и засталъ его на отъѣздѣ. Онъ жаловался мнѣ на разстройство желудка и на слишкомъ сильное дѣйствіе лѣкарства, которое ему дали. Я говорилъ ему: «но какъ же ты, нездоровый, выѣзжаешь? Посидѣлъ бы дня три дома, и прошло бы. Вотъ то-то не женатъ: жена бы не пустила тебя»; онъ улыбнулся этому, и между тѣмъ слова сбылись горькою правдою. Что̀ въ мірѣ, какая дружба можетъ замѣнить отношенія матери, жены, сестры, брата? Имъ принадлежитъ прежде всего наша жизнь и здоровье, и они берегутъ его. Въ среду онъ опять былъ у меня. Казалось, ему лучше: лицо было спокойнѣе, хотя слѣды усталости какой-то были видны на немъ. Я приписывалъ ихъ посту. Въ среду онъ исповѣдывался, въ четвергъ причастился Святыхъ Тайнъ. Это было въ приходѣ у Погодина, въ церкви святаго Саввы Освященнаго, гдѣ живетъ его духовникъ. Вечеромъ онъ пріѣхалъ въ ту же церковь, чтобы отслужить благодарственный (sic) молебенъ. Изъ церкви заѣхалъ къ Погодину, который также замѣтилъ перемѣну въ лицѣ его и спросилъ его о томъ. Онъ вскорѣ уѣхалъ отъ него. Въ пятницу и субботу продолжалъ еще выѣзжать. Въ субботу былъ у Хомяковыхъ вечеромъ. Должно сказать, что смерть жены Хомякова, случившаяся почти внезапно, послѣ кратковременной болѣзни, поразила его очень: это была сестра Языкова, одного изъ лучшихъ друзей его [1]). Вѣроятно, это событіе произвело въ немъ потрясеніе душевное. Между тѣмъ, какъ узнали мы послѣ, большую часть ночей проводилъ онъ въ молитвѣ, безъ сна. Въ одну изъ такихъ ночей, съ пятницы на субботу, молясь на колѣняхъ передъ образомъ, онъ услышалъ голоса, говорившіе ему, что онъ умретъ. Въ душевной тревогѣ онъ разбудилъ своего человѣка и послалъ его поскорѣе за священникомъ съ просьбой соборовать его масломъ. Когда священникъ пришелъ, онъ ужъ былъ спокойнѣе, извинился, что потревожилъ его, и отложилъ до другаго дня совершеніе таинства. Такая ночь не помѣшала ему быть на другой день у Хомякова.

Съ первой недѣли поста онъ пересталъ выѣзжать. Хозяева дома, графъ и графиня Толстые [2]), говѣли. Служба совершалась у нихъ дома.

---

[1]) Екатерина Михайловна Хомякова была родная сестра поэта Николая Михайловича Языкова.

[2]) Графъ Александръ Петровичъ и графиня Анна Егоровна, у которыхъ жилъ тогда Н. В. Гоголь (на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызина, нынѣ графини Шереметевой).

Онъ всякій разъ ходилъ на службу, слушалъ ее стоя и усердно молился. Графиня, видя, что это утомляетъ его, прекратила говѣнье. Мысль о смерти его не оставляла. Еще, кажется, въ первый понедѣльникъ [1]) онъ позвалъ къ себѣ графа Толстаго и просилъ его взять къ себѣ его бумаги, а по смерти его, отвезти ихъ къ митрополиту и просить его совѣта о томъ, что̀ напечатать и чего не напечатать. Графъ не принялъ отъ него бумагъ, опасаясь тѣмъ утвердить его въ ужасной мысли, его одолѣвавшей. Съ понедѣльника на вторникъ ночью онъ молился до трехъ часовъ на колѣняхъ предъ иконою.

Къ тремъ часамъ ночи разбудилъ мальчика своего Семена. Спросилъ его: холоднѣе ли въ той комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно занимался? Мальчикъ отвѣтилъ, что гораздо холоднѣе. Не послушался онъ убѣжденій его, чтобы лечь спать; одѣлся въ теплый плащъ; взялъ свѣчу и пошелъ въ кабинетъ, велѣлъ мальчику слѣдовать за собою, останавливался во всѣхъ комнатахъ и крестился. Пришедши въ кабинетъ, велѣлъ мальчику открыть трубу, но такъ осторожно, чтобы не разбудить ни одного человѣка. Между тѣмъ перебиралъ свои бумаги: нѣкоторыя откладывалъ въ портфель, другія обрекалъ на сожженіе. Эти послѣднія велѣлъ мальчику связать трубкою и положить въ каминъ. Семенъ бросился на колѣни передъ нимъ и слезно убѣждалъ его не жечь ихъ, говоря ему, что онъ будетъ сожалѣть о нихъ, когда выздоровѣетъ. «Не твое дѣло!» отвѣчалъ онъ. Самъ зажегъ бумаги. Когда обгорѣли углы, огонь сталъ потухать. Мальчикъ обрадовался. Но Николай Васильевичъ замѣтилъ это, велѣлъ развязать связку, еще подложить огня и ворочалъ бумаги до тѣхъ поръ, пока онѣ не превратились въ пепелъ. Въ продолженіе всего сожженія онъ крестился.

По окончаніи дѣла, отъ изнеможенія опустился въ кресло. Мальчикъ плакалъ и говорилъ: «что̀ вы это сдѣлали?» «Тебѣ жаль меня», сказалъ ему, обнялъ его, поцѣловалъ и заплакалъ самъ. Крестясь попрежнему, возвратился онъ въ спальню, легъ на постель и горько заплакалъ. Поутру рано узналъ о происшедшемъ графъ Толстой и пришелъ къ нему. Онъ сознался ему въ томъ, что̀ сдѣлалъ, и говорилъ о томъ съ раскаяніемъ, приписывая это дѣло вліянію нечистаго духа. «Хитеръ лукавый!» говорилъ онъ: «я хотѣлъ сжечь однѣ только ненужныя бумаги, и вмѣсто того сжегъ и нужныя». Тутъ выговорилъ онъ графу, зачѣмъ онъ не взялъ у него бумагъ по его просьбѣ. Изъ подробностей видно, что онъ сжегъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ». Намѣреніемъ было у него раздать по главѣ каждому изъ друзей его. Кажется, сожжено также и объясненіе на Литургію. Изъ втораго тома онъ

---

[1]) Т. е. въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ поста (Гоголь скончался на второй недѣлѣ).

читалъ мнѣ лѣтомъ, живучи у меня на дачѣ, около Москвы, семь главъ [1]). Онъ читалъ ихъ, можно сказать, наизусть по написанной канвѣ, содержа окончательную отдѣлку въ головѣ своей. Изъ объясненія на литургію онъ читалъ мнѣ начало передъ отъѣздомъ на родину, куда не доѣхалъ. Обо всѣхъ подробностяхъ сожженія узнали уже послѣ его кончины.

Это событіе поразило всю Москву, и можно сказать, уже всю Россію. Бумаги его до сихъ поръ не открыты. Что̀ осталось въ нихъ, еще не извѣстно.

Портфель съ ними онъ держалъ при себѣ до смерти. На первой недѣлѣ поста я въ рѣдкій день не навѣщалъ его. Но онъ тяготился моимъ присутствіемъ и всѣхъ друзей своихъ допускалъ на нѣсколько минутъ и потомъ отзывался сномъ, что ему дремлется, что онъ говорить не можетъ. Въ положеніи его, мнѣ казалось, болѣе хандры, нежели дѣйствительной болѣзни.

Докторъ Иноземцевъ опредѣлилъ состояніе его катарральнымъ и не находилъ въ немъ ничего важнаго.

Впрочемъ, Николай Васильевичъ отвергалъ всякое медицинское пособіе и врачу не вѣрилъ. Тутъ изъ разспросовъ слуги я въ первый разъ узналъ, что онъ лѣчился въ домѣ и каждое утро обвертывался мокрой простынею. Такъ было въ декабрѣ и генварѣ мѣсяцѣ. Онъ никогда не говорилъ мнѣ о томъ. Лѣченіе это было прервано. Потомъ возобновилъ его опять, но, обернувшись простынею, не согрѣвался. Видно, сильная простуда проникла въ него и произвела первую горячку. Такое лѣченіе было совсѣмъ не по его слабому сложенію. Я думаю, въ немъ заключалась главная причина его болѣзни. Когда я его разспрашивалъ о томъ, онъ сказалъ мнѣ, что лѣченіе освѣжило его силы и онъ чувствовалъ себя бодрѣе, но, конечно, это была искусственная бодрость. Онъ почти не хотѣлъ говорить о своей болѣзни; сказалъ мнѣ, что его постигла болѣзнь та самая, отъ которой умеръ отецъ его [2]), что нашелъ

[1]) Эти слова подтверждаютъ справедливость нашего заключенія, что въ письмѣ своемъ къ Шевыреву отъ іюля 1851 г. („Письма“, т. IV, стр. 393) Гоголь подъ словами: „Послѣднія главы втораго тома“ разумѣлъ не з а к л ю ч и т е л ь н ы я, какъ полагалъ Н. С. Тихонравовъ (Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 574, гдѣ сказано: „Изъ записокъ Шевырева видно, что двѣ послѣднія главы втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ были настолько отдѣланы, что Гоголь рѣшился прочесть ихъ Шевыреву“), а послѣднія изъ написанныхъ (см. „Письма Гоголя“ т. IV, стр. 393, примѣч. 2-е, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. IV, стр. 912, и Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 68).

[2]) Гоголю и раньше нерѣдко приходила мысль о сравненіи своего сложенія и недуговъ съ сложеніемъ и недугами его отца. Такъ въ письмѣ къ Н. М. Языкову отъ 5-го іюня 1845 г. („Письма“, т. III, стр. 64) онъ говорилъ: „Отецъ мой былъ также сложенья слабаго и умеръ рано, угаснувши недостаткомъ собственныхъ силъ своихъ“ и проч.

на его (sic) страхъ смерти, но что отецъ Матвѣй, Ржевскій священникъ, котораго онъ очень уважалъ, успокоилъ его. Я засталъ его съ молитвенникомъ въ рукахъ; говорилъ ему, что онъ напрасно напрягаетъ умственныя силы на молитву, что такая молитва требуетъ силъ тѣлесныхъ, что для больнаго довольно призыванія имени Іисуса Христа. Но видно было, что весь онъ погруженъ былъ въ молитву, готовясь торжественно къ переходу въ вѣчность.

Семенъ говорилъ мнѣ, что онъ ѣстъ очень мало, отказывается отъ всякой пищи и не принимаетъ бульону.

Я убѣждалъ его именемъ всѣхъ его любящихъ принять пищу, которая могла бы подкрѣпить его. Я говорилъ ему, что постъ — есть великая продолжительная наука, что намъ невозможно отъ обыкновенной сытной пищи вдругъ переходить къ воздержанію великихъ подвижниковъ церкви; что покушенія — самоубійство. Въ тотъ самый день, какъ пріобщился онъ Святыхъ Тайнъ, я былъ у него, и со слезами, на колѣняхъ, молилъ его о томъ, но онъ какъ будто оскорбился такою просьбою; увѣрялъ меня, что ѣстъ весьма довольно. Между тѣмъ врачей онъ не хотѣлъ. Иноземцевъ самъ занемогъ въ это время. Я предлагалъ ему привезти Варвинскаго. Но онъ не захотѣлъ никого. Въ послѣдніе дни былъ при немъ знаменитый Оверъ и другіе, но уже всѣ усилія медицины были напрасны. Ни въ субботу, ни въ воскресенье на второй недѣлѣ положеніе его не было опаснымъ. Я видѣлся съ графомъ Толстымъ и говорилъ съ нимъ о его состояніи. Графъ былъ спокоенъ и все болѣе и болѣе приписывалъ хандрѣ его. Въ понедѣльникъ утромъ я долженъ былъ до четырехъ часовъ провести время въ университетѣ. Послѣ обѣда вечеромъ готовился я къ лекціямъ; но вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ Павловъ [1]) и говоритъ, что Николай Васильевичъ утромъ соборовался елеемъ и что положеніе его находятъ безнадежнымъ. Пораженный какъ громомъ, я поѣхалъ къ нему въ девятомъ часу. Домъ былъ въ тревогѣ. Графъ съ разстроеннымъ лицомъ сказалъ, что надежды нѣтъ.

Утромъ больной снова исповѣдывался, пріобщался Святыхъ Таинъ и соборовался елеемъ, въ полной памяти, въ присутствіи всѣхъ умственныхъ силъ своихъ, съ сокрушеніемъ полнаго молитвой сердца, съ теплыми слезами. Вечеромъ положеніе его стало очень трудно; при немъ былъ и духовникъ его, и приходскій священникъ, котораго онъ очень уважалъ. Онъ убѣждалъ его принять медицинское пособіе, необходимое по совѣту докторовъ, но онъ не соглашался и, разъ, согласившись, со стономъ закричалъ: «не мучьте меня!» Мы были съ Погодинымъ около его комнаты. Графъ не впускалъ къ нему насъ, боясь

[1]) Николай Филипповичъ, извѣстный литераторъ.

испугать его появленіемъ многихъ лицъ. До одиннадцати часовъ почти пробылъ я у него и оставилъ спокойно заснувшимъ. Но самъ отъ сильной тревоги и отъ поздняго выѣзда простудился, занемогъ, легъ въ постель и весь горестный исходъ узналъ послѣ.

Въ послѣдніе дни онъ имѣлъ еще силы писать хотя дрожащею рукою. На длинныхъ бумажкахъ писалъ онъ большими буквами: «Аще не будете малы, яко дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное!» Потомъ молитву Іисусу Христу противъ сатаны, чтобы Іисусъ Христосъ связалъ его неисповѣдимою силою креста Своего. Послѣднія слова, написанныя имъ, были: «какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ полученный урокъ?» [1]) Къ чему относились эти слова—это осталось тайной.

Всѣ медицинскія пособія, ванны, піявки и проч. только нарушали спокойствіе послѣднихъ минутъ его. Онъ со стономъ подчинялся имъ и все просилъ, чтобы оставили его въ покоѣ. Однимъ изъ послѣднихъ словъ, сказанныхъ имъ еще въ полномъ сознаніи, были слова: «какъ сладко умирать!»

Послѣднюю ночь онъ былъ уже въ безпамятствѣ, не узналъ къ нему подходившихъ, бредилъ, дышалъ усиленно. Къ утру дыханіе стало рѣже. Въ четвергъ, 21-го февраля, въ восемь часовъ утра не стало нашего незабвеннаго друга и великаго художника. Печаль Москвы была всеобща. Плачъ окружалъ его гробъ. Молодежь Москвы вся была проникнута живой скорбію, и на рукахъ своихъ отнесли его до могилы. Многія извѣстныя лица Москвы шли за гробомъ до самаго кладбища. Собрана значительная подписка на надгробный памятникъ. Много портретовъ его вышло въ свѣтъ. Если желаете имѣть лучшіе, я могу прислать ихъ.

Сороковой день его кончины пришелся замѣчательнымъ образомъ на второй день Пасхи въ понедѣльникъ. Онъ такъ любилъ праздникъ Воскресенья, такъ глубоко понималъ его, и послѣднее его печатное слово было посвящено этому празднику [2]).

Друзья и цѣнители покойнаго собрались въ Даниловъ монастырь. Тамъ отслужили заупокойную обѣдню и панихиду по душѣ его. Утѣшеніемъ было въ нашемъ горѣ—слышать воскресный колоколъ вмѣстѣ съ заупокойнымъ пѣніемъ. На могилѣ его, убранной зеленью и цвѣтами среди снѣга, мы слышали: «Христосъ воскресе!» Послѣ панихиды предложена была трапеза шестидесяти бѣднымъ и монашествующей братіи. Мы собрались въ кельяхъ архимандрита и передъ своею

[1]) Ср. „Письма“, т. IV, стр. 426—427 и Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 454 и 804.

[2]) Шевыревъ разумѣетъ здѣсь статью „Свѣтлый праздникъ“ въ „Перепискѣ съ друзьями“.

трапезою прочли его: «Свѣтлое Воскресеніе», которое всѣхъ тронуло до слезъ. Во время обѣда мысль сосредоточивалась на немъ; говорили о томъ, какой надгробный памятникъ поставить ему. Это будетъ крестъ на гранитномъ камнѣ. Двѣ надписи встрѣтили всеобщее сочувствіе. Одна относится къ нему, какъ къ писателю, и взята изъ пророка Іереміи: «Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся». Другая относится къ любимымъ мыслямъ послѣдняго десятилѣтія его жизни. Въ ней выражается сосредоточіе всѣхъ его мыслей: «Ей, гряди, Господи Іисусе!» Поминки происходили въ замѣчательный день: 30-го марта, по преданію Церкви, было распятіе Спасителя. Съ 31-го марта на первое апрѣля совершилось воскресеніе. 31-го марта мы поминали его.

Въ заключеніе моего плачевнаго разсказа позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ моею покорнѣйшей просьбой. Я полагалъ бы написать біографію Николая Васильевича; кромѣ моего желанія собственнаго, Академія возложила на меня это порученіе. Вы можете мнѣ много содѣйствовать къ совершенію этого труда сообщеніемъ семейныхъ подробностей о покойномъ. Мы не знаемъ даже годъ его рожденія. Отъ васъ я буду ожидать этихъ свѣдѣній и прошу васъ о томъ всепокорнѣйше. День его рожденія 17-го генваря[1]). Я узналъ это въ Римѣ. Все, что относится къ его дѣтству въ домѣ родителей и въ семьѣ его, все это желательно собрать, и позвольте мнѣ надѣяться, что вы это на себя примете и сообщите мнѣ. Къ числу главныхъ матеріаловъ послѣдняго десятилѣтія его жизни принадлежатъ его письма. Если можете, соберите мнѣ тѣ, которыя онъ писалъ вамъ[2]) и къ другимъ роднымъ своимъ, или, по крайней мѣрѣ, замѣчательные отрывки изъ нихъ. Этимъ много меня обяжете. Всего бы лучше—самыя письма; я бы списалъ съ нихъ копіи и возвратилъ бы обратно съ благодарностью. Изъ писемъ его я могъ бы составить еще томъ къ его сочиненіямъ. Не хранятся ли гдѣ-нибудь у родныхъ его черновыя тетради его (sic) «Мертвыхъ Душъ» или другихъ сочиненій. Это было бы сокровище! Изданіе сочиненій его покамѣстъ остановилось. Для продолженія нужны два условія: разрѣшеніе высочайшее и довѣренность его наслѣдниковъ. Я радъ служить семейству покойнаго моего друга своими трудами, какъ служилъ ему въ изданіяхъ его.

Памятны мнѣ слова, сказанныя покойнымъ передъ гробомъ Хомяковой, у котораго собрались мы для слушанія панихиды: «Ничто не можетъ быть торжественнѣе смерти. Жизнь не была бы такъ прекрасна,

---

[1]) Это была ошибка. День рожденія Гоголя въ Римѣ праздновали также 27-го декабря. См. „Воспоминанія о Шевыревѣ“ М. П. Погодина и „Матеріалы для біографіи“, т. III, стр. 267.

[2]) Письма Гоголя къ М. Н. Синельниковой, кажется, не сохранились, да ихъ и могло быть очень немного.

если бы не было смерти». Тогда, погруженный весь въ молитву, онъ готовился совершить этотъ переходъ въ вѣчность и совершилъ его какъ истинный христіанинъ и какъ вѣрный сынъ Церкви... Съ покойнаго сняли маску. Лицо его носитъ слѣды тяжелыхъ страданій болѣзни, но изъ этихъ страданій свѣтитъ добрая его улыбка и выраженіе его предсмертныхъ словъ: «Какъ сладко умирать!»

Примите, милостивая государыня, чувство моего глубочайшаго почтенія и преданности, съ коими имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Степанъ Шевыревъ. Москва, 2-го апрѣля 1852 г.

Сообщилъ **В. И. Шенрокъ**.

О перемѣнѣ времяисчисленія во флотѣ.

Предложеніе управлявшаго министерствомъ юстиціи Правительствующему Сенату.

26-го марта 1831 г. № 2890.

Г. Начальникъ главнаго морскаго штаба его императорскаго величества отъ 22-го сего марта сообщилъ мнѣ, что государь императоръ высочайше повелѣть изволилъ: вмѣсто существующаго нынѣ на россійскомъ флотѣ морскаго времяисчисленія, начинающагося въ каждыя сутки съ полдня, т. е. двѣнадцатью часами послѣ начала гражданскихъ сутокъ, принять съ открытіемъ плаванія въ семъ году на всемъ Россійскомъ флотѣ обыкновенное гражданское времяисчисленіе, т. е. начиная каждыя сутки съ полночи.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя, что оное, какъ видно изъ отношенія г. генералъ-адъютанта князя Меншикова, уже приведено въ надлежащее исполненіе по морскому вѣдомству.

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

3 іюня. Пребываніе въ Тобольскѣ. У Горчакова. Чтеніе о преобразованіи Омской области. Разговоръ о ссыльныхъ. О составѣ сибирскаго общества. Мнѣніе о допросахъ; нынче хотятъ въ Сибирь. Прежнее состояніе hors la loi [1]), нынѣшнее безнаказанное состояніе. У архіерея. Осмотръ города. У великаго князя чтеніе о киргизцахъ. Послѣ обѣда въ тюремный замокъ. Рыковъ. На выставкѣ. У меня Ершовъ и Поповъ. У кн(язя) Горчакова. Лакей поселенецъ.

4 іюня. Переѣздъ изъ Тобольска въ Тюмень. Отъѣздъ въ 5 часовъ. Переправа черезъ Иртышъ. О поселенцахъ въ Енисейской губерніи. Обзаведеніе. Приселеніе къ старожиламъ. Желѣзныя копи. Остяцкіе промыслы. Тобольскъ бѣдный городъ. Съ 1580. Нижній городъ не богатъ, верхній безъ воды. Холодные береговые вѣтры. 15 церквей. Домъ архіерейскій. Присутственныя мѣста. (Чичеринъ, Безобразовыхъ зять) Деревянная мостовая. Осыпающаяся гора. Каменныя зданія: генер(алъ)-губ(ернаторскій) домъ, церкви. Деревянный гостиный дворъ. Осмотръ острога (Рыковъ). Верхній и нижній городъ. Въ верхнемъ архіерейскій домъ. Присутственныя мѣста (малая плата). Тюремный замокъ. Соборъ (премерзкій). На переѣздѣ изъ Тобольска до Тюмени ничего примѣчательнаго. Пріѣхали въ $^1/_2$ 12, выѣхавъ въ половинѣ четв(ертаго).

5. Переѣздъ изъ Тюмени въ Курганъ. Бѣдственное начало дня въ Тюмени. Раздавленная женщина [2]). I Станція. Песокъ и потомъ болото. Ель, изрѣдка береза. II. Насыпные пески и болото, по сторонамъ дороги березовыя рощи. У станціи перевозъ. На 17 верстѣ подстава. Послѣдняя половина станціи менѣе песку и менѣе болота. Тѣ же березовыя рощи. Равнина и пашня. Вторая половина дороги легче.—Романово. Прекрасная равнина. Дорога легкая. Вырубленная роща. Паръ Березовыя рощи прекрасными группами. Чудный черноземъ. Показывается липа. Курилъ. Около Ялуто(ро)вска глубокій песокъ и березовые кусты. Подъѣзжая къ городу двѣ прекрасныя березовыя рощи. Изъ-за рѣки бѣлая колокольня. Городъ на широкой, веселой равнинѣ. Около самаго горы песковъ. Пріятное мѣсто. У въѣзда въ городъ прудъ. Строеніе бѣдное. Городничій, почтмейстеръ и скакунъ на дрожкахъ,

---

[1]) Т. е. внѣ закона.

[2]) Объ этомъ же несчастномъ случаѣ Жуковскій записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія строки, которыя потомъ зачеркнулъ: „Выѣздъ мой изъ Тюмени былъ несчастный. Въ толпѣ народа, стремившагося за в(еликимъ) к(няземъ), женщина подвернулась подъ лошадей, и ее ушибло колесомъ. Я оставилъ ее на рукахъ нашего подлекаря; не знаю еще, что онъ скажетъ. Городничему дано 200 рублей для леч(енія). Но этого мало".

коимъ я поручилъ поклоны Якушкину [1]), Черкасову [2]) и Муравьеву [3]).—Ялуторовскъ—сл(обода) Бешкильская. Песокъ сыпучій мысами. Березовые кусты и рощи. Метель песку. На 15 верстѣ подстава въ деревнѣ Русскій Синчугъ. Прекрасный лугъ. Нѣсколько кургановъ; на одномъ мельница вѣтреная.—Сл(обода) Бешк(ильская)—Исетская. Обѣдъ. Глупая ссора за столомъ. Не возвратиться ли мнѣ? Ошибка. Regret inconsolable [4]).—Исетская—Боровлянская. Характеръ степной природы. Необозримое поле съ прелестными разсѣянными рощами. Переѣздъ и мостъ черезъ Исеть, построенный для вел(икаго) князя. А в(еликій) к(нязь) и не показался. Равнина, усыпанная мельницами. У смѣны исправникъ. Черкасовъ. Якушкинъ одинъ. Муравьевъ [5]), женатый на воспитанницѣ Бранта, совѣт(ника) въ Бухтар(мѣ). Съ Тизенгаузеномъ [6]), который завелъ свой домъ. Черкасовъ одинъ. Янтальцевъ [7]). Соболе(в)скій(?) [8]). Часть дороги песчана.—Боровлянскій заводъ—Слатковская. Боровл(янскій) заводъ безъ дѣйствія 8 лѣтъ. Вся часть дороги до подставы 15 верстъ песчана. Столбы по дорогѣ, начиная отъ Тюмени. Треугольныя загородки въ Курганскомъ уѣздѣ. Конецъ пескамъ. Остальной переѣздъ сонный до Кургана. Свиданіе съ Нарышкинымъ [9]).

6. Троицынъ день. Курганъ. У меня Розенъ [10]). Его изломленная нога [11]). Необходимость съѣздить въ Тобольскъ. Свиданіе съ Нарышки-

---

[1]) Декабристъ Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ.

[2]) Декабристъ баронъ Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ, сынъ стариннаго знакомаго Жуковскаго барона Ивана Петровича Черкасова. „Черкасова я зналъ ребенкомъ; его погубила молодость“—писалъ Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ 24-го іюня 1837 года (см. „Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 306).

[3]) Декабристъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ (сынъ Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола).

[4]) Т. е. Неутѣшное сожалѣніе.

[5]) Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ Апостолъ въ 1832 году женился въ Бухтармѣ на дочери умершаго священника Константинова, Маріи Константиновнѣ, которая, оставшись сиротою, воспитывалась у тетки своей г-жи Брантъ жены чиновника Бухтарминской таможни (см. А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ Декабристы въ Западной Сибири, Москва. 1895, стр. 101).

[6]) Декабристъ Василій Карловичъ Тизенгаузенъ; въ началѣ 1830 г. онъ выстроилъ себѣ въ Ялуторовскѣ деревянный домъ (см. тамъ же, стр. 80).

[7]) Декабристъ Андрей Васильевичъ Ентальцевъ.

[8]) Фамилія написана неразборчиво.

[9]) Съ декабристомъ Михаиломъ Михайловичемъ Нарышкинымъ.

[10]) Декабристъ баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ.

[11]) Въ мартѣ 1837 г. онъ вывихнулъ правую ногу; лѣченіе въ Курганѣ не принесло облегченія; Розенъ просилъ разрѣшенія пріѣхать для медицинской консультаціи въ Тобольскъ, но генералъ-губернаторъ князь Горчаковъ не далъ этого разрѣшенія. Въ проѣздъ наслѣдника Розенъ былъ освидѣтельствованъ

ною [1]). Ея болѣзнь съ августа по конецъ зимы. Черты смерти. Муравьевъ; его дочь. Она въ Иркутскѣ. Якушкинъ на лодкѣ. Муравьевъ женатъ на воспитанницѣ Бранта. Работы въ Читѣ: мельницы ручныя, земляныя; точность въ исполненіи. Лепарскій комендантъ [2]) добрый и строгій. Лореръ, Бригенъ, Лихаревъ, Назимовъ, Фохтъ докторъ [3]). Досадно до отчаянія, что не остановился въ Ялуторовскѣ [4]). Домъ Нарышкина, купленный и перестроенный: гостиная съ двумя кирпичными печами, въ ней: фортепьяно и рисунки: голова Велизара, голова Мадонны. Кабинетъ: семейные портреты надъ софою, портреты отца и матери, портреты Дундуковой-Корсаковой и Муравьевой. Угольная комната. Библіотека. Пріемышъ дѣвочка, которую хотѣли продать [5]).—На

докторомъ Енохинымъ, который поѣздку въ Тобольскъ признавалъ полезною; но князь Горчаковъ, несмотря на это, вторично отказалъ Розену въ его просьбѣ (см. Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири, стр. 122—124). „Тутъ же [т. е. въ Курганѣ] видѣлъ я Розена, который имѣлъ несчастіе, оступившись, вывихнуть ногу, ходитъ на костыляхъ и могъ бы легко вылечиться (по мнѣнію Енохина, его видѣвшаго), но въ Курганѣ для этого нѣтъ никакихъ средствъ; надобно бы было отправиться хотя въ Тобольскъ“,—писалъ Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 306).

[1]) Женою декабриста М. М. Нарышкина, Елизаветою Петровною, рожд. графинею Коновницыною. „Въ Курганѣ я видѣлъ Нарышкину (дочь нашего храбраго Коновницына) по порученію ея матери,—писалъ Жуковскій императрицѣ,—она глубоко меня тронула своею тихостію и благородною простотою въ несчастіи. Но она больна и, можно сказать, таетъ отъ горя по матери, которую хотя разъ еще въ жизни желалъ бы увидѣть“ (см. тамъ же).

[2]) Читинскій комендантъ генералъ-маіоръ Лепарскій.

[3]) Декабристы: Николай Ивановичъ Лореръ; Александръ Ѳедоровичъ фонъ деръ Бриггенъ; Владиміръ Николаевичъ Лихаревъ; Михаилъ Александровичъ Назимовъ и Иванъ Ѳедоровичъ Фохтъ (послѣдній († 1842) во время жизни на поселеніи занимался лѣченіемъ другихъ, о чемъ см. Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири, стр. 45). „Тамъ же [въ Курганѣ] я видѣлъ еще Бриггена, Назимова и Лорера,—писалъ Жуковскій императрицѣ.—Особенно поразила меня во всѣхъ ихъ смиренная покорность судьбѣ своей и въ то же время признаніе вины своей и той кротости, какая была имъ оказана во всѣ эпохи ихъ изгнанія. Ни одного изъ встрѣченныхъ мною въ Курганѣ я не зналъ прежде, но свиданіе со мною было имъ отрадою, правда минутною. И, простясь съ ними, я живо почувствовалъ, что такое изгнаніе“ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 306).

[4]) „Въ Ялуторовскѣ находятся поселенцы Муравьевъ-Апостолъ, Черкасовъ и Якушкинъ,—писалъ Жуковскій къ императрицѣ.—Къ несчастію, отставъ на дорогѣ, я пріѣхалъ въ этотъ городъ въ ту минуту, когда великій князь выѣзжалъ изъ него, и послѣ горько, горько упрекалъ себя, что тамъ на минуту не остановился: я пропустилъ случай утѣшить своимъ посѣщеніемъ бѣдныхъ изгнанниковъ, и этотъ случай уже никогда не возвратится“ (см. тамъ же).

[5]) Во время житья Нарышкиныхъ въ Читѣ они взяли въ 1830 году къ

переѣздѣ изъ Кургана въ В(в)еденское та же природа и тѣ же виды. В(в)еденское—Чинѣева. Тѣ же виды. Много песку. Чинѣева—Островня. Большія березовыя и сосновыя рощи по самой дорогѣ попеременно. Песокъ и черноземъ. Крестьяне на дорогѣ въ хорошей одеждѣ. Прекрасная чистая равнина, усѣянная березами [1]). Вѣтеръ гуляетъ. Мельницы на равнинахъ. Подстава. Чудная равнина. Les avenirs reveillent une idée triste [2]).—Островня—сл(обода) Воскресенская. Тѣ же мѣста. Поля между прекрасныхъ березовыхъ рощъ. Колья по дорогѣ. Большая деревня съ худыми избами, похожими на чухонскія. Равнина начинаетъ становиться мало-по-малу волнистою; мы опять приближаемся къ Уралу. Дорога усыпана хрящемъ. Слобода Воскресенская. Большая деревня съ каменною церковью. Обѣдъ.—Сло(бода) Воскресенская—Чумляцкая. По обѣимъ сторонамъ песокъ. Полстанціи съ адъютантомъ Перовскаго [3]). Разговоръ за столомъ о ссылочныхъ и полякахъ. У меня въ дилижансѣ Юрьевичъ [4]). Шли пѣшкомъ. Ночевалъ въ Чумляцкой. Мой ночлегъ у дьякона.

7 іюня, понедѣльникъ. Переѣздъ изъ умляцкой въ Міясскій заводъ. Первыя двѣ станціи писалъ письма, потомъ спалъ. Измѣненіе въ видахъ; замѣтно нѣкоторое волненіе грунта; примѣта горъ Уральскихъ. Озера. Стада въ водѣ. Часто тростниковые острова у береговъ. Зеленые низкіе берега.—Челябинскъ. Бѣдный городишко. За Челябинскомъ чувствительны горы. Въ 15 верстахъ отъ Челябинска подстава. Киргизскія кибитки. Башкирскіе кони и кумысъ.—Ямъ Токтубаевскій. Обѣдъ. Калмыцкая красавица.—Травники. Видъ отдаленный на Уралъ.—Кондра-

---

себѣ на воспитаніе дѣвочку Ульяну Чунятов (см. Дмитріевъ-Мамоновъ, назв. соч., стр. 126).

[1]) Далѣе затѣмъ идетъ набросокъ отдѣльныхъ мыслей, очевидно, для задуманнаго письма Жуковскаго къ императору Николаю о дарованіи амнистіи декабристамъ, которое Жуковскій и отправилъ изъ Златоуста 8-го іюня (см. ниже). Къ сожалѣнію, набросокъ этотъ писанъ такимъ неразборчивымъ почеркомъ, что многія слова въ немъ не поддаются прочтенію. Приводимъ изъ этого наброска тѣ лишь цѣльныя фразы, которыя намъ удалось прочесть: „Я давно имѣлъ въ виду писать. Теперь мы путешествуемъ мѣсяцъ. Тѣ же идеи взволновались. Но случай единственный. Теперь или никогда. Время казни миновалось... Пускай онъ будетъ предметомъ вашей благости. Тогда будетъ памятно. Амнистія... т. е. возвращеніе въ семейство... давъ гражданскія права и возвративъ ихъ дѣтямъ и позволивъ свидѣться. Бѣдныхъ же употребить на службу съ жалованьемъ...“.

[2]) Т. е. Будущее пробуждаетъ печальную мысль.

[3]) Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ въ это время оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса.

[4]) Состоявшій при цесаревичѣ флигель-адъютантъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и генералъ-отъ-инфантеріи) Семенъ Алексѣевичъ Юрьевичъ (р. 1798 † 1865).

винская станція. Видъ прекрасный на озеро. Спускался съ горы и на горы. Проѣхавъ станцію, видъ на передовую цѣпь Урала. Проѣздъ черезъ Міасскій заводъ. Прибытіе на Златоустовскій. Меншенинъ [1]). Аносовъ [2]). Ахматовъ [3]).

8 іюня. Осмотръ при всходѣ на гору. Осмотръ производствъ. Послѣ обѣда у пастора и у одного изъ колонистовъ. Чай у Ахматова. Стрѣльба въ карты. Письмо къ государю [4]).

9 іюня, середа. Переѣздъ изъ Златоуста въ Верхнеуральскъ. 1. Отъ Златоуста до Сулеймановской. Съ Аносовымъ и Меншенинымъ въ тарантасѣ по розсыпямъ. Царево-Александровскъ съ монументомъ Александру. Взъѣздъ на Уралъ. Обѣдали въ башкирскомъ кантонѣ. Кантонный начальникъ и его три жены. Медвѣдь. Мечеть и муецинъ. Обѣдъ въ кибиткѣ. Взъ этотъ день проѣхали весь Уралъ отъ высочайшихъ горъ до послѣднихъ переваловъ. Золотыя розсыпи. Лиственница и береза по горамъ. Прекрасный видъ на горы. Справа черезъ широкую равнину видать колыбель рѣки Бѣлой. Озеро съ лѣсистымъ однимъ берегомъ и съ голымъ другимъ. Полуостровъ. Лиственница и береза. Башкирцы. Верхнеуральскъ. Бѣдный городишко.

10 іюня. Переѣздъ изъ Верхнеуральска. Начало степи. Конвой. Спасская крѣпость. Прекрасное впечатлѣніе степи: необъятность, зелень, по всему пространству пѣніе птицъ. Облака. Постъ сторожевой. Инвалидные казаки. Магнитная станица. Слѣва отдѣльныя горы за Ураломъ. Справа на горизонтѣ голубая гряда горъ. Вѣроятно Губерлинскія горы, въ большомъ отдаленіи. Дорога ровная, усыпанная мелкимъ хрящемъ. Два ряда кольевъ. Обѣдали въ Сыртинской съ ужаснымъ множествомъ мухъ. Ночевали въ Таналакской съ великимъ множествомъ таракановъ. Степь, прерываемая возвышеніями, покрытыми травою. Въ одномъ мѣстѣ къ голымъ горамъ примкнуло нѣсколько прекрасныхъ березовыхъ рощъ. Огромный камень посреди равнины, какъ вершина погребенной горы. Около вечера теплѣе.

11 іюня. Переѣздъ изъ Таналакской до Ильинской. В(еликій) к(нязь) верхомъ. Кочевье киргизскихъ пастуховъ. Обѣдали въ Орской крѣпости. Комендантъ .... Лисовскій. Полковникъ Жемчужниковъ. Умныя распоряженія Перовскаго. Три дистанціи. Данилевскій, Ганъ и Жемчуж-

---

[1]) См. выше, стр. 318, прим. 1-е.

[2]) Горный начальникъ округа Златоустовскихъ заводовъ, полковникъ Павелъ Петровичъ Аносовъ.

[3]) Его помощникъ, маіоръ Павелъ Ефимовичъ Ахматовъ.

[4]) Черновой подлинникъ этого письма сохранился въ тетради, содержащей въ себѣ дневникъ Жуковскаго съ 31-го мая по 20-е іюня 1837 года (см. И. Бычковъ, Бумаги В. А. Жуковскаго, Спб. 1887, стр. 14) и напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., апрѣль, стр. 99—103.

никовъ. Партіи казаковъ. Belle tenue [1]). Дорога вся въ порядкѣ. Весьма замѣчательный видъ на горы. Между Харарскою и Губерлинскою какъ будто въ маломъ видѣ большія горы со всѣми ихъ деталями. Но ни куста, ни капли воды. Все покрыто ковылемъ и пусто. Взволновавшаяся и окаменѣвшая пустыня [2]). Чудный видъ съ высокаго пункта, который я срисовалъ. Спускъ постепенный между нижними излучистыми каменными холмами, составляющими цѣпь. Дно сей долины дорога. Въ одномъ мѣстѣ ключь перебѣжалъ черезъ дорогу. Замѣчательный характеръ Оренбургской губерніи. Хлѣбопашество Челябинскаго уѣзда. Богатство рудъ и золота [3]) Златоустовскихъ заводовъ. Съ ручьемъ соединяются другіе. На низкихъ берега(хъ) его кусты. Развѣтляется и вьется. Долина шире и поворачиваетъ вбокъ вмѣстѣ съ ручьемъ, который вливается въ рѣчку. Chèvrefeuille, потомъ ольха, разный кустарникъ. Бож(ь)е дерево по берегамъ рѣки. Серебристый тополь. Вязъ: Сороки. Наконецъ горы понижаются. Широкой бассейнъ, поперекъ коего дорога. Прелестный видъ на станцію Губерлинскую. Губерлинская крѣпость между сліяніемъ двухъ рѣчекъ Чебакли и Губерли. Отсюда широкая долина посреди тѣхъ же горъ. Пирамиды. Горы какъ левъ или крокодилъ, лежащіе поперекъ. По спинѣ ихъ дорога. Камни какъ бородавки. На пескѣ ковыль. Песокъ въ видѣ пирамидъ (?). Переѣздъ къ Подгорной крѣпости по дну широкаго бассейна долиною. Этимъ широкимъ бассейномъ дорога идетъ до самой станціи и ночлега Верхнеозерной крѣпости. Дурная ночь, половина въ дормезѣ, половина въ избѣ.

11. Переѣздъ изъ В(ерхне)озерной въ Оренбургъ. Крутой спускъ при выѣздѣ. Степь ровная, но болѣе плодоносная, разнообразіе травъ. Каланча. Прекрасная дорога по крутому берегу Урала. Пріѣздъ въ Оренбургъ въ три часа пополудни. Тотчасъ съ Далемъ [4]) на берегъ. Роща

---

[1]) Т. е. прекрасная выправка.

[2]) „На всемъ пути семь [отъ Верхнеуральска до Оренбурга] только одно примѣчательное мѣсто: это Губерлинская станція, въ Губерлинскихъ горахъ (отрасль Уральскихъ горъ), — писалъ своей женѣ С. А. Юрьевичъ, сопровождавшій въ 1837 году наслѣдника въ его путешествіи по Россіи;—тутъ въ ущельи образовывается ручеекъ Губерлъ, на берегу коего нѣсколько кудрявыхъ ивъ зеленью своею радуютъ взоръ странника, самыя же горы поражаютъ своею дикостью; это окаменѣлыя морскія волны. На одной изъ высотъ мы остановились, чтобы наглядѣться на это каменное море. Жуковскій говоритъ, что это въ маломъ видѣ Швейцарія, но только голая“ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга первая, стр. 466—467).

[3]) Затѣмъ было написано еще, но потомъ зачеркнуто: „Ключь обмываетъ излучины горъ. Осыпи мелкія отъ весенняго таянія. Скотоводство башкировъ. Переходъ къ кочевому. Киргизы. Соль. Азія“.

[4]) Извѣстнымъ писателемъ Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ, служившемъ въ то время въ Оренбургѣ при В. А. Перовскомъ, который познакомился съ Далемъ у Жуковскаго (см. „Русскій Архивъ“ 1872 г., столб. 2027).

за Ураломъ. Хивинцы. (Падишахъ съ падишахомъ. Русь и Хива. Двѣ матери. Видимъ розгу, а не видимъ труда). Гевличь [1]). Ханыковъ. Манцуровъ. Вечеръ съ Далемъ.

13. Пребываніе въ Оренбургѣ. Болѣзнь. Пьявки. Послѣ обѣда азіатскій праздникъ. Киргизское кочевье (кибитка). Диванъ. Рѣшетка. Стрѣлы, или унины. Кругъ. Кошма, или войлокъ. Скачка вокругъ холма. Скакали лошади некованыя и некормленныя, безъ овсовъ, безъ сѣделъ, въ шлеяхъ. Двѣ скачки. Выигрыши. Верблюды, лошади, кафтаны. Скачка на верблюда(хъ). Пляска башкирская. Борьба башкиръ съ киргизами. Музыка башкирская. Музыкантъ: курайчи; инструментъ: курай или чеблузга. Юрлаучи-пѣвецъ. Баксы, или колдунъ киргизской; змѣи, прыганье на саблю, изступленіе. Чай въ кибиткѣ. Театръ въ галлереѣ. Возвращеніе домой и разговоръ съ Далемъ.

14. Пребываніе въ Оренбургѣ. Цѣлый день дома отъ болѣзни. В(еликій) к(нязь) въ Илецкой Защитѣ. Посѣщеніе загороднаго дома. У Далевой жены [2]). Соколова институтка Патріотическаго института. Письма.

15. Переѣздъ изъ Оренбурга до Уральска. В(еликій) князь въ закрытой колескѣ. Я вмѣстѣ съ Перовскимъ, сначала въ тарантасѣ съ Далемъ. Ссора съ великимъ княземъ. Пріѣздъ въ половинѣ перваго.

16. Пребываніе въ Уральскѣ. Съ Далемъ на берегъ Урала. Приготовленныя рыбныя ловли. Назовъ—Пугачевское лице. Рыбная ловля. Весенняя плавня или севрюжь. Уборка сѣна. (Обкашиваніе. Начало разомъ, всѣ вдругъ, кто сколько можетъ). Осенняя плавня: сперва построеніе учуга. Сохраненіе мѣстъ. Строгость насчетъ ловли особенной. Ловля подъ учугомъ, абрашка [3]). Атаманскій кусъ. Ловля водолазами. Общая ловля выше учуга. Зимняя ловля. Царскій кусъ въ началѣ. Малое багренье. Большое багренье. Въ генварѣ. Пешня. Багоръ. Подбагренникъ. Чекушка (бить рыбу по головѣ). Имя лодокъ. Бударка съ кривымъ желѣзнымъ носомъ. Видъ берега, усыпаннаго народомъ. Прядань мальчишекъ съ берега [4]). Искусство уральцевъ на водѣ. Анекдотъ о льдинѣ и двухъ осетрахъ. Нужно продать на 500 рублей каждому,

---

[1]) Авксентій Павловичъ Гевличъ, оренбургскій гражданскій губернаторъ.

[2]) Первой жены В. И. Даля, рожденной Андрѣ (см. тамъ же).

[3]) Т. е. ловля осетровъ подъ учугомъ, ручнымъ крючкомъ, называемымъ обрашкою.

[4]) „Насъ удивляли мальчики, бросавшіеся съ высокаго здѣсь и крутаго берега Урала съ разбѣга въ воду и нырявшіе въ ней какъ рыба, и этихъ мальчишекъ здѣсь такъ много, что они на всемъ протяженіи болѣе версты забавляли насъ, бросаясь одинъ за другимъ“, писалъ С. А. Юрьевичъ своей женѣ („Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 51).

чтобъ жить. Служащіе, отставные и малолѣтные..... Наемка и наемщикъ. Анекдотъ о Петрѣ Ѳедоровичѣ [1]) и деньгахъ за простоквашу. Посѣщеніе Аграфены Адріановны Донсковой [2]). Сорока [3]), поднизь, сарафанъ. Образная. Девятая пуговица на сарафанѣ. Визиты Стахѣю и Андреяну Дмитріевичу Мизиновымъ [4]). Они въ оппозиціи. ..... Къ Василію Осиповичу Покотилову [5]), войсковому атаману. Анекдотъ о выборѣ Покотилова; Мизиновъ: я ихъ поставилъ на колѣна, я ихъ и подыму. Ѳедоръ Григорьевичъ Басановъ.

17. Переѣздъ изъ Уральска въ Бузулукъ. Ѣхалъ въ коляскѣ съ Перовскимъ. Разговоръ о Васильчиковѣ [6]). Дорога прекрасная. Дождь. Холодноватый день. Степь смѣняется небольшими возвышенностями. Бузулукъ бѣдный городъ съ большою площадью, на которой находятся полуразрушенныя присутственныя мѣста. Карамзинъ, сынъ Ѳедора Михайловича, который разбитъ параличемъ [7]). Александръ Михайловичъ имѣетъ двухъ сыновей. Василій Михайловичъ умеръ. Удвоенное населеніе уѣзда отъ переселенцевъ, коихъ состояніе бѣдственное.

18. Переѣздъ изъ Бузулука въ Бугульму. Пріятная дорога. Богатыя поляны. Зеленыя горы. Дубы и березы. Сурковые бугры. Обѣдъ въ Бугурусланѣ. Живописное мѣстоположеніе на полугорѣ на берегу Кинеля. Аксаковъ дворянскій предводитель [8]). Бугульма на высотѣ, довольно живописна.

19. Переѣздъ изъ Бугульмы въ Чистополь. Пріятныя окрестности. Горы, покрытыя зеленью и по высотамъ рощами. Обѣдъ въ Султанаев-

---

[1]) Объ императорѣ Петрѣ III.

[2]) Вѣроятно, вдовы атамана Уральскаго войска Донскова.

[3]) Головной уборъ. „Козачки (уральскія) раскольницы во всемъ, и даже въ своихъ костюмахъ, который они сохранили съ поконъ вѣку: всѣ, и генеральши, бывшія атаманши, и простыя козачки, носятъ одинъ нарядъ: на головахъ свои уродливыя сороки, а дѣвицы поднизи (мы видѣли сороку у одной козачки цѣною въ 40 тыс. рублей), и всѣ одинаково въ сарафанахъ“, писалъ С. А. Юрьевичъ своей женѣ („Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 51).

[4]) Стахѣй Дмитріевичъ Мизиновъ, отставной полковникъ, а Адріанъ Мизиновъ отставной войсковой старшина. С. Мизиновъ имѣлъ большое, но, по мнѣнію В. А. Перовскаго, вредное вліяніе на казаковъ (см. Рябининъ, Уральское казачье войско, часть I, стр. 75).

[5]) Назначеніе состоявшаго при В. А. Перовскомъ полковника В. О. Покотилова наказнымъ атаманомъ было первымъ случаемъ назначенія атамана не изъ лицъ казачьяго происхожденія (см. тамъ же, стр. 75).

[6]) Вѣроятно, о графѣ Иларіонѣ Васильевичѣ Васильчиковѣ († 1847), впослѣдствіи князѣ и предсѣдателѣ Государственнаго Совѣта.

[7]) Рѣчь идетъ о братьяхъ Н. М. Карамзина. Сынъ Ѳедора Михайловича Карамзина, Николай Ѳедоровичъ занималъ въ то время въ Бузулукѣ должность уѣзднаго судьи.

[8]) Аркадій Тимоѳеевичъ Аксаковъ, братъ автора „Семейной Хроники“.

ской по заказу казанскаго губер(натора)[1]). У Энохина пострадалъ форейторъ. У меня пала лошадь. Прекрасное мѣстоположеніе деревни Шелашникова съ виннымъ и селитренымъ заводами. Дубъ и береза. Подлѣ моста гербъ Казанской губерніи — змѣй. Прекрасное мѣсто. Справа роща на горѣ (засохшія березы) и гора, покрытая полосами новой пашни. Внизу равнина усѣяна рощами и пашнями. Извилистый ручей, изъ него прудъ, мельница, деревня, окруженная пашнями, посреди коихъ роща и множество скота на выгонѣ.—Чистополь, довольно хорошій городъ. Большая толпа на встрѣчу. До шести большихъ вѣтреныхъ мельницъ у въѣзда. Съ балкона дома, въ коемъ я стоялъ (стѣны фальшиваго мрамора, полы крашеные), видъ на всю большую улицу, на коей много прекрасныхъ домовъ. Видъ на Каму. Поднесеніе осетра и стерлядей. Голова и моя слава.

20, воскресенье. Переѣздъ изъ Чистополя въ Казань. У обѣдни. Бѣдный соборъ.

21. Пребываніе въ Казани. Въ Нѣмецкую Швейцарію[2]) съ Віельгорскимъ. Представленіе. Губернскій предвод(итель) Еремѣевъ. Куратор Мих(аилъ) Никол(аевичъ) Пушкинъ[3]). Германъ[4]). Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ[5]). Ректоръ Лобачевскій[6]). Осмотръ выставки. Монастырь Казанской Богоматери. Тюрьма. Домъ умалишенныхъ. Училище кантонистовъ. Гимназія (строеніе новой гимназіи). Университетъ. Бурятскій священникъ[7]). Очищенное (?) зеркало. Новое зданіе. Химич(ескій) и физ(ическій) театръ, анатом(ическій) театръ. Библіотека (машинистъ при университетѣ). Симоновъ астрономъ[8]). Визиты. Балъ. Казембекъ. Мандрыка[9]).

---

[1]) Казанскимъ военнымъ губернаторомъ былъ генералъ-адъютантъ Степанъ Степановичъ Стрѣкаловъ.

[2]) Т. е. въ Казанскую Швейцарію.

[3]) Попечитель Казанскаго учебнаго округа Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ (р. 1795 † 1862), потомъ бывшій попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа.

[4]) Не академикъ ли и бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи Карлъ Ѳедоровичъ Германъ (р. 1767 † 1838).

[5]) Профессоръ Казанскаго университета, пользовавшійся заслуженною извѣстностью въ Казани и какъ ученый, и какъ человѣкъ (р. 1776 † 1846).

[6]) Знаменитый математикъ Николай Ивановичъ Лобачевскій (р. 1793 † 1857).

[7]) Лама, находившійся при воспитываемыхъ въ университетѣ бурятахъ, отправлялъ, въ присутствіи наслѣдника, богослуженіе (см. „Сѣверную Пчелу“ 1837 года, № 159.

[8]) Профессоръ университета Иванъ Михайловичъ Симоновъ (р. 1794 † 1855).

[9]) Генералъ Николай Яковлевичъ Мандрыка († 1853). (Ср. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 51).

Броневскій [1]). Тереневъ [2]). Визиты у Фукса, у ректора, у Стрѣка(лова).

22. Пребываніе въ Казани. Рисовалъ. Въ Зилантьевомъ монастырѣ и на памятникъ [3]). В. М. Поповъ [4]). У меня университетскіе. Визиты къ Пушкину, къ Еремѣеву, къ Герману, къ архіерею Владиміру. Обѣд(алъ) у вел(икаго) князя. Крюковъ, филологъ московскій [5]). Посѣщеніе изъ Вашка. Послѣ обѣда гулянье въ саду. Галлерея. Польскій. Особеннаго рода плоды на деревьяхъ. Театръ. Загос(кина) Оскол(ьдова) Могила [6]). Вечер(омъ) писалъ письма. Разговоръ съ Еремѣевымъ о безсрочныхъ, о переселеніяхъ; ученье и экзамены. О населеніи Сибири. О кантонистахъ. Фуксъ. Статистика нравственности. Въ городахъ не осматривалъ, а говорилъ съ встрѣчными. Записывалъ отдѣльные факты.

Іюня 23, вторникъ. Переѣздъ изъ Казани въ Симбирскъ. Между Волгою и Казанью лугъ. Зеленая роща съ маленькимъ озеромъ, какъ лужа. Пристань старая. Разливъ. Апраксинъ шутъ [7]). Крутой взъѣздъ. Прекрасный видъ. Спускъ и снова взъѣздъ. Казань исчезаетъ. Поля. Дорога прочь отъ Волги на юго-западъ. Дорога полями. По обѣимъ сторонамъ дороги дубы и кустарникъ. Сеитово. Привалъ. Прекрасная равнина. Вправѣ горы амфитеатромъ. Небольшое озеро съ стадомъ на берегу, вправѣ прекрасная деревня съ рощею, церковью и господскимъ домомъ. Богатыя пашни. Дорога черезъ деревню съ господскимъ домомъ. Село Макулово князя Ухтомскаго на высотѣ, передъ нимъ плодоносная равнина. Какая разница соломенная и тесовая кровли! Прекрасная деревня вправѣ. Церковь на холмѣ, мельница, роща, усадьба; избы хорошо построены. Порядокъ. Колодези у дороги..... Уланово село Еремѣева,

---

[1]) Быть можетъ, Семенъ Богдановичъ Броневскій († 1858), бывшій потомъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири.

[2]) Женатый на дочери казанскаго губернатора С. С. Стрѣкалова (см. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 53).

[3]) Въ память побѣды русскихъ надъ татарами.

[4]) Василій Михайловичъ Поповъ (р. 1771), бывшій директоръ департамента народнаго просвѣщенія, мистикъ, послѣдователь секты Е. Ф. Татариновой, сосланный въ 1837 году въ Зилантовъ монастырь въ Казани, гдѣ онъ умеръ въ 1842 году.

[5]) Дмитрій Львовичъ Крюковъ (р. 1809†1865), бывшій потомъ профессоромъ классической филологіи въ Московскомъ университетѣ.

[6]) „Аскольдова Могила“, опера А. Н. Верстовскаго, слова М. Н. Загоскина.—Послѣ представленія Аскольдовой Могилы „вся труппа, актеры и актрисы, пѣли народную пѣсню Жуковскаго („Слава на небѣ солнцу высокому, на землѣ государю великому“) („Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 54).

[7]) Графъ Апраксинъ, начальникъ 6-го округа корпуса жандармовъ.

предводителя губернскаго. Спускъ. Прекрасные дубы, липы, рябины. Выѣздъ на равнину, покрытую кустарникомъ. Сестра и братъ Бурдуковы. Прекрасныя липовыя рощи посреди нивы, невдали деревенька съ барскимъ домомъ. Великолѣпная равнина. Свіяга. Поля, рощи. Въѣздъ на гору съ поля. Черноземъ. Дубъ. Отъ Сибири лошади несли в(еликаго) к(нязя) подъ гору. Тутъ мы подъ липками остановились и поздравили другъ друга съ благостію государя [1]). До Буинска плодоносная равнина. Песочная буря по дорогѣ. Обѣдъ въ Буинскѣ. Вихорь. Татарскія деревни. Обширная равнина пашенъ. Чистый черноземъ. До Симбирска ровныя поля. Пріѣздъ въ Симбирскъ. Губернаторъ Иванъ Петровичъ Хомутовъ. Губерн(скій) предв(одитель) Григорій Васильев(ичъ) Бестужевъ.

Іюня 24. Пребываніе въ Симбирскѣ. Чтеніе бумаги Перовскаго. Представленіе. Хомутовъ. Губ(ернскій) предводитель Бестужевъ. К(нязь) Баратаевъ [2]). Столыпинъ [3]). Аржевитиновъ [4]). Рынкевичъ [5]). Языковъ. Родіоновъ. Блумъ. Выставка. Рисованье на вѣнцѣ. Городъ съ пустырями; прекрасный видъ на Волгу и Волошку. Гостиный [6]) дворъ въ полукругѣ. Домъ Тургене(вы)хъ. Домъ .... Монастырь. Спускъ на Волгу. Свіяга. У Аржевитинова, тутъ и Языковъ. Разговоръ о Курскѣ, о униженіи цѣнъ на хлѣбъ. О выборахъ въ предсѣдатели; губернаторъ сострилъ. Послѣ обѣда у Ивашева [7]). Балъ: Бестужева, Анненкова [8]). Ночь(ю) письмо къ государынѣ.

---

[1]) Между Буинскомъ и Симбирскомъ наслѣдникъ получилъ, черезъ фельдъегеря, письмо государя, въ которомъ возвѣщалась „милость къ несчастнымъ“ (ссыльнымъ въ Сибири, въ томъ числѣ и декабристамъ), въ отвѣтъ на письма къ нему наслѣдника, Жуковскаго и А. А. Кавелина (см. статью Н. Ѳ. Дубровина „Василій Андреевичъ Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ“, въ „Русской Старинѣ“ 1902 года, апрѣль, стр. 103—106). „Посреди дороги, подъ открытымъ небомъ, мы трое, великій князь, Александръ Александровичъ (Кавелинъ) и я обнялись во имя царя, возвѣстившаго намъ милость къ несчастнымъ“—писалъ Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ 24-го іюня 1837 года, изъ Симбирска (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 304).

[2]) Князь Михаилъ Петровичъ Баратаевъ (р. 1784†1856), извѣстный своими трудами по нумизматикѣ, бывшій въ 1820—1835 гг. симбирскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

[3]) Александръ Алексѣевичъ, почетный попечитель Симбирской гимназіи.

[4]) За однимъ Аржевитиновымъ, Семеномъ Владиміровичемъ, была замужемъ сестра Ивана Петровича Тургенева, Харитина Петровна.

[5]) Ефимъ Ефимовичъ Репкевичъ, симбирскій губернскій прокуроръ.

[6]) Въ рукописи описка: достиный.

[7]) Быть можетъ, у Петра Никифоровича Ивашева, бывшаго начальникомъ штаба при Суворовѣ.

[8]) Бестужева, сестра губернскаго предводителя; Анненкова, рожд. княжна

Іюня 25. Переѣздъ изъ Симбирска въ Хвалынскъ. Письмо Ивашева. При выѣздѣ изъ города видъ на луговую сторону Волги. Она влѣво удалилась. Справа Свіяга. Дорога нивами. Дубовая роща. Кладбище съ часовнею въ рощѣ. Широкій видъ на выѣздѣ изъ рощи. Подстава (стадо въ рощѣ) въ деревнѣ Бѣлой Ключъ. Чуть не сломалъ шеи, пропажа и обрѣтеніе книжки. Обѣдали въ селѣ удѣльномъ Клинищи. Ерликъ; книги, наказанія въ рамкахъ. Деревня съ мельницею на прекрасномъ ручьѣ. Отъ нея на горы, пересѣченныя долинами, покрытыми пашнями и рощами березовыми. Черезъ дорогу такія же пашни и рощи. Все бы это рисовать. Сосновая роща. Стадо по ребру горы, покрытой мелкимъ лѣсомъ. Село Ивановское Похвистнева; барскій домъ съ садомъ; большой каменный скотный дворъ или конюшня; каменная церковь. Ташла. По выѣздѣ изъ станціи прекрасная вспаханная равнина, окруженная со всѣхъ сторонъ холмами, также покрытыми жатвой. . . . . лѣсистый фестонъ. Тареньга станція, деревня Скребницына съ двумя каменными церквами. Отъ этой станція сторона начинаетъ быть гористою. Въ русскомъ поклонѣ есть что-то очень важное и значущее. Удѣльная деревня Горишки. Вся сторона имѣетъ характеръ благородной красоты. Равнины пашней, окруженныя высотами, коихъ формы граціозны и всѣ покрыты лѣсомъ темной зелени. Троицкое, деревня Дмитріева. Мельница у выѣзда. Лѣсъ по горѣ. Сызрань въ равнинѣ. Подъѣзжая видишь Волгу. Пріѣздъ ночью въ Хвалынскъ. Три довольно крутыя горы. Ароматическій запахъ.

26 іюня. Переѣздъ изъ Хвалынска въ Саратовъ. Хвалынскъ, довольно опрятный городъ. Домъ, въ окна деревья. У хозяина хорошіе фрукты. При выѣздѣ изъ города съ одной стороны Волга, съ другой уже пески, известковые холмы далѣе. Дорога идетъ вдоль праваго, или нагорнаго берега Волги. По ту сторону Волги на самомъ берегу прекрасная роща. Съ этой стороны дорога черезъ садъ. Суда на парусахъ. Грустные крики.—Большое село на берегу Волги съ каменною прекрасною церковью. Справа высокія утесистыя известковыя горы на горизонтѣ амфитеатромъ. Огромныя скирды хлѣба. Хорошо ли это? Село Ивановское В. И. Семивскаго. Прекрасная равни(на), слѣва лугъ, на немъ зеленая ольховая роща. За ними Волга. Кругомъ горы известковыя. Пашни по обѣимъ сторонамъ Волги. По самому берегу тянется роща. Огромное село Алексѣевское, болѣе версты вдоль Волги. Взъѣздъ на высоту. Прекрасная дубовая роща на пашнѣ. Кудрявыя высоты съ выступами справа дороги. Открывается видъ на луговую сторону.

Гагарина, бывшая фрейлина. Съ ними наслѣдникъ танцовалъ кадрили, какъ видно изъ письма С. А. Юрьевича къ его женѣ („Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 55).

Жаль, что нѣтъ солнца. Мелькающій Иргизъ. Справа высоты удаляются и голѣютъ. Впереди голая отдѣльная гора съ двумя кустами на вершинѣ. Видъ на луговую сторону исчезаетъ; чистая хлѣбная равнина. Обширное мѣсто, состоящее изъ широкихъ возвышеній, совершенно безлѣсныхъ и покрытыхъ пашнею; одна гора всѣ эти высоты доминируетъ съ своими двумя кустами. Взъѣздъ на высоту и видъ на Волгу съ ея островами, образованными разливомъ; снова спускъ. Волга и луговая сторона видны. Дорога по высотѣ. Прекрасный видъ на Волгу и луговую сторону. Ширково деревня. Широкой Оврагъ, деревня княгини Кочубей, 2.000 душъ. Переправа черезъ рѣчку Терсу. Жил(ищ)а иргизскихъ раскольниковъ. Деревня князя Ливена, огромная на берегу Волги; множество запасовъ хлѣба; на высотѣ лѣсъ. Берегъ утесомъ къ Волгѣ. Село Богоявленское Карла Андреевича Ливена[1]). Крутой спускъ. Долина. Посреди отдѣльные холмы, покрытые до половины рощею; колодезь. Долина раскрывается къ Волгѣ. Прекрасный видъ на Вольскъ. Злобинъ. Расторгуевъ. Церковь безъ креста. Кантонисты. Изъ Вольска 12 верстъ водою. Поѣздка черезъ колоніи: 1) Шафгаузенъ. Уже нѣтъ перелѣсковъ. Генслеръ пасторъ. Чистота домовъ и общая молитва. 2) Баратаевка. Поля, засѣянныя табакомъ, картофелемъ, тыквою. Бакчи, или поля, засѣянныя арбузами и дынями. 3) Базель. 4) Цирихъ. Дорога обработанными полями, за коими Волга и высокій каменный берегъ, усѣянный деревнями. Мальчикъ съ тыквою. 5) Унтервальденъ. Здѣсь пили чай. Танцы. Пѣсни разныя. 6) Simmenthal. 7) Баскакова. Чистота, свобода. Мельницы чистыя и прочныя. 8) Резанов(к)а. 9) Орловская. Великолѣпныя пашни. 10) Обермон(жъ). 11) Катеринштатъ. Два пастора. Здѣсь Волга исчезаетъ до Саратова.

27, воскресенье. Пребываніе въ Саратовѣ. Представленіе. Вицгубернаторъ Поповъ. Арнольди. Быковъ жандармъ[2]). Преосвященный Іаковъ[3]). Тихменевъ. У обѣдни. Въ артиллерійскую и городскую больницы. Въ гимназіи. Миллеръ[4]), директоръ гимназіи, замѣчательный человѣкъ. Домъ умалишенныхъ. Клѣтка. Выставка. Кожи. Издѣлія колонистихъ. Табакъ. Серпянка. Шали. У меня Арнольди. Разговоръ о безсрочныхъ. Изъ нихъ гарнизоны, или возвысить. О кантонистахъ. Послѣ

---

[1]) Князя К. А. Ливена, бывшаго министра народнаго просвѣщенія.

[2]) Въ письмѣ С. А. Юрьевича къ его женѣ жандармскій полковникъ въ Саратовѣ ошибочно называется Басковымъ („Русскій Архивъ“ 1887 года книга вторая, стр. 57).

[3]) Преосвященный Іаковъ (Вечерковъ, р. 1792†1850), бывшій архіереемъ саратовскимъ (съ 1832 по 1847 г.), и затѣмъ нижегородскимъ, извѣстный своею дѣятельностью противъ раскола, любитель исторіи и археологіи.

[4]) Директоромъ Саратовской гимназіи былъ Яковъ Александровичъ Миллеръ.

обѣда у губернатора [1]). О иргизскомъ дѣлѣ раскольниковъ. Балъ. Прекрасная зала съ колоннами бѣлаго фальшиваго мрамора. Дочь Мавры Алексѣевны. Быкова монастырка [2]). Устинова; жена Свѣчина, милая кокеточка. За обѣдомъ разговоръ съ Арсеньевымъ о .... колонистахъ. Отдалъ письмо в(еликому) князю.

28. Пребываніе въ Саратовѣ. Поутру рисовалъ. Смотръ артиллеріи. Доморацкая дѣва-поэтъ [3]). У Мавры Алексѣевны; ея два миленькихъ внука. Съ монастыря прекрасный видъ на городъ. Артиллерійское ученіе. У Долгорукаго. У архіерея. Фанатикъ умный, но грубообразованный [4]). Обѣдъ у великаго князя съ артиллеристами. Послѣ обѣда катанье на лодкѣ. Письмо отъ Панкратова.

29, вторникъ. Переѣздъ изъ Саратова въ Пензу. День пасмурный и довольно холодный. Дождливый переѣздъ по голымъ гористымъ мѣстамъ. У обѣдни. Однообразная сторона. Долина, похожая на Валковскую сторону. Отъ Петровска, который мы проѣхали не останавливаясь, начинаются по мѣстамъ прекрасныя рощи.

30. Пребываніе въ Пензѣ. Квартира въ домѣ Якова Васильевича Сабурова. У меня Дмитрій Сергѣевичъ Олсуфьевъ [5]). Представленіе. Губернскій предводитель дворянства Никифоровъ. Вицгубернаторъ Александръ Карловичъ Арнольди. Николай Николаевичъ Сушковъ Марья Васильевна Олсуфьева. Осмотръ. Выставка. Баронъ Коцъ. Бахметева стекольная фабрика. Хлѣбъ-соль. Складъ кожи. Гимназія, худое зданіе. 60.000 въ казну. Всѣ прочія зданія худы. Садъ школа. Публичный садъ. Преосвященный Амвросій [6]). Жандармскій подполковникъ Вас(илій) Мих(айловичъ) Викторовъ. За обѣдъ опоздалъ. Кавелинская метода. Балъ въ саду.

---

[1]) Саратовскимъ губернаторомъ былъ генералъ-маіоръ Иларіонъ Михайловичъ Бибиковъ.

[2]) Дочь жандармскаго полковника. Съ нею, а равно съ дочерью саратовскаго помѣщика Устинова и съ женою управляющаго удѣльною конторою Свѣчиною великій князь танцовалъ на балу (см. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 57).

[3]) Не Домогацкая ли, Анна Петровна, стихотвореніе которой напечатано въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1843 г., № 3?

[4]) Преосвященный Іаковъ (см. выше, стр. 333, прим. 3-е), въ бытность свою саратовскимъ архіереемъ, съ пасторскою ревностію дѣйствовалъ противъ раскола и въ теченіе 15 лѣтъ присоединилъ къ православію болѣе двадцати тысячъ заблудшихъ. Обращалъ онъ также въ христіанство калмыковъ и евреевъ.

[5]) Почетный попечитель Пензенской гимназіи.

[6]) Преосвященный Амвросій (Моревъ), бывшій епископомъ пензенскимъ съ 1835 г. по свою кончину († 1854).

1 іюля, четвергъ. Переѣздъ въ Буртасъ [1]). Дорога отъ Пензы до Мокшанска довольно однообразная. Грязь и тягость. Въ Мокшанскѣ обѣдня. Бѣдный городишко. Къ Ниж(не)-Ломову дорога разнообразнѣе. Видъ на городъ изъ прекрасной дубовой рощи. Разговоръ съ губернаторомъ [2]). Les plaies [3]): недостатокъ сбыту. Мостовыя повинности. Магазины. О съѣздахъ губернаторовъ. Губернаторы на цѣлую жизнь. Жандармы, общее рвеніе. Прекрасный видъ на деревню Неболсина. Пріѣздъ поздній въ Буртасъ. Ночлегъ въ домикѣ въ саду. Пріѣздъ поздній отъ дороги. Посыпаніе пескомъ и взрытіе земли; отъ этого въ хорошую погоду сыпучій песокъ, въ дурную—тяжелая грязь. Нѣтъ другаго средства, какъ вездѣ снять рыхлу(ю) землю и забросать канавы и дать травѣ укрѣпить грунтъ.

2 іюля, пятница. Переѣздъ изъ Буртаса въ Тамбовъ. Конный заводъ. Мериносы. Предводитель керенскій Рановъ [4]). . . . . Имѣніе гр(афа) Вьельгорскаго. 6.000 [5]). Приноситъ въ худой годъ 250, а въ хорошій 500 тысячъ рублей доходу. Ѣдемъ проселками и полями. Д(е)рева въ цвѣту, какъ снѣгъ. Отъ деревни Земечиной взъѣздъ на большую дорогу. Все обширныя поля, засѣянныя хлѣбомъ. Моршанскъ. Красивый городъ на Цнѣ и Моршѣ. Май мѣсяцъ сплавъ судовъ въ Волгу. Обор(отъ) отъ 25 до 35 мильоновъ. Хлѣбъ, сало, пенька, кожи, воскъ. Купецъ Киселевъ. Надписи на блюдѣ и общественномъ корпусѣ. Набережная. Мельница Кутайсова [6]) о 24 поставахъ. Ком(м)ерческая школа, заведенная Фитингофомъ; отъ чего упала? Замѣчательныя усадьбы по обѣимъ сторонамъ дороги. Деревня посреди рощи дубовой; по выѣздѣ изъ рощи прекрасная равнина, окруженная дубовыми рощами. Посреди хуторъ. Стадо коровъ на дорогѣ. Гать и богатая господская усадьба съ каменною церковью. Деревня Кулеватова Ѳедора Андреевича Давыдова. Село Первино, удѣльное. Пескомъ усыпанныя улицы; сколько ненужныхъ хлопотъ отъ глупаго распоряженія. Во все время Цна видна.

3 іюля. Пребываніе въ Тамбовѣ. Пріѣхали въ 10 часовъ вечера. Моя первая встрѣча съ Яковомъ Сабуровымъ и Андреевскимъ, у котораго я поселился. Прекрасныя комнаты, золото, бронза, малахитъ; а

---

[1]) Имѣніе графа М. Ю. Віельгорскаго.

[2]) Пензенскимъ губернаторомъ былъ Александръ Александровичъ Панчулидзевъ.

[3]) Т. е. Больное мѣсто.

[4]) Фамилія написана въ дневникѣ ошибочно; керенскимъ предводителемъ былъ Алексѣй Ивановичъ Ранцовъ.

[5]) Вѣрно, десятинъ.

[6]) Графа Кутайсова.

все-таки тараканы. Поутру прогулка: двѣ хорошія улицы—Астраханская и Дворянская. Пріютило(сь) множество лачужекъ и мазанокъ. Рисовалъ съ кладбища. Представленіе. Губер(наторъ) Николай Михайловичъ Гамалея [1]). Губ(ернскій) предводитель [2]) Полторацкій [3]), женатый на Бакуниной. Братъ Еремѣевой [4]). Бунинъ. Тихменевъ. Мосоловъ, ученикъ. Баратынскій [5]). Араповъ [6]).—Выставка. Хлѣбъ. Образецъ толщины слою чернозема. Открытая свинцовая руда и сѣра. Индюшиный мѣхъ. Ковры. Мериносовая шерсть. Сало. Мыло. Недостатокъ сбыта. Конскіе заводы. Воейковъ, особый знатокъ. Лебедь побѣдоносный (до 150.000). Гимназія. Публичная библіотека. Къ преосвященному Арсенію. О молоканахъ (политическая тенденція), о попахъ для старообрядцевъ. У Полторацкаго. Обѣдъ у вел(икаго) князя. Послѣ обѣда рѣчь. Потомъ балъ. Вердеревская, урожденная Гурова [7]). Чичерина, урожденная Хвощинская. Баратынская [8]). Пятницкая. Арапова [9]). Ліанъ англичанка. Писалъ къ императрицѣ [10]).

4 іюля, воскресенье. Переѣздъ изъ Тамбова въ Липецкъ. Вся дорога хлѣбородною равниною. Въ 12 часовъ пріѣхали въ Козловъ. Городъ обширный и лежитъ на рѣкѣ Лѣсной. Были передъ отъѣздомъ у обѣдни въ соборѣ. Дорога во весь переѣздъ по равнинѣ, широкая, гладкая и, къ счастію, не исправленная. Село Замятино выгорѣвшее. Прекрасныя рощи и нечистота. La plaie du pays [11]) невозможность сбыта. Липецкъ вдали на горѣ, покрытой пашнями. Внизу село съ каменною церковью. Липецкъ весьма красивый городъ на высотѣ. Прекрасно обстроенная

---

[1]) Впослѣдствіи бывшій товарищемъ министра государственныхъ имуществъ.

[2]) Тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства былъ не Полторацкій, а Николай Васильевичъ Айгустовъ.

[3]) Александръ Марковичъ, во второмъ бракѣ женатый на Татьянѣ Михайловнѣ Бакуниной.

[4]) Жены казанскаго губернскаго предводителя дворянства.

[5]) Флигель-адъютантъ Ираклій Абрамовичъ Баратынскій (братъ поэта) находившійся въ отпуску въ Тамбовѣ (см. „Русскій Архивъ“ 1887 г., книга вторая, стр. 57).

[6]) Отставной генералъ-маіоръ (см. тамъ же).

[7]) По просьбѣ С. А. Юрьевича наслѣдникъ взялся ходатайствовать передъ государемъ за брата г-жи Вердеревской, молодаго Гурова, сосланнаго за шалость въ Сибирь (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 58).

[8]) Анна Давыдовна (рожд. княжна Абамелекъ), воспѣтая Пушкинымъ, жена флигель-адъютанта Баратынскаго.

[9]) Жена отставнаго генералъ-маіора (см. „Русскій Архивъ“ 1887 года, книга вторая, стр. 57).

[10]) См. это письмо въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 307—308.

[11]) Т. е. больное мѣсто края.

а) съ собственниковъ домовъ и земель, б) съ арендаторовъ или жильцовъ,—оба пропорціонально наемной платѣ; в) съ доходовъ, поступающихъ въ видѣ процентовъ и дивидендовъ; г) съ доходовъ отъ всякаго имущества, отъ торговли, свободныхъ профессій или другихъ источниковъ, и д) съ жалованья лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Налогъ взимается въ размѣрѣ 1 шилл. 2 пенс. съ одного фунт. стерл.

Относительно пенсій г. Виленкинъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. Общая сумма, идущая на уплату пенсій правительственнымъ служащимъ въ Соединенномъ королевствѣ, обыкновенно извѣстна подъ названіемъ «платежей по не дѣйствительной службѣ» и подъ этимъ названіемъ показывается въ государственной смѣтѣ расходовъ. Главныя начала, которыми руководствуются при назначеніи пенсіи лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) пенсія выдается только тому, кто достигъ 60-ти-лѣтняго возраста, или остался за штатомъ вслѣдствіе упраздненія должности, или же потерялъ способность къ труду; 2) пенсія никоимъ образомъ не выдается за службу менѣе 10 лѣтъ, но за каждый годъ службы уплачивается мѣсячный окладъ; 3) за каждый годъ службы, продолжавшейся 10 лѣтъ и больше, выдается $^{1}/_{60}$ годоваго оклада, съ тѣмъ, однако, чтобы общая сумма не превышала $^{2}/_{3}$ послѣдняго годоваго оклада. Кромѣ обыкновенныхъ пенсій бывшимъ чиновникамъ и чинамъ арміи и флота, имѣются еще особые виды пенсій,—такъ называемыя политическія, судебныя и пенсіи цивильнаго листа. Политическія пенсіи выдаются лишь лицамъ, занимавшимъ министерскіе посты и заявившимъ, что у нихъ не имѣется другихъ средствъ къ существованію; судебныя пенсіи выдаются судьямъ послѣ 15 лѣтъ службы; пенсіи цивильнаго листа выдаются разнымъ лицамъ, отличившимся на поприщѣ науки, литературы или искусства, а также и родственникамъ такихъ дѣятелей.

Питейная промышленность занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ производствѣ и торговлѣ Великобританіи и касается трехъ отраслей: виноградныхъ винъ, спирта и пива. Раздробительная торговля находится въ рукахъ пивоваренныхъ и винокуренныхъ заводчиковъ. Пивоварамъ принадлежатъ въ Лондонѣ почти всѣ мѣста продажи питей, въ которыхъ торгуютъ сидѣльцы, состоящіе на жалованьѣ или же получающіе извѣстный коммиссіонный процентъ.

Въ 1900 году въ Англіи существовало 29.730 акціонерныхъ компаній съ оплаченнымъ капиталомъ въ 1.622.641.416 фунт. стерл. Минимальное число лицъ, требующееся по закону для составленія англійской акціонерной компаніи, состоитъ изъ семи. Это число акціоперовъ должно подписать заявленіе или меморандумъ, который записывается въ регистраціонной палатѣ и составляетъ главную основу для законнаго существованія всякой акціонерной компаніи. Компаніи эти могутъ быть съ ограниченною отвѣтственностью, когда акціонеры отвѣчаютъ только въ суммѣ владѣемыхъ ими акцій, и съ неограниченною отвѣтственностью. Въ послѣднемъ случаѣ къ меморандуму обязательно долженъ быть приложенъ и уставъ компаніи, подписанный тѣми же лицами.

Въ Англіи существуютъ, кромѣ страхованія отъ огня и страхованія жизни, еще слѣдующіе виды: морское страхованіе; страхованіе отъ увѣчій, отъ нечестныхъ служащихъ [1]), отъ воровства со взломомъ, отъ падежа скота, градобитія, потери или порчи пассажирскаго багажа на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, отъ взрыва паровыхъ котловъ и проч.

Въ теченіе 1899 г. было спущено съ верфей Соединеннаго королевства 726 судовъ тор говаго флота съ водоизмѣщеніемъ въ 1.416.791 тонну; изъ нихъ парусныхъ было только 12; что касается матеріаловъ, изъ которыхъ были построены суда, то на первомъ мѣстѣ стоитъ сталь, затѣмъ желѣзо. Наиболѣе крупнымъ заказчикомъ была Германія, за ней слѣдуютъ Австро-Венгрія, Норвегія, Испанія и Данія.

Торговыя отношенія между Великобританіею и Россіею юридически регулируются лишь трактатомъ, заключеннымъ этими государствами 12-го января 1859 г. На основаніи этого документа, состоящаго изъ 25 статей и имѣющаго силу по настоящее время, подданные каждаго изъ этихъ двухъ государствъ пользуются въ другомъ государствѣ тѣми же торгово-промышленными правами, какъ и мѣстные граждане, и ни одно изъ этихъ государствъ не можетъ ограничить права подданныхъ другаго государства, не ограничивъ, въ то же время, вообще права иностранныхъ подданныхъ. Дѣйствіе трактата 1859 г. продолжается до тѣхъ поръ, пока одна изъ подписавшихся сторонъ не дастъ заявленія о желаніи отмѣны его или только части его, и тогда срокъ его дѣйствія истекаетъ черезъ 12 мѣсяцевъ.

Изъ множества учебныхъ заведеній и курсовъ, находящихся въ Соединенномъ королевствѣ и имѣющихъ цѣлію распространеніе коммерческихъ знаній, выдѣляется Школа экономическихъ и политическихъ наукъ, съ 1898 г. присоединенная къ Лондонскому университету; въ ней преподаются, кромѣ политическихъ наукъ, банкирское дѣло, транспортированіе товаровъ, желѣзнодорожное хозяйство и администрація желѣзныхъ дорогъ и разные другіе предметы коммерческаго характера.

Таково содержаніе интересной книги г. Виленкина.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Многія изъ торговыхъ фирмъ принимаютъ служащихъ лишь съ условіемъ, чтобы они представили гарантію страховой компаніи; размѣръ премій въ такихъ случаяхъ страхованія колеблется между 5 и 40 шиллингами на 100 фунт. стерл.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.